

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ
ST. PETERSBURG INSTITUTE OF JEWISH STUDIES

ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ
ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Выпуск 14

TRANSACTIONS
ON JEWISH STUDIES
HISTORY AND ETHNOGRAPHY

Issue 14

**JEWS OF EUROPE
AND THE MIDDLE EAST:
CULTURE AND HISTORY,
LANGUAGES
AND LITERATURE**

**International Academic
Conference Proceedings
April 22, 2018**

St. Petersburg
2018

**ЕВРЕИ ЕВРОПЫ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА:
КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ,
ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА**

**Материалы международной
научной конференции
22 апреля 2018 г.**

Санкт-Петербург
2018

УДК [80/81+94](063)(4/5)(=411.16)

ББК 63.521(611.215)-7я431

Е22

*Издано при поддержке Регионального еврейского конгресса
в Санкт-Петербурге*

Ответственные редакторы
М. О. Мельцин, С. Г. Парижский

Редакционная коллегия:
*Д. А. Эльяшевич (председатель), А. А. Кобринский,
М. О. Мельцин, Н. С. Смелова, Е. М. Родионова, А. Л. Львов*

Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история,
Е22 языки и литература, : Материалы международной научной
конференции 22 апреля 2018 г. / отв. ред. М. О. Мельцин,
С. Г. Парижский; Петербургский ин-т иудаики. – Санкт-Пе-
тербург: Издательский дом «Алеф-Пресс» 2018. – 305 с.: ил. –
(Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 14).

ISBN 978-5-905966-84-2

В сборник вошли материалы Международной научной конференции «Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература», проходившей в Петербургском институте иудаики 22 апреля 2018 г. На конференции обсуждались актуальные вопросы современной иудаики. Тематика докладов, представленных участниками конференции, охватывает различные сферы политической, экономической и культурной жизни еврейского народа. Материалы сборника адресованы научным работникам, преподавателям и студентам, а также могут представлять интерес для широкого круга читателей.

УДК [80/81+94](063)(4/5)(=411.16)

ББК 63.521(611.215)-7я431

ISBN 978-5-905966-84-2

© Авторы статей, 2018
© АНО ВПО «Петербургский
институт иудаики», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
------------------	---

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

9

А. С. Манойленко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) Ю. Е. Манойленко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) «СЕКРЕТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРАМ О ЕВРЕЯХ» 1850 г. (НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНСТИТУТА «УЧЕНЫХ ЕВРЕЕВ» ПРИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРАХ).....	10
Ю. В. Прокоп (г. Одесса, Украина) АНТИСЕМИТИЗМ НА ЮГЕ УКРАИНЫ В XIX в.....	16
П. В. Лизунов (г. Северодвинск, Российская Федерация) БАНКИРСКИЙ ДОМ «Г. ВАВЕЛЬБЕРГ» В ВАРШАВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.....	33
Д. С. Лавринович (г. Могилев, Республика Беларусь) ЕВРЕИ В КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ В 1905–1907 гг.	41
О. Б. Вахромеева (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) БЕСТУЖЕВКИ СЕСТРЫ ПОЗНЕР В НАУКЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ.....	47
М. А. Златина (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИРКУЛЯРА КН. Н. Б. ЩЕРБАТОВА О РАЗРЕШЕНИИ ЕВРЕЯМ ПРОЖИВАТЬ ВНЕ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ НА ПРИМЕРЕ г. КИЕВА (АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ 1915 г.).....	54
М. Ю. Крапивин (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) СПЕЦИАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛА ВЧК–ГПУ–ОГПУ (РАБОТА ПО СИОНИСТАМ): ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНАЯ СТРУКТУРА, РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ (1919–1934 гг.).....	61
И. В. Масюкова (г. Москва, Российская Федерация) ЕВРЕИ И ВЛАСТЬ В СССР: ПРОБЛЕМА ЭМИГРАЦИИ (НА РУБЕЖЕ 1960-х – 1970-х гг.).....	78

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

86

Е. В. Гусарова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ИУДЕИ ФАЛАША В ЭФИОПИИ В КОНЦЕ XVIII в.....	87
К. Г. Карпекин (г. Витебск, Республика Беларусь) СИНАГОГИ И ЕВРЕЙСКИЕ МОЛИТВЕННЫЕ ШКОЛЫ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.....	92
И. В. Сахаров (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ О ЕВРЕЯХ, ПРОЖИВАВШИХ В РЫБИНСКЕ В 1911 г., И СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, ПОХОРОНЕННЫХ НА МЕСТНОМ ЕВРЕЙСКОМ КЛАДБИЩЕ.....	102
А. И. Хаеш (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) КРАТКАЯ ОККУПАЦИЯ ЛИТВЫ ГЕРМАНЦАМИ В 1914 г.....	108
А. С. Касяновская (г. Гродно, Республика Беларусь) МЕСТЕЧКИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.): К ВОПРОСУ О КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	116
И. И. Вавренюк (г. Брест, Республика Беларусь) ЕВРЕЙСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939).....	123
Е. А. Якимова (г. Москва, Российская Федерация) ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (1990–2017 гг.).....	129

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

135

Е. В. Хаздан (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЦИТИРОВАНИЯ, ЗАИМСТВОВАНИЯ, ССЫЛКИ: К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ КАНТИЛЛЯЦИИ	136
Е. Г. Певзнер (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) БИБЛИОТЕКИ ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ ПРИКАЗЧИКОВ-ЕВРЕЕВ ГОРОДА ОДЕССЫ И ОДЕССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОПЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЕВРЕЕВ ОДЕССЫ	146
Е. А. Смирнова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ПРИЕМ ЛИЦ ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ВУЗЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В 1907–1914 гг.....	155
И. А. Лапина (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) СОЛОМОН ЗАХАРОВИЧ КАЦЕНБОГЕН: В АВАНГАРДЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	160

В. В. Левченко (г. Одесса, Украина) КОЛЛИЗИИ САУЛА БОРОВОГО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ НАУЧНЫХ ЗВАНИЙ И СТЕПЕНЕЙ.....	176
М. В. Михайлюк (г. Киев, Украина) ХОЛОКОСТ В УКРАИНЕ: ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	184

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

191

С. А. Французов (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) «ИУДЕО-МОНОТЕИЗМ» ХИМИАРА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ	192
S. Fishbane (New York City, USA) ESOTERIC HALAKHAN IN AVRAHAM DANZIG'S HAYYE ADAM	197
И. А. Мелешкина (г. Киев, Украина) ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ НА КИЕВСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ СЦЕНЕ	214
Т. М. Смирнова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ НА СЦЕНЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ЭСТРАДЫ В 1960-е гг.	230

ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

238

Е. В. Борисевич (г. Минск, Республика Беларусь) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ КНИГИ БЫТИЯ ИЗ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИЗДАНИЙ XVI в.	239
Ю. М. Корниенко (г. Москва, Российская Федерация) СОЧЕТАЕМОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО ИВРИТА И СПОСОБЫ ЕЕ ОТРАЖЕНИЯ В СЛОВАРЯХ	245
А. В. Полонская (г. Иерусалим, Израиль) «ИСТОРИЯ ОБ ИНДЮКЕ». РЕБ НАХМАН, ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ И ФРАНЦ КАФКА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ИЛИ ВЗАИМОВЛИЯНИЕ?	250
С. А. Шпагин (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация) АГНОН И ЕГО ГЕРОИ: ПОПЫТКА ДИАЛОГА.....	261
Аннотации	275
Summaries.....	285
Коротко об авторах.....	294
Authors	297
Список основных сокращений	300

Предисловие

В 2018 г. Петербургский институт иудаики провел очередную ежегодную международную научную конференцию. Тематика докладов, представленных участниками конференции, охватывает различные сферы политической, экономической и культурной жизни еврейского народа. На конференции рассматривались разные аспекты истории еврейского народа в России, вопросы истории отдельных еврейских общин, проблемы языка и еврейской литературы.

Интерес к конференциям, организованным Петербургским институтом иудаики, повышается с каждым годом, в частности, растет число зарубежных участников. Из 30 докладчиков больше трети составили иностранные граждане, исследователи из Белоруссии, Украины, Израиля, США. Среди авторов статей 68 % имеют ученые степени, почти треть (32 %) участников конференции — доктора наук и PhD.

Создавая научную площадку для обсуждения проблем современной иудаики, организаторы конференции ставят своей задачей повышение качества представленного научного продукта, а также обеспечение возможности обмена мнениями и распространения знаний среди молодых специалистов.

**ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ЕВРЕЕВ В РОССИИ**

УДК 94(47+57)

А. С. Манойленко

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ю. Е. Манойленко

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**«Секретная инструкция генерал-губернаторам
о евреях» 1850 г.**

**(новый источник по истории института
«ученых евреев» при генерал-губернаторах)**

Три десятилетия царствования Николая I (1825–1855 гг.) были отмечены существенным ужесточением политики правительства в отношении еврейского населения Российской империи. Личные предрассудки самодержца, касавшиеся образа жизни и религии евреев, накладывались на общий охранительный курс, провозгласивший официальной идеологией «православие, самодержавие, народность». Последовательное стремление императора к усилению унификационного начала в государстве, находившее свое отражение во встраивании всех сфер общественной и государственной жизни в единую бюрократическую систему, предполагало неизбежное «слияние» евреев с окружающим населением.

Однако наряду со стремлением к ассимиляции евреев (посредством максимально широкого распространения на них рекрутских наборов, упразднения кагалов, создания системы общеобразовательных еврейских школ и т. д.) правительство не исключало возможности использования еврейского населения в своих интересах. На «возвращенных» от Речи Посполитой территориях Западных губерний Российской империи, где представители польской нации не оставляли надежд на восстановление собственной государственности, евреи представлялись тем фактором, который мог стать лояльной опорой центральных властей¹.

После установления указом Николая I в ноябре 1831 г. запрета принимать на службу в полицейские команды уроженцев Западных губерний² способом пополнения вакантных полицейских должностей в регионе стало привлечение на службу евреев. Несмотря на то, что данная практика рассматривалась как временная и вынужденная мера,

обусловленная, прежде всего, нехваткой кандидатов из центральных областей Империи, она просуществовала в течение целого ряда лет³.

В июне 1833 г. вице-канцлер граф К. В. Нессельроде предлагал привлечь еврейское население Юго-Западного края к оказанию противодействия прибывающим из-за границы эмигрантам польских эмигрантских организаций. Для этого предполагалось дать со стороны властей официальные гарантии полного освобождения от рекрутской повинности отдельных семей и целых общин, которые откликнутся на призывы правительства и будут способствовать обнаружению «злоумышленников»⁴.

Рассчитывая в сложной ситуации Западных губерний использовать еврейских подданных в своих целях, царские чиновники стремились разобраться, что для них является «нормальным» (хотя и непривычным, с точки зрения имперской бюрократии), а что может заключать в себе потенциальную угрозу для лояльного отношения к администрации. Религиозную жизнь иудейских общин предполагалось поставить под контроль назначаемых властями «достойных» и «благонадежных» губернских раввинов, хорошо знакомых с тонкостями вероучения и пользующихся уважением единоверцев. Их задачей должно было стать «направление действий» еврейского населения «сообразно с видами правительства» и «на пользу государственную»⁵.

Однако длительное обсуждение в Министерстве внутренних дел и Еврейском комитете вопроса о губернских раввинах зашло в тупик, поскольку генерал-губернаторы не смогли предложить «достойных кандидатов» для занятия этих должностей⁶. В итоге осенью 1844 г. было решено установить «в виде временной или переходной меры» должности «особых при генерал-губернаторах инспекторов для наблюдения за точным исполнением раввинами обязанностей их по богослужению»⁷. Подобрать таковых из «благонамереннейших ученых евреев» и «раввинов, пользующихся общественным доверием»⁸ для местной администрации оказалось значительно легче.

С помощью инспекторов власти в лице генерал-губернаторов и начальников губерний получали возможность проводить одобренный правительством курс в отношении духовной жизни иудейских общин посредством «нравственного влияния» пользующихся авторитетом в еврейской среде и в то же время лояльных лиц. Последние становились, таким образом, элементом системы, особой надзирающей стороной, призванной компетентно следить за настроениями раввинов и контролировать «состояние умов». При этом сами инспекторы не были наделены никакой властью и находились в полной

зависимости от назначавших их генерал-губернаторов, обладавших исключительной прерогативой выбора тех или иных действий по их донесениям.

Круг деятельности еврейских инспекторов было решено регламентировать с помощью «особого секретного наставления», предназначенного исключительно для сведения генерал-губернаторов⁹. Разработка и согласование документа между всеми заинтересованными лицами и ведомствами потребовали около четырех лет.

В марте 1850 г. министр внутренних дел граф Л. А. Перовский внес в Государственный Совет проект «Положения о еврейских инспекторах», определявшего общий порядок их назначения, сферу деятельности и полагавшиеся за службу «преимущества»¹⁰. К «Положению» прилагался проект секретной инструкции для генерал-губернаторов, в которой излагались «объяснения и дополнения», а также «правила для руководства при избрании и назначении» инспекторов¹¹.

Департамент законов Государственного Совета, рассмотрев оба внесенных документа, пришел к заключению, что «помянутым лицам не предназначается постоянных, положительно определенных обязанностей и круга действий, но, состоя в полной зависимости от генерал-губернатора, будут употребляемы им в тех случаях, где они познаниями в еврейском законе и своим влиянием на единоверцев могут содействовать предупреждению или отвращению вредных последствий от ложных и противных общественному порядку понятий и толкований о правилах еврейской веры»¹².

Вследствие неопределенности круга занятий и отсутствия права осуществлять какие-либо самостоятельные действия, было предложено отказаться от термина «инспекторы» и присвоить вновь учреждаемым должностям наименование «ученых евреев при генерал-губернаторах для особых поручений»¹³.

После того, как в июле 1850 г. Николай I утвердил мнение Государственного Совета по данному вопросу, оно было «надлежащим образом опубликовано»¹⁴, а рассмотренная императором секретная инструкция препровождена министру внутренних дел для конфиденциального сообщения генерал-губернаторам «в пределах постоянной оседлости евреев»¹⁵.

Публикация полного текста секретной инструкции впервые осуществляется в рамках данной статьи. Документ приводится по сохранившемуся в фонде Департамента законов Государственного Совета экземпляру¹⁶ с использованием правил современной орфографии и пунктуации.

**Секретная инструкция генерал-губернаторам о евреях,
избираемых и употребляемых ими для исполнения поручений
по предметам, требующим особого знания правил и обрядов
еврейского закона**

1. Генерал-губернаторы при определении евреев для исполнения поручений по предметам, требующим особого знания правил и обрядов еврейского закона, обязаны наблюдать, чтобы ни под каким видом не поступали в сии должности евреи, принадлежащие к хасидистам (так в тексте — *А. М., Ю. М.*) и прочим сектам; также замеченные начальством в факторстве¹⁷, ябедничестве, контрабанде или других предосудительных поступках; сверх того, бывшие под судом и оставленные под подозрением; и, наконец, прикосновенные к уголовным делам или следствиям во время производства оных.

2. Под раввинами, из которых преимущественно назначаются помянутые евреи, должно разуместь тех раввинов, которые ныне избираются евреями, утверждаются губернскими правлениями и признаются своими единоверцами за раввинов приказных, назначаемых для отбытия повинности, но раввинов, имеющих положительные познания о чисто Ветхозаветном учении и могущих на основании правил оного совершать богомоления и все обряды еврейского закона и проносить поучения в синагогах и молитвенных школах.

3. Генерал-губернаторы употребляют означенных евреев под непосредственным руководством своим, собственно по делам еврейской веры, во всех случаях, где нужно нравственное влияние к ослаблению: а) фанатизма, происходящего от превратного толкования или неправильных понятий об истинном Ветхозаветном учении; б) тех еврейских установлений, которые несообразны с общими гражданскими законами.

4. По дошедшим к генерал-губернаторам частичным сведениям о каких-либо вредных действиях раввинов или вообще еврейских обществ, они поручают избранным ими евреям удостовериться о том на месте, без всякой огласки, и о последствиях своих дознаний донести со всею подробностью и со своим заключением. Впрочем, и без сторонних сведений генерал-губернаторы могут поручать им разузнавать под рукой, какие между местными евреями существуют изуверства¹⁸, препятствующие им сближаться с прочими жителями; открывать, на чем основываются их заблуждения, и доносить о том со всей подробностью.

5. При исполнении подобных поручений употребляемые генерал-губернаторами евреи не заводят никакой переписки и не обнаруживают при сем евреям возложенного на них поручения, но ограничивают-

ся словесными объяснениями с раввинами и членами молитвенных обществ, советуя им оставить вредные для них предрассудки, почерпая источники для сих советов из Ветхого Завета, и, таким образом, посредством нравственного убеждения стараются ослаблять фанатизм, происходящий от превратного толкования талмудистами Ветхого Завета.

6. Генерал-губернаторы поручают также помянутым евреям, когда признают то нужным, обозрение синагог, молитвенных школ и всех существующих при оных благотворительных заведений и обществ и самих правлений. Поручения сего рода возлагаются на них предписаниями генерал-губернаторов, которые должны быть предъявляемы теми евреями в надлежащих местах. При исполнении сих поручений они будут иметь возможность вникать в дух молитвенных обществ, их раввинов и прочих лиц, принадлежащих богомолию или совершению обрядов, каковы габаи¹⁹, канторы²⁰, обрезатели, могильщики и тому подобные, и исполнять в точности предписанные в параграфах 4 и 5 настоящей инструкции обязанности.

7. Генерал-губернаторы о всяком сколько-нибудь важном поручении, возложенном на состоящих при них евреях, а равно и о полученных от них донесениях, в то же время доводят до сведения министра внутренних дел с приложением, в последних случаях, означенных донесений.

8. Ежели бы сведения о каких-либо поступках евреев, хотя и основанных на изуверстве или фанатизме их, но явно противных существующим узаконениям, доведены будут до сведения генерал-губернаторов официальным образом, то есть извещениями, жалобами и донесениями полицейских мест, с поименованием виновных в том лиц, в таком случае генерал-губернаторы распоряжаются открытием виновных и подвергают их действию законов, не допуская к производству следствия ученых евреев, употребляемых ими по делам еврейской веры.

9. Генерал-губернаторы могут равномерно употреблять сих евреев для внушения их единоверцам доверия к попечительным распоряжениям о них правительства и для убеждения их в пользе надлежащего образования и уничтожения между ними неосновательных опасений насчет преследования их веры и самого еврейского закона.

10. Вообще генерал-губернаторы должны возлагать поручения на избранных ими евреев со всевозможной осторожностью, дабы при фанатизме евреев не показать им настоящей цели правительства, а потому ни под каким видом не следует облекать означенных лиц какой

бы то ни было властью или возлагать на них обязанности фискальные, которые могли бы лишить их доверия евреев.

Подписал: министр внутренних дел граф Л. А. Перовский.

Примечания

- ¹ Подробнее об общественно-политической и этноконфессиональной ситуации в регионе см.: *Вибе И. Н.* Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае (1830–1855): дисс. ... канд. ист. наук / И. Н. Вибе; С.-Петербург. Ин-т истории РАН. СПб., 2009; *Маноїленко А. С., Маноїленко Ю. Е.* «Спор славян между собою»: Общественное движение в Юго-Западном крае Российской империи в царствование Николая I. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2015. — 320 с.
- ² ПСЗ. Собрание 2-е. Т. VII: 1832 г. Прибавление к VI тому. СПб. : Тип. II Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1833. № 4940а.
- ³ Так, например, в губерниях Юго-Западного края евреи несли полицейскую службу вплоть до августа 1838 г. См.: Представление генерал-губернатора Юго-Западного края министру внутренних дел от 23 августа 1838 г. // РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел). Оп. 6. 1837 г. Д. 97 (По отношению генерал-адъютанта графа А. Х. Бенкендорфа о служении евреев в градских полициях по Волынской губернии). Л. 12.
- ⁴ Однако Комитет Западных губерний не одобрил данную инициативу, обусловив это заботой о безопасности и «сохранности имущества» еврейского населения, которое, в противном случае, могло подвергнуться насильственным действиям со стороны польских патриотов. См.: Журнал Комитета Западных губерний от 21 июня 1833 г. // Там же. Ф. 1266 (Комитет Западных губерний). Оп. 1. Д. 12 (Журналы Комитета Западных губерний за 1833 г.). Л. 168, 171.
- ⁵ Журнал Еврейского комитета от 12 января 1845 г. // Там же. Ф. 1269 (Еврейский комитет). Оп. 1. Д. 134 (Журналы и доклады Еврейского комитета за 1840–1845 гг.). Л. 265, 272.
- ⁶ Журнал Департамента законов Государственного Совета от 18 сентября и 24 октября 1844 г. // Там же. Ф. 1149 (Департамент законов Государственного Совета). Оп. 3. 1844 г. Д. 89 (Об учреждении между евреями губернских раввинов). Л. 7.
- ⁷ Там же. Л. 7об.–8.
- ⁸ Журнал Еврейского комитета от 26 января 1846 г. // Там же. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 135 (Журналы и доклады Еврейского комитета за 1846–1847 и 1849–1853 гг.). Л. 19об.
- ⁹ Там же. Л. 19об.–20.
- ¹⁰ Представление министра внутренних дел в Государственный Совет от 31 марта 1850 г. // Там же. Ф. 1149. Оп. 4. 1850 г. Д. 41 (О еврейских инспекторах). Л. 2–8, 19–21об.
- ¹¹ Там же. Л. 22–28.
- ¹² Журнал Департамента законов Государственного Совета от 1 и 5 мая 1850 г. // Там же. Л. 36.
- ¹³ Там же. Л. 36об.
- ¹⁴ ПСЗ. Собрание 2-е. Т. XXV: 1850 г. Отд. 1. СПб. : Тип. II Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1851. № 24298. С. 605–606.
- ¹⁵ Отношение государственного секретаря министру внутренних дел от 3 июля 1850 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. 1850 г. Д. 41. Л. 42.
- ¹⁶ Секретная инструкция генерал-губернаторам о евреях, избираемых и употребляемых ими для исполнения поручений по предметам, требующим особого знания правил и обрядов еврейского закона // Там же. Л. 31–35. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что инструкция была практическим руководством к действию для генерал-губернаторов: так, назначенный в августе 1852 г. министром внутренних дел Д. Г. Бииков передал свое-

му преемнику на посту главы Юго-Западного края князю И. И. Васильчикову экземпляр «секретного наставления» в числе других важнейших документов, относящихся к управлению регионом. См.: Секретная инструкция генерал-губернаторам о евреях // Там же. Ф. 651 (Васильчиковы). Оп. 2. Д. 155 (Инструкция Николая I киевскому, подольскому и вольинскому генерал-губернатору Бибикову по вопросам управления губерниями с препроводительным письмом Бибикова своему преемнику на этой должности Васильчикову И. И.). Л. 17–26.

¹⁷ Факторство — посредничество в торгово-комиссионных операциях.

¹⁸ В представлении министра внутренних дел графа Л. А. Перовского в Государственный Совет от 31 марта 1850 г. по проекту секретной инструкции присутствовало следующее определение понятий «изуверства» и «фанатизма»: «Виды еврейского фанатизма различны. Иногда оный проявляется как грубое и предосудительное изуверство, например: 1) Ненависть к христианам и невменение в грех обманывать их и делать им зло; 2) Противодействие своим единоверцам в случае желанья их принять Св. крещение; и 3) Внушение не обзаводиться прочной оседлостью в том убеждении, что они в Европе суть пленники и, по пришествии Мессии, должны, оставив все, спешить в Обетованную землю и т. п.». См.: Представление министра внутренних дел в Государственный Совет от 31 марта 1850 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. 1850 г. Д. 41. Л. 23об.–24об.

¹⁹ Габай (габбай) — должностное лицо в еврейской общине или синагоге, ведающее организационными и денежными делами.

²⁰ Кантор (хазан) — должностное лицо в еврейской общине, которому доверена общественная молитва.

УДК 94(477):323.12(=411.16)“18”

Ю. В. Прокоп

(г. Одесса, Украина)

Антисемитизм на Юге Украины в XIX в.

Совместное проживание евреев с представителями других этносов на протяжении всей истории сопровождалось межэтническими конфликтами, которые порой приводили к масштабным трагедиям. Не лишено антиеврейских настроений и современное общество. А потому изучение истории антисемитизма является актуальным и вызывает большой интерес ученых и политиков. Высока потребность в объективном анализе проблемы, который невозможен без обращения к историческим источникам, запечатлевшим различные проявления антиеврейских настроений.

Практически в любой работе по истории евреев Российской империи анализируется проблема антисемитизма и еврейских погромов. Многие исследователи делают акцент на антисемитской направлен-

ности политики царской России, указывая на многочисленные ограничения и ущемления прав евреев. Большое внимание уделяется изучению причин погромов. Но отношение к евреям представителей различных этносов и слоев населения остается изученным недостаточно.

Цель данной статьи — опираясь на источники XIX в., продемонстрировать примеры негативного отношения к евреям со стороны населения южноукраинского региона и показать отсутствие зависимости уровня антисемитизма от этнического или социального происхождения людей.

Православная церковь на протяжении столетий занимала антисемитскую позицию, характеризуя евреев Российской империи как «врагов христианской веры»¹. Архивные документы запечатлели немало фактов проявления нетерпимости православных священнослужителей к иудеям. Так, 26 мая 1813 г. земледелец колонии Ингулец Херсонского уезда Юда Гинзбург пытался купить у священника казенного селения Широкого пшено или просо. Продавец объявил цену — 25 руб. за четверть. Еврей, не имея возможности приобрести четверть, попросил назвать ему цену за пуд, чтобы он мог купить количество, которое ему было по средствам. Однако священник, по рассказу пострадавшего, взял его за руку и начал бить палкой по плечам².

Мещанин местечка Теплика Гайсинского уезда Янкель Шлепак, содержащий питейный откуп в станице Матвеевской войска Бугского, потребовав возврата долга у приходского священника станицы Иоанна Михайловского, был избит и ограблен им. «Михайловский без всякой моей пред ним причины и виновности схватил первоначально, будучи в азарте, за волосы, вывел в сенцы, затворил хатные и сенные двери, ударил лицом о землю, испустил мне из носа немалое течение крови. А после приказал он работнику своему казаку Борису Макарову держать, а сам бил плетью нещадно до своего удовольствия <...>, притом говорил мне, что он одного жида бил и заплатил ему за бесчестье 5 руб., и мне заплатит такое же число»³. Следует отметить, что, несмотря на наличие следов побоев, при расследовании жалобы Шлепака вину Михайловского посчитали недоказанной.

И если в изложенных случаях обиды, нанесенные священниками евреям, можно представить как конфликты на почве коммерции, то следующий пример демонстрирует нетерпимость православного священника к иудейской вере. 18 марта 1873 г. маякский купец Мошка Шапира жаловался: «19 февраля сего года, во время отсутствия моего из квартиры моей в селении Троицком Одесского уезда Граданицкой

волости Маякского стана, священник одного селения Павел Постреганев без всякого права и основания или каких-либо побудительных причин со стороны моей явился в квартиру, занимаемую мною у крестьянки Марии Макряковой, за которую уплачено мною наемных денег за полгода вперед, самоправно сорвал святцы еврейские, к дверям прибитые, писанные на пергаменте, детей моих выгнал из оной, а квартиру мою с вещами и хозяйством запер своим замком, и таковая заперта до настоящего времени»⁴.

Часто возникавшие между представителями разных этносов конфликты и взаимные обиды на коммерческой почве были связаны главным образом не с религиозной или национальной нетерпимостью, а с желанием получить денежную прибыль или другие преимущества любой ценой, не гнушаясь мошенничеством и невзирая на этические нормы. Одним из примеров этому может служить многолетняя судебная тяжба херсонских купцов-евреев Варшавских с вдовой православного николаевского купца Дмитрия Костылева. Имущество Маркуса Варшавского (дом и судно «Филадельфия») служило залогом для контрактов купца Костылева с Черноморским флотом, которые не были исполнены. Костылев подставил Варшавского: перед заключением контракта на подряд он «продал» своей жене дом, а потому в погашение неустойки за неисполненный контракт своим имуществом пришлось отвечать поручителю — Маркусу Варшавскому. Следует отметить, что фиктивная продажа своим женам недвижимости нередко практиковалась купцами всех национальностей. Это позволяло им избегать ответственности за неисполненные подряды и подставляло под удар поручителей. На протяжении почти 20 лет с 1846 г. шло разбирательство; Маркус, а затем его сын Моисей Варшавский судились с вдовой Костылева и выплачивали его казенный долг⁵.

Украинский историк С. И. Татаринов рассказывает о конфликте, возникшем в 1881 г. в Бахмуте между известным промышленником Джоном Юзом и евреями-посредниками, одного из которых Д. Юз обвинил в хищении железной руды. По иску еврея против Д. Юза было возбуждено судебное дело. Однако Бахмутский съезд мировых судей оправдал промышленника. Члены съезда, известные гласные земства Ф. И. и В. А. Плещеевы и М. А. Ковалевский, имевшие с Юзом общие коммерческие интересы, «...нашли нужным приехать в своих удобных экипажах и лично встретить в Константиновке господина Юза и везти его на своих пегасах в Бахмут <...> — не мог, конечно, господин Юз оставить без внимания подобную любезность и поблагодарил членов съезда после разбора дела роскошным обедом»⁶.

Эти примеры не говорят об антисемитизме участников конфликтов, а лишь демонстрируют коммерческую нечистоплотность деловых партнеров и коррупцию, характерные для царской России XIX в. Однако следующий случай свидетельствует о подверженности коммерсантов типичным антисемитским мифам. На XII съезде горнопромышленников Юга России в 1887 г. был поставлен вопрос о попудном коэффициенте налога на перевозку соли. Но идея была отклонена, поскольку в то время не существовало учреждения, которое могло бы подтверждать количество добычи и вывоза горнозаводских грузов, на собственные же свидетельства промышленников нельзя было положиться. Один из горнопромышленников Екатеринославской губернии И. Ф. Фелькнер высказался: «если наивные христианские души правдиво будут сообщать объемы своего производства, то <...> жида, без сомнения, жестоко будут обманывать»⁷.

Антисемитизм был характерной особенностью многих солдат и полицейских. Например, полиция открыто нарушала права евреев в ходе составления списка избирателей в Одессе в 1863 г.: «В избирательной комиссии Александровского участка по ознакомлению населения с порядком выборов в Государственную Думу работают 12 человек. <...> Так, например, в одном из домов Александровского участка, насчитывающем 42 жильца, полиция зарегистрировала всего только двух избирателей. По проверке оказалось, что правом участия в выборах обладали все 42 жильца, но остальные 40 жильцов принадлежали к иудейскому исповеданию, и полиция не постеснялась вычеркнуть их из списков»⁸.

Наиболее чудовищный антиеврейский акт с участием полиции произошел в Николаеве в 1836 г. «У измаильской мещанки еврейки Шифры Шлиомовой Гофмановой были на постое два рядовых Брестского пехотного полка. Один из них, оставшись однажды недоволен ужином, пожаловался николаевскому полицмейстеру Автамонову, представил и поданный ему Гофмановой приварок. Гофманова была призвана в полицию; она уверяла, что приварок представлен рядовым не в настоящем его виде, но уже испорченный им, однако ей не поверили. Полицейстер Автамонов велел наказать ее при многочисленных свидетелях следующим бесстыдным и жестоким образом: ее поставили вверх ногами, обнажив таким образом все ее тело, и влили варево в детородные части. Несчастливая женщина, пораженная стыдом и страхом, заболела и сделалась неспособною кормить своего грудного ребенка, к тому еще муж совершенно от нее отказался после претерпленного его посрамления»⁹. Этот документ — свидетельство вопию-

щего антисемитизма. Толпа получила мощный сигнал: если полиции можно так поступать, значит, в этом нет ничего неправильного.

Другие примеры не столь ужасны, но тоже выразительно показывают отношение к евреям разных слоев населения.

Причисляющийся в земледельцы Херсонского уезда брацлавский мещанин еврей Абрам-Вольф Беркович Гуральник содержал рыбную ловлю у помещика Николая Кузнецова. В 1847 г. Кузнецов отобрал у Гуральника невод и жестоко избил его. В результате разбирательства помещик наказан не был¹⁰.

Еврей-земледелец колонии Графской Александровского уезда Екатеринославской губернии Абрам Шполянский жаловался на неоднократные нападения крестьян селения Андреевки Бердянского уезда и разрушение его имущества. В 1864 г. Шполянский открыл в Андреевке постоянный двор, построил кирпичный сарай и погреб для склада вина. Когда он отсутствовал, «тамошние крестьяне толпою ворвались самоправно во двор, разорили <...> сарай и завалили погреб», причинив Шполянскому значительный ущерб. В тот раз дело уладили — крестьяне пообещали, что более не будут его притеснять. Однако вскоре они вновь ворвались к нему, «с азартом бросились в построенный дом, выбросили все находящееся в нем имущество, в том числе и вино, и разломали всю постройку до основания», а Шполянскому нанесли жестокие побои¹¹. Расследуя обстоятельства жалобы, чиновник Таврической палаты государственных имуществ Конковский «произвел дознание неправильное и основанное преимущественно на показаниях означенных выше крестьян», без привлечения показаний самого Шполянского. В результате жалоба была оставлена без последствий, пострадавшего еврея выселили из Андреевки, арендуемый им дом отобрали. Шполянский остался совершенно нищим, не имея даже средств для пропитания своего семейства¹².

Еврей-земледелец колонии Большой Сейдеминухи Мовша Голосовский в 1859 г. был избит государственными крестьянами Мелитопольского уезда селения Рубановки Комаровым и Бабаниным, в результате чего остался инвалидом. Однако пристав Валсамака, несмотря на предписания Мелитопольского земского суда и неоднократные жалобы потерпевшего, уклонялся от проведения следствия, всячески защищая виновных¹³. Проведение полицией необъективного расследования обид, нанесенных евреям, было очень распространенной практикой.

Не менее остро стояла проблема отношения к евреям в общих учебных заведениях. Так, херсонский купец 3-й гильдии Самуил Бер-

тензон, «желая выполнить обязанность истинного родителя и следуя воле Монарха, чтобы еврейские дети были отдаваемы в народные училища, обратил в оные двух сыновей». Примеру его последовали и другие евреи, которые до того не осмеливались на это, опасаясь, что дети их из-за общения с христианскими детьми могут изменить своей вере. Однако худшие подозрения оправдались. Младший четырнадцатилетний сын Бертензона Файтель 9 мая 1825 г. спрятался от отца, стремясь избежать наказания за леность в учении. Священник Дмитрий Глобачёв, преподающий в гимназии Закон Божий, видя Файтеля «в расстройстве и страхе, дал ему деньги и, склонив к перемене веры, немедленно отвел его в полицию, которая, продержав его до другого дня, с поспешностью, при расстройстве мальчика, проводила в церковь, где протоиерей Павловский без всякого вопроса мальчика о причине, побудившей его обратиться к христианской вере, приступил немедленно к окрещению»¹⁴. После проведения обряда сына у С. Бертензона отняли. Отец долго добивался возвращения ребенка в семью и признания крещения незаконным, но тщетно.

Содержательница девичьего пансиона в Одессе г-жа Нейман в 1863 г. исключила из своего заведения 8 воспитанниц за то, что они были иудейской веры. Попечитель Одесского учебного округа М. М. Могилянский дал по этому факту следующие пояснения: «Между прочими женскими пансионатами в Одессе, с давнего времени существовали пансионы г-жи Нейман и девицы Ларше (впоследствии г-жи Сиренко). <...> Сей последний пансион был устроен на весьма роскошную ногу, чему соответствовала и весьма высокая плата; содержательница принимала пансионеров с большою разборчивостью, и они принадлежали к лучшим, по крайней мере, к зажиточным семействам. Девиц-евреек она к себе никогда не принимала. Пансион г-жи Нейман был устроен несколько проще <...>. У нее были и еврейки <...>. В 1861 г. г-жа Ларше, по изменившимся ее обстоятельствам, решила отказаться от содержания пансиона и объявила о желании переуступить его. Г-жа Нейман вошла с нею в соглашение. Многие родители девиц, бывших у Сиренко, изъявили намерение оставить их г-же Нейман, но пятеро из них обнаружили нежелание, чтобы дети их воспитывались с детьми еврейскими. Г-жа Нейман, зная, что в снимаемом ею пансионе Сиренко еврейские дети принимаемы не были, <...> согласилась на желание, изъявленное родителями пяти упомянутых девиц»¹⁵.

Газета «Южное обозрение» в 1863 г. сообщала о проблемах обучения еврейских девушек в одесских светских учебных заведениях: «Ни для кого не тайна, какими трудностями обставлено поступление

еврейки в казенную гимназию и, наконец, какие нравственные подчас страдания приходится переживать еврейке-ученице в стенах гимназии от иных преподавателей, зараженных «истинно-русским» духом. Лишь в последние дни ученицы-еврейки местной даже не казенной, а частной гимназии г-жи Видинской вынуждены были забрать свои бумаги, чтобы избавиться от воцарившейся в этой гимназии «юдофобщины». Таким духом проникнута, впрочем, не одна гимназия г-жи Видинской»¹⁶.

К началу 1880-х гг. антисемитизмом была охвачена большая часть населения региона. Например, 25 апреля 1881 г. мещанское общество Бердянска на сходке решило ходатайствовать перед высшим правительством о выселении из города евреев как беспокойных и вредных членов общества¹⁷.

В 1899 г. старший ординатор Николаевской городской больницы Саул Исаакович Давидзон во дворе больницы подвергся нападению своего коллеги Владимира Филипповича, который разбил ему лицо и «произносил бранные слова по адресу врачей-евреев». С. Давидзон был крайне удивлен фактом нападения, поскольку был с Филипповичем в хороших отношениях. По его утверждению, «врачи городской больницы — русские в последнее время начали проявлять какой-то непонятный <...> антагонизм против врачей больницы — евреев»¹⁸.

Помощник херсонского врачебного инспектора статский советник врач Моисей Леонович Зильберштейн, который приложил много усилий для борьбы с холерой и был награжден Орденом Святого Владимира четвертой степени в 1883 г. за его многолетнюю службу, получил статус потомственного дворянина. Однако Херсонское дворянское собрание в лице предводителей дворянства и уездных депутатов отказалось включать Зильберштейна с семьей в дворянскую родословную книгу. Против этого несправедливого решения проголосовал лишь депутат от Тираспольского уезда. Жалоба на это решение Правительствующим сенатом удовлетворена не была¹⁹.

Следует отметить, что врачи-евреи были наиболее ассимилированной частью иудейского населения. Обучаясь в гимназиях и университетах, работая в больницах, они постоянно находились в контакте с христианами, хорошо знали русский язык и отличались от других лишь своим вероисповеданием. Проявление негативного отношения к ним было яркой демонстрацией нетерпимости по религиозному признаку, а также подверженности антисемитским стереотипам.

Негативный образ еврея в сознании населения формировался постоянно. Одним из источников навязываемой информации была

пресса. Так, «Коммерческая газета», сообщая о случаях выявления контрабанды, всегда приводила в пример нарушителей-евреев. И хотя нередко сообщения сопровождалось пояснением, что не только евреи были уличены в контрабанде, создавалась стойкая ассоциация контрабандиста с евреем: «Известно, до какой степени простираются ухищрения евреев к водворению контрабанды; в сей промышленности они, конечно, не имеют соперников»²⁰.

На страницах этой же газеты еврей-коммерсант постоянно изображался в негативном образе торгаша-мошенника. Например, 23 марта 1833 г., рассказывая об экономическом положении Польши, «Коммерческая газета» писала: «Торговля лишилась почтеннейших купцов, которые удалились от оной, устрасаемые военными потрясениями, подавлявшими предприимчивость торговую, и место их заступили евреи, которые торгашеством своим истощили последние способы (так в источнике — *Ю. П.*) народа. <...> Извороты, обманы и лихоимство остановили деятельность правильных торговых оборотов. В таком положении Польши народный капитал более и более терпел ущерб»²¹.

В газете «Новороссийский телеграф» печатались антисемитские статьи, провоцировавшие ненависть, обвинявшие евреев в эксплуатации крестьян и рабочих, в нелояльности по отношению к государству и в организации убийства Александра II в марте 1881 г.; публиковались слухи, предсказывавшие погромы²².

Безусловно, далеко не все население южного региона было охвачено ненавистью к евреям. Тем не менее, негативному отношению к ним разной степени интенсивности была подвержена большая часть жителей от малограмотной бедноты до образованного купечества и врачей. Наивысшим проявлением антисемитизма среди местного населения считаются еврейские погромы. Именно в Одессе в 1821 г. произошел первый в регионе погром и именно здесь на протяжении XIX в. имело место наибольшее количество антиеврейских акций.

Главными участниками погрома 1821 г. считаются местные греки и матросы греческих судов. Причиной погрома обычно называется торгово-экономическая конкуренция греческого и еврейского населения, поводом — распространившийся слух о том, что в убийстве турками в Константинополе греческого православного патриарха Григория участвовали евреи²³. Американский исследователь С. Ципперштейн отмечает, что 19 июня 1821 г. сразу после похорон Григория V «хорошо согласованное буйство началось одновременно в трех еврейских районах, где погромщики били стекла, ломали двери в домах и изби-

вали евреев»²⁴, что наводит на мысль о преднамеренной организации погрома извне.

Погром 1821 г. унес жизни 17 человек и положил начало проявлениям вражды между евреями и греками. Однако до 1859 г. подобные столкновения, как правило, удавалось легко предотвращать. Лишь в 1849 г. 22 августа во время крестного хода возникли беспорядки, в результате которых был убит один и ранено несколько человек²⁵. Но 12–15 апреля 1859 г. в Одессе произошел новый еврейский погром, в котором был убит бердичевский мещанин Абрам Бердичевский, избиты евреи Мошко Герман, Сруль Пейсахович и Симха Шварцман, ранены Абрам Занович и Симха Бадер, причинены побои ольгопольскому мещанину Каселю Файнбергу и евпаторийскому купеческому сыну Гершке Вайнбергу, а также пострадал пристав первой части, распорядившийся восстановлением порядка²⁶.

Из полицейских донесений о погроме от 13 апреля 1859 г.: «После события в первый день Пасхи в народе распространился слух, что в Страстную Субботу текущего года, во время заутрени, когда вокруг Греческой церкви следовал крестный ход с Плащаницею, будто бы несколько камней брошено было в участвовавших в этой церемонии, а некоторые попали и в Плащаницу. Но на сделанный о том запрос Протоиерей Греческой церкви Иоанн Родостат удостоверил, что слух этот неоснователен. Сверх того, говорено было, что в Галаце евреи замучили христианского мальчика и были там избиты и что, наконец, еврей ударил по кресту в Одесской католической церкви, — и под влиянием этих рассказов в следующие дни праздника начали бить евреев и в их домах стекла русские рабочие люди и мальчики»²⁷.

Списки арестованных за участие в погроме дают представление об этническом и социальном составе погромщиков и развеивают миф о том, что в 1859 г., как и в 1821 г., в беспорядках участвовали только греки: «За избивание евреев 13–15 апреля, кроме греков, среди погромщиков были арестованы одесский мещанин Никанор Осипов Шемашков, ученик мебельного мастера Матвей Севрук, вольный матрос из города Орехова Лазарь Ярмоченко, воспитанник одесского купца Козьмы Бутырского Петр Бутырский, аккерманский мещанин Абрам Каратаев, сын артиллерийского солдата мальчик Иван Глушков, оброчный крестьянин Орловской губернии Илья Сергеев Самострелов, крестьянин Филип Афонасьев Вадеев, солдатский сын из деревни Александровки Павел Формуз»²⁸.

В дальнейшем беспорядки на Пасху между евреями и греками происходили в Одессе ежегодно, а в 1871 г. они снова вылились в мас-

штабный еврейский погром. Поводом к началу погрома вновь послужил пущенный слух, что евреи осквернили греческую православную церковь и кладбище²⁹. О тех событиях генерал-губернатор Новороссийского края граф П. Е. Коцебу писал: «Беспорядки в Одессе начались после полудня 28 марта драками между греками и евреями в незначительном размере, сперва мальчиками, а потом и взрослыми. <...> 29 марта к грекам присоединились и русские. <...> Когда евреи мало-помалу начали скрываться, толпы христиан, пополненные уже злонамеренными и пьяными людьми, занялись сперва разбитием стекол в окнах еврейских синагог, потом ломкою на Базарной площади рундуков с бельем, платьем и другими предметами, разорением в кабаках, лавочках, лавках и разрушением находившегося в оных и даже в некоторых квартирах евреев. Буйствовавшие сами во многих случаях не занимались грабежом, но разбивали и уничтожали имущества и выбрасывали товары, кои были подбираемы и уносимы сопровождавшими буйствовавших; бочонки и штофа водки в кабаках разбивали. Такие буйства совершались многочисленными партиями во всех концах города. <...> Дома и лавки христиан всех существующих в Одессе исповеданий не подвергались нападениям»³⁰.

В результате погрома было убито 2, ранено 17 человек. 12 погромщиков скончались от алкогольного опьянения. Разбиты стекла и разграблено 863 дома и 552 магазина, лавки и пр.³¹ В списке арестованных было 8 солдат, по 10 мещан и крестьян, два вольных матроса, унтер-офицер, дворянин, канцелярский служащий и четверо иностранцев, подавляющее большинство — славяне³². «Большинство производивших беспорядки были извозчики, не выезжавшие по случаю праздников, погонщики биндюгов, бондари, половые из русских чайных тракторов и множество прибывших из великороссийских губерний людей для портовых и других работ в городе, каменщики и проч.»³³. Однако неверно было бы предполагать, что евреев громила только пьяная толпа необразованных бедняков. Представители высших классов также принимали участие в погромах. Так, С. Ципперштейн пишет о хорошо одетой женщине, которая указывала погромщикам на дома богатых евреев. Фактически на стороне погромщиков выступил и генерал-губернатор граф П. Е. Коцебу, считая евреев виновниками погрома и не предприняв вовремя мер для его прекращения³⁴.

Объясняя причины еврейских погромов, Коцебу писал: «Проявление столкновений между христианами и евреями (преимущественно черню) можно было приписать религиозному фанатизму обеих сторон и племенной враждой. Нынешние события показали, что к этой

вражде присоединилось озлобление христиан (преимущественно простонародия), порожденное эксплуатированием их труда евреями и умением сих последних богатеть и подчинять своему влиянию все роды промышленности и торговые действия. В толпах христиан часто слышались слова: «евреи нашего Христа обижают, богатеют и с нас высасывают всю кровь»³⁵. Налицо результаты манипулирования сознанием населения: мифы об эксплуатации христиан евреями активно насаждались на протяжении всего XIX в. и использовались для провоцирования недовольства в отношении евреев.

По словам чиновников, расследовавших беспорядки, факта планирования погромов выявить им не удалось, а потому считалось, что произошли они спонтанно. Однако в своих рапортах чиновники отмечали, что в разбушевавшейся пьяной толпе были и трезвые лица, которые полностью руководили происходившим и осознавали свои действия, что свидетельствует об организованном характере антиеврейской акции и нежелании городской администрации установить истину³⁶.

Наиболее масштабный антиеврейский погром XIX в., охвативший весь южноукраинский регион, произошел в 1881 г. Как и ранее, перед началом антиеврейской акции был пущен слух — о том, что император Александр II был убит евреями. Погромы были спланированы и организованы по одинаковому сценарию во многих местах: в населенный пункт прибывали некие таинственные люди, намекавшие полицейскому начальству, чтобы те не мешали развитию событий при «взрыве народного негодования против евреев». К приезжим присоединялись местные — и начинался погром³⁷. В Херсонской губернии были охвачены беспорядками три города, железнодорожная станция, два местечка и 40 селений или деревень. Повреждено 1266 строений: 832 жилых дома и 434 торговых и питейных помещений. Убыток, причиненный евреям, составил 2 517 074 руб. Арестовано 992 человека и еще 173 привлечено к суду без ареста³⁸.

Погромы 1881 г. детально изучены исследователями³⁹. Уделим внимание лишь социальному и национальному составу погромщиков.

В Елисаветграде за первые два дня погрома был арестован 601 человек: лакеи, дворники и кучера известных в городе лиц, приказчики русских фирм, ремесленники, отставные солдаты и чернорабочие, в уезде — 96 человек: преимущественно местные крестьяне, а также несколько мещан и отставных солдат⁴⁰. В Александрийском уезде в погроме принимали участие крестьяне местных деревень, мастеровые и рабочие железной дороги станции Знаменка. Среди арестованных за-

чинщиков были сельский староста деревни Марьевки Егор Фабрика и писарь Севастьян Лещенко⁴¹.

В Ананьеве арестован 61 человек, преимущественно местные мещане⁴², в Березовке — 84 человека: чернорабочие, крестьяне и мещане из соседних уездов, а кроме того 29 лиц привлечено к суду без ареста⁴³. В Голте задержано 38 человек: крестьяне, мещане, отставные солдаты и железнодорожные служащие, а дворянин, потомственный почетный гражданин, австрийскоподданный и рядовой Ольвиопольского уланского полка были привлечены к суду без ареста⁴⁴. В Тираспольском уезде арестовано 5, а сверх того привлечено к суду 29 местных крестьян⁴⁵. В Одесском уезде евреев громили в немецкой колонии Шпайер и деревне Михайловке; арестовано 20 человек, из них трое — за распространение ложных слухов, в том числе турецкоподданный еврей⁴⁶.

В Мариупольском уезде Екатеринославской губернии арестовано и заключено в тюрьму 87 человек: местные крестьяне, а также мещане и железнодорожная прислуга (из них трое — прусскоданные)⁴⁷.

Характерным для этой волны погромов было участие в них большого количества местного населения. Следует подчеркнуть, что очень многое зависело от действий полиции. Так, в Херсоне, Николаеве и Александрии, благодаря своевременному вмешательству полиции и властей, погромщикам не удалось устроить значительные беспорядки⁴⁸. И наоборот, в Александровске Екатеринославской губернии губернатор с войсками прибыл лишь утром второго дня погрома, когда все еврейские лавки и большинство домов были уже разорены и разграблены. Зачинщиками погрома там были рабочие железнодорожных мастерских⁴⁹. Среди арестованных оказались также зажиточные домохозяева и сельский староста деревни Крутой⁵⁰.

Примечательно то, что агрессия погромщиков была направлена не только на евреев, но и на тех, кто их укрывал. Так, в селе Поклитаровке Елисаветградского уезда крестьяне собирались «наказать жителей соседних сел Оситняжки и Аврамовки за то, что они дали у себя приют евреям, бежавшим из с. Поклитаровки во время разграбления их имущества». Кровавопролития удалось избежать лишь благодаря вмешательству войск⁵¹.

Необходимо также подчеркнуть, что не все население участвовало в погромах. Например, «когда 6 мая еврейские колонии Межиречье и Трудолюбовка были разграблены, то еврей-земледельцы колоний Нечаевки, Трудолюбовки и Графской бежали в соседнюю немецкую колонию Мариенфельд, куда была вывезена значительная часть более ценного имущества колонии Графской. Немцы довольно сочувствен-

но приняли евреев и дали приют как им, так и вывезенному из Графской имуществу». Даже после того, как старшина Людвигстальской волости и волостной писарь приказали немцам выгнать евреев и выбросить их имущество, нашлись такие из мариенфельдских хозяев, кто не выполнил этого приказа. «Нападение новокаменских крестьян на еврейскую колонию Сладководную, предпринятое 7 мая, не достигло цели благодаря распорядительности урядника Арона Соболева, который собрал для этого немцев колонии Блуменфельд и крестьян села Федоровка. Много помогли ему в этом немцы-собственники братья Шмидт со своими работниками». Федоровские крестьяне не только не громили евреев, но даже охраняли их. В Екатеринославской губернии в селе Воскресенке местный священник во время погрома пытался убеждать крестьян в нелепости распространяемых слухов о позволительности насилия над евреями, а в селе Пологи священнику Кретиному удалось предотвратить погром⁵². В Ананьевском уезде, спасаясь от агрессивной толпы, еврейские семейства бежали в степь, многие растеряли своих детей, которых находили и возвращали родителям немцы-колонисты⁵³. Украинский историк В. Яшин приводит и другие примеры помощи евреям со стороны крестьян Херсонской губернии, одесских дворников, немецких колонистов, попечителя еврейских колоний Ковальского и др.⁵⁴

Спустя 5 лет в Одессе снова вспыхнул погром: 14 апреля 1886 г. провокаторы всячески пытались подстрекать толпу бить евреев. Арестованными за организацию беспорядков оказались одесский мещанин Захарий Скляренко и крестьяне Рязанской и Херсонской губерний Иван Царёв и Никифор Зиновенко, отставные рядовой Семен Гайдученко и ефрейтор Андрей Войцев⁵⁵.

Во время вспышки холеры в 1892 г. в Юзовке Екатеринославской губернии в распространении эпидемии местные жители обвинили евреев. Вероятно, и в этот раз не обошлось без распущенных намеренно слухов. 2 августа «толпа в несколько тысяч рабочих бросилась разбивать чайную, устроенную во время эпидемии, разорять лавки, склады и магазины евреев, начался страшный грабеж». Полностью сгорели синагога и гостиница, разграблены 7 домов, 182 магазина, 11 пивных. В пламени погибло 80 евреев. Настоятель Свято-Преображенского собора Юзовки Александр Матвиевский с крестом в руках пытался остановить пьяную толпу рабочих и предоставил в храме убежище еврейским семьям⁵⁶.

Погромы XIX в. завершились беспорядками в Николаеве 19–22 апреля 1899 г. Поводом к ним стал слух, что еврей-подрядчики якобы

нечестно рассчитались с бригадой каменщиков, приехавших в Николаев на заработки из Орловской губернии, или же не хотели брать их на работу. Евреи, пытаясь спастись, выставляли в окнах куличи и иконы (это было в период празднования православной Пасхи). Военный губернатор был не в силах прекратить беспорядки⁵⁷. Среди 82 задержанных было 60 крестьян (местных, а также Калужской, Курской, Орловской и Тульской губерний), 11 мещан, 2 солдата и 6 солдатских сыновей⁵⁸. Журналист Влас Дорошевич так описывал толпу зачинщиков погрома: «Большинство состояло из пришлого люда, крестьян Орловской губернии, каменщиков, мостовщиков, плотников, землекопов»⁵⁹.

Вопрос о том, были антиеврейские погромы стихийными или организованными, по сей день является дискуссионным. По нашему мнению, все они носили организованный характер. Не исключено, что в одних случаях инициаторами могли быть крупные магнаты, движимые коммерческими мотивами и использовавшие погромы для устранения или запугивания конкурентов. Но в других случаях организаторы были мотивированы некими политическими силами, целью которых было столкнуть христианское население с евреями, дестабилизировать ситуацию, отвлечь внимание людей от обострившихся социально-бытовых проблем. Не обошлось и без антисемитских организаций русских националистов, поднявших голову в последние десятилетия XIX в.

В целом население юга Украины было настроено по отношению к евреям негативно. Причиной этому было многолетнее целенаправленное воздействие на подсознание людей, формировавшее отрицательный образ еврея в глазах представителей других национальностей. Этот образ был настолько стойким, что передавался в дальнейшем из поколения в поколение. С особенной готовностью призывы к насилию принимались приехавшими на заработки крестьянами и рабочими из великороссийских губерний. Наряду с социально-экономическими причинами, это объясняется тем, что нееврейское население в черте оседлости, контактируя с евреями и зачастую не получая негатива от этих контактов, в некоторой степени гасило антисемитские сигналы, постоянно навязываемые ему извне. В то же время население вне черты оседлости, не имевшее контактов с евреями, легче воспринимало антисемитскую пропаганду и верило во все обвинения в адрес евреев.

Отношение к евреям со стороны местной администрации в последние десятилетия XIX в. демонстрируется словами временного одесского генерал-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова:

«эта космополитическая народность с кастовым устройством и исключительными племенными интересами представляет серьезную опасность не только для экономической судьбы края, но и для его гражданственного и политического развития и даже для сохранения нравственного облика господствующего племени»⁶⁰.

Таким образом, можно утверждать, что уровень антисемитизма в XIX в. не зависел от этнической и социальной принадлежности людей — ему были подвержены представители всех национальностей и всех слоев населения. Особенно высок был уровень антиеврейских настроений среди необразованной бедноты, которая легко поддавалась влиянию, — крестьян, солдат, простых рабочих. Однако ненавистью к евреям были заражены и многие представители высшего класса — коммерсанты, высокопоставленные чиновники и образованные врачи. Умелое манипулирование поведением толпы приводило к разрушительным и кровавым антиеврейским акциям.

Примечания

- ¹ Історія релігії в Україні. Православ'я в Україні: В 10 т. Київ : Український центр духовної культури, 1996–1999. Т. 3. 1999. С. 325–326.
- ² Прошение Юды Гинзбурга // ГАХО. Ф. 207 (Херсонское духовное правление). Оп. 1. Д. 1078 (Сообщение конторы опекунства Новороссийских иностранных поселенцев о нанесении обид и побоев еврею Гинзбургу священником Гервасием). Л. 2–2об.
- ³ В следственную комиссию по просьбе еврейна Янкеля Шлепака доказательство // Там же. Д. 1087 (Дело по прошению мещанина еврея Янкеля Шлепака о нанесении ему побоев священником Михайловским). Л. 3об. Здесь и далее цитатах из источников орфография и пунктуация приближены к современной норме.
- ⁴ Прошение маякского купца Мошки Шапиры // ГАОО. Ф. 1 (Канцелярия Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора). Оп. 116 (1873). Д. 9 (По жалобе маякского купца Мошки Шапира на самоуправство священника Постреганева). Л. 1.
- ⁵ Херсонские губернские ведомости. 1846. № 12. 23 марта; ГАХО. Ф. 3 (Херсонское губернское правление). Оп. 1. Д. 5 (Переписка с Главным управлением Черноморского флота о продаже домов купцов Костылева и Варшавского для погашения долгов). 327 л.; Там же. Д. 16 (Переписка с Главным управлением Черноморского флота о продаже домов купцов Костылева и Варшавского для погашения долгов). 410 л.
- ⁶ Татаринов С. И., Федотов С. А. Штетл Бахмут — феномен еврейского народа в Донбассе. Историко-культурологический очерк / гл. ред. Е. Н. Титова. Харьков : Слово, 2013. С. 20.
- ⁷ Там же. С. 81.
- ⁸ Одесская жизнь // Южное обозрение. 1863. 18 января.
- ⁹ Рапорт А. Мордвинова графу М. С. Воронцову // ГАОО. Ф. 1. Оп. 200 (1836). Д. 26 (О покупке николаевского полицмейстера Автомонова с еврейкою Гофмановой). Л. 2–2об.
- ¹⁰ Там же. Ф. 6 (Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России). Оп. 2. Д. 13271 (По жалобе еврея-причисляющегося в земледельцы Абрама Гуральника на помещика Николая Кузнецова за побои и отобрание у него рыболовного невода). 10 л.
- ¹¹ Прошение Абрама Шполянского // Там же. Ф. 1. Оп. 114. Д. 223 (По жалобе колониста еврея Аврама Шполянского на крестьян с. Андреевки за разорение построек его на земле Буквича). Л. 1об.

- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Прощение Мовши Голосовского // ГАОО. Ф. 1. Оп. 197 (1859). Д. 1636 (По жалобе земледельца Мовши Голосовского на крестьян Мелитопольского уезда села Рубановки Комарева и Бабанина за побой). Л. 3.
- ¹⁴ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Екатеринославской Духовной Консистории в Херсонское духовное правление // ГАХО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1647 (Сообщение Херсонской городской полиции о крещении еврейского мальчика в христианскую веру). Л. 5–5об.
- ¹⁵ Рапорт попечителя Одесского учебного округа М. М. Могилянского графу А. Г. Строганову // ГАОО. Ф. 1. Оп. 146 (1862). Д. 8 (Об исключении содержательницей девичьего пансиона в Одессе г-жи Нейман своих воспитанниц-евреек). Л. 2–3об.
- ¹⁶ Одесская жизнь // Южное обозрение. 1863. 18 января.
- ¹⁷ Отношение Временного Одесского генерал-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву от 18 мая 1881 г. // ГАОО. Ф. 5 (Управление временного одесского генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 193 (Докладные записки временного одесского генерал-губернатора и губернаторов подведомственных управлению губерний и переписка с Министерством внутренних дел и др. учреждениями о погромах и причинах их возникновения в Херсонской, Екатеринославской и Бессарабской губерниях и по др. вопросам). Л. 52об.
- ¹⁸ Полицейский протокол // ГАНУ. Ф. 230 (Канцелярия николаевского военного губернатора). Оп. 1. Д. 14337 (Об оскорблении действием старшего врача Николаевской городской больницы Давидсона младшим ординатором той же больницы Филипповичем в стенах больницы). Л. 3об.–4.
- ¹⁹ Листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1886. № 2. 12 января; РГИА. Ф. 1343 (Третий департамент Сената). Оп. 22. Д. 2000 (О дворянстве Зильберштейна). Л. 15–27.
- ²⁰ Коммерческая газета. 1833. № 65. 1 июня.
- ²¹ Там же. № 35. 23 марта.
- ²² *Хамфри К.* Одесса: погромы в городе-космополите // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 221; Записка об анти-еврейском движении в Херсонской губернии // ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 193. Л. 15б.
- ²³ Одесса // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 6. Кол. 117–127.
- ²⁴ *Ципперштейн С.* Евреи Одессы. История культуры. 1794–1881. М. ; Иерусалим : Гешарим, 1995. С. 131.
- ²⁵ Члену комиссии для разбора дел упраздненного генерал-губернаторского управления тайному советнику Скальковскому // ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 193. Л. 74; Рапорт новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа А. Строганова министру внутренних дел // Там же. Ф. 1. Оп. 94 (1859). Д. 156 (О произошедшей 12 апреля драке между греками и евреями возле Греческой церкви). Л. 14–14об.
- ²⁶ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Херсонской палаты уголовного суда Одесскому уездному суду // Там же. Ф. 1. Оп. 101. Д. 16 (О драке, произошедшей на Пасху 1859 г. между евреями и греками). Л. 3–5.
- ²⁷ Краткая записка по делу о драке, произошедшей в г. Одессе в первые дни Праздника Святого Христова Воскресения 1859 года // Там же. Оп. 94 (1859). Д. 156. Л. 30.
- ²⁸ Там же. Л. 30об.–35.
- ²⁹ *Ципперштейн С.* Указ. соч. С. 133.
- ³⁰ Рапорт генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабии П. Коцебу министру внутренних дел // ГАОО. Ф. 1. Оп. 100 (1871). Д. 135. Л. 9–12.
- ³¹ Сведения о результатах беспорядков, произошедших в городе Одессе 29, 30 и 31 марта 1871 года // Там же. Л. 45.
- ³² Список лицам, арестованным за подстрекательство и предводительство к беспорядкам // Там же. Л. 63–64.

- ³³ Рапорт одесского градоначальника Н. Бухарина новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору // Там же. Л. 50об.–51.
- ³⁴ *Ципперштейн С.* Указ. соч. С. 133–134.
- ³⁵ Рапорт генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабии П. Коцебу... // ГАОО. Ф. 1. Оп. 100. Д. 135. Л. 9–9об.
- ³⁶ Список лицам, арестованным за подстрекательство и предводительство к беспорядкам // Там же. Л. 63–64.
- ³⁷ *Щукин В. В., Павлюк А. Н.* Земляки. Очерки истории еврейской общины города Николаева (конец XVIII – начало XX вв.) / науч. ред. Н. Н. Шитюк. Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2009. С. 148.
- ³⁸ Евреи Одессы и юга Украины: история в документах. Кн. 1 (кон. XVIII – нач. XX вв.) / [авт.-сост. Л. Г. Белоусова, Т. Е. Волкова] // Труды Государственного архива Одесской области. Одесса : ООО «Студия “Негоциант”», 2002. Т. VII. С. 144; ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 193. Л. 178–178об.
- ³⁹ *Aronson M. I.* Geographical and Socioeconomic Factors in the 1881 anti-Jewish Pogroms in Russia // *Russian Review*. 1980. Vol. 39. № 1. P. 18–31; *Idem.* *Troubled Waters: the Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia*. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1990. 286 p.; *Гатагова Л.* Юдофобия: сумма зол // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. Отв. ред. Г. Бордюгов, Н. Исия. М. : АИРО-XX, 2001. С. 105–121; Евреи Одессы и юга Украины. С. 139–145; Материалы для истории антиеврейских погромов в России / под ред. и со вступ. статьей Г. Я. Красного-Адмони. Пг. ; М. : Государственное издательство, 1923. Т. 2. Восьмидесятые годы (15 апреля 1881 г. – 29 февраля 1882 г.). XXXII, 542, V с.; *Хамфри К.* Указ. соч.; *Яшин В. О.* Традиционализм і модернізація. Єврейське населення Катеринославщини й Херсонщини в соціально-культурних та економічних процесах другої половини XIX століття : монографія / за заг. ред. проф. С. І. Світленка ; КІП ДВНЗ «КНУ». Кривий Ріг : Вид. Р. А. Козлов, 2013. С. 73–110.
- ⁴⁰ Записка об анти-еврейском движении в Херсонской губернии // ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 193. Л. 160–160об., 163–163об., 167об.–168.
- ⁴¹ Там же. Л. 168об.–169.
- ⁴² Там же. Л. 174; Отношение временного одесского генерал-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова... // Там же. Л. 46об.
- ⁴³ Отношение временного одесского генерал-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова... // Там же. Л. 50; Записка об анти-еврейском движении в Херсонской губернии // Там же. Л. 176.
- ⁴⁴ Записка об анти-еврейском движении в Херсонской губернии // Там же. Л. 172.
- ⁴⁵ Там же. Л. 176об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 176об.–177.
- ⁴⁷ Там же. Л. 171; Ведомость о насилиях, произведенных буйствовавшими крестьянами разных местех Александрийского уезда Херсонской губернии // Там же. Л. 85–86.
- ⁴⁸ Записка об анти-еврейском движении в Херсонской губернии // Там же. Л. 171 об.; Евреи Одессы и юга Украины. С. 140; *Щукин В. В., Павлюк А. Н.* Указ. соч. С. 149.
- ⁴⁹ Русский еврей. 1881. № 28. 8 июля; Отношение временного одесского генерал-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова... // ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 193. Л. 45–45об.
- ⁵⁰ Рапорт екатеринославского губернатора И. Н. Дурново временному одесскому генерал-губернатору // ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 193. Л. 101об., 103.
- ⁵¹ Рапорт командира 2-й бригады 13 пехотной дивизии С. Горданова командиру 7 Армейского корпуса // Там же. Д. 201 (Рапорты полицейских и переписка с канцелярией херсонского губернатора и жандармского управления о погромах в Херсонской губернии и о принятии мер к участникам погромов). Л. 35об.–36.
- ⁵² Рапорт управляющего государственным имуществом Херсонской и Бессарабской губерний И. Тихеева временному одесскому генерал-губернатору // Там же. Д. 193. Л. 66–

- 67; Рапорт екатеринославского губернатора И. Н. Дурново временному одесскому генерал-губернатору // Там же. Л. 102, 106об., 107.
- ⁵³ Рапорт временного одесского генерал-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова... // Там же. Л. 50; Записка об анти-еврейском движении в Херсонской губернии // Там же. Л. 176.
- ⁵⁴ Яшин В. О. Влада і суспільство у боротьбі з антиєврейськими погромами початку 1880-х рр. у південноукраїнських землях // Збірник наукових праць [Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди]. Серія : «Історія та географія». 2011. Вип. 41. С. 6–10.
- ⁵⁵ Евреи Одессы и юга Украины. С. 146.
- ⁵⁶ Татаринов С. И., Федотов С. А. Указ. соч. С. 81.
- ⁵⁷ Шукин В. В., Павлюк А. Н. Указ. соч. С. 150.
- ⁵⁸ Список лицам, задержанным при Одесской части во время беспорядков, происшедших 20 и 21 апреля 1899 года в г. Николаеве // ГАНО. Ф. 231 (Николаевская городская полиция). Оп. 2. Д. 55 (Списки арестованных участников еврейского погрома в г. Николаеве). Л. 1–8об.
- ⁵⁹ Дорошевич В. Безвременье. М. : Директ-Медиа, 2014. С. 39–41.
- ⁶⁰ Рапорт временного одесского генерал-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву от 21 ноября 1881 г. // ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 193. Л. 194.

УДК 94

П. В. Лизунов

(г. Северодвинск, Российская Федерация)

Банкирский дом «Г. Вавельберг» в Варшаве и Санкт-Петербурге

Одним из крупнейших и солидных частных банков Российской империи конца XIX – начала XX в. был банкирский и торговый дом «Г. Вавельберг» в Варшаве и С.-Петербурге.

Основателем его был Герш-Генрих Маркусович (Гирш-Генрих, Гирша Нахман, Цви Хирш, Генрих Михайлович) Вавельберг (06.05.1813–16.06.1891), происходивший из бедной еврейской семьи, проживавшей в Польше. Его отец Маркус Хирш (Герш) (Markus Hirszt) Вавельберг (1791–28.04.1847) некоторое время был мелким торговцем тканями, а затем уличным швейцаром; мать Фрумета, в девичестве Тромпетер (Frumeta Trompeter) (1795–1859). С раннего детства Генрих Вавельберг работал на складе железа компании «Привес» («Prywes»), затем на складе сигар, затем клерком в конторе по продаже лотерейных

билетов. По одной из версий, на расторопного способного молодого человека обратил внимание бывший начальник 5-го жандармского округа (Царство Польское) отдельного корпуса жандармов граф Ф. К. Нессельроде, двоюродный племянник канцлера К. В. Несельроде. Выйдя в 1844 г. в отставку, Нессельроде остался жить в Варшаве. Граф был постоянным клиентом лотерейной конторы и дал Генриху Вавельбергу ссуду, позволившую ему открыть в 1846 г. в Варшаве небольшую меняльную контору «Г. Вавельберг» («H. Wawelberg»).

Через два года, в 1848 г., он и его брат Ипполит открыли в Варшаве уже банкирский дом «Братья Вавельберг» (Вержболовская ул., 11, позже ул. Коцебу, 8, затем Проходная, 8, рядом с площадью Железных ворот). Еврейские купцы давно играли важную роль в различных отраслях торговли и промышленности Польши, и особенно в банковском деле. Подавляющее большинство варшавских банкиров были иудеями или имели еврейские корни¹.

Основным источником доходов банкирского дома была выдача краткосрочных кредитов средним торговцам, владельцам небольших лавок. Обменное отделение оказывало услуги по переводу и размену валют, взимая небольшой процент за эти операции. Наиболее близко Генрих Вавельберг в то время сотрудничал с молодым варшавским банкиром Генрихом Березой. Эти годы были временем процветания для банковских и финансовых предприятий, необходимых для мобилизации капиталов для строительства железных дорог Варшава–Вена и колеи на правом берегу Вислы. Банкирский дом «Братья Вавельберг» открыл свои филиалы в Вене, Львове, Познани и Вроцлаве. В Варшаве он являлся заграничным агентством страховых компаний «North British and Mercantile» из Эдинбурга и «Phoenix» из Лондона².

Деятельность банкирского дома сводилась к инвестированию и привлечению сторонних средств в учреждение акционерных обществ по строительству железных дорог, позднее в создание системы эмеритальных касс на железных дорогах юго-запада России и Царства Польского. С середины 1880-х гг. дом стал активно участвовать в страховом и ипотечном деле на территории Царства Польского. Вавельберги участвовали почти во всех предприятиях И. С. Блюха (Торговый банк в Варшаве, Частный Виленский торговый банк, Варшавское Товарищество страхования от огня, Товарищество кредита города Варшавы и др.).

В 1860 г. Генрих Вавельберг записался в варшавские купцы 2-й гильдии, с 1862 г. — 1-й гильдии, со второй половины 1869 г. по 1890 г. он числился также петербургским купцом 1-й гильдии.

Женат он был на Фелиции, урожденной Хойнацкой (Гойнацкой) (08.05.1819–08.02.1864). В 1890 г., за год до кончины, Г. М. Вавельберг получил звание потомственного почетного гражданина, которое распространялось также на его сына с женой и их детей³.

После смерти Генриха Вавельберга совладельцами банкирского дома стали наследники покойного — его сын Ипполит Вавельберг с женой Луизой Сигизмундовной, их дети — Михаил, Вацлав и Ядвига, а также С. М. Ротванд.

Брат Генриха Вавельберга Ипполит Маркусович еще с середины 1870-х гг. перестал участвовать в делах семейной фирмы, хотя она продолжала называться банкирский дом «Братья Вавельберг». Вместо него к делам был привлечен сын Генриха Вавельберга — Ипполит Генрихович (Андреевич) Вавельберг, он же Гуне Нунсен⁴ (08.05.1844–20.10.1901).

В 1861 г. после окончания реальной гимназии в Варшаве в соответствии с волей отца Ипполит Вавельберг поступил в Институт сельского хозяйства и лесоводства в Маримонте (близ Варшавы). Участие в польском восстании 1863–1864 гг. вынудило И. Вавельберга из-за опасения репрессий по совету отца уехать в Германию. В Берлине в 1869 г. он окончил Коммерческую академию. Получив образование и вернувшись в Варшаву, Ипполит Вавельберг работал некоторое время в банкирской конторе своего отца в Варшаве. Вскоре он женился на Луизе (Людвика, Людмила) Берсон (20.12.1851–24.12.1927), дочери польского промышленника Сигизмунда Берсона (1814–1864). Брат ее Осип Сигизмундович Берсон стал представителем банкирского дома «Г. Вавельберг».

В 1886 г. И. Г. Вавельберг возглавил открытый в 1870 г. филиал банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге (угол Невского пр., 25 и Казанской ул., 1)⁵. Успешные финансовые операции на Петербургской бирже приносили значительную прибыль банкирскому дому⁶. До Вавельбергов в Петербурге уже обосновалось немало еврейских банкиров — выходцев из Царства Польского, среди которых выделялись Л. С. и С. Л. Кроненберги, В. А. Лясский, Эпштейны, Ф. Л. Гальперт, И. С. Блюх и др.⁷

С 1880-х гг. дальнейшему развитию банкирского дома «Г. Вавельберг» в Варшаве способствовал зять основателя предприятия Станислав Матвеевич Ротванд (11.06.1839–22.02.1916)⁸. Он родился в Варшаве, где провел детство и получил среднее образование в гимназии. Его родителями были ординатор Варшавской еврейской больницы Матеуш (Матвей) Ротванд (1809–05.06.1898) и Барбара (Варвара)

(1811–01.12.1898), урожденная Вейнберг. В 1855 г. в возрасте 16 лет он крестился и принял лютеранство. После окончания гимназии в 1856 г. Ротванд поступил в Московский университет на юридический факультет. Однако после закрытия там кафедр гражданских, уголовных и административных законов Царства Польского, он перевелся в С.-Петербургский университет, который закончил в 1860 г. со степенью кандидата прав. После непродолжительной службы в ведомстве комиссии юстиции Царства Польского он с 1863 г. занялся адвокатской деятельностью. С введением в 1874 г. Судебных уставов Ротванд числился присяжным поверенным округа Варшавской судебной палаты.

В 1875 г. Ротванд женился на дочери Генриха Вавельберга Марии-Анне (27.08.1846–20.08.1894), вдове своего старшего брата Леона Ротванда (12.05.1837–20.09.1868). С 1880 г. в качестве совладельца банковского дома «Г. Вавельберг» он стал принимать деятельное участие в делах банка. Ротванд фактически единолично руководил Варшавским отделением фирмы. С конца 1880-х гг. Ротванд более 20 лет состоял членом и товарищем председателя Варшавского биржевого комитета, с 1903 г. — старшиной варшавского купечества. Помимо этого он избирался председателем комитета варшавского музея промышленности и сельского хозяйства, председателем попечительских советов коммерческих училищ в Варшаве, почетным попечителем учрежденного им совместно с М. И. Вавельбергом Образцового среднего технического училища в Варшаве, членом наблюдательного комитета варшавского кредитного общества и многих других общественных и финансовых учреждений. В 1906 г. Ротванд был избран представителем от торговли в Государственный совет⁹.

В 1886 г. Петербургское отделение банковского дома было оформлено в торговый дом (полное товарищество) «Г. Вавельберг»¹⁰. В 1889 г. в него вступили совладельцами присяжный поверенный Игнатий-Людвиг Альбертович Шебеко (02.11.1859–28.5.1937) и Осип (Иосиф) Сигизмундович Берсон (1847–?), с приходом которых значительно выросли размеры операций банка.

О значимости банковского дома «Г. Вавельберг» свидетельствовало приглашение его представителя к обсуждению окончательного проекта «Устава биржевого» особым совещанием под председательством товарища министра финансов В. И. Ковалевского в 1896 г.¹¹

Свидетельством положения дома «Г. Вавельберг» было участие его в созданном в октябре 1899 г. синдикате из 15 «главнейших петербургских банков и банкиров с капиталом 5 350 000 руб.»¹². Он известен как биржевой или банковский «Красный крест». В него

вошли С.-Петербургский Международный банк, С.-Петербургский Учетный и ссудный банк, Русский для внешней торговли банк, С.-Петербургский Частный банк, Волжско-Камский банк, Сибирский Торговый банк, Русский Торгово-Промышленный банк, Русско-Китайский банк, С.-Петербургско-Азовский банк, С.-Петербургско-Московский банк, «Э. М. Мейер и К°», «И. В. Юнкер и К°» и др. Целью синдиката являлось предотвращение резкого падения цен обращающихся на С.-Петербургской бирже солидных дивидендных бумаг путем их покупки и продажи.

И. Г. Вавельберг считал себя «поляком Моисеева закона», много жертвовал на развитие польской культуры. Без его участия не обходилось ни одно польское благотворительное и просветительное начинание. В 1875 г. он стал соучредителем Музея промышленности и сельского хозяйства в Варшаве. По случаю 50-летней годовщины со дня основания банкирского дома Вавельберг в 1897 г. пожертвовал значительную сумму (300 тыс. руб.) на строительство доступного жилья для польских рабочих. Он был главным деятелем Польского благотворительного общества в Петербурге, поддерживал польскую прессу и польских студентов, был щедрым меценатом. Вавельберг помогал писательнице Элизе Ожешко, после смерти которой издал за свой счет полное собрание ее сочинений. Он также финансировал дешевые издания сочинений А. Мицкевича, Г. Сенкевича, Б. Пруса, предназначенные для бедных слоев польского населения. Однако признания среди поляков он не получил. Когда по случаю 100-летия со дня рождения Адама Мицкевича собирали деньги на его памятник в Варшаве, Вавельберг выразил готовность пожертвовать 50 тыс. руб., но получил отказ.

Под влиянием растущего антисемитизма И. Г. Вавельберг стал принимать активное участие в еврейской жизни. Он был членом правления Петербургской еврейской общины и синагоги (с начала 1880-х гг.) и пожертвовал на ее строительство 20 тыс. руб. Он являлся членом Общества распространения просвещения среди евреев, членом и казначеем Еврейского колонизационного общества, одним из учредителей Общества дешевых гигиенических квартир в Вильно.

Ипполит Вавельберг умер 20 октября 1901 г. в Висбадене в возрасте 57 лет. Похоронен на городском еврейском кладбище в Варшаве на улице Окопова (Окорова) рядом с отцом. В 1928 г. в честь И. Г. Вавельберга была названа улица в Варшаве. Ему наследовал сын Михаил-Сигизмунд Ипполитович (Михаэль) Вавельберг (28.01.1880–19.08.1947). Он окончил в 1899 г. Царскосельскую Николаевскую гимназию, а в 1903 г. — юридический факультет Петербургского

университета. 6 августа 1911 г. Михаил Вавельберг женился на Ванде-Маргарите (10.10.1889–?), дочери Артура и Софии Браунштейн (Braunstein). В этом браке родились в 1912 г. сын Генрих (1912–13.06.1945) и в 1916 г. дочь. Младший брат Михаила Вавельберга Вацлав (22.05.1885–22.04.1954) в 1920 г. женился на сестре Ванды Ирене Браунштейн (1897–?).

В 1908 г. Михаил Вавельберг получил свидетельство купца 1-й гильдии и возглавил семейный банкирский дом. М. И. Вавельберг являлся действительным членом Фондового отдела Петербургской биржи, директором Правления Донецко-Грушевского акционерного общества каменно-угольных и антрацитовых копий, директором акционерного Общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения, членом правления Страхового общества «Россия» и др., владел несколькими домами в Петербурге. Семья Вавельбергов была одним из крупнейших держателей акций Международного коммерческого банка, а также владельцами акций ряда крупных промышленных компаний, например, Ленского золотопромышленного товарищества и др.

Под руководством М. И. Вавельберга банкирский дом «Г. Вавельберг» превратился в один из крупнейших банков в России. По сведениям Особой комиссии для определения податной прибыли лиц и фирм, торгующих на Фондовом отделе С.-Петербургской биржи, для исчисления дополнительного раскладочного сбора прибыль банкирского дома «Г. Вавельберг» за 1909 г. доходила до 500 тыс. руб.¹³

В 1910 г. М. И. Вавельберг решил построить на углу Невского проспекта и улицы Гоголя новое здание для своего банка, проектирование которого было заказано архитектору М. М. Перетяковичу. В 1912 г. строительство было завершено. Огромное пятиэтажное здание банка в стиле итальянских дворцов эпохи Возрождения было облицовано блоками темно-серого гранита. Из того же материала сделаны рустованные колонны, барельефы, пилястры и фигурные украшения, выполненные скульпторами В. В. Козловым и Л. А. Дитрихом. Современники из-за сходства здания с Дворцом дождей в Венеции и Палаццо Медичи во Флоренции называли его «дворцом дождей» или «денежным палаццо». Художественную ценность нового здания оценивали неоднозначно¹⁴. Известный историк архитектуры Г. К. Лукомский в одной из своих статей писал о вдруг появившемся в центре Петербурга «впечатляющем монстре»¹⁵.

В здании разместились жилые комнаты семьи Вавельбергов, в нижних этажах располагался операционный зал Торгового банка, по-

мещения и кабинеты служащих банка, правления Российской бумагопрядильной мануфактуры, Верхне-Исетских горных и механических заводов, сталелитейных и механических заводов «Сормово», магазин «Динамо» и др.

По инициативе М. И. Вавельберга на основе банкирского дома был учрежден С.-Петербургский Торговый банк со складочным капиталом 10 млн руб. (40 тыс. акций по 250 руб.). Устав Торгового банка был утвержден 15 декабря 1911 г. Открытие состоялось 1 марта 1912 г. уже в новом здании (Невский пр., 7–9 и ул. Гоголя, 1–3). Банк имел также отделения на Невском пр., 83, в Москве (Ильинка, 21) и Харькове. Среди акционерных коммерческих банков столицы по величине основного капитала Торговый банк занимал 10-е место¹⁶. За 1914 г. чистая прибыль банка составила 1 570 339 руб., акционерам в качестве дивиденда было выдано по 10 руб. на акцию, т. е. 4 %. За 1915 г. чистая прибыль банка составила 626 458 руб., акционеры вновь получили дивиденд в размере 10 руб. на акцию¹⁷.

В 1913 г. был учрежден Западный банк в Варшаве. С. М. Ротванд и М. И. Вавельберг стали председателями правлений обоих коммерческих банков. Они и их родственники были наиболее крупными акционерами этих банков.

Согласно данным газеты «С.-Петербургский биржевой день», состояние М. И. Вавельберга в 1914 г. составляло 7 млн, руб.¹⁸ По подсчетам журнала «Банки и биржа», на 1 января 1915 г. капитал Вавельберга равнялся 6 млн руб.¹⁹ Сведения выглядят весьма достоверно и соответствует другим источникам.

Во время Первой мировой войны Петроградский Торговый банк в очень крупных размерах совершал сделки на «частной бирже», т. к. официальная Петроградская фондовая биржа была закрыта. В 1915 г. деятельность банка была признана вредной и по решению Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов он был лишен кредита в Государственном банке. Рассматривался даже вопрос о высылке М. И. Вавельберга из столицы.

После Октябрьской революции 1917 г. и национализации частных коммерческих банков Вавельберги покинули Россию. Они уехали во Францию и Польшу. В середине 1920-х гг. имя М. И. Вавельберга встречается среди членов парижской масонской ложи Гермес, из которых была создана группа вольных каменщиков в Польше. В 1928 г. М. И. Вавельберг и А. Эрдман обратились к великому мастеру Великой национальной ложи Польши С. Стемповскому с просьбой об открытии русской ложи в Варшаве. Однако русская ложа в Польше не

была создана из-за начавшейся антирусской кампании, проводимой правительством Юзефа Пилсудского²⁰.

Примечания

- ¹ Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1870. Warszwa : Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1870. S. 497; Я. Ш. [*Шабод Я.*] Варшава // Еврейская энциклопедия : Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 5. СПб. : О-во для науч. евр. изд. Брокгауз–Ефрон, 1910. С. 331.
- ² Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1870. S. 501.
- ³ Вавельберг // РГИА. Ф. 1343 (Третий департамент Сената). Оп. 40 (О присвоении прав потомственного почетного гражданства). Д. 776. 7 л.; Вавельберг, купцы 1-й гильдии // Там же. Д. 777. 31 л.
- ⁴ Гуне — это русифицированный, испорченный вариант еврейского мужского имени Chone («ch» транслитерируется на русский как «г», «о» после закрытого глухого согласного перед звонким согласным читается как русское «у»). Nunsen — это русифицированный, испорченный вариант еврейского мужского имени Nissim. В идише дифтонг NI произносится как носовой, отсюда в русском второе N. Chone Nissim — это еврейские имена (т. е. имя и аналог русского отчества) Маркуса Хирша, отца Генриха, соответственно деда Ипполита. О нем известно, что он принял крещение, был протестантом. Поскольку выкресты не могли официально содействовать евреям, то был найден выход — они получали право указывать имена своих предков-иудеев для обозначения своей принадлежности. В какой-то степени, это также восходит к восточной (в том числе семитской) традиции обозначать в полном имени принадлежность к роду (клану), линию наследования.
- ⁵ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб. : Тип. С. П. Яковлева, 1870. С. 11; Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших с 1-го ноября по 1-е февраля 1887 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1887 году. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1887. С. 10.
- ⁶ Правила банкирского дома Г. Вавельберг о кредитах по специальному текущему счету on call. [СПб.] : [б. и.], 1888.
- ⁷ Лизунов П. В. Польские банкиры и петербургские банки (середина XIX – начало XX в.) // Przegląd. Wschodnioeuropejski. Восточноевропейское обозрение : Научный журнал Центра исследований Восточной Европы Варминско-Мазурского университета в Ольштыне. 2012. № III. С. 99–114.
- ⁸ Торгово-промышленный мир России. СПб. : [б. и.], 1915. Отд. 1. С. 7.
- ⁹ Станислав Матвеевич Ротванд // Государственный совет. Исторический очерк / Сост. А. Г. и М. Л. Левенсон. СПб. : Тип. «Россия», 1907. С. 208.
- ¹⁰ Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов: Составлен по данным, извлеченным из материала Отдела торговли, Особенной канцелярии по кредитной части и Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, под редакцией В. А. Дмитриева-Мамонова. Ч. 2. СПб. : Э. Вернь, 1905. С. 495.
- ¹¹ Список членов Совецания для окончательного рассмотрения проекта биржевого устава // РГИА. Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур МФ). Оп. 5. Д. 130 (О пересмотре бюджетный уставов). Л. 62.
- ¹² О противодействии случайному падению дивидендных бумаг // РГИА. Ф. 587 (Государственный банк МФ). Оп. 56. Д. 296 («Всепопданнейшие» доклады министра финансов по ведомству Банка). Л. 120б.
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 852 (Петроградский биржевой комитет (1816–1917)). Оп. 2. Д. 296 (Об образовании особой комиссии определения податной прибыли членов Фондового отдела для более правильного исчисления дополнительного раскладочного сбора особым рас-

- кладочным присутствием). Л. 8–9, 19–20, 25–25об., 27–28; Валовой доход маклеров, постоянных и действительных членов Фондового отдела за 1909 г. // Там же. Д. 333 (Об образовании Особой комиссии для определения податной прибыли членов Фондового отдела для более правильного исчисления). Л. 33–34об.
- ¹⁴ Лукомский Г. К. Современный Петербург. Очерки истории возникновения и развития классического строительства (1900–1915 гг.). Пг. : Изд-во Свободное искусство, 1916. С. 72–74; Бенуа А. Н. Александр Бенуа размышляет... : Статьи, письма, высказывания. М. : Сов. художник, 1968. С. 146.
- ¹⁵ Ковалева Т. В. Искусство петербургского интерьера конца XIX – начала XX веков: дисс. ... канд. искусствоведения / Ковалева Татьяна Вячеславовна. СПб., 2003. С. 43.
- ¹⁶ [Гетц В. А.] С.-Петербургская биржа. 1912. [СПб.] : В. А. Гетц, 1913.
- ¹⁷ Всеобщий календарь на 1916 г. СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1915. С. 309–310; Всеобщий календарь на 1917 г. СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1916. С. 298–299.
- ¹⁸ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 12 марта.
- ¹⁹ Банки и биржа. 1915. № 1. С. 7.
- ²⁰ Серков А. И. История русского масонства XX века. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2009. Т. 2. С. 357–358.

УДК 329.12(=161.1)(476)“1905/1907”

Д. С. Лавринович
(г. Могилев, Республика Беларусь)

Евреи в Конституционно-демократической партии на территории Белорусско-Литовских губерний в 1905–1907 гг.

Неполноправное положение еврейского населения в Российской империи подталкивало его представителей к активной политической деятельности в рядах оппозиционных по отношению к царскому правительству политических партий. Признание и отстаивание конституционными демократами прав народов империи на свободное национальное развитие и снятие всех ограничений по национальному и конфессиональному признакам делало кадетскую партию привлекательной в глазах евреев, особенно проживавших в границах «черты оседлости». Еврейская общественность приняла активное участие в создании и деятельности местных организаций Конституционно-демократической партии (КДП).

Наибольшее участие представителей еврейского населения в деятельности КДП было в Вильно, где в октябре 1905 г. сформировалась особая национальная конституционно-демократическая группа¹.

Общее число ее членов составило около 100 человек, в основном из числа интеллигенции и средней буржуазии, но были и представители мелкой буржуазии, а также служащие. В состав комитета группы вошли врач Г. Д. Ромм, журналист И. Д. Ромм, доктор Я. Е. Выгодский, историк С. М. Дубнов, присяжные поверенные А. Ельяшев, Т. О. Шапиро, доктор медицины Ц. Шабад и преподаватель Г. Д. Михельсон. Председателем комитета был Г. Д. Ромм². Георгий Давидович Ромм (1855–1932) родился в семье издателя Д. Ромма, окончил Дерптский университет, получил степень доктора медицины. Он работал в Петрозаводской губернской земской больнице, а затем в Виленском еврейском госпитале Святого Якова. Как врач Г. Д. Ромм стоял у истоков развития современной лечебной физкультуры и физической реабилитации в Вильно. Принимал активное участие в общественной деятельности, поддерживал связи как с либералами, так и с представителями социалистических партий и организаций.

Печатным органом Виленской еврейской группы КДП являлась ежедневная газета «Новая заря», которая начала издаваться еще 1 июня 1905 г. Ее издателем вначале был Я. М. Шескин, а редакторами — заведующий еврейским училищем Л. А. Шлосберг и помощник присяжного поверенного Э. М. Бескин. С 14 марта 1906 г. издателем стал Э. М. Бескин. В издании газеты также принимал участие С. М. Дубнов. 20 мая 1906 г. в Вильно начала выходить новая кадетская ежедневная газета «Свободное слово». Ее издателем и редактором был К. Н. Тимофеев. И. Д. Ромм также выполнял редакторские функции, а впоследствии стал издателем.

Весной 1906 г. ЦК КДП назначил И. Д. Ромма своим постоянным уполномоченным в Вильно, причем он должен был координировать деятельность кадетских организаций в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях. Виленской еврейской группе был придан статус областного комитета КДП³. Илья Давидович Ромм (1860–1912), брат Г. Д. Ромма, обучался в Дерптском и Московском университетах. Еще в годы студенчества он начал принимать активное участие в общественной жизни, увлекшись идеями народничества. В итоге за ним на долгое время был установлен контроль со стороны органов политической полиции⁴. В более зрелые годы взгляды И. Д. Ромма эволюционируют в сторону либерализма, но, как показывают его публикации, он не перестает увлекаться и социалистическими учениями.

Значительной поддержкой Конституционно-демократическая партия пользовалась и со стороны еврейской общественности других

западных губерний. В Могилевском отделе насчитывалось много евреев, представителем которых в комитете был врач-окулист Я. А. Лурье⁵. По его мнению, работа в еврейской массе была одним из самых перспективных направлений деятельности кадетов. В апреле 1906 г. под руководством Лурье в губернском центре образовалась даже автономная еврейская группа КДП⁶. В Минске к кадетской партии примыкали один из лидеров сионистского движения в России С. Я. Розенбаум, управляющий отделением Северного банка А. И. Кацель, частный поверенный при окружном суде Э. М. Бейленсон, врач О. Л. Лунц и др.⁷

Председателем Витебского отдела КДП, насчитывавшего около 100 человек, в апреле 1906 г. был избран Г. Я. Брук⁸. Григорий (Гирш) Яковлевич Брук (1869–1922) родился в Чернигове в состоятельной семье. Окончил медицинский факультет Киевского университета и занимался врачебной практикой в Гомеле, а затем в Витебске. Рано увлекся идеями сионизма и к началу XX в. стал известным деятелем сионистского движения либерального толка, членом Генерального совета Всемирной сионистской организации⁹. В Витебске занимал должность общественного раввина.

Главным направлением деятельности конституционных демократов было участие в выборах и работе Государственной думы. Первая избирательная кампания проходила в январе – апреле 1906 г. В Вильно был образован еврейский избирательный комитет, состоявший из членов еврейской группы КДП и Виленского отделения Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. Руководителем комитета стал С. М. Дубнов. От евреев кандидатом в депутаты был намечен М. М. Винавер, выступивший перед выборщиками на митинге¹⁰. Полиция пыталась сорвать предвыборную кампанию кадетов: в ночь с 3 на 4 марта был арестован Г. Д. Ромм. Спустя несколько дней он был освобожден с условием выезда за границу на два месяца. На время его отъезда председателем Виленской еврейской группы КДП был избран Я. Е. Выгодский¹¹. Яков Ефимович Выгодский (1857–1941) родился в Бобруйске в семье евреев-хасидов. Он окончил Военно-медицинскую академию, работал врачом в Вильно, много сделал для развития медицинско-санитарной части. Был активным деятелем еврейского общественного движения. Впоследствии в независимой Литве стал министром по еврейским делам, а в Польше – депутатом сейма.

Во второй половине марта 1906 г. М. М. Винавер снял свою кандидатуру в депутаты Государственной думы от Вильно. После этого

баллотироваться было предложено С. М. Дубнову, но он отказался из-за загруженности литературной и научной деятельностью. Тогда Виленский еврейский избирательный комитет выставил кандидатуру сиониста Ш. Левина¹², который и победил на городских выборах 17 апреля 1906 г.

Могилевские конституционные демократы 1 марта заключили соглашение с Союзом для достижения полноправия еврейского народа в России. Во время совместного собрания двух организаций, на котором присутствовало около 100 человек, был образован избирательный комитет. Его председателем стал присяжный поверенный Б. Е. Гисен, заместителем председателя — Я. А. Лурье. Им удалось обеспечить на городских выборах победу кандидату кадетской партии Г. Н. Твердому¹³.

Минские кадеты, опасаясь негативной реакции со стороны властей на действия чиновников — сторонников КДП, решили не проводить собственного предвыборного собрания. Поэтому выдвижение кандидатов в выборщики происходило на национальных совещаниях. Были созданы русский, еврейский и польский предвыборные комитеты. Из числа представителей еврейского комитета в выборщики были избраны: С. Я. Розенбаум, Э. М. Бейленсон, А. И. Кацель, О. Л. Лунц¹⁴, вошедшие в избирательный список «прогрессивных русских, евреев и поляков». На городских выборах 5 апреля 1906 г. они одержали победу.

На выборах в Витебске в I Государственную думу был избран Г. Я. Брук.

Депутатом от Гродненской губернии стал и один из лидеров либералов, видный ученый-юрист М. Я. Острогорский¹⁵. Моисей Яковлевич Острогорский (1854–1921) родился в Бельском уезде Гродненской губернии в семье учителя. После обучения в гимназии в Гродно поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил со степенью кандидата права. Затем семь лет проработал в Министерстве юстиции. В 1883 г. М. Я. Острогорский уехал за границу, где окончил Свободную школу политических наук во Франции. Работы, посвященные правовым вопросам, принесли ему всемирную известность. Кливлендский университет в США предложил ему кафедру, но Острогорский решил вернуться в Россию в связи с избранием его депутатом I Государственной думы. Он пользовался популярностью и среди белорусских крестьян, которые даже во время переговоров о формировании списка кандидатов в депутаты Думы просили представителей еврейской общины обязательно включить в

него фамилию Острогорского. По своим политическим взглядам он был близок к партии кадетов, но формально ни в нее, ни в думскую фракцию народной свободы не входил¹⁶.

Как известно, I Государственная дума проработала всего 72 дня и была распущена по указу Николая II. Действия императора вызвали резкую критику со стороны депутатов-кадетов, которые приняли участие в написании обращения к народу в Выборге. Свои подписи под воззванием в числе других поставили Г. Я. Брук и Ш. Х. Левин.

Осенью 1906 г. еврейская конституционно-демократическая группа понесла существенные потери. В сентябре на постоянное место жительства в Санкт-Петербург переехал С. М. Дубнов. В ноябре умер Т. О. Шапиро, тогда же Б. Гольдберг вошел в ЦК Российской сионистской организации и отошел от дел группы¹⁷.

В октябре 1906 г. в «Свободном слове» начали печататься воззвания КДП и Союза полноправия по выборам II Государственной думы. В редакционных статьях И. Д. Ромм предупреждал о возможном вмешательстве местных властей в избирательный процесс, желании правительства изменить избирательный закон. «...Всем прогрессивным партиям надо готовиться к упорной выборной борьбе, чтобы отстоять добытые крохи свободы от посягательства враждебных ей сил», — писал он¹⁸. 26 ноября Виленский еврейский избирательный комитет единогласно постановил выставить кандидатом в депутаты присяжного поверенного О. О. Грузенберга¹⁹. Агитацию за него начало вести «Свободное слово». Но из-за противодействия властей, а также польских землевладельцев края кадеты и их союзники проиграли выборы. Все депутатские места от Виленской губернии во II Государственной думе заняли поляки. Жалоба, поданная группой еврейских и русских прогрессивных избирателей во главе с Г. Д. Роммом, на подтасовку выборов со стороны сторонников кандидата польского избирательного комитета М. А. Венславского, ситуацию не изменила²⁰. Местные власти и после выборов продолжали видеть в конституционных демократах опасных противников, мероприятия против них продолжались. 4 февраля 1907 г. было закрыто «Свободное слово».

В других белорусских губерниях ситуация была примерно такой же. Преследования со стороны властей, поддержка местной администрацией образованного в октябре 1906 г. Русского окраинного союза привели к поражению кандидатов кадетской партии на выборах.

Подводя итоги, можно отметить, что представители еврейского населения играли значительную роль в деятельности организаций КДП на территории белорусско-литовских губерний в 1905–1907 гг.

Примечания

- ¹ Деятельности виленской кадетской группы автор посвятил специальную статью (см. *Лавринович Д. С.* Виленская еврейская группа Конституционно-демократической партии в 1905–1907 гг. // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура : Материалы Международной научной конференции 27 апреля 2014 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин, А. Н. Пилипенко. СПб. : [б. и.], 2014. С. 251–255) и здесь лишь повторит основные положения.
- ² Переписка ЦК КДП с кадетами Виленской губернии (1906 г.) // ГАРФ. Ф. 523 (Партия народной свободы (кадеты)). Оп. 1. Д. 175. Л. 3, 17.
- ³ Минские вести // Голос провинции. 1906. 17 июня. С. 2–3.
- ⁴ О купеческом сыне И. Д. Ромме // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции МВД). Особый отдел. 1901 г. Оп. 299. Д. 306.
- ⁵ Отец известного советского историка и филолога С. Я. Лурье (1890–1964).
- ⁶ *Лурье Я.* Несколько слов о союзе для достижения еврейского равноправия // Могилевский голос. 1906. 13 апреля. С. 3.
- ⁷ *Н. С.* Кадеты и октябристы в Минске // Голос провинции. 1906. 31 марта. С. 3.
- ⁸ Переписка ЦК КДП с кадетами Витебской губернии (1905–1906 гг.) // ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 176. Л. 20.
- ⁹ Государственная дума России. Энциклопедия в 2 томах. Т. 1: Государственная дума Российской империи. 1906–1917 / отв. ред.: В. В. Шелохаев; А. Н. Аринин, В. В. Журавлев, Н. И. Канищева. М. : РОССПЭН, 2006. С. 73.
- ¹⁰ *Дубнов С. М.* Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб. : «Петербургское востоковедение», 1998. С. 275.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 175. Л. 19–20об.
- ¹² *Дубнов С. М.* Указ. соч. С. 276.
- ¹³ *Забайскі М. М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Минск : БДПУ імя М. Танка, 1999. С. 22, 33.
- ¹⁴ Переписка ЦК КДП с кадетами Минской губернии (1906 г.) // ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 243. Л. 30.
- ¹⁵ *Забайскі М. М.* Указ. сач. С. 175.
- ¹⁶ *Аронов Д. В. М. Я.* Острогорский — либеральный политик и теоретик партийного строительства [Электронный ресурс] // Управление общественными и экономическими системами : многопредметный научный журнал / ФГОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК». Орел : ОрелГТУ, 2007. № 2. URL: <http://umc.gu-unprk.ru> (дата обращения: 05.05.2012).
- ¹⁷ *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим : Б-ка Алия, 1977. С. 242.
- ¹⁸ *Ромм И.* Политика момента // Свободное слово. 1906. 14 октября. С. 2.
- ¹⁹ Дневник // Там же. 1906. 28 ноября. С. 3.
- ²⁰ Дело виленского городского головы с препровождением прошения избирателей г. Вильны Ромма и др., жалующихся на неправильность утверждения при производстве выборов члена Государственной думы от Вильно (23–24 февраля 1907 г.) // Литовский государственный исторический архив. Ф. 799 (Виленское губернское по делам о выборах в государственную думу присутствие 1906–1907). Оп. 1. Д. 85. Л. 2–6об.

УДК 929.52

О. Б. Вахромеева

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Бестужевки сестры Познер в науке и революционной борьбе

На рубеже XIX–XX столетий идея равноправия женщин с мужчинами в сфере труда и области образования уже не устраивала передовых участниц женского движения; женщины заговорили о гражданской правоспособности, требовали предоставления им политических прав и свобод, а многие представительницы прекрасного пола, «служа делу народа, шли в революцию». Нередко границу той или иной степени женской эмансипации было сложно провести даже в одной семье. Примером тому служат такие разные биографии трех сестер Познер.

Селима Марковна Познер (старшая сестра), Софья Марковна Познер (средняя сестра) и Нина Марковна Познер (младшая сестра, по мужу Ершова) родились в Грозном в иудейской семье часовщика-ремесленника Марка Познера. Помимо сестер в семье были многочисленные братья, большинство из которых стали профессиональными революционерами, общественными деятелями и учеными. Судьбы трех сестер сложились по-разному. Воспитание и начальное образование они получили дома, в Чечне. В разные годы они учились в Бакинской женской гимназии (куда переехала семья), а после на Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсах; специализировались по научным дисциплинам физико-математического отделения; но курсы удалось окончить лишь двум старшим сестрам, младшая была отчислена из учебного заведения по причине политической неблагонадежности.

Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918) были частным высшим учебным заведением, где лица женского пола проходили курс наук мужских университетов с тем лишь исключением, что по их окончании свидетельство об окончании не давало им никаких прав к тем, которые они могли приобрести после гимназии в виде удостоверения домашней наставницы или домашней учительницы¹. Тем не менее, идя на непомерные жертвы, многие молодые женщины стремились получить высшее образование именно в этом учебном заведении, где преподавали светила отечественной науки, в частности, естествознания (А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, И. И. Боргман, К. Ф. Кесслер, П. Ф. Лесгафт, И. М. Сеченов и многие другие).

Селима Марковна Познер (1865–1956) поступила на Бестужевские курсы в 20 лет. С детства она мечтала получить высшее образование, приобрести специальность и быть полезной своему народу на поприще воспитания, т. к. считала, что только образование способно помочь молодому человеку или девушке превратиться в человека. Общественное мнение 1880-х гг. с большим недоверием относилось к молодым женщинам, посвящавшим себя научной или педагогической деятельности, поэтому от них требовалось немало решимости и твердости, чтобы преодолеть предрассудки, укоренившиеся в сознании современников, нужду (курсы были платными), отчуждение в незнакомом городе (студенческие землячества тогда не играли большой роли). Преодолеть многие препятствия Селиме Марковне позволила встреча с П. Ф. Лесгафтом (1837–1909), который читал в женском университете лекции по анатомии; кроме того, она посещала его публичные лекции в Соляном городке (тогда она впервые узнала о новаторских идеях ученого о взаимосвязи строения человеческого тела и правильного физического воспитания)². Ученый был большим поборником высшего женского образования. После увольнения из Казанского университета в 1870 г. без права преподавания в высшей школе за то, что высказался в газетной публикации о неправомерных действиях попечителя Казанского учебного округа П. Д. Шестакова, ставленника реакционного министра образования графа Д. А. Толстого, он был очень популярен в среде демократического студенчества.

Закончив физико-математическое отделение курсов в 1889 г., Селима Марковна, не задумываясь, последовала за своим учителем. Она с увлечением занялась воспитательной деятельностью, а когда в августе 1893 г. Петром Францевичем была основана Биологическая лаборатория (с большим зоологическим и сравнительно-анатомическим музеем, где были собраны гербарии флоры севера России, Кавказа и Сибири, коллекции геологические, минералогические и палеонтологические, а также химическая лаборатория и четыре кабинета – физиологический, гистологический, эмбриологический и анатомический), помогала ему в работе. Она была его первой ученицей на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования, открытых в 1896 г.³ Не случайно Софья Марковна называла сестру «первой лесгафтичкой», говоря о ней в сборнике «Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг.», когда вспоминала о создании первой большевистской организации на территории Финляндии⁴. Л. М. Филиппов упоминал о ней в статье «Лесгафтыята в Териоках», живописуя «финское годовое заточение» (1902 г.) сотрудников рупора передовой

науки, материализма и марксизма – «Научного обозрения» (в журнале публиковались К. Э. Циолковский, Д. И. Менделеев, П. Ф. Лесгафт, М. И. Туган-Барановский, В. И. Ленин и др.), редактором которого был его отец – философ, математик и литератор М. М. Филиппов. Все собравшиеся живо обсуждали вторую часть «Руководства к физическому образованию детей школьного возраста»: лесгафтичка Познер принимала живое участие в дискуссии⁵.

Вскоре Селима Марковна стала супругой П. Ф. Лесгафта. В этот период жизни в маленькой женщине с острым стремительным профилем, обладавшей непреклонным характером, проявились еще нереализованные организаторские способности: в 1905 г. при ее деятельном участии были открыты Высшие женские курсы при Биологической лаборатории профессора П. Ф. Лесгафта; в 1906 г. на их базе была основана Вольная высшая школа, просуществовавшая до 1907 г. В том же году профессор был приглашен В. М. Бехтеревым на кафедру анатомии нового Психоневрологического института. В последние годы жизни П. Ф. Лесгафт тяжело болел, страдал он нефрита. В 1909 г. С. М. Познер сопровождала супруга в последней поездке (к месту лечения в Каире). В Россию она вернулась одна, взяв тело П. Ф. Лесгафта на родину (он похоронен на Волковом кладбище Петербурга).

Совместно с Петром Францевичем его верная соратница работала над трудами: «Семейное воспитание ребенка и его значение» (в трех частях, СПб., 1906–1912), третьей частью «Руководства к физическому образованию детей школьного возраста» (СПб., 1904). Ее заслуга состоит и в сохранении наследия великого ученого, общественного деятеля. Когда в 1920-е гг. Селима Марковна была активным членом Общества любителей мироведения (РОЛМ) (члены которого заседали в доме по адресу: Петербург, ул. Печатников, дом № 25А), то продолжала распространение идей ученого. Она часто повторяла лесгафтовскую фразу: «Необходимо помнить, что нельзя ребенка сделать человеком, а можно только этому содействовать и не мешать, чтобы он сам в себе выработал человека. Необходимо, чтобы он выработал идейного человека и стремился бы в жизни руководствоваться идеалами». В 1925 г. в сборнике «Вопросы физической культуры» вышли две ее статьи: «Об играх» (С. 48–67) и «Дыхательная гимнастика в свете научных идей Лесгафта» (С. 68–76).

В 1920–1930-е гг. Селима Марковна продолжала преподавать физическое воспитание, работая в школах Ленинграда. Доктор геолого-минералогических наук, профессор Львовского университета Д. П. Резвой, автор многочисленных воспоминаний, писал о встречах

с С. М. Познер: в конце 1920-х гг. Лесгафтские курсы физического воспитания переехали на улицу Декабристов (бывшую Офицерскую), «мы бегали еще до переезда в залу-аудиторию, где “тети” в коротких и пышных шароварах (такова была спортивная мода) старательно выполняли всякого рода упражнения: “стигания”, “отведения” и “круговые движения”. Дело в том, что на этих курсах решительно отвергались гимнастические снаряды, а соревнования считались недопустимыми. Это было перенесено и в нашу школу. “Нельзя превращать руки в ноги и опираться на них тяжестью тела”, – говорила нам наша Селима Марковна, ссылаясь на П. Ф. Лесгафта, портреты которого висели в каждом классе. “Соревнования же развивают у детей низменные инстинкты”, – добавляла она»⁶.

С. М. Познер оставила подробное описание жизни и деятельности П. Ф. Лесгафта, начиная с 1890-х гг., под названием «Из воспоминаний о Петре Францевиче Лесгафте» в сборнике, посвященном его памяти⁷. Селима Марковна пережила супруга на 47 лет.

Софья Марковна Познер (1873–1953) была членом партии большевиков с 1903 г.; член Бакинского, Нижегородского комитетов РСДРП; работала в Петербургской социал-демократической организации, принимала участие в революционных событиях 1905–1907 гг. (несколько раз арестовывалась и высылалась)⁸.

На Бестужевские курсы Софья Марковна поступила в 1894 г. по стопам своей старшей сестры. Она также была слушательницей физико-математического отделения по химическому разряду. Но за несколько месяцев до окончания учебы была отчислена за участие в студенческих волнениях (1899 г.).

9 февраля 1899 г. в знак протеста против избияния у Казанского собора студентов Петербургского университета в день его годовщины (8 февраля) на ВЖК была объявлена забастовка, занятия прекращались. Пытаясь административными мерами (без привлечения полиции) прекратить студенческие волнения, директор курсов Н. П. Раев и два декана (Н. Я. Сони́на и С. Ф. Платонов) отчислили 21 слушательницу, нескольким был объявлен строгий выговор. В знак протеста слушательницы снова объявили забастовку. Курсистки разделились на две группы: за прекращение занятий, пока не восстановят уволенных и более малочисленная группа (около 300 человек), стоящую на продолжении занятий. 6 марта, уступив требованиям слушательниц, Совет профессоров принял всех отчисленных вновь. Новые акты неповиновения слушательниц начались 20 марта, также в связи с волнениями в столичном университете. Администрация удалила с курсов

35 слушательниц навсегда, 46 на два года, 94 на один год, 51 слушательницу до осени. Оставшиеся курсистки всеми силами пытались отстоять своих подруг — 150 лиц подали прошение об увольнении⁹.

Выйдя с курсов без свидетельства об окончании, но с опытом работы в химической лаборатории, Софья Марковна Познер увлеклась революционными идеями и включилась в работу «Боевой технической группы» под именем «Татьяны Николаевны» (первоначально ее участники перевозили из Финляндии запрещенную литературу и оружие, а с осени 1905 г. в Петербурге принялись за организацию бомбистских мастерских и боевое обучение рабочих; они держали тесную связь с Москвой, куда отправляли инструкторов-химиков). После провала большевика-латыша Карла Мицита (по кличке «Мартын») подрывной деятельности в столице пришел конец, и группа занялась организацией первой большевистской ячейки в Финляндии: С. М. Познер с товарищами, о которых она подробно написала в опубликованных воспоминаниях, обосновались с дачной местности Куоккала, где в специально нанятом доме развернули практическую боевую инструкторскую школу. Софья Марковна занималась большую часть времени в химической лаборатории, где готовила взрывчатые порошки, ее соратники обучали петербургских рабочих как будущих инструкторов и начальников боевых дружин. В мае–июне 1907 г. последовал провал школы-лаборатории (из-за провокаторской миссии Бродского), которую не спас даже переезд в поселок Хаапало: на собрании в Лесном был произведен массовый арест членов петербургской боевой организации, после чего они подверглись суду, аресту и высылке¹⁰.

Пройдя суровую школу партийной борьбы, по настоянию старшей сестры в 1910 г. Софья Марковна вернулась на Бестужевские курсы, предварительно два года отучившись на Лесгафтовских курсах, где сдала ряд экзаменов и служила ассистенткой по химии у профессора П. Л. Мальчевского. В курсовых документах события 1899 г. не упоминались¹¹. С. М. Познер окончила физико-математический факультет ВЖК по группе химии в 1913 г.

После 1917 г. она стала историком партии, была работником Наркомпроса, Истпарта и Института Ленина. Помимо упомянутого сборника «Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг.» (1934 г.), Софья Марковна, будучи с 1924 г. членом Московского отделения Всесоюзного общества старых большевиков и имея возможность общаться лично со своими боевыми товарищами и работать с их архивами, была составителем его первой редакции («Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905–1907): Статьи и воспоминания». М.; Л.,

1927), редактором воспоминаний старых большевиков («Годы подполья». М.; Л., 1928), автором брошюры («Как подготовлялась и проводилась конференция военных и боевых организаций». М., 1932) и очерка («Старый большевик Л. Б. Красин» в книге его воспоминаний «Дела давно минувших дней». М., 1934. С. 5–22)¹².

Нина Марковна Познер (по мужу Ершова) (1878–1919) поступила на Бестужевские курсы сразу же после окончания гимназии; как младшая она с восторгом слушала рассказы старших сестер и братьев о студенческой жизни в столице. Но она проучилась на физико-математическом отделении ВЖК только два года (1897–1899), т. к. была отчислена (вместе со средней сестрой).

Нина Марковна, приняв православие, вышла замуж за Сергея Петровича Ершова, выпускника Петербургского университета, профессионального химика, который первоначально работал в Биологической лаборатории профессора П. Ф. Лесгафта, но занялся изготовлением взрывчатых веществ на дому, в связи с чем должен был оставить службу. Семья очень нуждалась, тогда супруги приняли решение уехать за границу; живя в Брюсселе, затем Швейцарии, Сергей Петрович продолжал научные занятия, а Нина Марковна смогла закончить медицинский факультет Женевского университета и получила диплом врача¹³. Ершovy вернулись в Россию накануне первой русской революции, оба устроились работать по специальности (он преподавал в Горном институте химию и минералогию, она работала врачом). Но мирная жизнь вскоре изменилась, и они влились в число участников революции (Нина Марковна спасала товарищей после провала школы-лаборатории, помогая им по своему паспорту проходить заградительные кордоны)¹⁴; однако рождение сына заставило оставить опасное занятие.

В конце 1900-х гг. семья Ершовых переехала на Кавказ, куда Сергея Петровича «призвали научные исследования горных пород». Жили они недалеко от Владикавказа (где у супругов родилось еще двое детей). После октября 1917 г. Ершovy вступили в партию. Сергея Петровича, человека сильной воли и имевшего организаторский талант, назначили комиссаром минеральных вод в Пятигорск, где он своей деятельностью внес немалый вклад в урегулирование жизни местного населения. Но в январе 1919 г. в город вошли белые, в Пятигорске были устроены массовые убийства партийцев и обычных граждан (бесчинствовали мало подотчетные командующему армии А. И. Деникину казачьи отряды). Накануне Ершов принял решение отступить в Астрахань. Отходили в составе 12-й армии; поход был

сложным, т. к. большая часть красноармейцев болела сыпным тифом. Нина Марковна возилась с больными, как с малыми детьми, позабыв о своих собственных. Сначала заболели младшие дети, после и сама врач. Ершовы остановились в деревне Березняк на берегу Каспийского залива, где Нина Марковны впала в бессознательное состояние. Но на следующий день в деревню пришли казаки. Ершовых выдала одна их пятигорских беженок. Сергея Петровича расстреляли на следующий день, после до смерти избили старшего 12-летнего сына Михаила. Весной 1919 г., придя в себя через два месяца после страшных событий, Нина Марковна, узнав обо всем, умерла через несколько дней на глазах своих маленьких детей. Трагичная смерть младшей сестры и ее близких заставила иначе взглянуть на происходящие события оставшихся в живых членов семьи. Софья Марковна посвятила памяти Нины Марковны и Сергея Петровича две статьи в «Памятнике борцам пролетарской революции»¹⁵.

Будучи супругой федерального комиссара, в середине августа 1918 г. врач Н. М. Ершова (Познер) возглавила пятигорский собес. Она обратила внимание на ужасающее положение детских домов, о чем писала в Совдеп для упорядочения «детского вопроса»: «Благотворительность – пережиток старого времени, основанный на классовом различии между богатыми и бедными, против которого боролся пролетариат. Бросая крохи от своих богатств, богачи по дешевке покупали себе спокойствие совести. Эта видимая благотворительность часто приносила доход только “благотворителям”; пролетариату не нужно покупать спокойствие совести – его совесть чиста пред всем миром... Все блага мира созданы пролетариатом. Рабоче-крестьянская власть в корне изменяет вид помощи, отказываясь от подачек, частной и общественной благотворительности»¹⁶.

Опубликованные воспоминания и материалы позволили раскрыть биографии трех сестер Познер, чеченских евреек, которые, получив высшее образование, понимали свою профессиональную деятельность (каждая по-своему) как служение народу. Ставшая частью истории партийная борьба большевиков, движение за гармоничное физическое и умственное воспитание подрастающего поколения и драматические события Гражданской войны – все переплелось в истории Отечества, оставив неизгладимый след и в истории семьи Познер.

Примечания

¹ Вахромеева О. Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб. : Диада-СПб, 2003. С. 3.

² Там же. С. 30.

- ³ Лесгафта курсы или курсы при С.-Петербургской биологической лаборатории // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Доп. Т. II. СПб. : АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1906. С. 73.
- ⁴ Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг.: Статьи, воспоминания и документы / Сост. С. М. Познер; предисловие М. Горького. М. : Старый большевик, 1934. С. 198.
- ⁵ Филиппов Л. М. Лесгафтята в Териоках // Физическая культура в школе. 1966. № 8. С. 18.
- ⁶ Резвой Д. П. Об одном питерском доме... // Природа. 1992. № 3. С. 95.
- ⁷ Познер С. М. Из воспоминаний о Петре Францевиче Лесгафте (1890-е гг. – 1909. Жизнь Лесгафта летом на Волге, врачебная практика среди крестьян. Основание им Биологической лаборатории в Петербурге, преподавание на Высших женских курсах Лесгафта и в Вольной высшей школе, общественная деятельность. Болезнь и смерть) / Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб. : Изд. газ. «Школа и жизнь», 1912. С. 242–298.
- ⁸ Высшие женские (Бестужевские) курсы: библиографический указатель / Сост. З. А. Евтеева, О. Н. Кузнецова, А. О. Силюнова и др. М. : Книга, 1966. С. 159.
- ⁹ Вахромеева О. Б. Новая женщина в старой России. Очерки по истории женского образования. Конец XVIII – начало XX века. СПб. : Лема, 2011. С. 210.
- ¹⁰ Иванова О. Петербургская боевая организация большевиков (1905–1907 гг.) // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 41, 45, 48, 53–54.
- ¹¹ Протокол заседания физико-математического факультета 2 ноября 1910 г. / Отчет С.-Петербургских Высших женских курсов за 1910–1911 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. С. 177, 187.
- ¹² Высшие женские (Бестужевские) курсы: библиографический указатель. С. 159.
- ¹³ Там же. С. 149.
- ¹⁴ Словатинская Т. А. Отъезд из Финляндии (из воспоминаний) // Прометей. 1967. № 4. С. 250.
- ¹⁵ Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. / Сост. Л. Лежава, Г. Русаков. Т. 1 (А–И). М. ; Л. : Гос. изд-во, 1924. С. 185–187.
- ¹⁶ История революционного движения на Тереке: Сборник статей, воспоминаний и материалов. № 1. Пятигорск : Изд-во Тергубкома РКП(б), 1924. С. 48.

УДК 94(477):323.1:314.745.22(=411.16)“1915”

М. А. Златина

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**О проблемах реализации циркуляра
кн. Н. Б. Щербатова о разрешении евреям
проживать вне черты оседлости на примере г. Киева
(август – сентябрь 1915 г.)**

Массовый поток еврейских беженцев, хлынувший весной – летом 1915 г. из западных губерний Российской империи на более отдаленные от театра военных действий, разрешенные для проживания

евреев территории, стал одним из факторов, вынудивших власти предрержащие раздвинуть рамки черты оседлости. На заседании Совета министров 4 августа 1915 г. было принято Положение, зафиксированное в Особом Журнале Совета министров за № 147, о разрешении евреям проживать в городских поселениях вне черты еврейской оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров императорского двора и военного¹. На основе утвержденного Положения был в спешном порядке составлен 13 августа 1915 г. циркуляр министра внутренних дел кн. Н. Б. Щербатова за № 59 о разрешении евреям проживать вне черты оседлости². Уже 18 августа 1915 г. текст циркуляра был разослан для его дальнейшего претворения в жизнь губернаторам и градоначальникам³. И, наконец, 21 августа 1915 г. соответствующая запись была опубликована в Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительственном Сенате⁴.

Центральная гражданская власть стремилась предотвратить назревавшую социально-экономическую катастрофу, которую могло спровоцировать чрезмерное заполнение еврейскими беженцами сужавшихся из-за войны территорий, на которых евреи имели законное право жительства. Но претворение в жизнь циркулярного решения натолкнулось на ряд препятствий: далеко не все местные власти были готовы и согласны исполнять присланное к ним распоряжение кн. Н. Б. Щербатова о расширении границ права жительства еврейских беженцев. Особенно наглядно данная ситуация столкновения мнений и интересов проявилась в Киевской губернии, точнее, в Киеве, поскольку в данном городе евреи имели ограниченное право жительства⁵.

Сложности с реализацией циркуляра проявились уже на этапе передачи текста распоряжения министра внутренних дел по инстанциям местных властей. 25 августа 1915 г. газета «Киевская мысль» сообщила о том, что «циркуляр министра внутренних дел кн. Н. Б. Щербатова об отмене черты оседлости получен в канцелярии Киевского губернатора. (далее был напечатан полный текст циркуляра — М. З.) Циркуляр передан из канцелярии губернатора в Киевское губернское правление для исполнения и напечатания в “Киевских губернских ведомостях”»⁶. Однако в следующем выпуске газеты население оповещалось о том, что «в Киевском губернском правлении циркуляр о расширении черты оседлости до сих пор не получен»⁷. В итоге «распоряжение министра внутренних дел о расширении черты оседлости было опубликовано в “Киевских губернских ведомостях” 3 сентя-

бря»⁸, т. е. официально было обнародовано и вступило в силу только десять дней спустя после появления данной информации в неправительственной прессе. Казалось бы, хоть и с задержкой, но циркуляр кн. Н. Б. Щербатова о расширении права жительства евреев должен начать претворяться в жизнь. По этому поводу сотрудник «киевской вечерней газеты беседовал с представителем полиции. По заявлению этого представителя полиции, с момента получения узаконения в Киеве для киевской полиции и населения распоряжение являлось законом, и теперь никто не имел права отказать еврею в заявке его в том или ином участке. В случае же отказа в регистрации и в праве жительства со стороны домовладельцев или чинов полиции, каждый имел право подать жалобу с целью привлечения к ответственности виновного за неисполнение распоряжения правительства. <...> Циркуляр напечатан в “Губернских ведомостях” от 3-его сентября, что должно было быть известно всем чинам полиции»⁹.

Но не успели еврейские беженцы порадоваться возможности обосноваться в ранее закрытом для них Киеве, как 6 сентября 1915 г. (три дня спустя после официального разрешения) в газетах сообщили о том, что Главный начальник Киевского военного округа ген.-адъют. В. И. Троцкий отказался выполнять распоряжение министра внутренних дел. У местных военных властей в данном случае было несколько лазеек для неисполнения приказа из центра. В самом циркуляре было прописано, что разрешение евреям проживать в городских поселениях вне черты еврейской оседлости не распространяется на территории, находящиеся в ведении военного министра. Киев входил в состав Киевского военного округа. Более того, с начала войны Киевский округ стал наряду с другими западными военными округами непосредственной тыловой зоной действующих армий и именовался «округом на театре военных действий». Специфической чертой подобных округов было распространение на их территории жесткого режима военного положения. Согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», утвержденному в 1914 г., главные начальники военно-окружных управлений на театре военных действий принимали на себя «общее руководство гражданской частью». Это означало, что «все местные гражданские власти были обязаны немедленно и беспрекословно выполнять требования и распоряжения» военных властей¹⁰. И потому, несмотря на получение и начало реализации распоряжения кн. Н. Б. Щербатова о праве жительства евреев, Киевское губернское правление вынуждено было согласовать свои действия и с Главным начальником военного округа. В. И. Троцкому была направлена до-

кладная записка по вопросу о введении в действие данного циркуляра кн. Н. Б. Щербатова. В ответ «Главный начальник Киевского военного округа не признал возможным распространить действия указанного циркуляра министерства внутренних дел на Киев», обосновав свой отказ перегруженностью Киева пришлым элементом и беженцами¹¹. Киевское губернское правление подчинилось решению местных военных властей и объявило «об оставлении циркуляра министра внутренних дел без приведения в исполнение с соответствующим распоряжением, отданным в полицию»¹².

Однако согласно распоряжению, разосланному по полицейским участкам 9 сентября 1915 г., разрешено было не выселять из Киева тех евреев, «которые поселились здесь до издания указа Главного начальника Киевского военного округа (до 5 сентября) и не возбуждать перед администрацией никаких дел о праве жительства этих евреев»¹³. Таким образом, получалось, что часть евреев все-таки успевала воспользоваться циркуляром о праве жительства вне черты оседлости, хоть и слишком кратким оказывался период действия указа кн. Н. Б. Щербатова на территории Киева. Ситуация, сложившаяся вокруг циркуляра, отнюдь не устраивала местную еврейскую общину. 10 сентября 1915 г. еврейская депутация в составе духовного раввина С. Я. Аронсона, Г. Б. Быховского и Д. С. Марголина сначала посетила начальника штаба Киевского военного округа Н. А. Ходоровича. Причем при приеме депутации случайно присутствовал и Киевский городской голова И. Н. Дьяков. Н. А. Ходорович заявил, что в то время, как принимаются меры к разгрузке города, допустить массовый наплыв евреев в Киев, который до сих пор сдерживался существующими ограничительными законами, не представляется возможным¹⁴. Но предложил «установить срок, в течение которого тем евреям, которые находились в Киеве до 10 сентября (т. е. до момента беседы еврейской делегации с местными властями — М. З.) должно было быть предоставлено право заявляться в любом участке. После же этого срока — примерно недельного — никакие переселения не должны были быть допускаемы»¹⁵. Депутация высказала опасение, что «низшие полицейские агенты неохотно будут выполнять распоряжения, что могут даже чинить евреям препятствия и таким образом лишит евреям возможности осуществить свое право зарегистрироваться в течение требуемого срока»¹⁶. В ответ Н. А. Ходорович заявил, что у него нет «времени и возможности входить в эти подробности», но предложил еврейским депутатам составить проект мер по реализации указанных требований, со своей стороны обещая поддержать данный проект пе-

ред Главным начальником Киевского военного округа¹⁷. В подтверждение своих слов Н. А. Ходорович тут же связался с В. И. Троцким по телефону и попросил последнего принять еврейскую делегацию. В. И. Троцкий в тот же день, 10 сентября 1915 г., принял представителей еврейской общины, в очередной раз объяснил им, что «находит не своевременным применять циркуляр 13 августа в настоящее время, когда нельзя быть уверенным в том, что в будущем Киеву не предстоит эвакуация. И чем больше Киев наполнится, тем труднее будет его разгрузить»¹⁸. На замечание же депутации о том, что «ставить евреев Киева в исключительное положение нет оснований», В. И. Троцкий ответил, что Киев находится на театре военных действий, и это вынуждает принимать подобные решения. Но он сам «лично ничего не имеет против евреев, и притеснять евреев не намерен»¹⁹. Пообещав связаться и все обсудить с начальником губернии, В. И. Троцкий отправил еврейскую депутацию к Киевскому губернатору Н. И. Суковкину. До губернатора еврейские депутаты добрались к часу дня все того же 10 сентября. Начатая речь еврейских представителей была прервана Н. И. Суковкиным, который сообщил, что он уже все знает: «генерал Троцкий телефонировал и просил заехать к нему в два часа дня»²⁰. И, как заявил губернатор, до тех пор, пока эта беседа не состоится, он ничего сказать прибывшей к нему делегации не может. На этом беседа закончилась, вояж еврейской депутации по инстанциям местных властных структур завершился, они сделали все, что могли, оставалось только ожидать вердикта.

Ответ не заставил себя ждать, вечером 10 сентября 1915 г. последовало новое распоряжение местной администрации о праве жительства евреев в Киеве, на следующий день, 11 сентября, оно было опубликовано в местной и центральной прессе. «Главный начальник Киевского военного округа на основании личных переговоров с управляющим Киевской губернии Суковкиным признал возможным разрешить евреям, не располагавшим правом жительства в Киеве, но поселившимся здесь до 10 сентября 1915 г., проживать беспрепятственно в этом городе согласно циркуляру министра внутренних дел о расширении черты оседлости. Евреи, желающие воспользоваться этой льготой, должны были никак не позже 15 сентября заявить в подлежащих полицейских участках свой адрес, время прибытия в Киев и точный состав своих семейств. Евреи же, прибывшие позже 10 сентября или хотя бы и прибывшие ранее сего срока, но не сделавшие в полиции вышеуказанных заявлений, будут после 15 сентября по распоряжению начальника военного округа немедленно выселяться из Киева»²¹.

Утром 11 сентября 1915 г. киевский полицмейстер разослал всем участковым приставам «разъяснения об осуществлении последнего распоряжения Главного начальника военного округа о предоставлении евреям, прибывшим в Киев до 10 сентября, права заявиться в участок до 15 сентября. Однако, как сообщала местная пресса, «евреи, прибывшие вчера (11 сентября — М. З.) в полицейские участки, в одних участках получили категорический отказ в заявке их на жительство, в других их регистрировали лишь на три дня. Свои действия полицейские чиновники мотивировали отсутствием еще распоряжения от своих приставов. Евреи из этих участков направлялись с жалобами в городскую полицию»²². В течение 11–15 сентября наблюдался массовый наплыв евреев в полицейские участки для «вставания на учет». «В Лыбедском и Плосском участках, наиболее заселенных евреями, заявители-евреи исчислялись сотнями. Наличный состав паспортных столов полицейских участков оказался не в состоянии справиться с колоссальной работой, ограниченной 15 сентября»²³. В итоге срок подачи документов согласились продлить еще на три дня: до 18 сентября 1915 г.²⁴

Когда истек последний срок для подачи заявки на регистрацию в Киеве по месту жительства тех евреев, которые прибыли в город до 10 сентября 1915 г., киевский полицмейстер запросил у Главного начальника Киевского военного округа указания о дальнейших мероприятиях по отношению к евреям. Согласно поступившему указу, с 18 сентября 1915 г. совершенно воспрещался въезд в город на жительство всех новых лиц из евреев, даже тех, которые и до принятия циркуляра кн. Н. Б. Щербатова от 13 августа 1915 г. имели право проживать в Киеве²⁵. Лишь в первой декаде октября 1915 г. ситуация чуть смягчилась. В Киев было разрешено приезжать и селиться «тем евреям, которые до издания циркуляра кн. Н. Б. Щербатова пользовались в Киеве правом жительства. Другие категории евреев вновь не допускались. Что касается евреев, поселившихся до 10 сентября, они могли оставаться впредь до потери права жительства»²⁶.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в сентябре 1915 г. вокруг вопроса о предоставлении еврейским вынужденным мигрантам права проживать в Киеве, наглядно продемонстрировала, что для разрешения данной проблемы было мало дозволения на это со стороны центральной власти. Не менее важно было получить подтверждение данного права от местной администрации, тем более, если речь шла о территориях, подконтрольных военным властям и находящихся недалеко от фронта. Циркуляр министра внутренних дел кн. Н. Б. Щер-

батова о разрешении евреям проживать вне черты оседлости от 13 августа 1915 г. мог быть применен, отклонен или частично реализован в зависимости от субъективных (отношение к евреям местной военной и гражданской администрации) и объективных (положение на фронте) факторов. Применительно к «киевской» ситуации, Главный начальник Киевского военного округа В. И. Троцкий действительно мог опасаться грядущей эвакуации Киева, учитывая результаты Виленской операции (Свенцянского прорыва), и намеренно не допускать увеличения числа потенциальных эвакуируемых с помощью запрета на право жительства хотя бы для еврейского населения, поскольку в данном случае он мог задействовать уже имеющиеся ограничительные законы. Небольшое послабление в виде разрешения на проживание в Киеве для тех еврейских беженцев, которые прибыли в город до 10 сентября 1915 г., вполне может свидетельствовать о том, что в данном случае роль сыграл не только субъективный, но и объективный фактор. Принятие циркуляра кн. Н. Б. Щербатова о разрешении евреям проживать вне черты оседлости еще не гарантировало для евреев получение права жительства на ранее закрытых для еврейского населения территориях.

Примечания

- ¹ Особые журналы Совета министров. 1915 год. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 364–365.
- ² Циркулярно. Г.г. губернаторам и градоначальникам ... от 13 августа 1915 № 59 // РГИА Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 224. Д. 796 (О циркуляре министра внутренних дел от 13 августа за № 59 по вопросу о разрешении евреям, выселившимся из района военных действий, временного водворения вне черты оседлости). Л. 2.
- ³ Список лиц и учреждений, коим надлежит отправить циркуляр министра внутренних дел от 13 августа 1915 № 59 // Там же. Л. 15.
- ⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительственном Сенате. Пг. : тип. Правительствующего Сената, 1916. Отдел 1. № 232. Стлб. 1764.
- ⁵ См.: Правила о постоянном и временном пребывании евреев в черте их оседлости и вне оной // Устав о паспортах. Свод зак. Рос. имп. изд. 1903 по продолжению 1906–08. М. : «Право», склад и кн-во В. Ф. Бусыгина, 1910. Т. XIV. С. 121–122, 124, 128–130, 140–152.
- ⁶ Отмена черты оседлости // Киевская мысль. 1915. 25 августа.
- ⁷ Хроника // Там же. 1915. 26 августа.
- ⁸ Хроника // Там же. 1915. 5 сентября; Отмена черты оседлости // Киевские губернские ведомости. 1915. 3 сентября.
- ⁹ Хроника за неделю. К расширению черты // Еврейская жизнь. 1915. № 12. 20 сентября. С. 28.
- ¹⁰ См.: Ковалевский Н. Ф. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М. : Центрполиграф, 2012. С. 356–373.
- ¹¹ См.: О праве жительства евреев в Киеве // Киевская мысль. 1915. 6 сентября.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: О праве жительства евреев // Там же. 1915. 10 сентября.

- ¹⁴ См.: Еврейская депутация у начальника штаба Киевского военного округа, Главного начальника Киевского военного округа и Киевского губернатора // ГАРФ. Ф. 9458 (М. Х. Бомаш, чл. IV Государственной думы). Оп. 1. Д. 167 (Сведения о выселении евреев из прифронтовой полосы апрель – октябрь 1915). Л. 48.
- ¹⁵ Там же. Л. 48–48об.
- ¹⁶ Там же. Л. 48об.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 49
- ²⁰ Там же.
- ²¹ О праве жительства евреев в Киеве // Киевская мысль. 1915. 11 сентября; В провинции. Разрешение жительства евреев в Киеве // Биржевые ведомости. 1915. 14 сентября.
- ²² К праву жительства евреев в Киеве // Киевская мысль. 1915. 12 сентября.
- ²³ К расширению черты оседлости // Там же. 1915. 13 сентября.
- ²⁴ Хроника // Там же. 1915. 24 сентября.
- ²⁵ Там же; К расширению черты // Еврейская жизнь. 1915. № 14. 4 октября. С. 34.
- ²⁶ К расширению черты // Еврейская жизнь. 1915. № 15. 11 октября. С. 37.

УДК 93/94(=411.16)

М. Ю. Крапивин

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Специальное отделение Секретного отдела
ВЧК–ГПУ–ОГПУ (работа по сионистам):
история создания, организационно-штатная структура,
руководящий состав (1919–1934 гг.)***

Со дня организации ВЧК, т. е. с 7 (20) декабря 1917 г., в составе Комиссии существовал Отдел по борьбе с контрреволюцией¹. После того, как 18 марта 1918 г. задачи Отдела были уточнены руководством ВЧК², он развернул активную деятельность. 13 июня участники [I] Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий (11–14 июня 1918 г.) одобрили текст Положения о Контрреволюционном отделе³. В соответствии с этим документом в его структуре было сформировано «Секретное отделение» («Секретная часть»⁴), призванное бороться «со всеми контрреволюционными организациями,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00299 А.

носящими те или иные названия», а также «со всеми политическими партиями, не стоящими на советской платформе». Приказом № 2 по Контрреволюционному отделу ВЧК от 8 июля 1918 г. заведующим секретным (в документе — «политическим») отделением был утвержден А. М. Трепалов⁵. Костяк Отдела составляли следователи и их оперативные помощники, делившиеся на старших и младших: комиссаров и разведчиков⁶. Сотрудники занимались наружным наблюдением и агентурной работой, проводили обыски и аресты, осуществляли следствие. Отдел, тем самым, совмещал (причем далеко не всегда успешно) множество самых разных направлений деятельности⁷.

Со середины ноября 1918 г. на волне массовой критики ВЧК ее руководство приступило к реформированию структуры ведомства, перераспределяя полномочия в самом центральном аппарате⁸. Началось расформирование и Отдела по борьбе с контрреволюцией, в частности, посредством передачи следственных функций от Контрреволюционного отдела другому, специализированному подразделению (Следственно-юридическому отделу). 22 ноября 1918 г. на заседании ВЧК было утверждено положение о Секретно-оперативном отделе (СОО) ВЧК⁹, призванном выступить правопреемником Отдела по борьбе с контрреволюцией. Через несколько дней вопросы перехода к новой оргструктуре были обсуждены на II Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий (26–30 ноября 1918 г.). Заседания ВЧК, посвященные реализации организационных решений II конференции, состоялись 9 и 17 декабря 1918 г.¹⁰ «По новой структуре получилось такое положение вещей, при котором секретно-оперативный отдел становился органом[,] руководящим непосредственной активной работой местных Чр[езвычайных] Комиссий, их секретно-оперативных отделов, т. е. розыском, наблюдением, обысками, арестами и даже дознанием. Но кроме этой работы на нем лежала еще и непосредственная борьба с центрами противосоветских политических партий в Москве»¹¹.

Впрочем, СОО в ВЧК просуществовал меньше месяца: уже в последней декаде декабря 1918 г. он был преобразован (реорганизован) в Секретный отдел (СО) ВЧК путем выделения в состав Президиума ВЧК Оперативной части Отдела, осуществлявшей обыски, аресты и засады на территории столицы¹².

По итогам заседания ВЧК от «18 и 19 января» 1919 г. в постановляющей части протокола было записано, что принимается структура («схема организации») СО, предложенная М. И. Лацисом (в первых числах января назначенным заведующим Отделом): «1) Секретная часть, где сосредотачивается весь материал секретный по борьбе с

контр-революцией и проч[ее]. 2) Разведывательное бюро и 3) Регистрационное отделение»¹³. Вслед за этим происходит передача (по сути, возвращение) следственных функций «самоу отделу». При этом вся работа разбивается «на группы, соответственно политическим партиям, во главе которых становятся политически грамотные уполномоченные, которые ведут всю работу[,] начиная с розыска и кончая следствием»¹⁴. В промежутке между 21 и 30 марта 1919 г. единый Следственно-юридический отдел ВЧК «был упразднен»¹⁵, а всех следователей Президиум ВЧК постановил распределить между СО и Инструкторским отделами»¹⁶.

Однако в разгар описываемых «нововведений» М. И. Лациса, командированного на Украину, на посту заведующего Отделом заменяет С. Г. Уралов, после чего в «схему организации» СО ВЧК вносятся (в промежутке между 8 мая и 9 сентября 1919 г.) серьезные изменения¹⁷. Вся московская работа по партиям передается в Московскую ЧК (МЧК), а за отделом остаются только руководство СОО местных комиссий и, в отдельных случаях, функция ведения следствия. Численность СО на глазах уменьшается и к середине июля не превышает 19 человек, из которых руководящими работниками и специалистами были только 9 человек (в т. ч. двое уполномоченных по отдельным направлениям деятельности)¹⁸. «Но при этом построении работа отдела слабеет с каждым днем. Материалы о политических партиях уже не концентрируются в отделе. Отдел все узнает с запозданием и со стороны. Работники, непривыкшие к сухой канцелярской работе, расползаются[,] и отдел становится пустым местом. Это все заставляет пр[е]зидиум передавать все крупные дела или Особому отделу[,] или МЧК. 26 июня снова создается следственный отдел и этим наносится последний удар прежней схеме»¹⁹.

Лишь возвращение М. И. Лациса к руководству СО придает (со середины октября 1919 г.) новый импульс процессу развития Отдела. На том основании, что работа уполномоченных СО тесно переплетена со следственными действиями, Лацис вновь добивается предоставления ему полномочий по ведению следственной работы²⁰.

В первой половине ноября 1919 г. численность сотрудников отдела возросла до 44 человек (управленцев и специалистов — 28), в т. ч. 5 уполномоченных по конкретным направлениям работы²¹. При этом штат, «необходимый» для Секретного Отдела, был установлен в количестве 57 человек, из них руководящих и оперативных работников — 30²², в т. ч. «уполномоченных по разным группам» — 8; следователей (помощников уполномоченных) — 16²³.

7 января 1920 г. предпринимается «попытка сделать серьезное изменение по организации ВЧК. Т. т. Лацис, Павлуновскому и Жукову поручено было представить проект о слиянии Секретного, Особого и Транспортного отделов ВЧК в Секретно-оперативный»²⁴. Этому предшествовало наращение в составе СО числа оперативных работников, откомандированных из Оперативного отделения при Президиуме ВЧК: во второй половине октября 1919 г. в рядах СО насчитывалось 5 комиссаров и 7 разведчиков²⁵, в первой половине ноября 1919 г. — 4 комиссара и 7 разведчиков²⁶. По мнению О. И. Капчинского, не исключено, что М. И. Лацис стремился создать в реформируемом Отделе полноценную Оперчасть с комиссарами (и с последующей передачей Отделу права проведения арестов и обысков), однако реализовать этот проект не удалось. 11 января 1920 г., при вторичном обсуждении вопроса о создании Секретно-оперативного отдела на базе Секретного, Особого и Транспортного отделов ВЧК, руководители ВЧК «признали это слияние преждевременным»²⁷.

Как следствие, до осени 1920 г. структура СО²⁸ претерпевала лишь незначительные изменения²⁹. Почти не менялась за это время и численность отдела, составившая на 15 сентября 1920 г. 47 чел. (руководящих, следственных и оперативных сотрудников — 30), в т. ч. заведующих подотделами — 3, следователей — 2, комиссар — 1, уполномоченных — 8, помощников уполномоченных — 11³⁰.

* * *

Ни в структуре Контрреволюционного отдела, ни в структуре СОО и СО специализированных отделений не существовало: только уполномоченные по направлениям, первые упоминания о которых приходится на лето–осень 1919 г., а также их помощники, исполнявшие роль следователей. В последующий период (вплоть до осени 1920 г.) происходило постепенное расширение аппарата уполномоченных до отделений, отвечавших за работу по конкретной политической партии или группе политических организаций³¹. К примеру, к сентябрю–октябрю 1919 г. относятся сведения о создании «подотдела по духовенству для борьбы с существующим антисоветским течением среди духовенства, одинаково как православного, так и других исповеданий»³².

Процесс специализации и дифференциации шел не гладко, в т. ч. и по причине отсутствия в штате СО ВЧК сотрудников, глубоко разбиравшихся в специфике работы по конкретным, особенно национальным, политическим формированиям³³.

16 июля 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) поручает (протокольным решением без №, п. 8) Центральному бюро еврейских [коммунистических] секций (ЦБЕ) при подотделе нацмен Агитпропотдела ЦК РКП(б) создать из числа евреев-коммунистов «группу содействия для борьбы с контр-революцией»]³⁴. Выполняя указание партийной инстанции, ЦБЕ принимает решение (прот. № 7 от 17 июля 1919 г. п. 3) «организовать еврейскую секцию при В.Ч.К. для борьбы с контр-революцией на евр[ейской ул[ице,] антисемитизмом и дезертирством» и поручает «т. Томсинскому³⁵, Айнштейну³⁶ и Крашинскому³⁷ проведение этого постановления в жизнь»³⁸. Президиум ВЧК предлагает именовать создаваемую структуру «еврейским столом» при СО ВЧК. Согласно постановлению ЦБЕ, руководителем нового структурного подразделения ВЧК был назначен первоначально Крашинский

С. Г. Томсинский³⁹Е. Г. Айнштейн. 1936 г.⁴⁰

Х. Ш. Крашинский. 1936 г.

М. В. Бренер

(прот. № 9 от 28 июля 1919 г., п. 1⁴¹), а месяц спустя его сменил (в качестве «постоянного заведующего») Айнштейн, «с тем, чтоб он посвящал этой работе II половину дня» (прот. № 15 от 29 августа 1919 г., п. 8⁴²). Предполагалось, что сотрудники «стола» установят контроль над всеми еврейскими буржуазными организациями и обществами, в первую очередь, сионистскими; возьмут «на учет всех активных деятелей», введут «цензуру над всеми изданиями <...> на еврейском языке», приступят к сбору материалов о деятельности вышеперечисленных объединений не только по всей территории РСФСР, но и за границей⁴³. Последние

сведения о «еврейском столе при СО ВЧК» относятся к 20 сентября 1919 г.⁴⁴ Существовал ли он в дальнейшем, однозначно сказать затруднительно. Не исключено, что опыт привлечения гражданских лиц к чекистской работе (в том случае, если содействие со стороны ЦБЕ не ограничивалось лишь сбором информации и консультациями по специальным вопросам) оказался не слишком удачным⁴⁵.

Этапным событием в процессе налаживания работы по сионистам стало появление в штате ВЧК М. В. Бренера⁴⁶. Назначенный в начале марта 1920 г. уполномоченным СО ВЧК, он отвечал в центральном аппарате ВЧК за ведение всех крупных дел против лидеров и активистов еврейских небольшевистских объединений⁴⁷. С известными оговорками его можно было бы назвать первым из профессионалов на этом поприще.

С сентября 1920 г. начинается очередная трансформация центрального аппарата ВЧК. «Процесс реорганизации» происходил «довольно болезненно и занял долгий период времени — с 14 сент[ября] 1920 г.⁴⁸ по февраль 1921 года»⁴⁹. В структуре СО вновь появляется Оперчасть, а с октября 1920 г. (не позднее)⁵⁰ Секретный отдел снова переименовывается в Секретно-оперативный.

Приказом Управления делами (УД) ВЧК № 232 от 14 октября 1920 г. (§ 1) объявляются штаты СОО ВЧК, включавшие в себя (среди прочего): Оперчасть, Агентурное отделение, Осведомительное отделение, Следственную часть и «Специальное отделение» (упол-

номоченных спецотделения — 1; сотрудников для поручений — 4), с оговоркой, что «штаты заполняются по мере действительной необходимости»⁵¹. 2 ноября 1920 г. было принято решение Следственную часть СОО расформировать, а следователей распределить по соответствующим уполномоченным⁵². Приказом УД ВЧК № 255 от 6 ноября 1920 г. (§ 2) состоялись назначения на штатные должности сотрудников 7-ми «специальных отделений» СОО⁵³.

Таким образом, фамилии руководителей и рядовых сотрудников спецотделений нам известны. Проблема в другом: в тексте приказов не обозначена функциональность конкретных структурных подразделений СОО ВЧК (при этом специализация отделений могла достаточно часто меняться). Лишь весь объем доступной нам архивной информации, материалы внутреннего делопроизводства ВЧК, ведомости на получение зарплаты, официальная переписка ВЧК с различными учреждениями, фамилии чекистов (упомянутых в приказах или подписавших те или иные документы), чьи дальнейшие послужные списки нам известны, позволяют определить (да и то не наверняка) специализацию того или иного подразделения ВЧК⁵⁴.

Чуть ли не единственным доступным и при том достоверным справочником-путеводителем по структурам ВЧК выступает многократно цитированный в настоящей статье книжный вариант «Отчета ВЧК...», охватывающий первые три года существования ведомства. М. И. Лацис, лично готовивший к изданию текст отчета, указывает, что с осени 1920 г. ведение агентурно-оперативной работы среди сионистов (наряду с работой по анархистам) было поручено 1-му отделению СОО: «Анархист-сионисты» (так в тексте — *М. К.*)⁵⁵. Согласно приказу УД ВЧК № 255 от 6 ноября 1920 г. (§ 2) состав 1-го отделения выглядел следующим образом: Бренер М. В. — уполномоченный (на правах начальника); Лисковский Т. Б. — помощник уполномоченного; Светлов И. Н. — делопроизводитель; Липинский М. И. — сотрудник для поручений⁵⁶.

Т. н. «требовательные ведомости» на выдачу зарплаты сотрудникам СОО (всего 80 человек) на вторую половину декабря 1920 г. дают возможность уточнить состав 1-го отделения на конец 1920 г.: Бренер М. В. — уполномоченный; Хазанов М. А. — сотрудник для поручений; Слевутская Анна Григорьевна — секретарь; Светлов Илья Николаевич — младший делопроизводитель⁵⁷.

Приказом УД ВЧК № 9 от 14 января 1921 г. (§ 1) в целях устранения параллелизма в работе секретных (политических) и оперативных подразделений разных отделов ВЧК было создано Секретно-опера-

тивное управление (СОУ) ВЧК: «<...> иначе как ненормальностью нельзя было назвать того явления, что в Москве существовали четыре секретных части и четыре аппарата внутреннего и внешнего наблюдения: у ВЧК, Особ[ого] Отд[ела], Транспортного Отдела и МЧК. То и дело одна секретная часть наталкивалась на другую и друг дружке мешала. <...> Другими словами, речь шла о слиянии тождественной работы этих отделов и[,] тем же самым[,] корен[ной] реорганиза[ци]и структуры ВЧК»⁵⁸. СОУ ВЧК, среди прочего, аккумулировало и разрабатывало поступающие из регионов информационно-оперативные материалы и руководило борьбой ЧК на местах со скрытым и открытым противодействием Советской власти, а также со шпионажем. СОО (в очередной раз переименованный в СО) вошел в состав вновь организованного управления.

Приказами УД ВЧК № 9 от 14 января 1921 г. (§ 1) и № 19 от 25 января 1921 г. (§ 4) были объявлены (задним числом, с 1 января 1921 г.) штаты и утверждена расстановка кадров 9-ти отделений СО СОУ ВЧК⁵⁹. При этом специализация отделений СО СОУ ВЧК в приказе, как и ранее, не обозначалась. С целью определения функциональности спецотделений попытаемся вновь обратиться к содержанию «Отчета ВЧК...»: «Секретный отд.: Отделения: 1-е по анархистдел. (так в тексте — М. К.). 2-е по меньшевикам. 3-е по прав[ым] с-р. 4-е по правым партиям. 5-е по левым эсерам. 6-е по духовенству. 7-е по разным парт[иям]⁶⁰. 8-е осведомительное. 9-е еврейские противосов[етские] партии»⁶¹. Точная датировка приведенного выше перечня в книге отсутствует, хотя, безусловно, речь идет о 1921 г. Но о каком конкретно месяце? Дело в том, что духовенством 6-е отделение стало заниматься только после 29 ноября 1921 г.⁶² Таким образом, если М. И. Лацис не допустил ошибки, опубликованный в тексте «Отчета ВЧК...» перечень, скорее всего, хронологически относится к декабрю 1921 г.⁶³ Следовательно, до декабря 1921 г. специального отделения по сионистам в структуре СО СОУ не существовало.

Впрочем, это не означает, что СО в течение всего 1921 г. сионистами не занимался. Однако ответить на вопрос, какое именно отделение (из вышеперечисленных) это делало, причем не профильным образом, так сказать, по совместительству, мы на настоящий момент не можем. Не хватает достоверных данных. Есть только гипотезы, основанные на архивном материале⁶⁴.

С 1 января 1921 г. и, по крайней мере, по 7 марта 1921 г. в СО насчитывалось 9 отделений (156 чел. по штату и 84 — по факту; из них руководящих⁶⁵, следственных и оперативных работников было соот-

ветственно 91 и 53⁶⁶). Не позднее мая 1921 г. и по 28 июля 1921 г. (а, возможно, и позднее) списочное количество отделений возросло до 11 (№ 10 в нумерации был пропущен).

Еврейские политические формирования в январе–ноябре 1921 г. могли находиться в зоне ответственности: вариант № 1: 1-го отделения (анархисты). С 1 января по 25 мая 1921 г. его возглавлял Бренер, отвечавший в ноябре–декабре 1920 г. за работу по сионистам, с мая 1921 г. Бренера перебрасывают на 11-е отделение (антисоветские элементы на транспорте?), в котором на 28 июля 1921 г. значится всего 1 штатная единица. По сведениям на май и июль 1921 г. работой 1-го отделения руководил Л. И. Юргенс⁶⁷; вариант № 2: 4-го отделения (правые партии: к.-д., октябристы, черносотенцы). С января по декабрь 1921 г. работой отделения руководил Я. М. Генкин⁶⁸, в недалеком будущем главный специалист СО по сионистам.

8 декабря 1921 г. Президиум ВЧК принимает решение (прот. № 495, п. 2) «Об открытии [в] СОВЧК отделения по Еврейским национальным партиям» («в трехдневный срок представить штаты отделения») ⁶⁹. Номер вновь создаваемого отделения не назывался. Если в текст «Отчета ВЧК...» не вкралась досадная ошибка, то работа по сионистам должна была быть передана 9-му отделению. Однако отделение с таким номером существовало в СО СОУ еще с января 1921 г. Его возглавляли: Л. И. Юргенс (с 1 января по 23 мая 1921 г.); М. М. Каширин (сведения за май 1921 г. и на 28 июля 1921 г.). С 15 декабря 1921 г.

Л. И. Юргенс

Я. М. Генкин

и по февраль–март 1923 г. в штате 9-го вновь числится Юргенс, но уже в качестве помощника начальника отделения.

Было ли 9-е отделение перефилировано под сионистов? Ни одного документа по сионистам за январь–декабрь 1921 г. с привязкой к 9-му отделению нам не встречалось (впрочем, как и с привязкой к любому другому отделению СО: речь всегда шла о СО ВЧК в целом). Прибалт Юргенс, судя по биографии, отношения к сионистам никогда не имел. Был ли смысл заменять Бренера на Юргенса?

Не исключено, впрочем, что вновь организованное в декабре 1921 г. отделение получило (возможно, не сразу, скажем, через несколько недель) порядковый номер 10 (т. е. тот номер, который до ноября 1921 г. в перечне отделений СО почему-то регулярно пропускался). Примем во внимание то обстоятельство, что не позднее, чем с последней декады мая 1922 г., за работу по сионистам действительно отвечало 10-е отделение СО ГПУ (см. циркулярное письмо ГПУ № 23 «Сионисты» от 25/30 мая 1922 г.⁷⁰). Данными о точном времени создания 10 отделения и фамилии руководителя (на день его организации) мы не обладаем. Вместе с тем, твердо известно, что с августа 1922 г. в составе отделения появляются И. И. Черток⁷¹, а с 28 ноября 1922 г. — Я. М. Генкин, два сотрудника, игравших главную роль в борьбе органов ГПУ–ОГПУ с сионистами вплоть до начала 1930-х гг.

И. И. Черток⁷²

Приказом Административно-Организационного Управления (АОУ) ГПУ № 14/228 от 5 декабря 1922 г. были объявлены новые штаты ГПУ, утвержденные 28 ноября и вводимые с 1 декабря 1922 г. В структуре СО ГПУ насчитывалось 11 отделений, в т. ч. 10-е отделение: начальник — Я. Генкин (он же, с 25 сентября 1922 г., начальник 9-го отделения по совместительству). Сотрудник для поручений — Э. С. Бабич (ранее — машинистка). Секретарь — И. И. Черток (ранее — сотрудник для поручений того же отделения). Переводчик (делопроизводитель) — А. Г. Гузман (ранее — старший делопроизводитель того же отделения)⁷³.

Приказом АОУ ГПУ № 26 от 5 февраля 1923 г. в структуре СО был создан подраздел по работе в среде интеллигенции (на базе незадолго до того сформированных 12, 13 и 14-го отделений). С учетом проведенной реорганизации функциональные задачи отделений определились следующим образом: 4-е (кадеты, монархисты, черносотенцы, бывшие жандармы) — начальник Генкин (с 12 июля 1923 г.); 9-е (антисоветские элементы в кооперации) — начальник Генкин (до 12 июля 1923 г.); 10-е (еврейские националистические группировки) — начальник Генкин⁷⁴.

Приказом АОУ ОГПУ № 12 от 15 января 1924 г. количество отделений в СО ОГПУ было сокращено, введены (с 1 января 1924 г.) новые штаты СО и объявлена новая расстановка личного состава. Теперь Генкин возглавлял (на должности начальника) только одно направление работы: 4-е отделение (кадеты, монархисты, черносотенцы, бывшие жандармы; еврейские националисты)⁷⁵.

Приказом АОУ ОГПУ № 282 от 1 декабря 1929 г. был введен (с того же числа) новый штат центрального аппарата ОГПУ: 4-е отделение СО (бывшие провокаторы, жандармы, контрразведчики белых армий, каратели, тюремщики; антисоветские еврейские группы и партии) — начальник Генкин⁷⁶.

«В целях усиления агентурно-оперативной работы по активизирующимся к.-р. элементам города и деревни, а также улучшения постановки дела политинформации путем использования данных не только Инфсети города и деревни, но и данных, получаемых в результате оперативной деятельности» 5 марта 1931 г. издается приказ ОГПУ № 95/54 «О реорганизации Информационного и Секретного отделов ОГПУ...» и создании на их базе Секретно-политического отдела (СПО) в структуре СОУ. СПО (штаты которого вводились с 14 марта 1931 г.) состоял из 4-х отделений: 1-е отделение (агентурно-оперативная работа в городах, работа по политссыльным, иностранные рабочие — начальник В. М. Горожанин). В сферу ответственности 1-го отделения входили и «сионисты, ... а также и прочие антисоветские политические партии и группировки, опирающиеся в своей основной массе на город»⁷⁷.

С 16 апреля 1932 г. СОУ было ликвидировано (оформлено задним числом приказом ОГПУ № 415/с от 4 мая 1932 г.), а отделы напрямую подчинены Председателю и Коллегии ОГПУ. Приказом УД ОГПУ № 77 от 3 апреля 1933 г. количество отделений СПО увеличивалось до 6. По вводимому с 1 апреля 1933 г. новому штату СПО 1-е отделение было подчинено А. Ф. Рутковскому⁷⁸.

Я. Н. Матусов. 1938 г.

С октября 1931 г. (т. е. после отстранения от работы по сионистам Генкина и Чертока) по 1936 г. «участок оперативной работы по борьбе с сионистами, бундовцами и контрреволюционной деятельностью в среде иудейского духовенства»⁷⁹ в рамках 1-го отделения СПО ОГПУ (с 10 июля 1934 г. — Главного управления ГБ НКВД СССР) возглавлял уполномоченный Я. Н. Матусов⁸⁰.

Примечания

- ¹ В протоколе № 21 заседания Совнаркома от 7 (20) декабря 1917 г. используется словосочетание «Отдел борьбы» [с контрреволюцией] (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 21. Л. 2), однако позднее утвердился иной вариант названия: Отдел по борьбе с контрреволюцией (в усеченном виде: Контрреволюционный отдел или Отдел контрреволюции).
- ² Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 Декабря 1917 г. — 20 Декабря 1921 г.). 1. Организационная часть. М.: [б. и.], 1921. С. 18; Архив ВЧК: Сб. док. / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров; сост. В. Виноградов и Н. Перемышленникова. М.: Кучково поле, 2007. С. 177 со ссылкой на: Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 10с. Оп. 2. Д. 1. Л. 22–24.
- ³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. Л. 217–219; Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991 гг.: справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С. 310–311.
- ⁴ Лубянка... С. 310–311 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. Л. 217–219; См. также: «Инструкция по организационному строению ВЧК и ее отделов и их взаимоотношениям, принятая на общем собрании комиссии» 11 июля 1918 г. (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. Л. 219–221; Лубянка... С. 313).
- ⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6. Л. 35. По сведениям на 25 сентября 1918 г., секретное (политическое) отделение по-прежнему возглавлял Трепалов (*Капчинский О.* Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М.: Язуз; Эксмо, 2005. С. 60–61, 135–136 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-3524. Оп. 1. Д. 10 (анкеты переписи сотрудников ВЧК)).
- ⁶ *Капчинский О.* Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М.: Крафт+, 2014. С. 75.
- ⁷ *Его же.* Госбезопасность изнутри... С. 61; *Его же.* Гвардейцы Ленина... С. 87.
- ⁸ Лубянка... С. 17–18; *Скоркин К. В.* НКВД РСФСР: 1917–1923 // МВД России: Люди, структура, деятельность. Т. II. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 117, 270.
- ⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 10с.. Оп. 2. Д. 1. Л. 121.
- ¹⁰ Архив ВЧК... С. 305, 704–705; *Скоркин К. В.* Указ. соч. С. 270, 744; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 201. Л. 2; ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 2. Д. 1. Л. 122; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 133. Л. 11.
- ¹¹ Отчет... С. 95.

- ¹² ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 2. Д. 1. Л. 159об.; *Капчинский О.* Госбезопасность внутри... С. 142; *Его же.* Гвардейцы Ленина... С. 88; Лубянка... С. 17; *Скоркин К. В.* Указ. соч. С. 117, 270.
- ¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 3. Д. 7. Л. 19–19об.
- ¹⁴ Отчет... С. 95–96.
- ¹⁵ Там же; *Капчинский О.* Гвардейцы Ленина... С. 103 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 195.
- ¹⁶ Основной причиной ликвидации Следственно-юридического отдела ВЧК была предполагавшаяся передача следственных функций трибуналам. Однако спустя три месяца, 26 июня 1919 г., в силу того, что намеченные изменения не были реализованы, было принято решение организовать следственное подразделение (на правах отделения) при Президиуме ВЧК. Вновь созданная структура (в отличие от старого Отдела) не имела функции кодификации чекистских законодательных актов (*Капчинский О.* Гвардейцы Ленина... С. 103 со ссылкой на: Отчет... С. 96, 121).
- ¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 3. Д. 3. Л. 11, 12об., 19; Д. 5. Л. 32об.–33; Д. 7. Л. 191об., 196, 198, 335; Отчет... С. 121.
- ¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 36. Л. 34–34об.; Отчет... С. 96; *Капчинский О.* Госбезопасность внутри... С. 95, 146 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 18. Д. 20. Л. 4.
- ¹⁹ Отчет... С. 96.
- ²⁰ Хотя «при президиуме остается следственная часть для разбора дел[,] возникающих по отношению сотрудников самой ВЧК и местных Чр[езвычайных] Ком[иссий] и для просмотра дел присылаемых местными Чр[езвычайными] Ком[иссиями] на утверждение приговоров» (Там же).
- ²¹ *Капчинский О.* Госбезопасность внутри... С. 96 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 18. Д. 20. Л. 107–109.
- ²² *Его же.* Госбезопасность внутри... С. 95; *Его же.* Гвардейцы Ленина... С. 104.
- ²³ *Его же.* Госбезопасность внутри... С. 95; *Его же.* Гвардейцы Ленина... С. 104 со ссылкой на РГВА. Ф. 33. Оп. 12. Д. 5 [на обложке указано: 29 июля – 16 августа 1919 г., но фактически в деле документы за апрель 1919 г. – январь 1920 г.]. Л. 37, 64.
- ²⁴ Отчет... С. 122.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 18. Д. 20. Л. 173об., 174об., 175об.
- ²⁶ Там же. Л. 107об., 108 об., 109 об.
- ²⁷ Отчет... С. 122.
- ²⁸ В течение 1919 г. и большей части 1920 г. (до октября 1920 г., по крайней мере) название Отдела оставалось неизменным — СО (Сборник Приказов и Распоряжений Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при Совнаркоме По борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (для руководства). С 1-го Января по 1-е Июля 1920 г. М. : Изд-е ВЧК, б/г. С. 25, 93, 126, 131, 137; Архив ВЧК... С. 363, 379, 383, 399; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 18. Д. 19. Л. 242об.–243об., 319об.–320об.; Д. 20. Л. 4, 4об.–5, 107–108, 173 об.–175об.; Д. 21. Л. 109об.–110об.; ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 4. Д. 1. Л. 175об.; Д. 2. Л. 17, 51; Д. 3. Л. 75; Ф. 1. Оп. 4. Д. 1316. Л. 46об., 47об, 48об.; Д. 1317. Л. 6об.–7об.; Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 204; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290. Л. 9).
- ²⁹ Отчет... С. 96.
- ³⁰ Там же. С. 119.
- ³¹ Там же. С. 202–203.
- ³² ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 3. Д. 7. Л. 335; Ф. 1. Оп. 3. Д. 186. Л. 11об.–2.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 179. Л. 53–56об.
- ³⁴ Там же. Д. 6. Л. 86.
- ³⁵ Томсинский Семен Григорьевич (Симха Генихов) (16 (28) марта 1894, Себеж, Витебская губ. – 11 октября 1936 или 15 марта 1938, Ленинград; расстрелян). Еврей. В 1908–1916 гг. член Бунда. С 1917 по 1936 гг. член РСДРП–РКП–ВКП(б) (исключен). В 1918–1919 гг.

член ЦБЕ при ЦК РКП(б), в 1919–1920 гг. кандидат в члены ЦБЕ. В 1918–1919 гг. заведомо культуры Центрального комиссариата по еврейским национальным делам в составе Наркомата по делам национальностей (Наркомнаца) РСФСР. В 1919–1922 гг. возглавлял еврейский отдел Наркомата просвещения Литовско-Белорусской советской республики. Активист партийных оппозиций левого и троцкистского толка.

³⁶ Айнштейн Ерухим Гиршевич (1892 – после 19.02.1938). Еврей. Родился в семье служащего (отец — «лесной приказчик»). В 1906 г. окончил четырехклассное городское училище в г. Лиде Виленской губ., затем 6 классов гимназии. С мая 1907 г. по август 1915 г. давал частные уроки (г. Лида, Виленская губ.; г. Ковно, Ковенская губ.). В 1911/1912 гг., проживая в течение 6 месяцев в г. Льеже (Бельгия), обучался на 1-м курсе Коммерческого института. С августа 1915 г. по апрель 1916 г. приказчик в строительной конторе Слускера (г. Тамбов). В апреле-сентябре 1916 г. бухгалтер в Еврейском комитете помощи беженцам (г. Тамбов). С сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г. помощник заведующего Еврейским бюро труда (г. Тамбов). В сентябре 1917 – августе 1918 гг. бухгалтер в частном мануфактурном магазине (г. Москва). Состоял в рядах Бунда с мая 1905 г. по март 1911 г. и с мая 1916 г. по ноябрь 1917 г. (г. Лида, г. Ковно, г. Тамбов). В августе 1918 – июне 1919 гг. (по другим сведениям: с ноября 1918 г. по ноябрь 1919 г.) заведующий «отд. по делам национальностей исполкома» (г. Тамбов). Член РКП(б) с 11 февраля 1919 г. (Замоскворецкий РК РКП(б), г. Москва). В июне/июле 1919 – декабре 1921 гг. член и секретарь ЦБЕ при ЦК РКП(б) (до июля 1920 г.); параллельно — секретарь коллегии Наркомнаца РСФСР (с ноября 1919 г.). В декабре 1921 – ноябре 1922 гг. секретарь Малой коллегии и заместитель начальника Административно-финансового управления Народного комиссариата земледелия РСФСР.

³⁷ Крашинский Хаим Шмуилович (1889–1968; умер). Еврей. Родился в г. Лиде Виленской губ. в семье «резчика скота». В 1905 г. окончил четырехклассное городское училище. Далее учился «частным образом по курсу средних учебных заведений». Одновременно, в июле 1905 г. – мае 1910 г. давал частные уроки русского и еврейского языков (г. Лида). В 1910 г. «сдал экстерном на звание аптекарского помощника при медицинском факультете при Харьковском университете». С мая 1910 г. по октябрь 1913 г. — счетовод в конторе пивоваренных заводов (г. Лида). С октября 1913 г. по сентябрь 1915 г. аптекарский помощник в аптеке Дворжецкого (местечко Молчадь, Новогрудский уезд, Гродненская губ.). С сентября 1915 г. по февраль 1916 г. — продавец в аптекарском магазине (г. Ромны, Полтавская губ.). С февраля 1916 по ноябрь 1918 г. — аптекарский помощник в Симоновской аптеке (г. Москва). В 1905–1908 гг. состоял в рядах Сионистско-социалистической рабочей партии (г. Лида, Виленская губ.), а затем, до 1918 г., в рядах Объединенной еврейской социалистической рабочей партии. Член РКП(б) с февраля 1919 г. (Замоскворецкий РК РКП(б), г. Москва). С ноября 1918 г. по июнь 1919 г. заведующий театральной секцией при Центральном комиссариате по еврейским национальным делам (Евком). С июля 1919 г. секретарь Евкома (с осени 1920 г. — Евотдела Наркомнаца РСФСР). По сведениям на 17 ноября 1920 г. состоял в той же должности.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; Д. 6. Л. 22.

³⁹ <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repres/academy/tomsinsky.jpg>

⁴⁰ Эта и все последующие фотографии, если не оговорено иное, взяты с «отчетных карточек к партбилетам образца 1936 и 1954 гг.» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99 (Документы персонального учёта членов партии (образца 1922, 1926, 1936 гг.)) и Оп. 107 (Документы персонального учёта членов партии (образца 1954 г.)).

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

⁴² Там же. Л. 46.

⁴³ Там же. Л. 16, 19, 46; Д. 6. Л. 22.

⁴⁴ АУФСБ России по СПб. и ЛО. ФУД. Д. П-41265: в 1 т. Л. 241.

⁴⁵ Кроме того, у ЦБЕ и руководства ВЧК в 1919–1920 гг. существовали серьезные разногласия по вопросу о дальнейшей судьбе Российской сионистской организации (см.

подробнее: *Крапивин М. Ю.* Российская сионистская организация и советское государство в первые послереволюционные годы (1918–1920 гг.) // Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теории: материалы Всероссийской научной конференции (С.-Петербург, 12–13 ноября 2007 г.). СПб.: Олеариус Пресс, 2008. С. 133–149.

- ⁴⁶ Бренер (Бреннер) Моисей Вульфович (1897–1971; умер). Еврей. Родился в местечке Уцяны Вилкомирского уезда Ковенской губернии в семье кустика-одиночки, занимавшегося обработкой кожи, и чулочницы. В 6-летнем возрасте остался круглым сиротой. Окончил 2 класса начального еврейского училища (1906 г.) и 2 класса торговой школы (1908 г.) (г. Двинск, ныне Даугавпилс, Витебская губ.). С мая 1911 г. по июль 1912 г. трудился «мальчиком» на граммофонном складе Финкельштейна (г. Вильно), затем с августа 1912 г. по октябрь 1913 г. «мальчиком» на кожевенном заводе Закгейма (местечко Стropy близ г. Двинска). С 1913 по 1917 гг. проживал вне России. С ноября 1913 г. по октябрь 1916 г. рабочий на фабрике по механической выделке папиросных гильз (г. Лондон (Великобритания)). В ноябре 1916 – январе 1917 гг. рабочий на табачной фабрике (г. Христиания, ныне Осло (Норвегия)). В январе – июне 1917 г. портовый рабочий (г. Стокгольм (Швеция)). Будучи за границей, овладел разговорным английским, немецким и норвежским языками. Летом 1917 г. вернулся в Россию. С июля 1917 г. по февраль 1918 г. служил переводчиком в Русско-Американской торговой палате (г. Петроград). В марте – августе 1918 г. член (огородник) сельскохозяйственной коммуны Наркомнаца РСФСР (г. Москва). С 1 августа 1918 г. по январь 1919 г. (по другим сведениям — по 1 марта 1920 г.) член инициативной группы по организации ЦБЕ при ЦК РКП(б); параллельно — сотрудник (секретарь редакции и «выпускающий») первого печатного органа ЦК РКП(б) на еврейском языке газеты «Дер-Эмес» («Правда») и секретарь редакции журнала «Коммунистический мир». В 1919 г. в течение 10 месяцев нес службу в качестве рядового 1-го караульного батальона РККА (Москва). Член РКП(б) с 1 марта 1919 г. (Городской РК РКП(б), г. Москва). С 5 марта 1920 г. уполномоченный СО / СОО ВЧК. С 6 ноября 1920 г. (с момента создания в СОО ВЧК т. н. спецотделений) уполномоченный 1-го отделения СОО / СО ВЧК. С 1 января 1921 г. уполномоченный 1-го отделения СО ВЧК. С 23 мая 1921 г. уполномоченный 11-го отделения СО ВЧК (оставался в этой же должности по сведениям на 28 июля 1921 г.). В сентябре 1921 г. подписывал следственные материалы в качестве уполномоченного 2-го отделения СО ВЧК. В 1922 г. в течение 8 месяцев состоял членом ЦК ПомГол при Президиуме ГПУ. С 12 июня 1922 г. М. В. Бренер (на тот момент начальник 8-го отделения СО ГПУ) был переведен в резерв назначения Административного отдела ГПУ.
- ⁴⁷ АУФСБ России по СПб. и ЛО. ФУД. Д. П-41265: в 1 т. Л. 91, 95–96об.; РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–11об.; Д. 6. Л. 33–33об., 36–41об., 50–51об.; Д. 22. Л. 12–12об.
- ⁴⁸ В связи с реорганизацией административно-управленческого аппарата ВЧК приказом по ВЧК от 13 сентября 1920 г. № 112 было образовано Управление делами ВЧК.
- ⁴⁹ Отчет... С. 202–203.
- ⁵⁰ Судя по документам фонда приказов УД ВЧК (ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 241 и др.) и датам протокольных постановлений Президиума ВЧК (Архив ВЧК... С. 408 и др.).
- ⁵¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 241–242.
- ⁵² Приказ УД ВЧК № 251 от 2 ноября 1920 г. (§ 2) // Там же. Л. 262.
- ⁵³ Там же. Л. 267–267об.
- ⁵⁴ В заполнявшихся позднее анкетах с личными данными, а также в текстах написанных постфактум автобиографий названия подразделений, должности, время исполнения служебных обязанностей зачастую приводились некорректно, с искажениями.
- ⁵⁵ Отчет... С. 202–203. Остальные отделения: 2-е: с.-д. меньшевики; 3-е: кооперативы; 4-е: правые с.-р.; 5-е: монархисты и кадеты; 6-е: левые с.-р.; 7-е: духовенство.
- ⁵⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 267.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 18-А. Д. 271. Л. 147 (титул), 148об.

⁵⁸ Отчет... С. 202–203.

⁵⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 3. Л. 24об.–25, 43.

⁶⁰ Отделение «ведет работу по наблюдению <...> за обще-политическими делами, не относящимися к той или иной политической партии в отдельности» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 43).

⁶¹ Отчет... С. 206.

⁶² Приказ УД ВЧК № 274 от 29 ноября 1921 г.: «§ 1. 6-е Отделение СОВЧК впредь именоваться 7-м Отделением СОВЧК, а 7-е Отделение 6-м Отделением СОВЧК» (ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 4. Л. 230).

⁶³ В тексте «Положения о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и её органах на местах», датированном 23 ноября 1921 г., мы также обнаруживаем прямые указания на функциональность 8-ми спецотделений СО СОУ ВЧК, однако подразделения по еврейским организациям среди них нет (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 42–43).

⁶⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 3. Л. 43, 245об.–246; ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 89. Л. 562–563; Ф. Р-393. Оп. 18-А. Д. 297. Л. 29об.–31об.; Д. 298. Л. 124об.–126об.

⁶⁵ Начиная с января 1921 г., обозначение должности «заведующий» (как принято было в те годы писать: «заведывающий») отделом был заменено на «начальник» отдела. Начиная с декабря 1921 г. обозначение должности «уполномоченный» специального отделения СОВЧК (согласно § 3 приказа УД ВЧК № 282 от 8 декабря 1921 г.) на «начальника» специального отделения СОВЧК (ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 4. Л. 250). Отметим, что новая служебная терминология применительно к уровню уполномоченных стала использоваться в текстах приказов УД ВЧК, по крайней мере, с конца августа 1921 г.

⁶⁶ *Капчинский О.* Госбезопасность изнутри... С. 112.

⁶⁷ Юргенс Леонид Иванович (1898–1941; погиб во время бомбардировки). Эстонец. Родился в г. Острове Псковской губернии. Отец работал трубочистом и занимался печным делом. Окончил земскую трехклассную школу (1907 г.) и два класса городского четырехклассного училища (1909 г.) (г. Остров, Псковская губ.). В 1911–1919 гг. подручный слесаря, затем слесарь на заводах Петрограда и табачной фабрике в Кременчуге. В 1909 г. – декабре 1911 г. ученик слесаря в слесарно-механической мастерской Наливайко (г. Остров, Псковская губ.). С декабря 1911 г. по осень 1915 г. подручный слесаря в сборочно-регулирующей мастерской «завода Семенова» (г. Санкт-Петербург–Петроград). Уволился в поисках более высокой зарплаты. Через два месяца приступил к работе в качестве «слесаря по инструменту» в инструментальную мастерскую завода «Айваз» (г. Петроград, Выборгская сторона). Был уволен в июне 1916 г. за участие в забастовке. В течение нескольких месяцев оставался без работы. Зимой 1916/1917 г. вновь был принят на «завод Семенова» (г. Петроград) слесарем в сборочную мастерскую, где и проработал до июня 1917 г., времени закрытия завода. В сентябре 1917 г. уехал в Кременчуг и до конца 1918 г. работал слесарем-ремонтником на табачной фабрике Гурария. В феврале 1917 г. вступил в партию левых эсеров (при выдаче членского билета в районном комитете Петроградской стороны стаж записали с 1915 г.). После левозероковского восстания 1918 г. в Москве связи с партией порвал. В ноябре 1918 г. был принят в ряды РКП(б) (Кременчугская парторганизация). В марте–сентябре 1919 г. вместе с группой мобилизованных кременчугских коммунистов нес службу в составе 1-го «крепостного» Харьковского полка (Южный фронт) сначала в качестве политкомиссара батальона, затем — помощника политкомиссара полка. В качестве рядового бойца коммунистического отряда участвовал в подавлении антибольшевистского мятежа начдива 6-й Украинской советской дивизии Украинской советской армии Н. А. Григорьева (Херсонская губ.; май 1919 г.). 15 сентября 1919 г. был ранен. После лечения в госпитале получил двухмесячный отпуск. С декабря 1919 г. / января 1920 г. и до июля (по другим сведениям, до декабря) 1920 г. сотрудник Башкирской [областной] ЧК (политкомиссар отдельного батальона) (г. Стерлитамак). С декабря 1920 г. по февраль 1922 г. сотрудник центрального аппарата ВЧК (г. Москва).

С 14 января 1921 г. уполномоченный 9-го отделения СО ВЧК. С 23 мая 1921 г. уполномоченный (с 8 декабря 1921 г. — начальник) 1-го отделения СО ВЧК. С 15 декабря 1921 г. переведен на должность помощника начальника 9-го отделения СО ВЧК.

⁶⁸ Генкин Яков Михайлович (Михельевич) (1888–1970; умер). Еврей. Родился в г. Екатеринославе в семье меламеда. В 1899–1903 гг. ученик в частной слесарно-водопроводной мастерской (г. Екатеринослав). В 1903 – апреле 1909 гг. подмастерье в частных слесарно-водопроводных мастерских (г. Херсон, затем — г. Одесса). В 1909 г. экстерном сдал экзамены в учительской семинарии (г. Херсон) на звание народного учителя. В сентябре 1909–1911 гг. мастер-водопроводчик в частной водопроводно-жестяной мастерской (г. Херсон). В 1911–1914 гг. жил частными уроками (репетиторством) (г. Херсон). В 1914 – марте 1917 гг. жестянщик-паяльщик на частном консервном заводе (г. Ставрополь). С марта по август 1917 г. председатель Союза металлистов [губернского?] (г. Ставрополь). С августа 1917 г. по март 1918 г. секретарь Союза табачников [губернского?] (г. Херсон). С марта 1918 г. по март 1919 г. председатель подпольного ревкома и член бюро подпольного окружкома [губкома?] КП(б)У (г. Херсон). С марта по июнь 1919 г. председатель (затем — секретарь) Херсонского губкома КП(б)У; потом — заместитель председателя Херсонского губисполкома. В июне–августе 1919 г. председатель Херсонской губЧК. С августа 1919 г. по февраль 1920 г. в условиях немецкой оккупации Украины по заданию ЦК КП(б)У входил в состав подпольного повстанческого штаба (колония Ефингарь, Николаевский уезд, Херсонская губерния). В феврале–июне 1920 г. председатель уездного трудсобеза; член бюро укома КП(б)У (г. Херсон). В июне–декабре 1920 г. помощник заведующего отделом Наркомата социального обеспечения РСФСР (г. Москва). По личной просьбе был направлен на службу в органы ЧК. С декабря 1920 г. и по июнь 1937 г. в центральном аппарате ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР. С 8 декабря 1920 г. по 1 января 1921 г. помощник уполномоченного 4-го отделения СОО/СО ВЧК. С 1 января 1921 г. по 20 января 1922 г. уполномоченный (с 8 декабря 1921 г. — начальник) 4-го отделения СО ВЧК. В 1922 г. выезжал в командировку в г. Тамбов, где заболел тифом. Из-за закупорки сосудов ампутировали ногу. На время лечения был переведен в Резерв назначения Административного отдела ГПУ. С 25 сентября 1922 г. и по 12 июля 1923 г. начальник 9-го отделения СО ГПУ. Параллельно (по совместительству) с 1 декабря 1922 г. по 1 января 1924 г. начальник 10-го отделения СО ГПУ–ОГПУ. С [12 июля 1923 г.?] и по 1 марта 1931 г. начальник 4-го отделения СО ОГПУ. С [января 1930 г.?] по 1 марта 1931 г. помощник начальника СО ОГПУ. В марте–апреле 1931 г. состоял в резерве назначения Административного отдела Административно-организационного управления ОГПУ. Член РСДРП(б) с июня 1917 г. (Ставропольская парторганизация). Исключен из партии в 1939 г. Восстановлен в 1950-е годы (не позднее 5 июня 1954 г.).

⁶⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 5. Д. 7. Л. 466.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 516. Письмо от 25 мая, утверждено руководством ГПУ 30 мая. Ф.И.О. начальника отделения в нём не указано.

⁷¹ Черток Иосиф Исаакович (1902–13.04.1937; покончил жизнь самоубийством накануне / в момент ареста). Еврей. Родился в г. Екатеринославе. Из семьи ремесленника (бондаря), в дальнейшем — торговца. В 1915 г. окончил 2 класса еврейского казенного училища (г. Екатеринослав). В декабре 1916 г. – апреле 1917 г. — ученик слесарской мастерской Штейна (г. Екатеринослав). В июне 1917 г. – феврале 1918 г. курьер Екатеринославского горпродкомитета. В марте 1918 г. – феврале 1919 г. на поденной работе у частных лиц; рабочий мастерской Юдицкого (Новомосковский уезд Екатеринославской губ.). В марте–апреле 1919 г. на службе в РККА: рядовой Особого Латышского батальона (г. Екатеринослав). В апреле 1919 г. – марте 1920 г. болел и жил на иждивении матери (Новомосковский уезд Екатеринославской губ.). В марте–августе 1920 г. контролер Екатеринославского горсовета. В августе 1920 г. – июле 1921 г. рядовой 421-го военно-полевого госпиталя (г. Екатеринослав). Член РКП(б) с ноября 1920 по март 1921 г. С июля 1921 г. комиссар,

уполномоченный секретно-оперативной части (СОЧ) Екатеринославской губЧК. В феврале 1922 г. был откомандирован в Москву, в центральный аппарат ВЧК. С 3 марта 1922 г. в резерве назначения Адмтдела ГПУ с прикомандированием к 16 спецотделению Особого отдела ГПУ. Комиссар ударной группы по борьбе с бандитизмом Оперативного отдела (Оперода) ГПУ. С 4 августа 1922 г. сотрудник для поручений 10-го отделения СО ГПУ, с 28 ноября 1922 г. секретарь 10-го отделения СО ГПУ. По сведениям на 10 декабря 1925 г. и 13 июля 1926 г. помощник уполномоченного 4-го отделения СО ОГПУ. Член ВКП(б) с августа 1929 г. По сведениям на 14 марта 1931 г. помощник начальника 4-го отделения СО ОГПУ. С 14 марта 1931 г. и по 1932 г. оперуполномоченный 4-го отделения СПО ОГПУ.

⁷² Личное дело сотрудника // Архив управления ФСБ России по Омской области.

⁷³ Лубянка... С. 28; ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 6. Л. 37.

⁷⁴ Лубянка... С. 32.

⁷⁵ Там же. С. 36.

⁷⁶ Там же. С. 44.

⁷⁷ Там же. С. 49, 532–534.

⁷⁸ Там же. С. 57.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7929. Л. 277.

⁸⁰ Матусов Яков Наумович (1908–1967; умер). Еврей. Родился в г. Мозыре Минской губ. в семье учителя. В 1922 г. окончил электропрофшколу (г. Киев). В 1923–1927 гг. электромонтер Киевского отделения Госбанка. Комсомолец (член ЛКСМУ) с 1924 г. или 1925 г. С октября 1927 г. по октябрь 1929 г. студент «правового отделения» факультета «права и хозяйства» Белорусского государственного университета (г. Минск). Параллельно с декабря 1927 г. секретный (нештатный) сотрудник Полномочного представительства ОГПУ по Белорусскому военному округу (ПП ОГПУ по БВО). В октябре 1929 г. после 2-го курса университета был направлен на работу в ГПУ Белоруссии. В октябре–ноябре 1929 г. практикант Секретного отдела (СО) ПП ОГПУ по БВО. С ноября–декабря 1929 г. помощник уполномоченного СО (сионисты и бундовцы) ПП ОГПУ по БВО. В 1930 – октябре 1931 гг. врид уполномоченного 3-го отделения СО (с 14 марта 1931 г. — СПО) ПП ОГПУ по БВО (с сентября 1931 г. — по БССР). В 1931 г. был переведён в центральный аппарат ОГПУ и переехал на постоянное место жительства в Москву. С 15 октября 1931 г. по 23 июня 1935 г. — уполномоченный 1-го отделения СПО ОГПУ (с 10 июля 1934 г. — ГУГБ НКВД СССР). С 23 июня 1935 г. по 1936 г. — оперуполномоченный 1-го отделения СПО ГУГБ НКВД СССР. Кандидат в члены ВКП(б) с июня 1931 г. Член ВКП(б) с июня 1938 г. по февраль 1959 г. (исключен).

УДК 94(479.22):325.2(=411.16)“1965/1973”

И. В. Масюкова

(г. Москва, Российская Федерация)

Евреи и власть в СССР: проблема эмиграции (на рубеже 1960-х – 1970-х гг.)

Политика советского руководства в контексте еврейской эмиграции из СССР — многоплановая тема, требующая комплексного исследования и затрагивающая проблемы ассимиляции и антисемитизма

ма; возрождения еврейского национального сознания и сионистского движения; деятельности международных еврейских организаций в поддержку евреев в СССР, а также проблемы конфронтации СССР со странами Запада, выступавшими за права советских евреев. В представленной статье автор останавливается на анализе ряда ключевых моментов в отношении евреев и советского руководства на рубеже 1960-х и 1970-х гг.

На протяжении многих десятилетий советское руководство, несмотря на подписание международных правовых документов: Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1963 г.), Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) и ряда других¹, противодействовало еврейской эмиграции из СССР. По мнению многих исследователей, причиной жесткой позиции советских властей в этом вопросе являлось полное неприятие (по крайней мере до 1989 г.) Израиля как исторической родины советских граждан еврейского происхождения².

До и после создания Государства Израиль во многих официальных заявлениях руководителей СССР отчетливо прослеживается негативное отношение к проблеме выезда евреев. Советское руководство опасалось, что, разрешив свободный выезд евреев в Израиль, оно создаст прецедент, которым в массовом порядке могли бы воспользоваться и представители других национальностей³.

В 1950-х гг., выступая против эмиграции из СССР, советская власть допускала в отдельных случаях возможность выезда по единственной легитимной причине — воссоединение семей. Количество выездных виз, представленных в единичных случаях, было крайне незначительным: разрешение получали люди преклонного возраста, чьи дети (или очень близкие родственники) проживали в Израиле⁴. В 1948 г. было подано 6 заявлений на выезд, дано 2 разрешения; в 1949 — соответственно 20 заявлений и 4 разрешения; в 1950 — 25 заявлений, но разрешения даны не были; в 1951 — 14 заявлений, 4 разрешения; в 1952 — 6 разрешений (количество поданных заявлений неизвестно)⁵.

Несмотря на усилия израильской дипломатии, в 1954–1955 гг. из СССР в Израиль выехало 158 человек (в основном пожилые и хронически больные люди), а с 1954 по 1959 — 776 человек (наибольшее количество — 454 человека в 1956 г.)⁶.

Положение евреев в СССР постоянно находилось под пристальным вниманием правящих кругов Израиля, а также международных сионистских организаций США и стран Запада, выдвигавших требо-

вания в защиту советских евреев. Если в начале 1950-х гг. советское руководство предпочитало не реагировать на критические выпады в свой адрес, то в дальнейшем нападки усилились, что требовало ответной реакции советской стороны.

В апреле 1956 г. во время официального визита Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Великобританию руководство Всемирного еврейского конгресса (ВЕК) вручило меморандум о положении евреев в СССР с призывом к советским лидерам предоставить право на развитие национальной культуры, получение образования на родном языке, а также на эмиграцию в рамках воссоединения семей, при этом подчеркивалось, что установление мира между Востоком и Западом невозможно без решения «еврейского вопроса»⁷. Несмотря на игнорирование критических заявлений со стороны Запада, в первой половине 1960-х гг. количество выданных разрешений на выезд в Израиль постепенно увеличивалось: если в 1960 их было всего 60, то в 1961 — уже 202, в 1962 — 184, в 1963 — 305, в 1964 — 537⁸.

В середине 1960-х гг. в позиции советского руководства впервые появилась критика антисемитизма и позитивные акценты в отношении эмиграции. Выступая 19 июля 1965 г. в Риге на торжествах по случаю 25-й годовщины вхождения Латвии в состав СССР, Председатель ЦМ СССР А. Н. Косыгин признал наличие дискриминации советских евреев по национальному признаку, с которой нельзя покончить открытием школ и печатных изданий на идише или иврите. При этом был сделан вывод: «только непримиримая борьба с существующим в обществе антисемитизмом снимет с повестки дня “еврейский вопрос”»⁹.

Эта тема была продолжена на страницах редакционной статьи «Ленинская дружба народов» («Правда», 5 сентября 1965 г.), где антисемитизм объявлялся «важнейшим препятствием, мешающим партии проводить политику, направленную на сближение и слияние наций». О проблеме воссоединения семей — как единственной законной причине эмиграции из СССР — было вновь заявлено Председателем ЦМ СССР А. Н. Косыгиным на пресс-конференции перед многочисленными журналистами в Париже 3 декабря 1966 г. В своем выступлении лидер страны подчеркнул, что евреям, подобно грекам и армянам, будет позволено беспрепятственно воспользоваться правом на воссоединение семей. В советских СМИ цитировалось высказывание А. Н. Косыгина о том, что «если некоторые семьи хотят воссоединиться или уехать из Советского Союза, дорога открыта, и никакой проблемы не существует»¹⁰.

Несмотря на обнадеживающее парижское заявление А. Н. Косыгина, партийное руководство продолжало оказывать упорное сопротивление свободному выезду евреев из СССР. В ряде республиканских газет («Советская Латвия») в январе 1967 г. появилась статья, где, в частности, говорилось, что эмиграция в Израиль для воссоединения с семьей есть акт непатриотический и оскорбительный для советского народа, и поэтому советский долг верности своему отечеству должен стоять выше каких-либо семейных привязанностей; в газете «Советская Молдавия» (статья «Страна обетованная без прикрас») излагалось описание ужасающих условий жизни, которые ожидают эмигрантов в Израиле¹¹. Подобные демарши уже не могли сдерживать нарастающий поток выезжающих: если в 1964 г. (последний год правления Н. С. Хрущева) было выдано 539 виз для отъезда в Израиль, то в 1965 — 1444, в 1966 — 1892¹². Характерно, что на протяжении всего периода существования СССР у советского руководства не было четкой политики по вопросу еврейской эмиграции. В течение многих лет позиция СССР в этом вопросе была непоследовательной, зависящей от многочисленных конъюнктурных обстоятельств, во многих случаях — ответной реакцией на создающуюся политическую ситуацию.

Так, например, учитывая начало беспрецедентной по масштабам кампании на международном уровне в поддержку советских евреев, СССР сделал ряд уступок, в частности, подписал 7 марта 1966 г. Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, при этом сняв требования об определении сионизма как разновидности расизма. Этот документ был ратифицирован Верховным Советом СССР (январь 1969 г.) и в части первой (ст. 5, пункт «Г», подпункт 2) говорится: «Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну»¹³.

Большой резонанс в СССР и во всем мире вызвало парижское заявление А. Н. Косыгина о «воссоединении семей» (1966 г.): 19-я сессия Подкомитета ООН по предотвращению дискриминации и защите национальных меньшинств обратилась к руководству СССР в январе 1967 г. с предложением немедленно его реализовать на практике. В феврале того же года возник кризис в межправительственных отношениях между СССР и Великобританией в связи с отказом А. Н. Косыгина во время официального визита в Лондон принять делегацию английских парламентариев, студентов и представителей еврейских общественных организаций, стремившихся обсудить подробности осуществления выезда евреев и возрождения национальных общественно-культурных учреждений в СССР¹⁴. Руководство СССР не-

изменно подчеркивало, что не допустит вмешательства и давления извне во внутренние проблемы, к которым относилось положение советских евреев и проблемы эмиграции.

В связи с постоянным ростом еврейской эмиграции 17 февраля 1967 г. был принят Указ президиума Верховного Совета СССР «О выходе из гражданства СССР лиц, переселяющихся из СССР в Израиль», (не подлежавший опубликованию), где, в частности, отмечалось, что лица «переселяющиеся ... в Израиль на постоянное жительство, считаются выбывшими из советского гражданства с момента их выезда из СССР»¹⁵. В соответствии с Указом выезжающие автоматически лишались советского гражданства и права добровольного выхода из него.

Проблема выезда в Израиль приобрела для советских евреев еще большую значимость и актуальность после победы Израиля в Шестидневной войне 1967 г., которая, по мнению израильских исследователей, «...дала колоссальный импульс израильтцентристскому компоненту в национальном самосознании советского еврейства»¹⁶. Испытывая чувство гордости за победу Израиля в Шестидневной войне, многие евреи ощущали необходимость выбора между двумя противоборствующими сторонами. Израильский исследователь Я. Рои оценивал значение войны как «...водораздел, и евреи, сознательно сделавшие выбор в пользу Израиля, понимали, что они достигли точки невозврата», проявляя солидарность с Израилем, они ставили себя за рамки советской системы, руководство которой требовало проявления тотальной лояльности по отношению к себе и своей идеологии¹⁷.

Шестидневная война 1967 г., по мнению исследователя Ц. Гительмана, для одних явилась катализатором, ускорившим рост еврейского национального сознания и одновременно разочарования собственным положением в советском обществе; других она заставила задуматься о своей национальной идентичности и статусе в советской системе¹⁸. В этот период советская пропаганда, критикуя сионизм, не делала различий между сионистами и евреями и, в результате, «...евреи, настроенные против сионизма, не могли не чувствовать себя неудобно...»¹⁹.

Шестидневная война 1967 г. усилила сионистскую активность, часть евреев пришла к выводу, что настоящая еврейская культура, идентичность возможны в Израиле, а не там, где они родились²⁰.

Развернутая в советской прессе в связи с войной антиизраильская и антисемитская кампания, в отличие от прежних лет, вызвала резкий отпор в виде открытых писем в средства массовой информации с протестами против официального антисемитизма. В феврале 1968 г. Первому секретарю ЦК КП Литвы А. Снечкусу была направлена кол-

лективная петиция 26 представителей еврейской интеллигенции, в которой подчеркивалось, что антиизраильская пропаганда вызывает антисемитские чувства «среди определенных слоев населения»²¹.

Шестидневная война продемонстрировала исключительно проарабскую позицию советского руководства и поддержку как политическую, так и военную тех, кто поставил цель «сбросить евреев в море». Разрыв дипломатических отношений между СССР и Израилем; приостановка выдачи виз более, чем на год; антисемитская кампания в СМИ; миллионные тиражи книг на разных языках с разоблачением «происков международного сионизма» вызвали у части евреев недовольство и требования безотлагательной эмиграции из СССР. По оперативным данным, в конце 1960-х гг. особенно напряженная обстановка сложилась на Украине (в Закарпатской, Львовской, Черновицкой областях), где протест выливался в публичные выступления с требованиями свободы выезда в Израиль, прекращения дискриминации по национальному признаку и антисемитских кампаний²². В июне 1967 г. группа черновицких евреев обратилась с просьбой о разрешении на выезд в Израиль, аргументируя тем, что они хотят быть с Родиной, которую с «...муками удалось добыть в 1947 году...» (резолюция ГА ООН 181/II от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское – *И. М.*) и поэтому они «должны отстоять свое Отечество, ... единственное, которое может приютить и дать опору»²³. В мемуарах, воспоминаниях, интервью многих активистов еврейского движения: Е. Якира, М. Азбеля, М. Занда и других – проходит мысль о решающей роли Шестидневной войны, пробудившей национальное самосознание многих советских евреев: «...мы начали задумываться об эмиграции в 1967 г.»; «...мы осознали, как близка нам судьба Израйля...» и «были горды, что являлись евреями, принадлежали к народу, героически сражавшемуся против ... превосходящих сил за свою страну»²⁴.

В связи с усилением эмиграционных настроений в июне 1968 г. ЦК КПСС принимает Постановление о возобновлении выезда советских граждан на постоянное жительство в Израиль «с целью локализации клеветнических утверждений западной пропаганды о дискриминации евреев в Советском Союзе»²⁵. Значение этого постановления в том, что впервые определяется квота на выезд на 1968 г. – 1500 человек с комментариями о том, что разрешение следует предоставлять лицам преклонного возраста, не имеющим высшего и среднего образования²⁶. Среди причин принятия решения о квоте указывались: «...давление международной общественности; возможность освободиться

от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков; и оперативные цели КГБ»²⁷.

Советское руководство, не имея планомерной стратегии и тактики в вопросе регулирования эмиграционного потока, часто действовало конъюнктурно, противоречиво, нанося ущерб отношениям со странами Запада и превращая людей в заложников своей политики. С одной стороны, несмотря на улучшение динамики эмиграции в начале 1970-х гг. (по данным МВД, разрешение на выезд получили в 1970 — 992 человека, в 1971 — 13 700; в 1972 — 29 800; 1973 — 35 800 человек)²⁸, в августе 1972 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на ПМЖ за границу, государственных затрат на обучение». В тот же день Совет Министров СССР вынес постановление номер 573, в соответствии с которым минимальная цена за один диплом о высшем образовании (по экономическим, юридическим, педагогическим, историко-архивным специальностям) составила 4500 руб.; для инженеров — 7700 руб.; для выпускников МГУ имени М. В. Ломоносова — 12 200 руб.²⁹ Помимо лишения советского гражданства, платы за обучение в вузе, необходимо было безвозмездно оставить свои квартиры, сделав в них ремонт. В ответ на введение платы за обучение в Конгрессе США была принята известная поправка сенатора Джексона и конгрессмена Вэника к Закону о торговой реформе, ограничивавшая права СССР на получение статуса «наиболее предпочтительной страны».

Для 1970-х гг. характерно усиление борьбы советских евреев за выезд в Израиль (письменные обращения к властям, международной общественности, западным правозащитным организациями; проведение сидячих забастовок и голодовок). Мощная поддержка еврейского движения на международном уровне выдвинула «еврейский вопрос» в СССР на первый план в отношениях с Западом. Советское руководство, исходя из политической ситуации, периодически шло навстречу требованиям об увеличении количества разрешений на выезд в Израиль, несмотря на то, что до конца 1980-х гг. сионизм в СССР официально рассматривался как подрывная враждебная идеология. Вместе с тем эмиграция 1970-х гг. стала своеобразным «прорывом» для последующего периода 1990-х гг.

Примечания

¹ *Рои Я.* Еврейская эмиграция из Советского Союза. 1948–1967 годы // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005 / Ответ. редактор О. В. Будницкий. М. : РОССПЭН, 2008. С. 187.

² *Dominitz Y.* Israel's Immigration Policy and Dropout Phenomenon // Russian Jews on Three

- Continents. Migration and Resettlement. Ed. by N. Levin-Epstein, Y. Ro'i, P. Ritterband. London : Frank Cass, 1997. P. 113–127.
- ³ См. Масюкова И. В. Еврейская иммиграция в контексте советско-израильских отношений // Российско-израильские отношения: история и современность. Сборник статей / Ин-т востоковедения РАН; отв. ред. Т. А. Карасова. М. : [б. и.], 2012. С. 96–107.
- ⁴ Ro'i Y. The Struggle for Jewish Emigration, 1948–1967. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. P. 252–261; Gitelman Z. Soviet Political Culture: Insights from Jewish Emigres // Soviet Studies. Vol. XXIX. № 4. October 1977. С. 543–544.
- ⁵ Советско-израильские отношения : Сборник документов. Т. 1. 1941–1953. Кн. 2. Май 1949–1953. М. : Международные отношения. 2000. С. 343–344.
- ⁶ Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. М. : Издательская группа «Прогресс». Культура. 1994. С. 148; Goldman M. F. United States Policy and Soviet Jewish Emigration from Nixon to Bush // Ro'i Y. (ed.) Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union. London : Frank Cass, 1995. P. 359.
- ⁷ Ro'i Y. The Struggle for Jewish Emigration... P. 115.
- ⁸ Goldman M. F. Op. cit. P. 359.
- ⁹ Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор: Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). Минск : ООО «МЕТ», 2004. С. 122.
- ¹⁰ Жить в мире, развивать сотрудничество. Встреча А. Н. Косыгина с журналистами в ассоциации дипломатической печати // Правда. 1966. 5 декабря. С. 1, 4.
- ¹¹ Шехтман Д. Советская Россия, сионизм и Израиль // Евреи в Советской России (1917–1967) : Сб. ст. Израиль : Библиотека Алия, 1975. С. 103–104.
- ¹² Гительман Ц. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 до наших дней. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 240.
- ¹³ Беленькая Л., Зингер Б. Указ. соч. С. 132.
- ¹⁴ Там же. С. 126.
- ¹⁵ Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б. Морозова. Тель-Авив : ЦХСД, Тель-Авивский Университет, 1998. С. 558–559.
- ¹⁶ Шестидневная война и еврейское движение в СССР / Отв. ред. Х. Бен-Яков, М. : [б. и.], 2008. С. 34. (Академическая серия).
- ¹⁷ Ro'i Y. Religion, Israel and the Development of Soviet Jewry's National Consciousness, 1967–1991 // Jewish Life After the USSR / eds. by Z. Gitelman, M. Glants, M. I. Goldman. Bloomington : Indiana University Press. 2003. P. 16.
- ¹⁸ Гительман Ц. Указ. соч. С. 242–243.
- ¹⁹ Там же. С. 244.
- ²⁰ Там же. С. 245.
- ²¹ Письмо 26 представителей еврейской интеллигенции А. Снечкусу, Первому секретарю ЦК КП Литвы // Центр документации восточноевропейского еврейства. Т. 1: Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения евреев СССР 1968–1970 / Под ред. Ш. Редлиха. Иерусалим : Еврейский университет в Иерусалиме, 1973. С. 2.
- ²² См. Беленькая Л., Зингер Б. Указ. соч. С. 128.
- ²³ Шестидневная война и еврейское движение в СССР. С. 33–34.
- ²⁴ Морозова М. Анатомия отказа. М. : РГГУ, 2011. С. 36–37.
- ²⁵ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 62.
- ²⁶ Морозов Б. Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета / Под ред. М. Кенигштейн. Москва : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2007. С. 472.
- ²⁷ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 62–63.
- ²⁸ Морозов Б. Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений. С. 478.
- ²⁹ Домальский И. Русские евреи вчера и сегодня. Израиль : Библиотека Алия, 1991. С. 112–113.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

Е. В. Гусарова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иудеи фалаша в Эфиопии в конце XVIII в.

Эфиопских иудеев в христианской литературе этой страны именуют фалаша¹. Представители этой религиозной общины называют себя Бета Эсра'ел, «Дом Израиля». Иудеи фалаша — некогда значительный по численности народ, населяющий территории Африканского Рога². Они отличались от остального населения Эфиопского христианского государства как с этнической точки зрения³, так и с конфессиональной⁴. Наибольшую роль в положении этого народа в социальной структуре страны играла, несомненно, его религиозная принадлежность, делавшая его чужим как для христиан Эфиопии, так и для мусульманской составляющей этой страны⁵.

На протяжении всей своей истории эфиопские фалаша непрерывно подвергались дискриминации со стороны остального населения Эфиопии и, в частности, ее правящей элиты. Фалаша исконно исповедовали иудаизм, что провоцировало агрессию у христиан Эфиопии. Кроме того, в Эфиопии со значительными предрассудками относились к кузнецам и гончарам. В результате эти профессии стали исключительной прерогативой эфиопских иудеев (вероятно, наоборот, эти профессии вызывали предрассудки потому, что ими в основном занимались иудеи фалаша)⁶. Их сторонились и подвергали всяческой дискриминации. В общем и целом, на протяжении всей истории эфиопского государства положение этого народа было не из легких.

Отношения фалаша с эфиопскими царями были еще более сложными. Во второй половине XVI в. при царе Сарса Дэнгэле (1563–1597) царское войско дважды подвергало их разгрому, несмотря на труднодоступность районов их обитания и отличавшиеся преобладанием низких температур климатические условия, непривычные для основной массы населения Эфиопии.

Тем не менее, ремесленники из фалаша принимали активное участие в строительстве царских резиденций в Гондаре в середине XVII в. И все же фалаша оставались чужаками для основной массы населения Эфиопии, прежде всего потому, что они были иноверцами и для христиан, и для мусульман этой страны. В разные исторические периоды они подвергались гонениям, их земли конфисковывали, их самих продавали в рабство и пытались насильно обращать в христианство.

В гондарский период истории Эфиопии (начало XVII – конец XVIII вв.) численность фалаша составляла около 35–40 тыс. человек. Жили они в основном на севере, северо-западе и северо-востоке Эфиопии, населяя более 500 деревень в исторических областях Сэмен, Дамбия и Бегемдэр. Фалаша в Бегемдэре и Дамбии и других не слишком удаленных от столицы территориях так или иначе удалось занять собственную нишу в сложной социальной структуре многонациональной страны. Совсем иначе дело обстояло в Сэмене и прилегающих территориях, где исконно проживали фалаша. Сэмен – высокогорный район. Там расположена гора Рас-Дашен, входящая в тройку самых высоких пиков Эфиопии. Сэмен известен тем, что в отличие от остальной территории Африканского Рога там часто выпадает снег, а температура опускается ниже нулевой отметки. Вершины Сэмена покрыты вечными льдами, а склоны очень крутые. Даже на современных картах трудно отыскать дороги, проходящие через территории этого горного хребта, что уж и говорить о средневековье!

Фалаша неслучайно поселились в этом некомфортном для проживания месте. Эфиопские монархи и их войско не горели желанием рисковать жизнью на непроходимых дорогах и скользких склонах, и еще больше смущали их низкие температуры. Таким образом, эфиопские иудеи, живя в своего рода изоляции, реже подвергались гонениям. Впрочем, природная труднодоступность и социальная маргинализация и замкнутость не были универсальным лекарством от нападков и притеснений со стороны центральной власти. Многие эфиопские цари веками облагали фалаша неподъемными налогами, насильственно обращали в христианство, ходили против них в военные походы⁷.

Рассматриваемый в нашем исследовании исторический период охарактеризован невиданной прежде децентрализацией эфиопского государства, или, иными словами, политической раздробленностью. Он продолжался около ста лет с середины XVIII в. по 1855 г., год воцарения Феодора II (1855–1868)⁸. Власть поочередно или одновременно попадала в руки влиятельных вельмож (феодалов или военачальников). Попеременно на трон возводили то одного, то другого «царя царей». По определению цари были христианами, а властные вельможи – христианами или мусульманами. Страной правили сильнейшие, то есть те, у кого было больше союзников и лояльных племен и народов Эфиопии, и конечно те, кто обладал огнестрельным оружием. То один, то другой регион возвышался, а его политическая элита приобретала высокий статус, а нередко и материальную выгоду.

Среди сильных мира сего, претендующих на власть, выгодно выделяется Такла Гиоргис I⁹, которого смело можно назвать последним независимым монархом Эфиопии из Гондарской династии. Его царствование (и более всего первый его период) прошло под эгидой борьбы с мятежниками, угрожавшими его нахождению на троне. Некоторые из представителей оппозиции принадлежали к народу оромо, и походы против них имели своего рода этническую подоплеку. На большей части территории страны велись военные действия. Эфиопия погрузилась в хаос интриг. Не фигурировали на политической сцене только фалаша, эфиопские иудеи, о которых, вероятно, на время смуты просто забыли. В своих военных походах против мятежников, которые на сотни верст отдалялись от столицы на север и юг, Такла Гиоргис ни разу не заглядывал в труднодоступные земли фалаша, проходя со своими войсками мимо них.

В хронике царствования Такла Гиоргиса за 1781 г. мы встречаем упоминания территорий, традиционно населенных ремесленниками фалаша неподалеку от Гондара. Там, во время военного похода, к Такла Гиоргису присоединился один из его влиятельных соратников, а затем многие люди из Сакалта¹⁰. В Сакалте проживали и фалаша. Присутствовали ли они среди тех, кто выступил на стороне царя, хроника умалчивает.

При описании последних месяцев первого периода правления Такла Гиоргиса I историограф замечает, что 2 тэкэмта (10 октября 1783 г.) царь послал глашатая с сообщением о том, что земли Сэмен переданы *деджазмачу* Йа-Сэлласе Барья, влиятельному вельможе, который участвовал в воцарении Такла Гиоргиса, а затем стал его верным военачальником¹¹. Вероятно, выбор пал на эти земли почти случайно. Свободных земель было мало, южные провинции бунтовали, а в северных к тому времени сложилось отдельное Годжамское царство со своими правящими династиями. Владение и управление землей подразумевало право собирать налоги с ее жителей, а это многое усложняло. Сэмен в этом смысле более всего подходил царю.

Далее по тексту хроники неоднократно можно встретить упоминания областей, в которых традиционно проживали фалаша. В первый период царствования Такла Гиоргиса это было редкостью. В 1787 г. Такла Гиоргис пытался вернуть себе власть, а трон Эфиопии формально принадлежал Иясу III (1784–1788). К этому времени царь Иясу III добрался до Вагара (территории, примыкающие с северной стороны к Гондару) со значительным войском. Ему предстояло сразиться с *расом* Али, действовавшим в интересах Такла Гиоргиса. Тем временем

военачальники Такла Гиоргиса привели войска в Дамбию (область к северо-западу от Гондара) и встали лагерем в Сакалт, еще одно традиционное место проживания фалаша. Там состоялась кровопролитная битва. Многие пали. Историограф сообщает, что не осталось в живых даже скота. Часть войска Такла Гиоргиса во главе с *расом* Али вернулась в Гондар¹². И вновь ни слова не пишет историограф о фалаша.

Вскоре на трон был поставлен царь Езекия. На его стороне было много влиятельных деятелей, а с ними и их отрядов. Битвы между претендентами на власть в Эфиопии были кровопролитными. Главными соперниками к концу 80-х гг. XVIII в. были сторонники Такла Гиоргиса и Езекии (а точнее те, кто хотел власти под номинальным прикрытием монарха). Во время наступления войск Такла Гиоргиса Езекия был вынужден отступить в сторону местечка Дэнгэль Бар и, уходя от преследования, добрался до Сакалта, где ему удалось скрыться от погони. Такла Гиоргис повернул свои войска назад.

В 1789 г. с разных сторон в области к северу от Гондара стали стекаться войска сторонников Езекии. При их приближении Такла Гиоргис вышел военным походом им навстречу. Битва состоялась в местечке Цада. Такла Гиоргис был вынужден отступить. Историограф сообщает, что он отошел в Сакалт, уходя от погони¹³.

12 маскарама (20 сентября 1793 г.) *рас* Алигаз с царем Езекией и войсками находился в Эбнате, к юго-востоку от озера Тана и Гондара. Такла Гиоргис наступал из Сэмена, к северо-востоку от Гондара¹⁴. Упоминания такого рода топонимов, связанных с фалаша, встречаются и далее по ходу повествования¹⁵.

За время эпохи политической раздробленности фалаша, как, впрочем, большинство населения Эфиопии, понесли большие экономические потери. Это и неудивительно. Страна к концу XVIII в. была повергнута в нищету и голод, города и села разорены или сожжены, поля вытоптаны, церкви разрушены. Множество людей погибло в бесконечных распрях и битвах. В отсутствии центральной власти и, как следствие, какого-либо контроля, местные правители непомерно эксплуатировали крестьян и ремесленников, и фалаша в этом смысле не были исключением.

В результате продолжительного религиозного и этнического притеснения к концу XIX в. у оставшихся в Эфиопии иудеев появилось намерение выехать в Палестину, воспринимавшуюся ими как земля их праотцов. Это переселение сулило им более счастливую и размеренную жизнь. Как известно, на реализацию этой идеи ушли многие десятилетия¹⁶.

Примечания

- ¹ Так этот народ именовали в эфиопских литературных источниках и, видимо, среди простонародья. Этноним фалаша имеет до некоторой степени негативную коннотацию, отражающую отношение местного населения Эфиопии к этому народу. Хотя, эфио-семитский корень *фаласа*, от которого образован этот этноним, «безобиден» и означает «переселяться». Т. е. фалаша — это те, кто переселился, чужак.
- ² В середине XX в. в Эфиопии проживало от 40 до 70 тыс. человек, представителей народа фалаша.
- ³ С одной стороны, сами фалаша считали себя семитами, выходцами из древнего Израиля. Они верят, что являются истинными потомками первородных сынов израильских старейшин, прибывших в Эфиопию из Палестины вместе с Менеликом, сыном царя Соломона и царицы Македы (Савской) (см. Kebra Nagast: Die Herrlichkeit der Könige / Hrsg. und mit deutscher Übersetzung versehen von C. Bezold. München : G. Franz, 1905 (Abhandlungen der K. Bayerlichen Akademie der Wissenschaften, I Klasse. Bd. XXIII. Abt. I.)). С другой стороны, согласно лингвистическим данным, они принадлежат к кушитскому народу агау.
- ⁴ Иудаизм мог проникнуть сюда из Южной Аравии или через Египет. Существует мнение, по которому иудаизм был распространен в Эфиопии еще до прихода туда в IV в. христианства, но эта информация не находит подтверждения в письменных источниках. Иудейских общин на территории Аксумского царства, судя по всему, не было. Скорее всего, фалаша существенно трансформировали основные христианские догматы в ветхозаветном духе (см.: об этом в: *Kaufman Shelemay K. Music, Ritual, and Falasha History. Michigan : African Studies Center ; Michigan State University, 1986.*)
- ⁵ Мусульмане, как правило, контролировали торговые пути, благодаря чему имели доступ к огнестрельному оружию. Велико было и их материальное состояние, и к их мнению приходилось прислушиваться.
- ⁶ Постепенно, пользуясь отрицанием этих родов занятий другими народами, фалаша внедрились и в другие ремесла, наживая таким образом материальное благосостояние. Перенос политического и экономического центра христианского государства во вновь основанную столицу Гондар оказал сильное влияние на судьбу фалаша. Цари Сарса Дэнгэля (1563–1597) и Сисиний (1607–1632) строили в области Дамбия, ставшей к этому времени доменом эфиопских монархов, прекрасные замки. В поисках работы там собирались фалаша.
- ⁷ См. об этом: *Гусарова Е. В. Хроника эфиопских фалаша как уникальный источник, отражающий их самосознание // Иудаика и арамеистика: сборник научных статей на основе докладов на конференции по иудаике и востоковедению / Под ред. К. А. Битнера, Л. А. Лукинцовой. СПб.: б. и., 2014 (Труды по иудаике. Филология и культурология. Вып. 3). С. 324–335.*
- ⁸ Интересующий нас период времени нашел отражение в царских и княжеских хрониках. Они сохранились в нескольких списках. Мы будем ссылаться в рамках настоящего исследования на текст рукописи Orient. 821, хранящийся в Британской библиотеке. Та часть Orient. 821, которая включает «Сборник Хайлу» (л. 30–595), охватывает период от правления Менелика, легендарного сына царя Соломона, до Сахла Дэнгэля (1832–1840; 1841–1855). Интересующий нас временной интервал в этом списке начинается с правления царя Такла Хайманота II (1769–1777) и доходит до начала XIX в. (л. 432–587).
- ⁹ Его правление делится на 6 отдельных периодов, что было необычно даже для эпохи феодальной раздробленности 1779–1784, 1788–1789, 1794–1795, 1795–1796, 1798–1799, 1800–1801.
- ¹⁰ Британская библиотека. Orient 821, Л. 449об., стлб. 3.
- ¹¹ Там же. Л. 485об., стлб. 1, стк. 7–12.
- ¹² Там же. Л. 523об., стлб. 2–3.
- ¹³ Там же. Л. 538об., стлб. 2, стк. 13 – стлб. 3, стк. 7.

¹⁴ Там же. Л. 555, стлб. 1, стк. 1–25.

¹⁵ См., например, Там же. Л. 571, стлб. 3, стк. 17 – Л. 571об., стлб. 1, стк. 2.

¹⁶ Как известно, масштабное переселение фалаша в Израиль осуществилось лишь в 90-е гг. XX в.

УДК 94(476)“185/191”

К. Г. Карпекин

(г. Витебск, Республика Беларусь)

Синагоги и еврейские молитвенные школы Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Значительное количество еврейского населения, полученного Российской империей вместе с частью территории Речи Посполитой, присоединенной в конце XVIII в., проживало в белорусско-литовских губерниях и в большинстве своем исповедовало иудаизм. В свою очередь, одним из важных условий соблюдения религиозных обрядов следует считать наличие специально оборудованных, легально действующих культовых зданий.

Целью настоящего исследования является анализ динамики численности синагог и молитвенных школ во второй половине XIX – начале XX в. на примере Витебской губернии. В качестве источников были использованы статистические данные, а также материалы делопроизводства, научно-техническая документация.

В течение исследуемого периода количество синагог и молитвенных школ в Витебской губернии постоянно изменялось: в отдельных населенных пунктах в определенные годы могло иметь место как сокращение, так и увеличение их численности (см. табл. 1).

Всего в 1862 г. на территории Витебской губернии действовало 160 иудейских культовых зданий: 16 синагог (6 каменных и 10 деревянных) и 144 молитвенные школы (47 каменных и 97 деревянных). При этом преобладающее большинство молитвенных зданий (70 %) было сконцентрировано именно в городах. Для уездных центров были наиболее характерны деревянные молитвенные школы (составляли 68 % от общего количества действовавших там иудейских культовых зданий), гораздо меньшей была доля каменных молитвенных школ (22 %), незначительным являлся процент синагог (7 % – деревянные

Таблица 1

**Количество иудейских культовых зданий в уездных центрах
Витебской губернии, вторая половина XIX – начало XX в.¹**

Город	Количество культовых зданий			
	1861 г.	1862 г.	1905 г.	1910 г.
Велиж	9	6	17	10
Витебск	38	33	61	63
Городок	4	6	1	11
Динабург	3	14	37	34
Дрисса	7	6	8	-
Лепель	4	4	8	8
Люцин	4	4	7	5
Невель	9	9	14	15
Полоцк	18	17	23	24
Режица	6	6	11	10
Себеж	5	5	4	7
Сураж	2	2	5	6

и 3 % – каменные). Иная ситуация складывалась в местечках: здесь имелось примерно равное количество каменных и деревянных молитвенных школ (46 % и 44 % соответственно). Как и в городах, синагоги составляли 10 % (6 % – каменные и 4 % – деревянные)².

Если сравнивать ситуацию, существовавшую в начале и конце изучаемого периода, то наблюдается устойчивая тенденция роста количества иудейских культовых зданий. С учетом того, что в 1861 г. в уездных городах Витебской губернии насчитывалось 109 синагог и молитвенных школ, а к 1910 г. их имелось уже не менее 193, то за полвека их количество возросло почти на 80 %.

Аналогичные явления наблюдались и в динамике численности иудейского населения губернии: к началу XX в. она увеличилась с 44 100 до 137 322 человек, то есть примерно на 210 % (см. табл. 2).

В связи с вышеизложенным возникает вопрос об обеспеченности верующего еврейского населения синагогами и молитвенными школами. В некоторых уездных центрах (таких, как Городок, Динабург, Люцин) наблюдалось улучшение ситуации, когда на одно здание с течением времени приходилось меньше прихожан, в других верующие, наоборот, в должной мере не были обеспечены синагогами и школами.

Если же брать средний показатель по уездным городам, то в 1861 г. на одно богослужбное здание приходилось около 400 верующих, а в

Таблица 2

**Численность иудейского населения в уездных центрах
Витебской губернии, вторая половина XIX – начало XX в.³**

Город	Численность иудейского населения			
	1861 г.	1862 г.	1905 г.	1910 г.
Велиж	779	3685	более 2200	6246
Витебск	15 450	15 011	около 40 000	43 616
Городок	2237	2408	около 4500	2998
Динабург	6762	5543	около 50 000	31 210
Дрисса	1234	1255	около 3000	2870
Лепель	873	972	более 4000	4712
Люцин	2773	2407	более 4200	2987
Невель	2822	2907	около 8000	12 333
Полоцк	8219	7880	10 200	19 252
Режица	1250	1153	13 000	8898
Себеж	919	577	около 2300	2200
Сураж	782	780	более 1400	–

Таблица 3

**Обеспеченность иудейского населения уездных центров
Витебской губернии молитвенными зданиями,
вторая половина XIX – начало XX в.⁴**

Город	Число верующих на одно молитвенное здание			
	1861 г.	1862 г.	1905 г.	1910 г.
Велиж	87	614	129	625
Витебск	407	455	656	692
Городок	559	401	4500	273
Динабург	2254	396	1351	918
Дрисса	176	209	375	–
Лепель	218	243	500	589
Люцин	693	601	600	597
Невель	314	323	571	822
Полоцк	457	464	443	802
Режица	208	192	1182	890
Себеж	184	115	575	314
Сураж	391	390	280	–

1910 г. – более 700. Иными словами, в целом по Витебской губернии строительство новых синагог и молитвенных школ осуществлялось недостаточно быстро, чтобы удовлетворить потребности верующего населения (см. табл. 3).

Одним из наиболее распространенных способов увеличения численности синагог и молитвенных школ было строительство специальных зданий, предназначенных для богослужебных целей. В частности, совершенно без каких-либо проблем была возведена каменная молитвенная школа на 2-й Большой улице в Городке: в конце апреля 1908 г. подготовленный план (см. рис. 1) был сверен с местностью и уже 13 мая 1908 г. одобрен Витебским губернским правлением⁵. Во второй половине XIX – начале XX в. интенсивное строительство иудейских культовых зданий происходило в местечке Чашники: именно в этот период было возведено 8 из 10 синагог, действовавших здесь перед Октябрьской революцией 1917 г. При этом новые здания возводились с интервалом в 5–10 лет, и в один год могли быть построены сразу 2 здания. В частности, в 1855 г. открылась Восикинская и Городынская синагоги, в 1860 г. – Старолюбавичская, в 1870 г. – Заручевская, в 1875 г. – синагога Аврама Меера, в 1880 г. – Виленская и Толочинская, в 1901 г. – синагога Давида⁶.

В других городах и местечках также были построены новые здания: в 1895 г. – каменная синагога в местечке Шумилино⁷, в 1900 г. – каменный молитвенный дом в Сураже⁸, в 1910 г. – Любавичская и Песчанская деревянные синагоги в местечке Сиротино⁹.

Достаточно распространенным явлением было приспособление под молитвенные школы обыкновенных жилых домов. Примером может служить один из витебских молитвенных домов, открытый в здании по Луговому переулку. В октябре 1901 г. двое витебских мещан арендовали участок земли, на котором построили здание, а в августе 1902 г. просили разрешить открыть там молитвенный дом. Правда, в ноябре того же года губернский инженер запретил открытие культового здания, потому что нужно было еще достроить женское отделение, печи и фундамент. В январе 1903 г. верующие подали повторное ходатайство. В защиту необходимости открытия молитвенного дома выступил витебский общественный раввин. Он заявил, что Луговой переулок находится в новом квартале города, где проживает много евреев, но не имеется культовых зданий, при том, что этот район из-за болотистой местности был труднодоступным. Наконец, в апреле 1903 г. губернские власти разрешили обустройство иудейского молитвенного дома в указанном здании¹⁰.

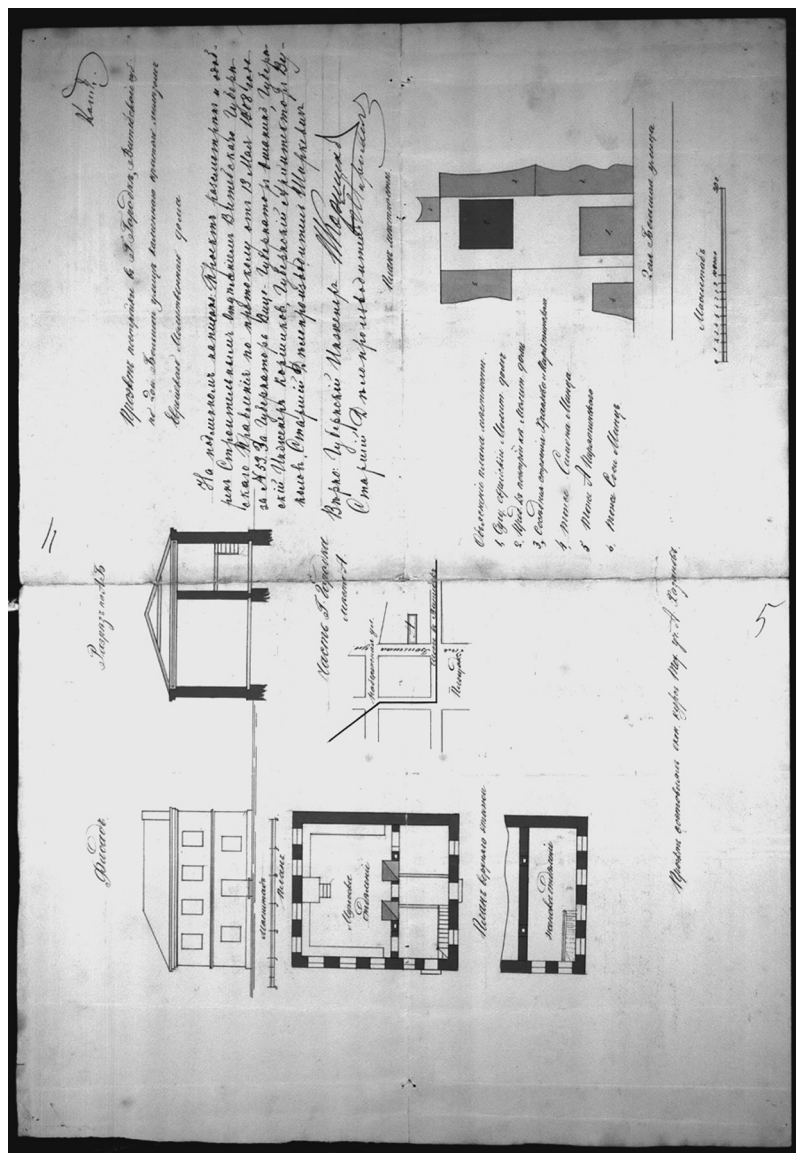

Рис. 1. План строительства молитвенной школы в г. Городке, 1908 г.¹¹

Как отмечалось выше, многие еврейские молитвенные здания являлись деревянными, поэтому очень остро стоял вопрос их достаточно быстрого ветшания и исчезновения в результате пожаров. В связи с этим еврейские общины были вынуждены предпринимать немало усилий для восстановления культовых зданий, не говоря уже о строительстве новых.

К примеру, 12 июля 1900 г. в местечке Кубличи случился пожар, во время которого сгорела деревянная молитвенная школа 1877 г. постройки. Буквально через полгода – в январе 1901 г. – местная еврейская община была готова восстановить свою школу на сохранившемся фундаменте. И уже через месяц она получила соответствующее разрешение Витебского губернского правления¹².

Похожая ситуация сложилась и с Каменной молитвенной школой Витебска. 24 июля 1901 г. пожар, случившийся в городе, уничтожил 3-ю Ветряную и Кривую улицы, на пересечении которых находилось культовое здание. В июне 1902 г. духовное правление школы подало прошение о ее восстановлении (см. рис. 2). Несмотря на то, что Витебская городская управа выступила против ремонта здания, так как предполагалась некоторая перепланировка сгоревших улиц, и здание школы выступало бы из общей линии застройки, в сентябре 1902 г. строительное отделение Витебского губернского правления разрешило восстановление. Основным аргументом такого решения было как раз то, что молитвенное здание не возводится как новое, а именно отстраивается после повреждения¹³.

Некоторые общины предпринимали попытки строительства каменных молитвенных зданий вместо существующих деревянных, но они не всегда были успешными. Примером может служить Краковская молитвенная школа, действовавшая в г. Витебске. В июле 1914 г. староста школы подал в Витебское губернское правление прошение о такой перестройке и предоставил соответствующий чертеж (см. рис. 3), который был проверен Витебским полицмейстером. Если первоначально – в январе 1915 г. – он отметил, что никаких препятствий к строительству нет, то уже в марте того же года заявил, что построенное каменное здание будет находиться на недопустимо близком расстоянии от православной Никольской церкви. Данное обстоятельство послужило основанием для того, чтобы Витебское губернское правление запретило строительство¹⁴.

Вместе с тем, были случаи, когда при попытке открытия нового молитвенного здания вместо существующего старого новое начинало действовать, но и старое не закрывалось. К примеру, 9 сентября 1878 г.

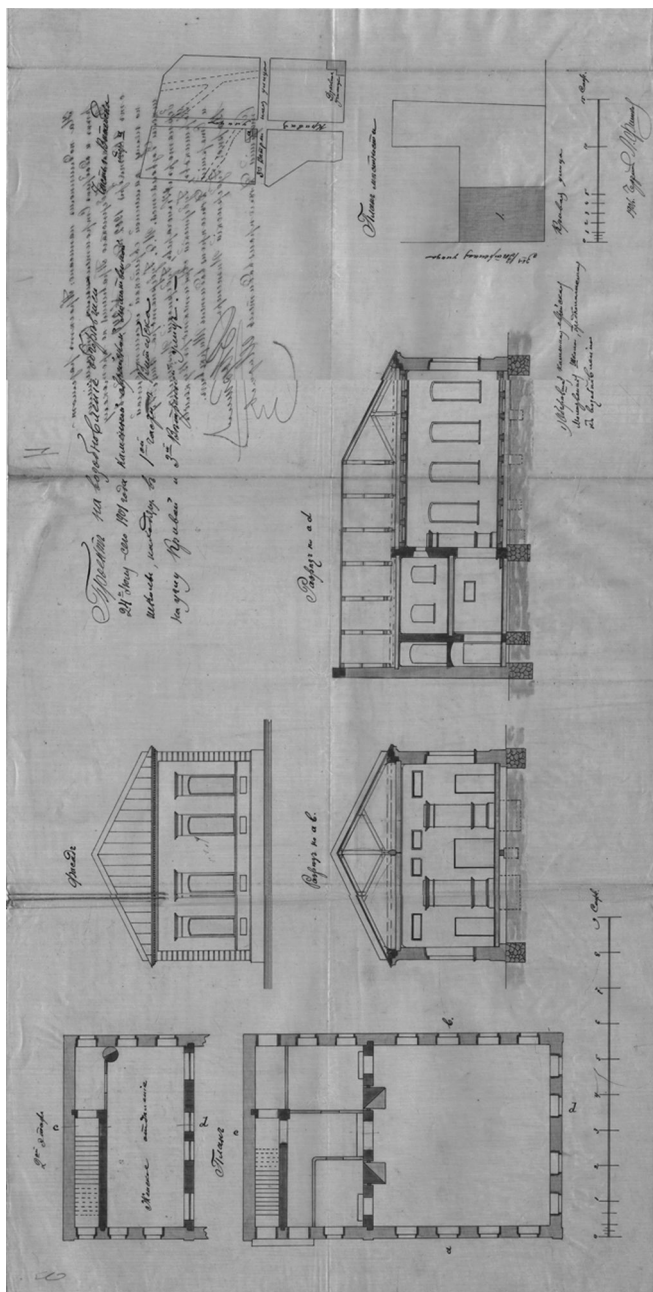

Рис. 2. Проект восстановления Каменной молитвенной школы в г. Витебске, 1902 г.¹⁵

двое потомственных почетных граждан г. Витебска направили на имя императора Александра II ходатайство с просьбой разрешить оборудовать для богослужбных целей принадлежавший им жилой дом по Вокзально-Елагской улице. Свое решение они аргументировали тем, что старое деревянное здание, построенное примерно в 1830-е гг., стало уже совсем ветхим. К тому же оно находилось возле самой улицы, и по причине близости железнодорожного вокзала там было слишком шумно. Единственным замечанием, возникшим у инженера, осматривавшего новое здание, было то, что деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, следовало заменить на чугунную или каменную. В итоге, 16 декабря 1878 г. Витебское губернское правление дало добро на открытие там молитвенной школы. Хотя после этого основная часть общины и стала посещать новое здание, но некоторые верующие все же продолжали ходить на молитвы в деревянную школу. По их мнению, учредители нового молитвенного здания хотели присвоить деревянную школу с пристроенной к ней лавкой и земельный участок. В связи с этим в июле 1880 г. верующие просили разрешить им продолжать молиться в прежнем здании и через несколько дней получили такое разрешение от Витебского губернского правления¹⁷.

Что касается уменьшения количества иудейских культовых зданий, то кроме разрушения от времени и пожаров имели место случаи их временного закрытия. В частности, в июне 1882 г. из-за того, что община не смогла предоставить документы, разрешающие открытие культового здания, губернским правлением было прекращено функционирование витебского молитвенного дома по Грязно-Генеральной улице. По утверждению верующих, участок земли, на котором был построен молитвенный дом, в 1877 г. был куплен одним из мещан и пожертвован общине. Тем не менее, верующие вынуждены были подготовить все документы, необходимые для вновь открываемого молитвенного здания. Им удалось сделать это достаточно оперативно, и уже с ноября 1882 г. молитвенный дом действовал¹⁸.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в Витебской губернии наблюдалось достаточно интенсивное увеличение количества синагог и еврейских молитвенных школ. Как правило, за счет возведения новых зданий и приспособления жилых домов. Кроме того, верующие были вынуждены постоянно заботиться о ремонте, а также восстановлении молитвенных сооружений после пожаров. Тем не менее, рост иудейского населения в регионе происходил еще более быстрыми темпами, поэтому общины не были в достаточной мере обеспечены культовыми зданиями.

Примечания

- ¹ Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Полное географическое описание нашего Отечества. Минск : БелЭН, 2006. С. 308, 309, 311, 312, 314–316, 322, 326, 328, 353, 360. ПКВГ на 1862 год. Витебск : Типография Губернского правления, [1862]. С. 132–138. ПКВГ на 1864 год. СПб. : Типография К. Вульфа, 1864. С. 230–232. РЕЭ. Т. 4. Историческое краеведение. М. : Российская академия естественных наук ; Российско-израильский энциклопедический центр «ЭПОС», 2002. С. 220, 259, 336, 369.
- ² ПКВГ на 1864 год. С. 232.
- ³ Верхнее Поднепровье и Белоруссия... С. 308, 309, 311, 312, 314–316, 322, 326–328, 353, 361. ПКВГ на 1862 год. Таблица III. ПКВГ на 1864 год. С. 202–204. РЕЭ. Т. 4. С. 220, 232, 258, 336, 368.
- ⁴ Таблица составлена автором на основе сведений из таблиц 1, 2.
- ⁵ Рапорт Городокского уездного исправника от 28 апреля 1908 г.; протокол строительного отделения Витебского губернского правления от 13 мая 1908 г. // НИАБ. Ф. 3209 (Строительное отделение Витебского губернского правления). Оп. 1. Д. 1298 (Дело о постройке еврейской каменной молитвенной школы в г. Городке). Л. 1–2.
- ⁶ Сведения наличия церквей и молитвенных домов по Чашникскому району на 1925 г. // ГАВт. Ф. 2356 (Административный отдел исполнительного комитета Витебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 31 (Списки церквей, синагог, молитвенных домов по районам Витебского округа за 1926 г.). Л. 42.
- ⁷ Список церквей и молитвенных домов по Сиротинскому району на 1925 г. // Там же. Л. 36.
- ⁸ Список церквей и молитвенных домов по Суражскому району на 1925 г. // Там же. Л. 11об.
- ⁹ Список церквей и молитвенных домов по Сиротинскому району на 1925 г. // Там же. Л. 36.
- ¹⁰ Прошения витебского мещанина И. Ш. Дымшица от [?] августа 1902 г., 29 января 1903 г.; рапорт витебского полицмейстера от 12 ноября 1902 г.; письмо витебского общественного раввина от 19 марта 1903 г.; указ Витебского губернского правления от 21 апреля 1903 г. // НИАБ. Ф. 1416 (Витебское губернское правление). Оп. 2. Д. 20476 (Дело о разрешении жителям г. Витебска открыть еврейскую молитвенную школу в доме мещан Забежинского и Рубинштейна по пер. Луговому и провести выборы членов духовного правления). Л. 1, 4, 6, 8, 11, 14, 19.
- ¹¹ НИАБ. Ф. 3209. Оп. 1. Д. 1298. Л. 4–5.
- ¹² Прошение старосты молитвенного дома в м. Кубличах Лепельского уезда, кубличского мещанина Авсея Вульфофа Лившица от 26 января 1901 г.; протокол строительного отделения Витебского губернского правления от 27 февраля 1901 г. // НИАБ. Ф. 3209. Оп. 1. Д. 1022 (Дело о постройке деревянной еврейской молитвенной школы в м. Кубличах Лепельского уезда на углу Полоцкой улицы и переулка). Л. 1, 6.
- ¹³ Прошение духовного правления Каменной еврейской молитвенной школы от [?] июня 1902 г.; письмо городского головы Витебской городской управы от 13 июля 1902 г.; протокол строительного отделения Витебского губернского правления от 3 сентября 1902 г. // Там же. Д. 1085 (Дело о возобновлении Каменной еврейской молитвенной школы в 1-й части г. Витебска). Л. 1, 2, 5.
- ¹⁴ Прошение старосты Краковской еврейской молитвенной школы от [?] июля 1914 г.; рапорты Витебского полицмейстера от 12 января 1915 г., 30 марта 1915 г.; протокол строительного отделения Витебского губернского правления от 7 апреля 1915 г. // Там же. Д. 1847 (Дело о постройке новой каменной еврейской молитвенной школы под названием Краковской в 3-й части г. Витебска при Шоссейной улице). Л. 1, 8, 10, 14.
- ¹⁵ Там же. Д. 1085. Л. 3об.–4.
- ¹⁶ Там же. Д. 1847. Л. 2.

¹⁷ Прошение потомственных почетных граждан г. Витебска от 9 сентября 1878 г.; письмо Витебского губернского правления от 11 октября 1878 г.; прошение витебского мещанина Д. Ш. Писаревского от 3 января 1880 г.; прошение старосты еврейской молитвенной деревянной школы К. Л. Берлина от 8 июля 1880 г.; определение Витебского губернского правления от 19 июля 1880 г. // НИАБ. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 15506 (Дело по прошению витебских мещанина Писаревского Д. Ш. и почетного гражданина Шнеерсона М. Б. о разрешении открыть еврейскую молитвенную школу в собственном каменном доме по ул. Елагской). Л. 1, 6, 8об., 9, 18, 30, 46об.

¹⁸ Указ Витебского губернского правления от 22 июня 1882 г.; прошения витебских мещан от 20 июля 1882 г., 29 октября 1882 г.; протокол строительного отделения Витебского губернского правления от 8 ноября 1882 г. // Там же. Д. 16012 (Дело по прошению витебских мещан Виленса Л., Байкина И., Тубина Ю. о разрешении открыть в их доме по ул. Генеральной в г. Витебске еврейскую молитвенную школу). Л. 1, 3, 5, 7, 10.

УДК [94(=411.16)+929.52](470+571)“19”

И. В. Сахаров

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Архивные данные о евреях, проживавших в Рыбинске в 1911 г., и сведения о лицах, похороненных на местном еврейском кладбище

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. мне не раз приходилось посещать Рыбинск, поскольку я в то время активно занимался изучением истории Михалковых, родовая усадьба которых находилась на противоположном берегу Волги, в селе Петровском, и часть имущества которых (в том числе целая семейная портретная галерея) после национализации имения в 1918 г. оказалась в Рыбинском историко-художественном музее, а часть семейных бумаг – в местном архиве.

Однако, будучи генеалогом «всеядным» и уже тогда одержимым пополнять свое домашнее архивное собрание «всякой всячиной», которая попадалась мне в руки, я потратил немало времени, выискивая архивные документы, относящиеся не только к Михалковым и их родне, но и к самым различным другим семьям и лицам. Кроме того, я с увлечением бродил по на удивление тогда хорошо сохранившимся старым городским кладбищам, записывая имена, попадавшие на мои глаза на старинных надгробиях¹.

В поле моего зрения оказались и евреи, к собиранию сведений о которых я питал и питаю особое пристрастие и которых в дореволю-

ционном Рыбинске оказалось больше, чем я ожидал. Некоторыми данными о них я и хотел бы поделиться с читателями сборника.

* * *

В архиве в Рыбинске (его правильное название и статус — Филиал ГАЯО в г. Рыбинске), в фонде Городской управы (Ф. 9. Оп. 1. Д. 2477. На 10 листах с оборотами)² я обнаружил список евреев, проживавших в этом городе в 1911 г., и решил расписать их имена на персональных карточках, с присовокуплением некоторых биографических данных. К сожалению, я не располагал достаточным для этого временем, и записи сделаны в спешке выборочно, и теперь я даже не могу быть уверен, что занес на карточки всех включенных в список глав еврейских семейств. Кроме того, во многих случаях я, указывая фамилии, не перечислял личные имена. Однако и то, что я успел записать, мне кажется, может представить интерес для всех, кого интересует просопографический подход к истории российских евреев.

Ниже перечислены в порядке алфавита нанесенные на персональные карточки фамилии и во многих случаях личные имена, а также некоторые данные о том, на каком основании тому или иному лицу с семейством позволено было проживать за пределами черты оседлости, — потомственное почетное гражданство, принадлежность к купечеству, окончание университета, принадлежность к ремесленникам; поскольку последняя категория весьма многочисленна, ниже отсутствие подобных сведений, по соображениям экономии размера текста, означает, что данное лицо принадлежит к ремесленникам.

Итак, в порядке алфавита фамилий: Авербахи (потомственные почетные граждане Юлий Ильин 45 лет и Леон Ильин 56 лет, жена последнего Мария Евсева 45 лет и их дети Иосиф 20 лет и Александр 17 лет; лекарь Давид Ильин 42 лет, жена его Цинора Иоселева 32 лет и их дочь Раиса 10 лет)³; Акодусы; Бейлины (фамилия писалась через «ять»); Беленькие (фамилия писалась через «ять»); Блюм; Быховские (Александр Юрьев 40 лет, потомственный почетный гражданин, окончил юридический факультет Новороссийского университета, по ученым званиям, и жена его Берта Нумова 38 лет); Верховские; Винокур (19 лет, аптекарский ученик, по ученым званиям); Гелины; Гербергольцы; Гиршманы (Гирш Герцыков 31 лет, смоленский 1-й гильдии купеческий сын, сам с 1913 г. 1-й гильдии рыбинский купец); Гликзоны (Глыкзоны); Гольшманы (повивальная бабка с семьей, по ученым званиям); Гольштейн (Нохум Вольф Залманов, 43 лет, слонимский мещанин, переплетчик); Горманы; Гринберги (2-й гильдии купцы);

Гурвичи (Борух 19 лет и Вульф 16 лет, Шоломовы Исеровы, аптекарские ученики, по ученым званиям); Гуревичи (купцы 1-й гильдии); Гуревичи (Гирш Шеломов Исеров 32 лет, дантист, по ученым званиям, жена Хана Бейла Яковлева 26 лет); Гуткины; Гутсон (дантист, по ученым званиям); Донькины; Друян; Жуки; Завельский (аптекарский помощник, по ученым званиям); Заки (Вигдор Давид Товий Лезеров 38 лет, провизор, по ученым званиям, жена Стерна Залманова 36 лет, сын Леопольд 6 лет); Зарецкие (фамилия писалась через «ять»); Зафранские; Зильберберги (Авраам Израилев 43 лет, провизор, по ученым званиям, жена Мария Вульфова 43 лет, дети Рахиль 22 лет, Борис 19 лет, Виктор 13 лет); Ивенские (провизор с семьей, по ученым званиям); Иофиновы (ремесленники и приказчик купца Москвера, фамилия начиналась с десятеричного і); Каменецкие; Киссины (зубной врач Дина Викторова 35 лет, при ней мать Сара Маркова, ошанская 2-й гильдии купеческая вдова, и сестра Крона 23 лет); Клейтманы; Коварские (Михаил Хонов 28 лет, действительный студент, с женой Верой Павловной, лютеранкой; отмечено: «Выбыл»); Левинтан; Либерманы (Хана Мордухова 51 года, мещанка местечка Янович Витебской губернии, мастерица чулочного мастерства; дети Илья 29 лет, Юда-Лев 26 лет и Александр 23 лет, все трое вышеназванные — аптекарские помощники, затем Иосиф 14 лет, Сара 19 лет, Белла 16 лет и Юдифь 26 лет); Лившицы (вдова провизора с семьей, по ученым званиям); Марконы (купцы 1-й гильдии); Меремсоны (см. ниже — Меримсон); Модели; Москверы (купцы); Овчинские (2-й гильдии купцы); Ольштейн (провизор); Певзнеры (Исаак Марков Ицко-Айзик [sic], лекарь, по ученым званиям, жена Тишля Исаева 46 лет); Пинусы (Борис Яковлев 42 лет, старосельский мещанин, еврейский казенный раввин, дети Исаак 11 лет и Глафира 12 лет; Либа Яковлева 30 лет и Геня Яковлева, модистки); Писаревские; Позина (Малка Мордухова 30 лет, велижская мещанка, модистка); Полтырев (часовщик); Райгородский (Борис Михайлов, аптекарский помощник, по ученым званиям); Райхштадт (витебский 2-й гильдии купец); Ратманы; Розенблюмы; Сандлеры (2-й гильдии купцы); Свиндлеры; Сендерманы; Серкины; Слепян (Меер Мовшев 27 лет, аптекарский помощник, фамилия писалась через «ять»); Сливинский (Перц Иоселев 32 лет, свободный художник, по ученым званиям); Стражи; Стрельцов (Авраам Гиршов 27 лет, аптекарский помощник, по ученым званиям); Тейтельбаум (1-й гильдии купец); Тентлеры; Ули (в единственном числе — Уль); Ушары; Фарберы; Флигельтауб (Овсей Сендер Янкелев Цалков 31 г., зубной врач, по ученым званиям, жена Елизавета Бернгартов-

806

С п и с о к о в

евреев, проживавших и проживающих по указанным адресам

		Имею ли... в 1911 году	
		протавились в г. Рыбинске	протавились в г. Рыбинске по отпуску 1914 год
<u>Семейные:</u>			
1.	Авербах Давид Исаевич 42 л. жена Уинора Уосека 32 л. от Таиса 10 л.	3	3
2.	Туретов Турко Исаевич 32 л. Дантиста, жена Кака Гейла Яковлевна	2	2
3.	Кохелович Исидор Исидоров 33 л. Дантиста, жена Рейза Фейга Мишилова 40 л., сын Павел	3	3
4.	Зань Вилорь Давид Таши Исидоров 36 лет, доктор, жена Стефа Зашманова 36 лет, сын Мокош 6 л.	3	3
5.	Певзнер Исак Исидоров Иско-Исидоров Исаков, жена Тимис Иосиф 46 л.	2	2
6.	Финельтауб Осей Сидор Анисим Исаков, 31 л., зубной врач жена Самуэля Берна 30 л.	2	2
7.	Зинбергер Ротштейн Исидор 43 л. доктор, жена Мария Вилорь 43 л. дети: Гайма 22 л., Бодик 19 л., Виктория 13 л.	5	5

Рис. 1. Лист из списка проживающих в Рыбинске евреев⁴

на 30 лет); Хазаны; Хайты; Халалай (Осип Михайлов 29 лет, провизор); Хохловичи (Марк Исеров 32 лет, дантист, по ученым званиям, жена Рейза Фрейда Шмуилова 40 лет, сын Товий); Чертовы; Шейнкер (Борис, 2-й гильдии купец); Шифманы; Шмерковичи. Обращает на себя внимание тот факт, что, как и следовало ожидать, помимо наиболее многочисленных ремесленников, в рассматриваемом списке представлены купцы разных гильдий, врачи (в том числе дантисты), провизоры, аптекарские помощники и ученики, казенный раввин.

* * *

В моих прогулках по Рыбинску меня иногда сопровождала Нина Александровна Петухова, энтузиаст-краевед, большой знаток города, истории отдельных домов и прошлого некоторых местных коренных семейств. Так, в 1993 г. в один погожий июньский день, бродя по православному кладбищу, она привела меня к месту еврейских захоронений. Это место располагалось на периферии православного некрополя, но вполне особняком. Его трудно было назвать «оформленным» еврейским кладбищем — оно не только не было никак огорожено, но напоминало запущенный, заросший местами сорняком пустырь, никак не распланированный, на котором вне какого-нибудь порядка там и сям можно было увидеть немногочисленные надгробия. В целом место было совершенно не ухожено, чтобы не сказать заброшено. Кое-где виднелись явно могильные холмики, но никаких надгробий на них не осталось, можно догадаться, что они были просто похищены, обычно для повторного использования, что, увы, так часто случается на российских кладбищах.

Картина была достаточно грустная, и я понял, что если я сейчас не зафиксирую надгробные надписи, через недолгое время от них ничего не останется. Времени у меня было в том момент мало, но кое-что я успел записать. Ниже следует содержание моих записей.

Илья Осипович Авербах (6 октября 1836 (?) – 12 мая 1909. Очевидно, это отец тех Авербахов, которые перечислены выше, в списке евреев, проживавших в Рыбинске в 1911 г.

Лев Моисеевич Брауде (1888 – 13 марта 1955). «Дорогому мужу и отцу от детей».

Леон Федорович Грейс (1873 – 17 сентября 1950) и Хая Даниловна Грейс (1884 – 7 августа 1940). Общее надгробие. Рядом надгробие Меримсона (см. ниже).

Абрам Петрович Гринберг (1861 – 29 августа 1902 в 3 часа дня, на 42 году).

Хая-Роха Залмовна Гужина (умерла 4 сентября 1929 на 62 году).

Зелиг Израилевич Зафранский (умер 25 декабря 1923 г. на 52 году. С фотографией.

Хана Залимовна Меримсон (умерла 6 сентября 1937). Похоронена рядом с супругами Грейсами (см. выше). Заметим, что в списке евреев, проживавших в Рыбинске в 1911 г., значатся Меремсоны. Н. А. Петухова тогда сообщила, что в Рыбинске живет Эсфирь Зиновьевна Меримсон.

Владимир Давыдович Ольштейн (1874–1943) и Эсфирь Давыдовна Ольштейн (1881–1954). Две надгробные плиты рядом в общей ограде — единственные захоронения, окруженные оградой.

Осмотр этих захоронений оставил впечатление, что за ними давно никто не ухаживает. Из этого напрашивается следующий вывод. Со времени моего посещения этого места прошло около двадцати пяти лет, и у меня есть все основания полагать, что еврейские захоронения на осмотренном мной участке не сохранились. Так, когда я через двадцать с лишним лет снова посетил когда-то исхоженное мной вдоль и поперек старое православное кладбище, я с ужасом обнаружил, что множества могил, которые я в свое время описал, больше не существует. И это на кладбище, где ныне действуют две церкви, где постоянно бывают церковнослужители, в обязанность которых входит следить за порядком на кладбище. Поэтому надеяться на то, что бессовестные осквернители могил на православном кладбище пощадят еврейский кладбищенский участок, не приходится, и я не исключаю, что его уже сравняли с землей.

Примечания

¹ Сахаров И. В. Три источника и три составные части Рыбинского некрополя // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 26. 2013. С.67–90.

² Автор благодарит директора РБФ ГАЯО Е. А. Буракову и сотрудницу архива Г. В. Комарову за помощь в подготовке статьи к печати.

³ В фонде местной женской гимназии (Ф. 72, Оп. 1, Д. 224, Л. 4) сохранился аттестат о ее окончании в 1906 г. Евгенией Ильиной Авербах (род. в 1894 г.), дочьерью потомственного почетного гражданина.

⁴ РБФ ГАЯО. Ф. 9 (Рыбинская городская управа). Оп. 1. Д. 2477 (Списки евреев по г. Рыбинску. 1911). Л. 8об.

УДК 94(=411.6)(474)“1914”:341.324.2

А. И. Хаеш

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Краткая оккупация Литвы германцами в 1914 г.

Рассказы очевидцев

Предлагаемая статья продолжает публикации автора о положении в годы Первой мировой войны евреев Литвы¹ и посвящена времени первой кратковременной оккупации в 1914 г. ее населенных пунктов германцами.

Об источниках статьи

В 2010-е гг. для исследователей в Российском государственном историческом архиве (РГИА) стали доступны архивные дела фонда 1547 «Консультация присяжных поверенных по оказанию юридической помощи неимущим евреям (1901–1917)»². Несколько дел этого фонда предположительно являются копиями части комплекта материалов Информационного бюро, состоявшего при Политическом бюро, действовавшем во время Первой мировой войны при еврейских депутатах IV Государственной Думы³. Информационное бюро собирало материалы о преследованиях евреев, поступавшие в него от деятелей еврейских учреждений, работавших в прифронтовой полосе — Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО) и Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ)⁴. Комплектно эти материалы пока не обнаружены.

Часть материалов фонда 1547 — копии опроса участников и очевидцев описываемых событий, сделанные не позже августа 1915 г. Эти материалы будут интересны краеведам, генеалогам и историкам еврейских семей. В публикации использовано дело «О ходе военных действий, еврейских погромах и положении еврейского населения в Петроковской, Варшавской, Радомской и др. губерниях (РГИА Ф. 1547. Оп. 1. Д. 48. 1915 г. на 327 л.).

В качестве иллюстрации публикуются несколько обширных цитат из него о положении еврейского населения во время первой очень краткой оккупации германцами в 1914 г. Волковышек (ныне Вилкавишкис) и Мариамполя (ныне Мариямполе) Сувалкской губернии и Таурогена (ныне Таураге) Ковенской губернии.

Цитаты ради сокращения текста подвергались небольшой редакции, поэтому приводятся без кавычек, но с указанием после каждой листов дела.

Военные действия

Описание военных действий на Северо-Западном фронте в 1914 г. сделано специалистами⁵. Поэтому дадим о них самые краткие сведения.

31 июля 1914 г. главнокомандующий Северо-Западным фронтом ген. Жилинский отдал командующему 1-й армией ген. Рененкампу и 2-й армией ген. Самсонову директиву о переходе границы с Восточной Пруссией. 1-я армия перешла границу 4 (17) августа, 2-я армия — 7 (20) августа. Обе армии перешли границу и наступали с боями, сопровождавшимися значительными потерями личного состава. 14 (27) августа 2-я армия была 8-й германской армией раздроблена на три изолированные группы и как таковая перестала существовать. 15 (28) августа ген. Самсонов отдал приказ об отступлении 2-й армии. Под давлением 8-й германской армии 1-я армия ген. Рененкампа начала 28 августа (10 сентября) беспорядочное отступление, после чего германцы перешли границу России и вступили в Ковенскую и Сувалкскую губернии.

Успешное наступление русской армии в Галиции потребовало переброски основных сил 8-й германской армии в Верхнюю Силезию для оказания помощи австро-венгерским войскам. В связи с этим 11 (24) сентября отступившей 1-й армии совместно с вновь сформированной 10-й армией было приказано снова наступать на Восточную Пруссию, что и было выполнено.

Лазареты

Из форм помощи, оказываемой армии ближайшим тылом, в деле наиболее ярко описаны лазареты. О них две предварительных цитаты.

ВОЛКОВЫШКИ. Находясь почти у самой границы с Германией, где происходили первые боевые стычки с неприятелем, Волковышки с самого начала сделались главным перевязочным пунктом для раненых. Помимо существовавших других военных больниц и перевязочных пунктов, субсидируемых и поддерживаемых еврейским населением, евреи устроили специально от себя прекрасно оборудованный лазарет для раненых воинов. В этом еврейском лазарете была оказана медицинская помощь многим тысячам раненых воинов, которые встретили гостеприимный прием без различия вероисповедания.

Оставшаяся на месте интеллигентная еврейская молодежь, за исключением тех, которые отправились на поле брани, записалась санитарями, оказывая этим неоценимую услугу делу помощи раненым. (Л. 207)

МАРИАМПОЛЬ. Особенно много было сделано евреями для русских раненых еще до прихода немцев и во время их пребывания в городе. С утра до ночи самоотверженно работали в местном лазарете единственный в городе врач еврей Липский и евреи студенты-медики Сегаль, Гершонович, Бандалин и другие. Не отходили от больных, дежурили по ночам еврейские сестры милосердия Аронгауз, Каплан, Гурвич и санитары Яблоковский, Франк и Димант. Хозяйством и регистрацией раненых заведовала энергичная госпожа Стоклицкая, фактически стоящая во главе всего дела. Не было перевязочных средств, и еврейские девушки целыми днями изготавливали бинты из простынь. Еврейское население жертвовало для раненых белье, не переставало приносить им суп, молоко и другие съестные припасы. Через лазарет прошло примерно 1500 раненых. (Л. 131)

Дни краткой германской оккупации

ВОЛКОВЫШКИ. 1 (14) сентября над городом появился неприятельский аэроплан, который сбросил две бомбы и сигналами указывал прицел. Вскоре началась бомбардировка города. Все население в смертельном ужасе попряталось в погребах. Канонада продолжалась несколько часов, причинив повреждения во многих еврейских домах, из которых некоторые совсем сгорели.

1 сентября вступили неприятельские войска, которые с музыкой и пением прошли по пустынным улицам города. Первые два дня пребывания неприятеля в Волковышках город имел вид необитаемой местности: двери магазинов и жилищ, а равно ставни окон были закрыты и ни одной души не было видно на улице.

Долго неприятель искал по городу, пока ему удалось задержать на улицах 6 человек: двух христиан (кантора кирхи Келлерта и сидельца монопольной лавки) и четырех евреев. Этим 6 человек объявили заложниками. В их числе был шурином г. Я. Хмелевского, которого злая судьба заставила играть несчастную роль в злополучном городе.

По настоянию жены арестованного Триваша, Хмелевский, человек по своему характеру очень смелый и самоотверженный, решил пойти вместе со своим шурином г. Гаскелем к коменданту. Последний принял их очень грозно. На его вопросы: где власти, где представители города, где, наконец, раввин, — ему ответили, что все уехали из города. Тогда комендант вынул из кармана список лиц и, наметив наиболее

представительных, потребовал созвать их к 3 часам на совещание, угрожая в противном случае расстрелять заложников.

Нечего было делать, поневоле пришлось подчиниться его требованиям. Когда в 3 часа собралось 18 человек, комендант объявил, что всех собравшихся он назначает членами Комитета городского правления и, указав на г. Хмелевского, сказал: «А вы будете бургомистром». Сопrotивляться, противоречить нельзя было, так как комендант объявил, что неисполнение приказаний поведет за собой наказание денежное, сжигание домов и расстрел. После этого он предъявил им целый ряд приказов, а именно: кормление 1100 пленных и раненых русских, снаряжение пекарен и снабжение их мукой, освещение и чистка улиц и т. п.

Насчет пленных комендант заявил, что они могут хоть издохнуть с голода, но все остальные требования должны быть в точности исполнены. В противном случае он примет самые крутые меры до расстрела включительно. Комендант сказал, что в случае неисполнения приказания об освещении города он прикажет каждый вечер зажигать любой дом с какого-нибудь конца города, чтобы таким способом освещать город.

Несмотря на трудность выполнения этих требований, присутствовавшие немного успокоились, видя, что все требования касаются лишь благоустройства города, а кормление и содержание пленных и раненых они даже считали своей святой обязанностью. Но на другой день германские офицеры стали обходить весь город, забирая все шубы, даже у самых бедных. Весь хлеб, находившийся в амбарах, был реквизирован, также забрали всех лошадей, повозки, подводы, фураж, как из города, так и из окрестностей. Германские солдаты стали также ходить по городу, взламывать двери, лавки, магазины, погреба и амбары.

Монопольный казенный водочный склад был расхищен подонками местного населения исключительно из христиан. Они стали угощать этой награбленной водкой солдат, спаивая их и толкая на путь грабежей и разгромов.

В Комитет постоянно приходили солдаты с приказаниями от коменданта доставить им продукты, которых в городе не было. Начались тяжелые дни для Комитета. Приходилось бегать от коменданта к интенданту, просить, умолять, доказывать, унижаться перед требовательным и беспощадно строгим врагом. С трудом удалось г. Хмелевскому вымолить у коменданта, чтобы он не реквизировал крестьянских лошадей, подвод и коров, доказав, что в противном случае в город не будет подвоза и начнется голод.

Немцы реквизировали в городе весь хлеб и, по признанию коменданта, все пекарни были заняты для снабжения их войска. Вследствие этого мирное население, оставшись без хлеба, голодало. Члены Комитета бросились к коменданту, и после долгих трудов им удалось уговорить его, чтобы четыре пекарни были предоставлены исключительно для нужд городского населения.

В таких мучениях и мытарствах прошли 18 дней владычества немцев в Волковышках, пока немцы не оставили город. (Л. 209–217)

МАРИАМПОЛЬ. Немцы вступили в Мариамполь в среду 3 (16) сентября в 12 часов дня. Жители спрятались, так как вступлению немцев предшествовала оружейная перестрелка, при которой был убит один русский солдат. Все, кто мог, еще раньше выехали из города. Лавки были закрыты.

Как и повсюду, немцы раньше всего стали обыскивать дома — нет ли русских солдат. Немецкие солдаты, звоня в колокольчики, обходили улицы и объявляли по-немецки и по-литовски, что если население будет проявлять враждебные действия по отношению к немцам, город будет зажжен со всех сторон и население будет строго наказано. В тот же день немцы задержали в качестве заложника владельца магазина Бирштейна. На другой день его выпустили, но обязали подпиской о невыезде.

Немцы расположились в домах по 8 человек на комнату. Бывали случаи, когда они выгоняли хозяев. На другой день началась реквизиция, часто граничащая с разгромом. Особенно пострадали евреи, так как они в Мариамполе преимущественно являлись торговцами. Были очищены ренсковые погреба⁶ Гинзбурга и Шатенштейна, пивные склады Вольфа и Гольдберга. Больше всего пострадали магазины меховых и теплых вещей Абельсона, Бернштейна, Рубинсона, Гольдингейма и других. Было реквизировано также все зерно у еврейских хлеботорговцев Понимунского, Рабинова, Розенталя, Белоблоцкого и т. д. В различных магазинах забирали съестные припасы. Брали по запискам и без них. Наличными платили, когда брали только лично для себя, но не всегда и по большей части сами произвольно назначали цены. Забирали шоколад, но платили по его стоимости в Германии. Пострадали некоторые литовские магазины и колониальный магазин при Литовском синдикате сельскохозяйственных машин «Соха».

На четвертый день явился новый комендант. Он обратился к заложнику Бирштейну с требованием, чтобы население избрало бургомистра. Комендант обратился также к раввину и к ксендзу с прика-

занием предложить в храмах населению избрать бургомистра: «Если не выберете, наложу на город контрибуцию в 10 000 марок». На замечание раввина, что город беден и таких денег не найдется, комендант заметил: «Если сгною Вас в погребе, деньги найдутся».

Долго шли разговоры о бургомистре, предлагали стать им литовцу Пенчило, владельцу книжного магазина, исполнявшему раньше несколько месяцев обязанность бургомистра. Но оказалось, что он не знает немецкого языка. Отказались и другие. На восьмой день после частых и долгих совещаний остановились на Гершеновиче, местном общественном деятеле, уважаемом и любимом всеми в городе. Гершенович со слезами на глазах отказывался, но, наконец, был вынужден согласиться. Он говорил своим близким, что дает свое согласие только потому, что это спасет город и население. Он говорил, что вынужден взять на себя роль искупительной жертвы. Помощником его был избран литовец аптекарь Барклинг. Немцы назначили 4-х стражников: 2-х литовцев и 2-х евреев.

Для Гершеновича начались мучительные дни, полные унижения и страдания. Комендант беспрестанно посылал за ним солдат и давал ему, под угрозой расстрела и репрессий для города, всякого рода поручения. Ему даже было приказано позаботиться о регистрации проституток и организации их врачебного осмотра.

Особенно тяжелым был для него один из последних дней пребывания немцев в городе. Немецкий офицер заявил, что у него украли 4-х лошадей. Он обратился к Гершеновичу и, под угрозой смерти, приказал в продолжение получаса найти лошадей. Гершенович в сопровождении солдата должен был отправиться на поиски. «Если не найдете их, город должен будет уплатить 5000 рублей контрибуции или же вы будете расстреляны». С трудом нашли 4-х лошадей, но случайно проходившая через город немецкая артиллерия забрала их, и Гершенович опять был вынужден продолжать свои поиски. Солдат вел его под дождем 6 часов с 7 утра до 1 часу дня из сарая в сарай, пока не нашли подходящих лошадей, удовлетворивших немцев. Гершенович от огорчения и усталости заболел.

Немцы провели в Мариамполе еврейский новый год и Йом-Кипур. В Йом-Кипур в синагогу пришли молиться германские солдаты-евреи. Профессор Фрейнкель целый день простоял, молясь в синагоге. В католические праздники германские солдаты-поляки приходили также молиться в костелах.

19 сентября (2 октября) немцы стали отступать. Началась канонада. Во время канонады немецкий комендант потребовал от Барклинга,

заменявшего больного Гершеновича, 5000 рублей контрибуции. Барклинг отослал это требование к евреям в синагогу. К счастью, немцы ушли, не успев взыскать контрибуции. (Л. 131об.–133)

ТАУРОГЕН. Немцы пришли в первый день еврейского нового года <8 (21) сентября>. Улицы были пусты. Тотчас по прибытии значительных сил немецкий комендант майор Шаден назначил бургомистром русско-подданного немца, таурогенского мещанского старосту Бэна. В качестве заложников были взяты лесопромышленник Гиткин, частный поверенный Гольдберг и судебный следователь Шульц; всех их, впрочем, через несколько часов освободили.

Затем началась «реквизиция». Из запертых магазинов и частных квартир были забраны съестные продукты, белье и проч. В ренсковых погребях евреев Палангена и Зальца были взяты немцами более 10 тысяч бутылок разного вина. Платили немцы за товар по расчету 1 марка и 40 пфеннигов за один рубль. При этом цены назначались произвольные: за пачку папирос, стоимостью 10 коп., уплачивали только 7 пфеннигов. За фураж «платили» квитанциями. Недовольным обывателям немцы объясняли, что боны будут обязательно оплачены либо германским, либо русским правительством в зависимости от исхода войны. В близлежащих имениях Урбановича, гр. Мола, Фишера и др. немцы на привезенных локомотивах смолотили зерно и увезли в Пруссию. В майорате депутата Васильчикова они реквизировали 80 лошадей. Усадеб не разрушали.

Все велосипеды и мотоциклы частных лиц, а также кареты дилижанса были «конфискованы» немцами, чтобы население не могло сноситься с русской армией. Часть реквизированных вещей, главным образом, предметы домашнего обихода, немцы роздали приехавшим из пограничных местечек Пруссии родственникам. Без подвоза цены на многие продукты значительно поднялись. Из окрестных деревень крестьяне привозили на базары хлеб, живность и молочные продукты, но, по распоряжению коменданта, все это продавалось исключительно немцам, в обход коренного населения.

Наложение контрибуции на Тауроген в сумме 8000 марок произошло при таких обстоятельствах. Тотчас по приходе немцев в Тауроген они начали издавать газету на немецком языке. Листок этот расклеивался по всему городу. В одно утро были обнаружены на всех расклеенных листках плакаты с надписями на русском и немецком языках «Долой немцев». Комендант был взбешен этой демонстрацией населения и наказал его штрафом. Так как все мало-мальски за-

житочные обыватели покинули Тауроген еще до появления немцев, собрать 8 тысяч марок не было возможности. После обычных угроз расстрелом и бомбардировкой, коменданту пришлось удовлетвориться 4000 марок.

На почве курса рубля произошло «недоразумение» с владельцем меняльной лавки Кацем, который отказывался менять немцам марки на русские деньги по установленному комендантом курсу. За это Кац был оштрафован на 50 марок, с предупреждением, что при повторении его лавка будет совершенно «конфискована».

Удалились немцы только после жестокого поражения в бою у фольварка Буртели в полутора верстах от Тауроге́на. Русской артиллерией были уничтожены все дома в фольварке, где прятались немцы, и последние спешно отступали по направлению к Пилькелену. (Л. 173, 173об., 174)

Заключение

Приведенные материалы показывают, что в то время германские войска, в отличие от русских войск, грабили все гражданское население, а не исключительно евреев, и их не убивали, что и дезориентировало многих из них в 1941 г.

Примечания

¹ Хаеи А. И. Евреи Литвы: Исследования и материалы. СПб. : «Мирь», 2013. С. 86–137.

² Российский государственный исторический архив: Путеводитель: в 4 тт. Изд. 2-е, дополн. и испр. Т. 3. Фонды общественных и частных учреждений и организаций. СПб. : «Лики России», 2012. С. 181. В первом издании, 1956 года, как и в издании Фонды Российского государственного исторического архива: Краткий справочник. СПб. : РГИА, 1994, сведения о фонде отсутствовали.

³ Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. СПб. : «Петербургское востоковедение», 1998. С. 337.

⁴ ОЗЕ и ЕКОПО — благотворительные организации, созданные с разрешения МВД в Петрограде соответственно в 1912 г. и 1914 г.

⁵ Вацетис И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г.: Стратегический очерк: Действия 1 и 2 русских армий и 8 германской армии. Воен. акад. РККА. М. : Высш. воен. ред. совет, 1923. 105 с., 8 л. карт.

⁶ Ренковский погреб — место хранения и продажи виноградных вин.

УДК 303.446.4:94(976)

А. С. Касяновская*(г. Гродно, Республика Беларусь)***Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.):
к вопросу о конфессиональной толерантности**

Местечко — широко распространенный тип поселения, маленький городок. В течение XVI — начале XX в. местечки были неотъемлемой частью социокультурного развития белорусского народа. В 1921–1939 гг. территория Западной Беларуси входила в состав четырех воеводств возрожденной Ю. Пилсудским II Речи Посполитой. В составе польского государства белорусские местечки сохранили свое традиционное развитие, несмотря на политику полонизации, проводимую правительством Польши. Тем не менее, 1921–1939 гг. стали последним периодом существования местечек как отдельного типа поселений. После присоединения Западной Беларуси к БССР местечко как самостоятельная административная единица было упразднено.

Развиваясь практически два десятка лет в составе польской республики, местечки превратились в уникальную поликонфессиональную контактную зону — польского, белорусского, еврейского народов, взаимодействие которых, особенно в культурном плане, положительно отразилось на интенсивности развития и самосохранения культуры национальных меньшинств в условиях политики полонизации, проводимой центральной польской властью.

На территории Западной Беларуси насчитывалось 198 местечек, из них в Белостокском воеводстве — 31, Виленском — 81, Новогрудском — 54, Полесском — 32. В местечках еврейское население являлось значимой демографически социальной группой. В 1921–1929 гг. в местечках Белостокского воеводства евреи составляли 45 %, Полесского — 40 %, Новогрудского — 34 %, Виленского — 24 % от общего количества населения¹. Однако были и такие местечки, в которых еврейское население не проживало или составляло 1–2 % от общего количества населения. В местечках Новогрудского воеводства, таких как Беньякони, Жировичи, Ишкольд, Налибоки, Цириин процент еврейского населения составлял 0,5–1 %².

Польские власти в местечках видели своеобразную зону обмена (в первую очередь экономическую) между городом и деревней и не

препятствовали их экономическому развитию. Интеграция местечковой экономики в экономику Польши благодаря участию евреев произошла очень быстро, превратив многие местечки в торговые и промышленные центры гмин, поветов и воеводств. Несмотря на то, что уровень развития «Восточных Кресов»³ был гораздо ниже в сравнении с остальными воеводствами Польши, однако крайне тяжелым экономическое положение белорусских местечек (по сравнению с советскими местечками), назвать нельзя.

Несмотря на то, что польское правительство проводило в отношении национальных меньшинств «Восточных Кресов» политику ограничения, исключение было сделано только для еврейского меньшинства: оно получило право на самоуправление. Еврейские общины в сотнях местечек превратились в самостоятельные административно-территориальные единицы, что дало возможность сохранить и развивать идишскую традицию.

Результаты полевых экспедиций 2011–2016 гг. по белорусским местечкам, в которых автор принимала участие, позволяют утверждать, что отношения между евреями и христианами в местечках были разными: толерантными, ровными, отчасти нейтральными, иногда неприязненными, даже враждебными. Жители местечек воспринимали евреев как «чужих», «других». В пользу этого свидетельствует тот факт, что, если информанты показывали групповые фотографии, то белорусов и поляков, как правило, знали по именам, а евреев не всегда могли назвать.

Евреи, по возможности, селились отдельно от христианской части населения. Как правило, «рыночный» центр местечка был еврейским, христиане селились на окраинах, ближе к сельскохозяйственным угодьям. Некоторые еврейские религиозные общины, особенно Полесского воеводства, еще со времен Первой мировой войны могли быть территориально выделенными («гетализированными») специальными деревянными столбами с натянутой проволокой, так называемыми «dróty uryfowe». Польские власти беспокоила «закрытость» традиционной еврейской культуры от внешнего мира, поэтому руководство Полесского воеводства до 1929 г. постепенно ликвидировало такие условные границы по причине того, что «проволочное ограждение мешало электрификации и установлению телеграфно-телефонной связи». Однако в некоторых местечках Полесского воеводства «проволочные ограждения для ритуальных целей еврейских гмин» были сохранены, а в таких местечках, как Логишин и Лахва, по просьбе раввинов и с разрешения польских властей были заново построены⁴.

Изолированность еврейской общины от христианского населения стала причиной формирования этнических стереотипов в местечковом обществе. Само слово еврей («жид») несло в себе отрицательные коннотации. Иногда оно использовалось как нейтральное. Однако часто, особенно в народной среде, слышались оскорбительные обращения или прозвища: «еврейчик» или «жидюга». Поляков нервировал внешний вид традиционных евреев, удивляла одежда и прически. Евреев критиковали за изолированность от остальных граждан, за то, что они говорили на идише. Одновременно смеялись над тем, что они примитивны, т. к. многие из них плохо говорили на польском языке. Евреев подозревали в лицемерии. Многие христиане считали, что данное явление коренится в Талмуде, который говорил о разном отношении к представителям иудаизма и «неверным». Шокировали и удивляли также некоторые элементы еврейской обрядности. Непонятные и вместе с тем удивительные традиции евреев нередко становились поводом для шуток и невероятных историй. Жители местечка Мир вспоминали: *«Осенью праздник у них был, “кучки” назывался, то они открывали окна, на улице накладывали кучи хвороста, после зажигали его, мокрый он все дымил, дымил, а они все молились. Они молятся, целые семьи и родные, при свечах, но самим зажигать и тушить свечи им нельзя. Поэтому они за деньги звали детей. <...> Они делали так, часть крыши дома, метра два, поднимали вверх, ну а потом, после кучек, опускали. Пока “кучки”, держали открытой крышу. А дети еще как хулиганили! Мы, иногда, идем со школы, или каштанами, или палками пытаемся в открытый люк в крыше попасть. Яиц насобираем и туда яйцо — плюх! А они уже выскочат: “Ой, сволочь, ты!” И по-еврейски, и хам, и кацапы нас называли»⁵.*

В свою очередь евреи иногда нелестно отзывались о своих польско-белорусских соседях: «гой», «цагик» и др. Немногие говорили о поляках и белорусах нейтрально: христианин или христианка. Распространено было среди евреев приписывание христианскому населению таких негативных черт, как злоупотребление алкоголем, некультурное поведение за столом, другие примеры отсутствия манер. Частью еврейского фольклора стали высказывания-порицания в отношении своих провинившихся соплеменников: *«п’ёт, как гой», «вырастет глупым гоем».*

По мнению информантов, у евреев были очень дружные семьи, чем не всегда могли похвастаться поляки и белорусы, еврей-мужья не изменяли своим женам и не бросали детей. Также евреи отличались от своих соседей тем, что *«не пьянствовали, не устраивали драк, не распускали сплетен».* Евреи также отличались, по мнению информантов,

крепким здоровьем и долгожительством, что объяснялось способностью доставать из-за границы лекарства «*по своим каналам*».

Более того, некоторые белорусы вспоминали о «белорусах еврейского происхождения». Интересными являются размышления жителей местечка Мир о смешанных с евреями браках: «*Было у нас еврейское семейство Трубилки, их прабабушка вышла замуж за православного. Евреям это не нравилось, но привыкли. Детей считали белорусами, они ходили в церковь*»⁶.

В мемуарной литературе можно найти немало фактов о том, как евреи и христиане ходили друг к другу в гости, в том числе и во время религиозных праздников. Житель местечка Лужки краевед Василий Стома-Синица в своих мемуарах писал, как он и его друг Аба часто гостили друг у друга. При этом его друг Аба никогда не отказывался от традиционных праздничных белорусских угощений: любил домашнюю колбасу и драники с салом. В. Стома-Синица также отмечал особый вкус иудейских блюд⁷.

Несмотря на то, что евреи часто угощали своих соседей-христиан мацей, очень прочными были страхи и предрассудки, связанные с так называемым «кровавым наговором». Жители Мира вспоминали: «*Маленьких детей пугали евреями, которые могут схватить, засунуть в бочку с гвоздями и катать эту бочку по двору. Так они делали, чтобы приготовить мацу на детской крови*»⁸. В. Стома-Синица вспоминал, как бабушка его пугала, если он уходил на рынок один, что там его могут схватить на «мацу» еврей⁹.

Образ «еврея-торговца» в воспоминаниях жителей белорусских местечек был разным. В одних местечках еврей-торговец отождествлялся с обманщиком и проходимцем. Одновременно утверждалось, что евреи — лентяи и бракоделы. В других местечках, напротив, многие нарративы о еврейской торговле несли в себе оттенок ностальгии по тем временам, когда в маленьком городке можно было купить практически любую вещь, да еще и в долг, и данная вещь была качественной и служила, как отмечали информанты, «на века». Много сведений в мемуарной литературе о еврейской магазинной торговле. О ритуале еврейской торговли писал Чеслав Латавец: «*Чтобы купить дешевле у еврея, нужно знать различные торговые хитрости. Чтобы что-то купить, необходимо два, а то и три раза войти и выйти из магазина, при этом вести эмоционально торг и склонить продавца к уменьшению цены в два, либо в три раза*»¹⁰.

Как справедливо подчеркнул В. Стома-Синица, характеризуя взаимоотношения между евреями и белорусами в местечке Лужки:

«Временами случались недоразумения, и даже стычки, когда друг другу подбил глаз или расквасил нос, но эти недоразумения никогда не расширялись и быстро забывались. Надо сказать, что старания польской администрации, чтобы посеять некую вражду между белорусами и евреями, не имели успеха»¹¹. Смягчало конфликты и объединяло в споре, главным образом, соседство, постоянные контакты в повседневной жизни. По сравнению с городом, проявления антисемитизма в местечковой среде имели неострый и более компромиссный характер.

Еврейская музыкальная культура наполняла особым колоритом повседневную жизнь жителей местечка. Еврейская музыка в местечках была представлена синагогальной музыкой, которую пели хазаны во время молитвы, и традиционной народной еврейской музыкой. Клезмеров, играющих на ярмарках, свадьбах, фестивалях и праздниках, знал каждый житель местечка. Информанты помнят еврейского скрипача, который сидел в определенном месте улицы или двора и играл проницковенные мелодии, которые были важным элементом звуковой сферы еврейского квартала.

Еще одной доминантой местечка были, как правило, синагоги. Польские исследователи еврейского культового зодчества Мария и Казимир Пехотки отмечали в своих работах, что после Первой мировой войны на землях польского государства закончился период строительства больших каменных синагог, что было связано с эмиграцией еврейского населения из межвоенной Польши в Палестину¹². В архиве Актов Новых в Варшаве сохранилось несколько проектов (около 10) строительства деревянных синагог в местечках Озеры, Высокое, Лахва, Ленин, Молодечно, Новый Двор¹³. Еврейские синагоги, как отметил в своей работе Т. Вишневецкий, «...до сентября 1939 года были постоянным архитектурным пейзажем городов, поселков и даже деревень Белостокского воеводства»¹⁴.

Белорусский поэт, коренной полесский местечковец Сергей Гроховский, красочно описывая свое местечко Глуск, его неповторимый дух и колорит быта жителей, вспоминал: «<...> Этот “рай”, уже не деревня, но еще и не город, издревле называли местечком. И сразу возникал образ тихого, небольшого, часто далекого от железной дороги поселения с двумя-тремя мощными улицами, с большой рыночной площадью в центре, с длинным рядом магазинов и магазинчиков, с шумными осенними ярмарками, с одной или двумя церквями, несколькими синагогами <...>. Все местечковцы знали друг друга, помнили отцов и дедов, были в близком или далеком родстве, доверяли не только соседу, но и человеку с другого конца поселка, жили в дружбе: белорусы и евреи,

католики и староверы. Все в нашем местечке держалось на совести, на доверии и сочувствии. <...>. Была необычная атмосфера доброты, уважения к каждому человеку, к старому и молодому, к доктору и хлеборобу»¹⁶.

В местечках Западной Беларуси в 1921–1939 гг. можно наблюдать все виды религиозной толерантности по отношению к иудейскому населению: от относительной веротерпимости до признания конфессиональной идентичности. Национальные меньшинства в польском государстве признавали и уважали индивидуальные различия каждой конфессии, выражая свое несогласие к определенным элементам национальной культуры в неконфликтной, взаимоуважительной форме.

Примечания

¹ Войтещик А. С. Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): социально-экономическое и культурное развитие : дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук / А. С. Войтещик. Минск : БГПУ имени М. Танка, 2013. С. 144.

² Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników Pierwszego Powszechnego Spisu Ludności z dnia 30 września 1921 r. : w 11 t. Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1921–1927. T. 7. Część 1: Województwo Nowogródzkie. 1923. S. 9, 12, 46, 72, 90.

² «Восточные Кресы» — территория западной части Украины, Беларуси и Литвы, которая по условиям Рижского мира (18.03.1921) отошла к Польше и была определена в составе воеводств: Виленского, Полесского, Новогрудского, Тернопольского, Станиславского, части Белостокского и Волынского.

⁴ Положительный ответ из Полесского воеводского управления (подписанный также старостой Пинского повета) в ответ на прошение (“*podanie*”) раввина местечка Логишина об установлении т. н. «*drótów egiłowych*» в м. Логишине, существовавших в местечке до Первой мировой войны, но разрушенных // ГАБр. Ф. 1 (Полесское воеводское управление). Оп. 2. Д. 2256 (Циркуляр МВД, указания Министерства вероисповедания и образования и переписка с поветовыми старостами об устройстве ритуальных проволочных заграждений для евреев. 1926–1929 гг.). Л. 36; Положительный ответ из Полесского воеводского управления об установлении «*drótów egiłowych*» в м. Лахва, но без указания, что они были до Первой мировой войны // Там же. Л. 45.

⁵ Раманава І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. Вільня : ЕГУ, 2009. С. 41, 42, 44. Здесь и далее все цитаты даны в моих переводах — А. К.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Стома-Сініца В. Мае мястэчка // Польша. 1998. № 9. С. 182.

⁸ Раманава І. Указ. сач. С. 43.

⁹ Стома-Сініца В. Указ. сач. С. 164.

¹⁰ Latawiec C. Sandomierz moja młodość. Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1976. S. 23.

¹¹ Стома-Сініца В. Указ. сач. С. 180.

¹² Piechotek M. Bramy Nieba: bożnice murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa : Wyd-wo Krupski i s-ka, 1999. S. 11.

¹³ AAN w Warszawie. Zespół 9 (Ministerstwo Spraw Wewnętrznych). Sygn. 2648–2686.

¹⁴ Wiśniewski T. Bóżnice Białostoczczyzny. Białystok : David, 1992. S. 87.

¹⁵ AAN w Warszawie. Zespół 9. Sygn. 2648. 1922. L. 1–2.

¹⁶ Грахоўскі С. Мястэчка, мястэчка... Элегія // Польша. 1992. № 2. С. 143, 144, 150, 163.

УДК 93/94

И. И. Вавренюк*(г. Брест, Республика Беларусь)***Еврейская безработица в Западной Беларуси
(1921–1939)**

Проблема безработицы евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) не получила должного освещения в современной историографии и ранее не являлась темой отдельного исследования. Вместе с тем отдельные аспекты данной темы затрагивались в ряде работ, посвященных политике Польского государства (1921–1939 гг.), истории политического и общественного движения, а также в отдельных исследованиях по истории Западной Беларуси. Освещение данного вопроса в современной историографии необходимо рассматривать в контексте как минимум двух более широких проблем: проблемы государственной политики по отношению к евреям и проблемы экономического развития Западной Беларуси (1921–1939 гг.).

Проблема еврейской безработицы на территории Западной Беларуси, безусловно, заслуживает отдельного исследования в связи со значимостью евреев в регионе. Согласно официальным данным переписи населения Польского государства 1921 г., на территории Западной Беларуси (в границах современной Республики Беларусь) проживало 241,5 тыс. человек иудеев, 185,7 тыс. евреев, около 55 тыс. иудеев определили себя как поляки; по переписи населения 1931 г. — 251,9 тыс. евреев, 283,3 тыс. человек иудеев¹.

Все национальные меньшинства в Польше декларативно находились под защитой двусторонних международных договоров. Малый Версальский трактат от 28 июня 1919 г. касался защиты всех национальных меньшинств в обществе и утвердил односторонние обязательства Польши перед победившими странами-союзницами. 29 июня 1919 г. международными союзными державами США, Британской империей, Францией, Италией и Японией, с одной стороны, и Польшей, с другой, был заключен т. н. «Договор о польских меньшинствах» (Polish Minority Treaty), на основании которого все польские граждане признавались равными перед законом и должны были пользоваться в одинаковой мере гражданскими и политическими правами, независимо от их расы, языка или религии. Рижский договор между Польшей, Россией и Украиной от 18 марта 1921 г. и Женев-

ская конвенция, подписанная на 15 лет между Польшей и Германией 15 мая 1922 г., определяли двусторонние польско-советские и польско-немецкие обязательства о взаимной защите прав национальных меньшинств этих государств².

В 1934 г. Польша вышла из договора 1919 г. Положение евреев ухудшалось из-за дискриминационной политики правительства против еврейских масс (национальный гнет, антисемитизм, экономический бойкот, недопускание евреев в государственные и коммунальные предприятия, выбрасывание еврейских рабочих из монополизированных предприятий (Гродно и др. местности), неслыханного налогового нажима, ликвидации закона об охране квартиронанимателей, выбрасывание из квартир и т. п.)³. В 1932 г. евреи составляли 1,1 % служащих в центральных учреждениях, 2,7 % — в провинциальных, 1,7 % — в иных учреждениях⁴.

Источники дохода еврейских семей в 1921–1939 гг. были разнообразными, но, в целом, занятость отличалась традиционностью и скученностью в определенных отраслях. По данным переписи 1921 г. процентное участие евреев в экономике Польши выглядело следующим образом: в сельском хозяйстве — 0,9 %; в ремесле и промышленности — 23,5 %; в торговле и страховании — 62,6 %; на транспорте — 10,2 %; в общественной службе и свободных профессиях — 12,4 %; в домашнем хозяйстве и частной службе — 16,7 %; в других видах деятельности — 15,7 %⁵. Аналогичным в процентном отношении было участие евреев в экономике Западной Беларуси. Приоритетными типами занятости евреев региона являлись торговля и ремесло. В городах Западной Беларуси в 1933 г. еврейские торговые предприятия составляли 76,3 %, по всей территории государства — 52,5 % (в городах — 58,5 %) ⁶. В руках евреев в Белостокском воеводстве находилось около 75 % торговых предприятий, около 80 % промышленных предприятий, а удельный вес евреев в кустарной промышленности составлял 40–80 %⁷. В целом, экономика Западной Беларуси представляла собой печальное зрелище. Составляя 24 % территории и 11 % населения страны, Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства в 1926 г. имели только 2,8 % предприятий с количеством рабочих более 20 человек и 1,8 % рабочих на этих предприятиях в масштабах всей Польши⁸. Весьма яркую характеристику положения экономики дал в 1928 г. министр аграрных реформ Станевич: «...убожество ее городов и деревень и нужда жителей... нужда же городского населения вытекает из безработицы»⁹. Одним из показателей развития экономики являлся показатель количества

жителей на один механический поезд: в 1929 г. этот показатель в Западной Беларуси составлял 3026¹⁰.

Мировой экономический кризис (1929–1932 гг.) усугубил польско-еврейские отношения, ухудшил положение евреев в стране. Безработица с началом мирового экономического кризиса стала постоянным условием жизни евреев региона и страны. Количество зарегистрированных безработных в Польше в 1928 г. составило 126 тыс. человек, 1929 г. — 185, 1930 г. — 299, 1933 г. — 343, 1936 г. — 466, 1938 г. — 456¹¹. Количество безработных и доля среди них еврейских безработных с каждым годом возрастала. Как отметил исследователь Д. Боген в 1931 г., «в Западной Беларуси на 100 работающих есть 104 безработных»¹². Как было отражено в архивных документах: «положение большинства еврейского населения Западной Беларуси являлось катастрофическим. Большинство еврейских рабочих безработные»¹³. Наихудшая ситуация наблюдалась в Полесском воеводстве, которое отличалось экономической отсталостью. Так, например, по состоянию на 10.01.1931 количество безработных по Полесскому воеводству составляло 2529 человек. Значимую часть по Полесскому воеводству составляли частично работающие, которых не считали безработными (всего 120 941): 1 день в неделю — 4350 человек, 2 дня в неделю — 7221 человек, 3 дня в неделю — 43 438 человек, 4 дня в неделю — 30 660 человек, 5 дней в неделю — 35 272 человек¹⁴. По состоянию на 1 января 1935 г. безработица на территории Полесского воеводства составляла 3034 человек, из них 91 % составляли мужчины¹⁵.

Одной из самых массовых была безработица в городах Полесского воеводства (Брест, Пинск, Берёза и др.). Так, например, в Бресте по состоянию на 20 декабря 1924 г. было зарегистрировано 130 безработных¹⁶, 13 сентября 1934 г. — 2788 человек, 28 апреля 1934 г. — 3163, 26 мая 1934 г. — 2406, 19 мая 1934 г. — 2507, 12 мая 1934 г. — 2615, 2 июня 1934 г. — 2280, 9 июня 1934 г. — 2248 человек¹⁷. Большую часть безработных составляли евреи. Так, по данным бурмистра г. Берёза Полесского воеводства, по состоянию на 05.10.1931 75 % безработных составляли евреи, 05.09.1931 — 100 %¹⁸. Но большинству евреев отказывали в регистрации в государственных фондах по различным причинам. Так, например, в январе 1927 г. в Бресте было зарегистрировано всего 39 безработных евреев, в апреле 1927 г. — 48 человек, в мае — 41 человек. Сохранившиеся архивные данные позволяют воссоздать социальный портрет зарегистрированного еврейского безработного города Бреста. В городе 91 % безработных евреев составляли женатые мужчины, занятые преимущественно в ремесленном

кожевенном, швейном, обувном производстве; в возрасте 20–47 лет; находящиеся без работы 4–12 месяцев¹⁹. Мировой экономический кризис (1929–1932 гг.) особенно тяжело отразился на еврейских ремесленниках, что объяснимо как общими, так и специальными причинами: 1) общее скопление еврейской массы в швейной, кожевенной, текстильной отраслях; 2) политика картелей монополистического капитала; 3) специальная политика польских властей²⁰. Например, в 1930 г. в Вильно $\frac{3}{4}$ еврейских ремесленников-сапожников были безработными²¹.

В стране организовали помощь безработным. Польские власти создали фонды, работа которых отличалась бюрократизмом и противоречивостью статистической информации. В Фонд помощи безработным еврейские религиозные гмины делали регулярные отчисления. Так, в 1936–1937 гг. выделили в Пружанах — 25 злотых, Каменце-Литовском — 50, Берёзе-Картузской — 25 злотых (всего 135 злотых). Всего от евреев в Фонд труда Полесского воеводства на 12 января 1937 г. поступило 51452.13 злотых на зимнюю помощь. В 1936 г. пинская еврейская религиозная гмина для Фонда труда перечислила 3000 злотых²².

Еврейские депутаты в Сейме не раз поднимали вопрос еврейской безработицы. Так, например, выступая в польском Сейме в 1932 г., еврейский депутат отметил, что 90 % еврейских безработных находятся без какой-либо оплаты уже два года, при этом никакой государственной помощи не получают²³. Выплаты из фонда безработным были минимальными. Так, например, зимой 1936/37 г. всего на Полесье безработным было пожертвовано: 251852.62 злотых. В г. Бресте выплаты помощи безработным евреям и на досмотр еврейских детей составили 18555.30 злотых. Зимой 1936/37 г. на Полесье безработным было пожертвовано 251852.62 злотых²⁴. По состоянию на 1 января 1935 г. в Полесском воеводстве помощь получали только 22 % безработных²⁵. По данным бурмистра города Берёза Полесского воеводства, по состоянию на 05.10.1931 безработным выплачивали по 8.89 злотых в месяц²⁶, а стоимость одного килограмма кошерной говядины в г. Берёза в 1931 г. составляла 1.3 злотых, кошерной баранины — 1.1²⁷.

В общественно-политической жизни Западной Беларуси одним из самых активных был Бунд, который усилил по мере ухудшения экономической и политической ситуации работу в профсоюзах, отмечая «положение большинства еврейского населения как катастрофическое... северо-восточные воеводства страны на грани выживания»²⁸.

Мировая еврейская общественность была обеспокоена тяжелым экономическим положением евреев Польши. Крупнейшие еврейские

организации совместно пытались найти решение проблемы. Действующие в 1920–30-е гг. в Польше иностранные еврейские общественные организации исследователь Е. И. Пашкович классифицировала как: 1) Фонды Спасения; 2) Организации по поддержке еврейского ремесла и сельскохозяйственного труда; 3) Эмиграционные общества: «Нias», «JIAS»²⁹. Вышеперечисленные организации выделяли денежные и материальные средства нуждающимся евреям, занимались их трудоустройством, организовывали социальную жизнь и профессиональное обучение, способствовали эмиграции.

Но, несмотря на попытки регулирования еврейской безработицы и решения сопутствующих проблем, в регионе наблюдался процесс активной пауперизации евреев, признаками которого являлись попрошайничество³⁰, голодные обмороки и истощение, брошенные дети³¹ и др. Как отмечено в архивных документах: «одна третья часть еврейского населения в Польше стоит перед голодной смертью»³². Безработица стимулировала рост еврейской эмиграции. Из Западной Беларуси эмигрировало в 1929 г. 24 372 человека, в 1930 г. — 18 888, в 1931 г. — 6304. Только за 2-й квартал 1932 г. из Польши выехало 6471 человек, из них 1439 евреев; из Западной Беларуси — 1688 и 419 соответственно³³.

Выводы

Еврейская безработица в Западной Беларуси (1921–1939) являлась одной из самых массовых в истории Польши. Она обнажила проблемы государственной национальной политики и экономики страны; стимулировала пауперизацию и эмиграцию евреев.

Примечания

¹ Эберхардт П. Демографічная сітуацыя на Беларусі 1898–1989 / Пер. з польск. Ул. Люкевіча. Минск (Берасьце) : Белфорт ; БФС, 1997. С. 91–121.

² Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. Иерусалим : Гешарим; М. : Мосты культуры; Минск : МЕТ, 2002. С. 233–234.

³ НАРБ. Ф. 242 (Представительство Центрального комитета КПЗБ). Оп. 1. Д. 299 (Отчеты, резолюции, информации и др. Материалы о работе среди еврейского населения (февраль 1929 – апрель 1933 гг.)). Л. 32.

⁴ Тог. 1932. № 34.

⁵ Sprawy narodowosciowe. 1929. № 1. S. 184.

⁶ Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. С. 380.

⁷ Из докладной записки белостокского воеводы Г. Осташевского министерству внутренних дел Польши «Проблемы укрепления польского господствующего положения в Белостокском воеводстве» (23 июня 1939 г.) // Польша — Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов / Сост. А. Н. Вабищевич, И. А. Валаханович и др.; Председатель редкол. А. А. Коваленя. Минск : Беларуская навука, 2012. С. 176.

- ⁸ Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2006. С. 353.
- ⁹ Гродно: ист. очерк / Б. М. Фих, Л. В. Аржаева, М. В. Барсегай и др. Минск : Гос. изд-во БССР, 1960. С. 59.
- ¹⁰ Центральный научный архив НАН Беларуси. Ф. 72 (Институт национальных меньшинств). Д. 7 (Рабочий вопрос на Западной Беларуси). Л. 2–22.
- ¹¹ *Гросфельд Л.* Экономический кризис 1929–1933 гг. в Польше. М. : Изд. иностр. лит., 1954. С. 118.
- ¹² *Боген Д.* Заходняя Беларусь пад крывавым бізуном польскіх акупантаў. Мінск : Белдзяржвыд, 1931. С. 3.
- ¹³ НАРБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 299. Л. 32.
- ¹⁴ ГАБр. Ф. 1 (Полесское воеводское управление). Оп. 9. Д. 1591 (Месячные отчеты Министерства внутренних дел о профессиональном движении за 1931 г.). Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Оп. 10. Д. 2084 (Сообщения Полесского воеводского бюро и Окружного Управления биржи труда о количестве безработных на территории Полесского воеводства (10 марта 1934 г. – 12 января 1935 г.)). Л. 2.
- ¹⁶ ГАБр. Ф. 93 (Брестская поветовая комендатура государственной полиции). Оп. 1. Д. 316 (Сведения о количестве безработных на территории Брестского повета за 1924 г.). Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2085 (Сообщение Окружного управления Фонда безработицы о количестве безработных на территории Полесского воеводства (22 января 1934 г. – 14 ноября 1934 г.)). Л. 1–9.
- ¹⁸ Там же. Ф. 7 (Берёзо-Картузское городское управление). Оп. 1. Д. 65 (Отчеты бурмистра о количестве безработных на территории Пружанского повета, списки безработных, переписка со старостой об оказании помощи безработным). Л. 6–73.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2072 (Списки безработных евреев города Бреста (17 мая 1927 г. – 9 августа 1933 г.)). Л. 4–26об.
- ²⁰ НАРБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 298 (Циркуляры, отчеты и информации о евраоте (1929–1934 гг.)). Л. 1.
- ²¹ Там же. Д. 299. Л. 5–14.
- ²² ГАБр. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2740 (Переписка со старостами по вопросу бюджетно-хозяйственной отчетности еврейских религиозных гмин (21 января 1937 г. – 16 декабря 1937 г.)). Л. 39–44об.
- ²³ Інфармацыйны бюлетэнь аб Заходняй Беларусі / Камісія па вывучэнню Заходняй Беларусі Беларускай акадэміі навук. 1933. № 7. С. 41.
- ²⁴ ГАБр. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2740. Л. 39.
- ²⁵ Там же. Д. 2084. Л. 2.
- ²⁶ ГАБр. Ф. 7. Оп. 1. Д. 65. Л. 6–73.
- ²⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 69 (Списки ремесленных предприятий в г. Берёза-Картузская. Прейскуранты цен на продукты первой необходимости за 1931 г.). Л. 53–60.
- ²⁸ *Мошук А. В.* Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг.: дисс... канд. ист. наук. / Мошук Анатолий Васильевич. Брест, 2007. С. 74.
- ²⁹ *Пашкович Е. И.* Деятельность международных еврейских общественных организаций в восточных регионах II Речи Посполитой в 1921–1939 гг. // Sztetl — wspólne dziedzictwo. Szkice z dziejow ludnosci żydowskiej Europy Srodkowo-Wschodniej / Red. Artur Markowski i Wojciech Sleszynski. Białyostok : Instytut Historii Uniwersytetu w Białyostoku, 2003. S. 55–61.
- ³⁰ НАРБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 299. Л. 32.
- ³¹ Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. С. 241.
- ³² НАРБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 299. Л. 32.
- ³³ Інфармацыйны бюлетэнь аб Заходняй Беларусі. 1933. № 7. С. 46–47.

УДК 061.2(=411.16)(474.2)

Е. А. Якимова

(г. Москва, Российская Федерация)

Государственная политика Латвийской Республики в отношении еврейского населения (1990–2017 гг.)

Процесс возрождения еврейской общинной жизни в Латвии совпал с обретением независимости, потребовавшей разработки нового законодательства и построения государственных институтов. В этой связи меры, направленные на регулирование вопросов гражданства, распространились на местное еврейское население в той же степени, как и на другие национальные меньшинства. С другой стороны, Вторая мировая война и советизация республики создали отдельное измерение для диалога власти с представителями еврейской общины, численность которой, по данным последней переписи населения, составляет 6416 человек¹.

Подписанный в январе 1991 г. договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой помимо взаимного признания суверенитета друг друга включал также право местного населения на оптацию, т. е. выбор гражданства². Однако уже Постановление Верховного Совета Латвийской Республики «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации»³ от 15 октября 1991 г. закрепило формальное деление на граждан и неграждан. В июле 1994 г. Сейм принял закон о гражданстве, а в апреле следующего года — закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства». В соответствии с этими документами к гражданам стали относиться те, кто постоянно проживал в Латвии до 17 июля 1940 г. или был рожден после 1 июля 1992 г.⁴

В категорию неграждан попали преимущественно русские, однако проведенная реформа затронула и еврейское население. Статистика показывает, что в 1995 г. порядка 55 % представителей общины получили статус неграждан, в 2001 г. их число снизилось до 39 %⁵, а в 2017 г. немногим превысило 22 %⁶. Данные показатели во многом явились отражением общей тенденции к сокращению численности неграждан. По официальным данным, общее число таковых в середине 1990-х гг. превышало 700 тыс.⁷, а к 2017 г. насчитывало 237 тыс. человек⁸. Основные причины сокращения данной категории населения

закключаются в естественной динамике, а также миграции. В сегменте еврейской общины подробные исследования на данную тему не проводились, что не дает основания выделять иные показатели, существенно влияющие на этот процесс.

Еще одним существенным ударом по интересам общины стало принятие поправок к Закону о гражданстве, которые вступили в силу в октябре 2013 г.⁹ Документ устанавливал, что сохранить гражданство Латвии возможно, если второе гражданство получено в стране, входящей в ЕС или НАТО, в Австралийском союзе, Бразилии, Новой Зеландии или ином государстве, с которым был заключен соответствующий договор. Израиль не попал ни в одну из названных категорий, что привело к существенному недовольству представителей местной еврейской общины и выходцев из республики, ныне проживающих в ближневосточном государстве. Однако активные попытки противостоять утверждению документа предприняли лишь последние¹⁰.

Еще одним направлением, характеризующим политику Латвии в отношении еврейского населения, стал вопрос признания ответственности за Холокост. 19 сентября 1990 г. Верховный Совет республики принял декларацию «О недопущении и осуждении геноцида и антисемитизма в Латвии», в которой безоговорочному осуждению подверглось уничтожение местных евреев и выходцев из других государств. Помимо этого, призывая к честной оценке исторических событий, Верховный Совет заявил: «граждане Латвии также были среди тех, кто помогал проводить террор, вдохновленный оккупантом»¹¹. Таким образом, несмотря на утверждение, что уничтожение евреев было навязано оккупационными силами, все же признавалось, что местное население принимало в тех событиях непосредственное участие.

Как отмечал первый посол Израиля в Москве А. Левин, в 1991 г. посетивший Ригу, тогда глава Верховного Совета А. Горбунов лично заверил его, что республика приложит все усилия для расследования военных преступлений, совершенных в годы Холокоста. Так Рига, с одной стороны, стремилась к укреплению своего международного положения. С другой стороны, в некоторой степени как и для Германии, с точки зрения властей Латвии, диалог с Израилем имел символическое значение, позволяющее перевернуть трагическую страницу прошлого¹².

Однако в ноябре того же года на памятных мероприятиях в Румбуле А. Горбунов сделал заявление, в котором разделил вину между латышами и евреями, не отрицая, что среди местного населения были пособники нацистов, но и призывая самих евреев задуматься, на чьей стороне оказались они с приходом в Латвию советской власти¹³. Во многом

сказанное явилось ответом на критику в адрес А. Горбунова после его обещаний Израилю, но и по сей день эти слова остаются одной из важнейших вех при анализе трансформации подхода Латвии к признанию ответственности местного населения за преступления Холокоста.

Ситуация начала меняться на волне интереса Латвии к интеграции в Евросоюз. Уже в октябре 1999 г., на открытии конференции «Евреи в меняющемся мире», новый глава МИД И. Берзиньш сообщил, что политика страны в отношении национальных меньшинств должна строиться «в духе современной Европы»¹⁴. Ключевым с точки зрения признания ответственности за участие в Катастрофе европейского еврейства считается заявление президента В. Вике-Фрейберги, сделанное в феврале 2006 г. во время визита в Израиль. В нем она не только признала исторический факт, но и практически заявила об ошибочности выводов, представленных А. Горбуновым, подчеркнув, что в 1918 г. многие евреи присоединились к борьбе за независимость Латвии¹⁵.

В период 2007–2015 гг. в государственной политике в вопросе признания ответственности за Холокост вновь наблюдался кризис. При президенте В. Затлерсе он был преимущественно спровоцирован развитием дискуссии вокруг реституции еврейской собственности. Его преемник А. Берзиньш сделал серию шагов, вызвавших осуждение в Израиле, сначала поддержав марш Латышского легиона в июне 2012 г., а затем попытавшись избежать посещения мемориала в Румбуле во время визита в Ригу президента Израиля Ш. Переса. Действующий президент республики Р. Вейонис в своих выступлениях вернулся к признанию ответственности за Катастрофу европейского еврейства, в серии выступлений 2015–2017 гг. осудив местных коллаборационистов. Вместе с тем в его словах также прослеживается идея, что все преступления имели место во время нахождения Латвии под оккупацией¹⁶.

Таким образом, в более широком смысле дискуссия по поводу признания ответственности латышей за участие в Холокосте стала частью полемики о еврейском патриотизме, который, с точки зрения местных исследователей, воспринимается как одна из относительно новых форм проявления антисемитизма¹⁷. Как видно из приведенных выше заявлений, в риторике государственных деятелей Латвии с определенной долей периодичности возникает намек, что политика в отношении евреев в некоторой степени была продиктована их собственным поведением в трудные для Латвии моменты.

В этой связи постоянно обсуждается вопрос, на чьей стороне были евреи на этапе борьбы республики за независимость. Примером тому

служит книга «Евреи Латвии и советская власть, 1928–1953», в которой утверждается, что миф о единстве евреев и большевиков стал порождением нацистской пропаганды, затем поддержанной местными коллаборационистами. Она была опубликована на латышском и русском языках¹⁸, при этом причины такого шага трактуются по-разному. С одной стороны, необходимость русской версии была продиктована тем, что для большинства членов общины привычным языком общения латышский так и не стал. С другой стороны, есть предположение, что в некоторой степени она оказалась ответом на другую книгу под названием «История Латвии. XX век»¹⁹. В ней представлены противоположные взгляды, однако именно эта работа получила государственное финансирование и поддержку²⁰. Впрочем, здесь стоит учесть, что последняя версия распространилась преимущественно в российских СМИ, не являющихся достаточно авторитетными, чтобы безоговорочно соглашаться с их позицией.

Наконец, существенным показателем отношений властей и еврейской общины стал вопрос реституции собственности. В начале 1990-х гг. в Латвии были приняты законы «О денационализации домовладений» и «О реституции имущества религиозного назначения религиозным организациям», которые не распространялись на имущество лиц, погибших в концентрационных лагерях и не оставивших наследников, а также объекты, разрушенные во время войны, а после восстановления использовавшиеся по другому назначению. За истекший период предлагались различные варианты восстановления прав довоенных собственников. При этом позиция общины сводилась к следующему: «Мы предлагаем государству самому решить — какое имущество и в каком объеме оно сможет вернуть. При этом мы настаиваем на том, чтобы в список возвращенного общине имущества обязательно были бы включены такие важные для нас объекты, как Общинный центр на ул. Сколас, некоторые синагоги и ряд исторических кладбищ»²¹.

Законопроект 2006 г. предусматривал возвращение или компенсации за указанные виды собственности. Тогда лишь шесть депутатов поддержали документ, в результате он не прошел первое чтение в Сейме. Очередным резонансным событием стал уход в отставку в 2012 г. министра юстиции Латвии Г. Берзиньша, которому было поручено возглавить рабочую группу по составлению списка объектов, принадлежавших еврейской общине по состоянию на 17 июня 1940 г. Ссылаясь на давление правительства и пагубность пересмотра существующей практики в пользу одной этнической группы, министр покинул пост.

25 февраля 2016 г. латвийский Сейм принял закон, по которому общине должны были передаваться пять объектов: здания двух бывших синагог в Юрмале и Кандаве, еврейской школы, училища и больницы в Риге. В мае 2016 г. был зарегистрирован Фонд реституции еврейской общины Латвии, созданный по решению Совета еврейских общин республики для управления имуществом и средствами, полученными в процессе реституции. К настоящему моменту в его распоряжение поступили все пять указанных объектов.

Таким образом, государственная политика современной Латвии в отношении еврейского населения оказалась продиктована двумя существенными обстоятельствами: общей трансформацией законодательства, в связи с восстановлением независимости, а также историческими факторами, характеризующими положение еврейской общины в непростые моменты истории республики. На нынешнем этапе сторонам удастся избежать конфронтации, что объясняется взаимными уступками, а также переосмыслением собственной роли со стороны самой общины, воспринимающей себя не как национальное меньшинство или израильскую диаспору, а как часть европейского еврейства, проживающую на территории Латвии.

Примечания

- ¹ On key provisional results of Population and Housing Census 2011, 1 March, 2011 // Central Statistics Bureau of Latvia. 18.01.2012. [Electronic resource]. URL: <http://www.csb.gov.lv/en/notikumi/key-provisional-results-population-and-housing-census-2011-33306.html> (дата обращения: 20.01.2018).
- ² Договор об основах межгосударственных отношений РСФСР и ЛР. 13.01.1991 // Законы России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_568/doc568a108x844.htm (дата обращения: 22.01.2018).
- ³ Latvijas Republikas Augstākās Padomes Par Latvijas Republikas pilsoņu tiesību atjaunošanu un naturalizācijas pamatnoteikumiem 15.10.1991 // Likumi. [Electronic resource]. URL: <https://m.likumi.lv/doc.php?id=69914> (дата обращения: 23.01.2018).
- ⁴ Закон Латвийской Республики о гражданстве 22.07.1994 (с поправками 09.05.2013) // Министерство иностранных дел Латвийской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.lv/ru/informacionnye-materialy-i-dokumenty/voprosy-istorii-latvii/zakon-latviyskoj-respubliki-o-grazhdanstve> (дата обращения: 12.02.2018).
- ⁵ *Dribins L., Gūtmanis A., Vestermanis M.* Latvijas ebreju kopiena: Vēsture, traģēdija, atdzimšana // Latvijas Republikas Ārlietu ministrija. 22.02.2016. [Electronic resource]. URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/publikacijas/latvijas-ebreju-kopiena-vesture-tragedija-atdzimsana#integracija> (дата обращения: 22.01.2018).
- ⁶ Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc nacionālā sastāva un valstiskās piederības // Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde. Iekšlietu ministrija. 01.07.2017. [Electronic resource]. URL: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/statistika/IRD2016/ISVN_Latvija_pec_TTB_VPD.pdf (дата обращения: 22.01.2018).
- ⁷ European Commission against Racism and Intolerance Second Report on Latvia. Strasbourg : ECRI. 2001. P. 14.

- ⁸ Ibid.
- ⁹ Закон Латвийской Республики о гражданстве...
- ¹⁰ Якимова Е. А. Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим. М. : ИБВ, 2016. С. 38–39.
- ¹¹ Declaration about the Condemnation and Unallwability of Genocide and Anti-Semitism in Latvia // Human Rights in Latvia. Translation by the Latvia Law Institute. [Electronic resource]. URL: <http://www.humanrights.lv/doc/latlik/genocdek.htm> (дата обращения: 22.01.2018). Перевод мой —Е. Я.
- ¹² Levin A. Envoy to Moscow: Memories of an Israeli Ambassador, 1998–1992. London : Frank Cass, 1996. P. 336.
- ¹³ Gorbunovs A. Uzruna ebreju genocīda upuru piemiņas dienā. 24.11.1991 // Rumbulā. [Electronic resource]. URL: http://jaunagaita.net/jg187/JG187_MEZGLI.htm (дата обращения: 22.01.2018).
- ¹⁴ Speech by H. E. Mr. Indulis Berzins Foreign Minister of the Republic of Latvia. 3rd international conference “Hebrews in the Changing World”. 26.10.1999. Riga // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. [Electronic resource]. URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/news/latest-news/speeches-and-interviews/4098-opening-remarks-by-the-minister-of-foreign-affairs-mr-indulis-berzins-at-the-3rd-international-conference-hebrews-in-the-changing-world-riga-october-26-27-1999> (дата обращения: 22.01.2018).
- ¹⁵ Address by H. E. Dr. Vaira Vīķe-Freiberga, President of the Republic of Latvia, at the state dinner held in her honor by H. E. Mr. Moshe Katsav, President of the State of Israel. 20.02.2006. Jerusalem // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. 21.02.2006. [Electronic resource]. URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/news/latest-news/speeches-and-interviews/6749-address-by-h-e-dr-vaira-vike-freiberga-president-of-the-republic-of-latvia-at-the-state-dinner-held-in-her-honour-by-h-e-mr-moshe-katsav-president-of-the-state-of-israel-jerusalem-20-february-2006> (дата обращения: 22.01.2018).
- ¹⁶ Ceremony at Rumbula: the President of Latvia acknowledged the participation of Latvians in the Holocaust // Israel Today. 30.11.2015 [Electronic resource]. URL: <http://en.israel-today.ru/ceremony-at-rumbula-the-president-of-latvia-acknowledged-the-participation-of-latvians-in-the-holocaust.html> (дата обращения: 22.01.2018).
- ¹⁷ Lenskis I., Berziš D. Antisemitisma izpausmes: vesture un musdienas. Riga : Latvijas Cilvektiesību centrs, 2015. P. 23.
- ¹⁸ Dribins L., Žvinklis A., Stranga A. u. c. Latvijas ebreji un padomju vara, 1928–1953 : Zinātn. apcer. / Sast. un zin. red. L. Dribins. Riga : Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2009. 307 p.; Дрибин С., Жвинклис А., Странга А. и др. Евреи Латвии и советская власть, 1928–1953 : научный очерк / [С. Дрибин, А. Жвинклис А. Странга, Э. Жагарс, Д. Блейере, И. Штейман, И. Шнейдере]. Сост. и науч. ред. Л. Дрибинс; [перевод с латышского В. Коллеговой]. Рига : Ин-т философии и социологии Латвийского университета, 2010. 342 с.
- ¹⁹ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А. и др. История Латвии. XX век. / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. [Пер. с латышского Ж. Эзит; отв. ред. И. Фрейберга]. Рига : Jumava, 2005. 473, [1] с., [13] л. ил., карт.
- ²⁰ Госпропаганда Латвии реабилитирует «жидов-чекистов» за участие в установлении советской власти // ИА REGNUM. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1385525.html> (дата обращения: 12.02.2018).
- ²¹ Официальные ответы Совета Еврейских Общин на вопросы латвийских журналистов по вопросу реституции еврейской собственности // Shul.lv. 08.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://shul.lv/2011/02/08/restitucija/> (дата обращения: 22.01.2018).
-
-

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 783.000.93(=411.16)“15/19”

Е. В. Хаздан

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Цитирования, заимствования, ссылки:
К вопросу о традициях изучения еврейской
кантилляции***

Цитирование по вторичным источникам возможно только на этапе знакомства с темой и проблематикой исследования, а также для определения понятийного аппарата работы. Все цитаты, которые используются подобным образом, должны быть тщательно выверены по первичным источникам.

Правила научного цитирования¹

Цель настоящей статьи — проследить путь одной цитаты, по возможности захватывая контекст ее появления и вскрывая некоторые межтекстовые связи. Анализируя выстраивающуюся цепочку, мы видим, как постепенно размывается первоначальный смысл высказывания и описываемое явление предстает в искаженном виде. Причина аберрации — незнание исследователями самого затрагиваемого феномена.

В силу известных обстоятельств российские ученые редко касались еврейской литургии. Исследования же, в которых так или иначе затрагивается ее музыкальная сторона, и вовсе единичны. В некоторых случаях древнеиудейские богослужения рассматриваются как один из древних истоков, к которому возводится христианская традиция. В частности, это касается кантиллирования священных текстов. В советский период, когда доступ к зарубежным материалам был затруднен, источником сведений становились дореволюционные издания. Например, Т. Ф. Владышевская в кандидатской диссертации обращается к «Толковому типикону» Скабаллановича (1910), частью пересказывая текст, частью — цитируя:

* Работа выполнена при поддержке РФФИ: проект № 18-012-00227а «Концептуализация музыки в авраамических традициях. История — Теория — Практика».

В древнеиудейском богослужении разного рода библейские книги — Закон и Пророки — читали нараспев. В этих текстах имелась особого рода музыкальная акцентуация, которая была близка к грамматическим знакам препинания и отражала интонации выразительного чтения. Каждый вид чтения за древнееврейским богослужением имел свой определенный мелодический тип или музыкальную акцентуацию, которая менялась сообразно с содержанием книг: «Пятикнижие по характеристике раввинов должно иметь звуки мягкие, но низкие; Пророки — звуки высокие и грозные; Притчи — вкрадчивые; Песнь песней — оживленные и веселые; Экклезиаст — серьезные и строгие»².

В этом отрывке речь идет о *таамей амикра* или *теамим* — введенной масоретами системе помет, помогающих верному пониманию и произнесению текстов ТаНаХа. Исследователи нередко называли *теамим* акцентами — знаками для голоса. Многие из них указывают на ударный слог в слове, кроме того они координируют грамматические связи слов в предложении и интонационный рельеф стиха.

Известно, что кантиллирование разных текстов регулируется разными правилами. Во-первых, для двадцати одной книги используется один набор помет, а для «сфирей эмет»³, то есть для книги Иова, Притч царя Соломона и Псалмов — несколько иной: в нем появляются другие знаки и часть обозначений выполняет другие функции. Кроме того, одни и те же пометы интонируются по-разному в Торе, Гафторе, Свитке Эстер, *Эйхо* (Плаче Иеремии), Песне Песней / Книге Рут / *Кохелет* (Экклезиасте)⁴. В праздники *таамей амикра* также читают особым способом. Но эти изменения не приводят к формированию шести различных «мелодических типов», к *смене* акцентуации. Тем более речь не идет о произнесении тех или иных текстов в быстром или медленном темпе, в высокой или низкой тесситуре. При помощи знаков нельзя задать характер исполнения («грозно», «вкрадчиво», «весело» или «строго»).

Указанные несоответствия (да еще со ссылкой на неких раввинов) наводят на мысль о возможном неверном прочтении источника. Заглянем в «Толковый типикон».

Михаил Скабалланович (1871–1931) рассказывает о еврейской музыке в первом разделе главы «История богослужебного устава». Его текст напоминает плохой перевод: он неуклюж и полон несообразностей. Например, один из абзацев заканчивается фразой: «Псалмы восхождения д. б. соединяли в себе все тоны, начиная от самого

низкого и оканчивая громким forte» (следует ссылка на А. Олесницкого).

Интересующий нас отрывок в «Толковом типиконе» выглядит следующим образом:

Следы древности сохранил на себе и другой род синагогального пения, еще более приближающийся к чтению, именно, самое чтение закона и пророков с музыкальной акцентуацией, знаки которой общи с грамматическими знаками препинания (их в евр[ейском] яз[ыке] 27); музыкальная акцентуация меняется сообразно с содержанием книг: Пятокнижие, по характеристике раввинов, должно иметь звуки мягкие, но низкие; пророки — звуки высокие и грозные; Притчи — вкрадчивые; Песнь песней — оживленные и веселые; Екклесиаст — серьезные и строгие⁵.

Мы видим, что, процитировав стилистически гладкий фрагмент, остальной текст Владышевская перефразировала, отчего поменялся смысл. В частности, пение синагогальное (то есть относящееся ко времени после разрушения Храма или даже современное автору и лишь хранящее следы древности) она заменила на пение «в древнеиудейском богослужении», сместив временные рамки описания в далекое прошлое. Кроме того, Владышевская ввела термин «мелодические типы», но сняла упоминание о том, что все они получались из комбинации 27 знаков. Не воспользовалась она и ссылкой, указывающей, откуда Скабалланович взял эти сведения, поскольку сноски в его работе напоминают шифр: «Олесницкий. Т.К.Д.А. 11, 389–391».

Раскрыть эту аббревиатуру достаточно просто: Аким Алексеевич Олесницкий (1842–1907) был профессором Киевской Духовной Академии и публиковал статьи в выпускавшемся Академией ежемесячном журнале. Олесницкий снискал славу выдающегося библеиста и археолога, знатока многих древних языков, исследователя Ветхого Завета. Работа, которую процитировал Скабалланович, — «Древнееврейская музыка и пение» — вышла в 1871 г. в двух выпусках Трудов Киевской духовной академии (ТКДА). Цифра 11 указывает на месяц выпуска (ноябрь).

Статья Олесницкого поражает бойким изложением, образностью, ярким языком. Даже некоторые странные суждения здесь выглядят изящными. Например, такое: «...для гардеробной музыки во время продолжительного туалета дам египетских и еврейских, и для колыбельных песней употреблялась гитара»⁶.

Вот как выглядит здесь пассаж, столь неуклюже изложенный в «Типиконе»:

Полагают, что псалмы, надписанные псалмами восхождения и петые на ступенях храма, соединяли в себе все тоны, какие были известны евреям. Начавши первые стихи самым низким тоном и тихим голосом, певчие, по мере восхождения на ступени, все поднимали тон и кончали громким *forte*⁷.

Конечно, здесь приведена лишь одна из гипотез, но автор не просто поясняет надписание, появляющееся в псалмах со 120 по 134, но и несколькими штрихами изображает ритуал, в ходе которого они могли звучать. В «Типиконе» сокращение текста обернулось неграмотностью.

При чтении работы Олесницкого время от времени случается спотыкаться о незнакомые имена: они упоминаются так, будто должны быть хорошо известны читателю. Например, вскоре после фрагмента, описывающего разное звучание *теамим*, автор пишет:

Есть множество взглядов на значение этих акцентов как положительных, так и отрицательных. Если Болий в отчаянии от темноты этих знаков пришел к заключению, *fuisse Satanae, quando Christianis persuasit accentus esse Musicales*⁸; тем не менее, рискуя попасть в сообщники сатаны по приговору Болия, сами евреи не сомневались в музыкальном значении акцентов⁹.

Сноска отсылает, однако, не к упомянутому Болию, а к книге: «Beck. De accentuum usu et abusu apud Hebraeos». В статье Олесницкого нет ни инициала автора, ни года и места выхода этого издания. Имя Болия появляется в тексте так же, как ранее — Горация, Иоанна Златоуста, Флавия или Кассиодора, — это вызывает досаду как на самого Олесницкого, так и на собственную необразованность: кажется, что упомянутый латинский труд — чуть ли не настольная книга ученого.

Тем более интересно посмотреть на фрагмент, повествующий о *теамим*. У Олесницкого он оказывается частью большого раздела. Прежде всего, исследователь разграничивает виды пения: «В больших синагогах, при исполнении песен, в настоящее время различаются три рода пения: кантилляция, песня в собственном смысле и музыкальная акцентуация»¹⁰. То есть, он тоже пишет о современном ему положении. Кантилляция, по его мнению, относится к исполнению псалмов, а собственно пение он полагает явлением, вошедшим в литургию недавно.

Акцентуация музыкальная прилагается к пению Пятокнижия, пророков и агиографов, с некоторыми видоизменениями, смотря по характеру содержания; эти видоизменения рабби Замора определяет так: Пятокнижие имеет звуки мягкие, но низкие; пророки — звуки высокие и грозные; Притчи вкрадчивые; Песнь песней — оживленные и веселые; Екклезиаст — серьезные и строгие¹¹.

На страницах, посвященных *теамим*, мы находим пояснения грамматического значения знаков, подробную характеристику каждого из них и пространные рассуждения о том, каковы могут быть доказательства древнего происхождения кантилляционных напевов. «В позднейшие времена, когда уже была известна система музыкальных знаков греческая и римская, происхождение еврейской акцентуации было бы совершенно бесцельно», — заключает автор¹². Очевидно, что Скабалланович в «Типиконе» поместил предельно сжатый конспект текста Олесницкого. Но он заменил некоего рабби Замору — «раввинами», видимо, рассудив, что каждый раввин может представлять мнение всех остальных. Искомая цитата вновь передана без изменений, — Олесницкий в свою очередь отсылает нас к книге Пьера Бонне «История музыки и ее влияния от ее происхождения до настоящего времени» (1725)¹³.

Однако, «шаг» в полтора столетия оказывается преждевременным: источник, которым пользовался Олесницкий, значительно ближе по времени. Это первый том трехтомного труда Адриена де Ла Фаджа (1801–1862) «Всеобщая история музыки и танца», вышедший в 1844 г. Олесницкий не дает ссылок на эту работу, а имя де Ла Фаджа упоминает лишь однажды, на с. 396, выражая свое несогласие с ним. К книге нас приводит цитата о Сатане. Здесь она помещена на с. 381 по-французски, а в сноске — на латыни («*Fuisse artem Satanae, quando christianis persuasit accentus esse musicales*», — Олесницкий пропустил слово *artem* — «уловки» дьявола). Тут же назван и Болий — Bohlius. Мы обнаруживаем, что и многое другое, включая разделение на речитацию, кантилляцию и пение, перечень знаков кантилляции, их характеристики, рассуждения о древнем происхождении, а также ссылки, Олесницкий переписал из французской книги. Похоже, он даже не держал в руках латинского источника, так как в точности повторяет сноску из книги де Ла Фаджа.

Отыскиваем здесь и фрагмент о *теамим*: «L'accentuation musicale dont je vais parler avec étendue s'applique au chant du Pentateuque, des prophètes et des hagiographes, en subissant, selon des caractères des pa-

roles de l'Écriture, diverses modifications que la rabbin Zamora détermine comme il suit...»¹⁴ — русский перевод точен, однако следующие далее эпитеты могут быть прочитаны несколько иначе. Так, Олесницкий не упоминает о псалмах, с которыми, по его мнению, можно соотнести кантилляцию, здесь же они звучат «majestueux et contemplatif» («величаво и созерцательно»). Звучание Пятикнижия де ла Фадж определяет как «chant doux et grave» (то есть, звуки не столько *низкие*, сколько *важные, степенные*). Пророки — «élevé et menaçant» (не *высокие*, а, скорее, *возвышенные*). Прочие прилагательные совпадают: *вкрадчивые* — «insinuant» (о Притчах), *оживленные* и *веселые* — «vif et joyeux» (о Песни Песней) и *серьезные* и *строгие* — «sérieux et sévère» (возможно, «*суровые*» — об Экклезиасте).

Знакомство с книгой де Ла Фаджа позволяет прояснить часто встречающееся у Олесницкого соотнесение музыки древних евреев и египтян (см. выше цитату о «гардеробной музыке», или, например, пассаж: «Кому бы ни принадлежала честь открытия музыкального искусства, но во времена Моисея евреи, конечно, не отличались в своей музыке от египтян»¹⁵). Де Ла Фадж писал не о евреях и египтянах, но о «евреях в Египте», то есть о не отделенных друг от друга народах.

Есть в книге де Ла Фаджа и отсылка к Бонне, — отыскав эту, следующую работу, а в ней цитату, мы видим, что у Бонне она изложена иначе: «Zamora, Rabin, assûre que, dès le temps de la Synagogue, le Musique y étoit en usqge, & que depuis on chanta dans les Temples les cinq livres de Moïse, d'un ton plein & doux...»¹⁶ (это вновь подтверждает, что Олесницкий пользовался книгой де ла Фаджа).

Сопоставим эпитеты, приписываемые раби Заморе (см. таблицу в приложении). Только характеристика Притч и Экклезиаста осталась неизменной, все остальные эпитеты так или иначе переосмыслены. Звучание пророческих откровений — «*суровое* и *патетическое*» (rude & pathétique) — оказалось «*возвышенным* и *грозным*»; *allegresse* (*радость, ликование*) оборотилась *оживлением*... — в каждом позднейшем варианте происходит некоторое смещение значений.

Никаких ссылок Бонне не дает, — кажется, что поиски зашли в тупик. Остается еще Бек, на которого указал де Ла Фадж, цитируя Болия (Болиуса). Как оказывается, работа под полемическим заголовком «Использование музыкального значения акцентов и злоупотребление его толкованием» была опубликована сначала в 1678 г. отдельной небольшой книжкой¹⁷, а в 1701 г. вошла в монументальное собрание теологико-философских трудов¹⁸. Автор — Михаэль Бек (1653–1712) — был профессором теологии, кроме того преподавал восточные языки

в швабском городе Ульме, в Иене и Страсбурге. Первое издание диссертации Бека имеет двойное название — на древнееврейском языке и латыни.

Это научный труд, в котором дан анализ разных подходов к исследованию *теамим*. Завершают его первые известные нам нотации акцентов из трактата Иоганнеса Рейхлина¹⁹, — как и у него, выписанные справа налево. Но Бек дает напев дисканта, полагая, по-видимому, что основная мелодия дается в верхнем голосе²⁰. Он также изменяет порядок следования знаков, начиная со «старших» помет, означающих наиболее весомые паузы при чтении.

Первое же предложение диссертации Бека отсылает к Самуэлю Болиусу, который «стремился изучить самые потаенные секреты акцентов». Цитата о происках Сатаны завершает § 2 первого раздела²¹, — Бек указывает на ее источник — «Первый диспут».

Болий (Болиус) оказывается Самуэлем Болом (Bohl, 1611–1639) прожившим очень недолгую, но, по-видимому, яркую жизнь в г. Росток в Померании. В последний год он был профессором теологии в ростокском университете. Первый сборник его диспутов был обнаружен в 1636 г.²², последний — в год смерти.

В Первом диспуте (публикация представляет собой тезисы выступления: их всего 15 и они занимают чуть более страницы) — изложены основные положения о *теамим*. Например, в п. 3 говорится о разделении книг и о смене значений акцентов в Псалмах, Иове и Притчах. Последующие диспуты представляют собой более пространные тексты. Именно Болю принадлежит идея иерархии кантилляционных помет: в Третьем диспуте он предлагает разделить *теамим* на «господ» и «слуг»²³. Как известно, в настоящее время это деление принято повсеместно: пометы, означающие связное произнесение слов и менее значимые паузы, соединяются в цепочки, ведущие к серединной цезуре и к завершению стиха (к знакам-«императорам»).

Пассажа, который процитировал Бек, в тексте диспута нет. Возможно, он прозвучал с кафедры и далее передавался изустно. Мы находим лишь фразу о людях, стоящих на неправом пути и попирающих текст по наущению Сатаны, — ею завершается тринадцатый диспут, опубликованный в 1638 г.

Наконец, ориентируясь исключительно на имя, отыскиваем таинственного ребе Замору. Альфонсо де Замора родился на северо-западе Испании между 1474 и 1480 гг. Был крещен (по одним источникам в 1492, по другим — позже, в 1506 г.). Выступал свидетелем в суде инквизиции, пользовался покровительством кардинала Хименеса. Замо-

ра принимал участие в составлении Комплютенской Полиглотты, в частности, ему принадлежит грамматический комментарий, помещенный в VI томе. Преподавал в университете Саламанки. Умер в 1544 г.

Бонне, де Ла Фадж, а вслед за ним и Олесницкий называют Замору «рабби», что кажется невозможным: принявший крещение — не мог быть раввином. Именно эта деталь становится указанием на источник цитаты: Замора сам назвал себя так в «Послании к евреям Рима»; текст Послания, содержащий призыв принять крещение, был опубликован в 1526 г. вместе с грамматикой еврейского языка на латыни²⁴. В этом издании, в 4 главе Первой книги находим нужный нам текст. Интонационную функцию *теамим* Замора сравнивает с нотами: «как христиане в церквях пользуются нотами — ут, ре, ми, фа, соль, ля, — так евреи пользуются своими знаками акцентов. Но в этом пении они имеют большое разнообразие согласно различным темам (букв. материям. — Е. Х.) библейских книг». Вслед за этим идет знакомый нам текст. Замора пишет, что, помимо Пятикнижия, *простым и легким* образом (*plano & leni*) читаются «исторические книги»²⁵, Пророки — в *суровом и обличительном* тоне (*severo & satyrico*), причем автор добавляет: в особенности Плач Иеремии и книга Иова²⁶. Псалмы звучат *созерцательно и важно* (*contemplativo & gravi*), Притчи — *просто и внушительно* (*plano & consiliativo*) и т. п. (см. таблицу в приложении в конце статьи).

Замора знал язык ТаНаХа и, возможно, пытался описать манеру озвучивания текстов, бытовавшую в конце XV в. среди евреев Испании. Он, несомненно, представлял, каким было это звучание (напомним, что со времени изгнания евреев из Испании до выхода книги прошло более тридцати лет). Последующие же исследователи такой базой не обладали и полагались на свидетельство Заморы, одновременно корректируя его высказывание в соответствии со своими представлениями, заменяя эпитеты на те, которые они считали более подходящими (при этом переводчики старались не повторять один и тот же термин). Слово *modo* у Заморы может прочитываться как «таким-то образом», «в таком-то духе», но также и «в таком-то [музыкальном] ладу». Бонне переводит его *d'un ton* — «в тоне» или «в манере». Де Ла Фадж пишет, что та или иная книга «поется» (*chant*) так-то и так-то. В русском переводе характеристика исполнения оказалась перенесена на сами «звуки» — мелодии, вследствие чего появились «мелодические типы».

Цепь заимствований и цитирований на этом не прерывается: согласно исследованиям, книга Заморы базируется на трактате Давида

Кимхи (1160–1235)²⁷, который, однако, ничего не писал о музыкальном значении *теамим*.

Приложение

	Zamora (1526)	Bonnet (1725)	de La Fage (1844)	Олесницкий (1871)
Пятикнижие	(& libri historici) plano & leni	plein & doux	doux et grave	мягкие, но низкие
Пророки	severo & satyrico	rude & pathétique	élevé et menaçant	высокие и грозные
Псалмы	contemplativo & gravi	d'un air grave qui tenoit de l'extase	majestueux et contemplatif	—
Притчи	plano & consiliativo	insinuante	insinuant	вкрадчивые
Песнь песней	alacri & iocudo	se chantoit avec joye & allegresse	vif et joyeux	оживленные и веселые
Экклезиаст	severo	serieux & sèvere	sérieux et sèvere	серьезные и строгие

Примечания

¹ Молодой ученый: электронный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/information/citation/> (дата обращения: 01.03.2018).

² Владышевская Т. Ф. Ранние формы древнерусского певческого искусства: дис. ... канд. Искусствоведения / Владышевская Татьяна Федоровна. М., 1976. Раздел «Чтение нареспев священных текстов». Этот текст размещен на нескольких интернет-порталах, он также вошел в книгу: Владышевская Т. Н. Музыкальная культура древней Руси. М. : Знак, 2006. С. 302.

³ *Сфирей эмет* — букв. «книги истины». Слово *эмет* является аббревиатурой, оно составлено из начальных букв: *алеф* (Иов), *мэм* (*Мишлей*, т. е. Притчи) и *тав* (*Теһиллим* т. е. Псалмы).

⁴ В трех последних книгах — общая система кантилляционных напевов.

⁵ Скабалланович М. Н. Толковый типикон. Киев : Тип. Акционерного Общества печатного и издательского дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1910. Вып. 1. С. 14.

⁶ Олесницкий А. А. Древнееврейская музыка и пение // Труды Киевской духовной академии. 1871. Декабрь. С. 380.

⁷ Там же. С. 371.

⁸ «Это дьявол убедил христиан, что акценты имеют музыкальное значение» (латынь). Здесь и далее переводы мои. Благодарю за консультации В. В. Василика и Е. М. Двоскину — Е. Х.

⁹ Олесницкий А. А. Указ. соч. С. 394–395. В цитате сохранены авторские знаки препинания.

¹⁰ Там же. С. 390.

- ¹¹ Там же. С. 391.
- ¹² Там же. С. 397.
- ¹³ *Bonnet P., Bonnet J. Histoire de la musique et de ses effets, depuis son origine jusqu'à présent: en quoi consiste sa beauté. Tome premier. Amsterdam : Chez M. Charles le Cene, MDCCXXV [1725]. 530 p.* Историю создания книги и краткую характеристику см.: *Bunney B. P. История европейского искусствознания: От Античности до конца XVIII века / Ред. Т. Н. Ливанова. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 272.*
- ¹⁴ «Акцентуация музыкальная, о которой я собираюсь рассказать, в широком смысле относится к пению Пятикнижия, пророков и агнографов, она подвергается, сообразно характеру слов Писания, различным модификациям, которые Рабби Замора определяет следующим образом...» *La Fage J. A. de. Histoire générale de la musique et de la danse. Tome deuxième. Antiquité. Musique des Egyptiens et des Hébreux. Paris : Comptoir des Imprimeurs-Unis, 1844. P. 374.*
- ¹⁵ *Олесницкий А. А.* Указ. соч. С. 114.
- ¹⁶ «Замора, раввин, утверждает, что в его время в синагоге использовалась музыка, и что пять книг Моисея пели в Храмах в манере простой и кроткой...» *Bonnet P., Bonnet J.* Op. cit. P. 69.
- ¹⁷ *Beck M. Teamim be-niggun matimim u-ve-ferush matum Seu Accentuum Ebraeorum Usus Musicus, Et Abusus Hermeneuticus, Dissertatione Philologica ostensus. Jenae : Ex Oscina Bauhoferiana, 1678. 32 p.*
- ¹⁸ *Idem. De accentuum usu et abusu Musico Hermeneutico: Dissertatio // Thesaurus theologico-philologicus, sive, Sylloge dissertationum elegantiorum ad selectiora et illustriora Veteris et Novi Testamenti loca. Amsteldami : Excudunt Henricus & Vidua Theod. Boom, 1701. P. 563–570.*
- ¹⁹ *Reuchlin J. De accentibus et orthographia linguae Hebraicae: Libri tres. Haguenau, 1518. 176 p.*
- ²⁰ В музыке средневековых авторов основная мелодия поручалась тенору. А.-Ц. Идельсон в работе, посвященной истории еврейской музыки, приводит в качестве примера именно теноровую партию одного из знаков.
- ²¹ В издании 1678 г. — С. 6, в издании 1701 г. — С. 564.
- ²² *Bohl S. Scrutinium sensus Scripturae Sacrae ex accentibus. Rostock : Nicolai Kilius, 1636. 28 p.*
- ²³ *Ibid.* P. 11.
- ²⁴ *Zamora A. de. Introductiones Artis grammaticae Hebraicae nunc recenter edite. [Madrid] : In Academia Complutensi ; In aedibus Michaelis de Eguia, 1526. 447 s.*
- ²⁵ «Nam Pentateuchus & libri historici cantabatur modo plano & leni». К историческим книгам в еврейской традиции относят Иегошуа бин-Нуна (Иисуса Навина), книги Судей, Самуила и Царей (т. е. книги Царств). В христианской церкви к историческим причисляются также книги Руфи, Эсфири, Ездры, Неемии и Паралипаменон.
- ²⁶ «Libri prophetates modo severo & satyrico, & adhuc fortius lamentationes Hieremiae & Iob». Объединение книг, в которых *теамим* интонируются по-разному (поскольку Иов относится к «*сфирей змет*»), возможно лишь в том случае, если речь идет не о собственно мелодиях песнопений, а о манере произнесения текстов.
- ²⁷ См., например: *Prado Plumed J. de. Hebraism and the Cisnerian Polyglot Bible: the sources of Veritas hebraica // V Centenario de la Biblia Poliglota Complutense: La universidad del Renacimiento. El Renacimiento de la Universidad / Fifth Centennial. Madrid : Universidad Complutense, 2014. P. 246–266.* Одна из первых работ о Заморе: *Neubauer A. Alfonso de Zamora // The Jewish Quarterly Review. 1895. Vol. 7, No. 3 (Apr.). P. 398–417.*

УДК 94(47).081:94(47).084.3

Е. Г. Певзнер

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Библиотеки Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев города Одессы и Одесского Отделения ОПЕ в культурной жизни евреев Одессы

Библиотеки Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы и Одесского отделения ОПЕ сыграли важную роль в просвещении евреев Одессы.

Некоторые сведения о библиотеке Общества приказчиков-евреев приведены в монографиях М. Полищука, И. Котлера и статье А. Мучника¹. О библиотеке Одесского отделения ОПЕ упоминается в работах В. В. Кнорринг и И. Котлера². Имеются также упоминания о библиотеках Одесского отделения ОПЕ и Общества приказчиков-евреев в монографии М. Ю. Матвеева, статьях О. Ноткиной и А. Чацкого³.

Общество взаимного вспомоществования приказчиков-евреев города Одессы было основано в 1863 г.⁴

По инициативе члена Общества, служащего модного магазина Самсона Львовича Бернфельда, была открыта библиотека 1 июня 1875 г.⁵

В 1893 г. собрание Общества решило назвать библиотеку именем С. Л. Бернфельда⁶.

Все средства библиотеки черпались из пожертвований и абонентской платы, причем часть читателей пользовались библиотекой бесплатно⁷.

В 1885 г. был учрежден отдел книг на иврите *Hebraica*, а в 1887 г. — отдел книг по еврейским вопросам на русском и иностранных языках *Judaica*, а также был отдел книг для детского чтения⁸.

К 1900 г. библиотека превратилась в крупное книгохранилище, содержащее 12 000 наименований и 20 000 томов, и по своему объему уступала только городской публичной библиотеке, а по разнообразию отделов и целесообразной организации заняла видное место среди просветительских учреждений города⁹.

Библиотека была рассчитана на людей с разным уровнем образования¹⁰.

К 1 января 1901 г. было 1195 читателей — 438 мужчин (37 %), 469 женщин (39 %), 288 детей до 16 лет (24 %)¹¹.

Среди читателей преобладали учащиеся (39 %), а также были торговые работники, ремесленники, учителя и пр.¹²

Для систематизации книг на иврите привлекались известные писатели: С. М. Дубнов — с 1899 г., У. И. Гинцберг (Ахад-ха-Ам) — с 1900 г.¹³

В 1900 г. был вывешен список книг для еврейского самообразования, содержащий лучшие сочинения по всем отделам еврейских знаний на еврейском, русском и иностранных языках. Он был составлен под руководством знатоков еврейской литературы У. И. Гинцберга (Ахад-ха-Ама) и С. М. Дубнова¹⁴.

Еще был составлен список книг научно-популярного содержания различной степени сложности¹⁵.

Эти списки приносили большую пользу читателям в выборе книг для чтения¹⁶.

Книги для детей подбирались по рекомендациям знатоков детской литературы Н. А. Рубакина и Н. Ф. Бунакова¹⁷.

Библиотечная комиссия составила каталог журнальных статей¹⁸.

Из-за недостатка образовательных учреждений многим читателям библиотека заменила школу¹⁹.

В 1900 г. было удовлетворено 59 090 требований, в том числе 7836 требований на журналы²⁰.

В 1903 г. был издан каталог книг и журналов по отделу *Hebraica* под редакцией и при ближайшем участии С. М. Дубнова и У. И. Гинцберга (Ахад-ха-Ама)²¹.

В 1910 г. был издан полный каталог библиотеки²².

К концу 1911 г. в библиотеке было 39 504 книги. Книг в разделе *Hebraica* и журналов на иврите — 4498²³.

Серьезной проблемой было недостаточное количество книг в отделе коммерции. В 1911 г. были закуплены лучшие сочинения по коммерции, чтобы принести большую пользу членам Общества²⁴.

К 1 января 1912 г. было 1379 читателей, в том числе льготных 150 человек и бесплатных 72. В течение 1911 г. было удовлетворено 74 321 требование, в среднем в день выдавалось 250 книг²⁵.

Библиотечная комиссия обратила внимание на непригодность помещения для обслуживания возросшего числа читателей. После обращения комиссии в Правление Общества евреев-приказчиков было решено в 1912 г. отвести под библиотеку квартиру в доме Правления Общества²⁶.

Особое внимание уделялось отделу *Hebraica*. В нем хранились очень редкие и ценные экземпляры²⁷. К 1913 г. этот отдел стал луч-

шим хранилищем ивритской литературы в России и превышал собрание книг на иврите в Императорской Публичной Библиотеке г. С.-Петербурга²².

Книги были распределены по следующим отделам: 1) Религия. Философия. Логика. Психология; 2) Произведения изящной литературы; 3) История литературы: русской и иностранной. Критика; 4) Правоведение; 5) Политические и социальные науки; 6) Воспитание и обучение; 7) История русская и всеобщая. Археология; 8) География; 9) Естествознание. Математика. Астрономия. Медицина; 10) Искусство. Биографии композиторов, художников и пр.; 11) География. Этнография. Путешествия; 12) Технология. Сельское хозяйство. Промышленность. Торговля; 13) Книги для юношества и детей; 14) Драматические произведения; 15) Смесь и справочные книги; 16) Периодические издания, 17) *Judaica*; 18) *Hebraica*²⁹.

К 1913 г. библиотека могла удовлетворить культурные запросы разных читателей, содержала книги по всем отраслям знаний и науки. Книжное имущество в 1913 г. составляло 45 000 томов. Число абонентов достигло 1700³⁰.

Одесское отделение ОПЕ было основано в 1867 г. К концу XIX в. отделение расширило свою работу: помимо выдачи ссуд студентам и пособий начальным училищам, открыло вечерние школы и курсы для взрослых и подростков, а также подбирало педагогов для молодых людей, желавших получить образование в индивидуальном порядке³¹.

Учащиеся пользовались разными библиотеками, в том числе и библиотекой Общества приказчиков-евреев, причем многие бесплатно. Также сами учителя нуждались в учебной и методической литературе. Назрела необходимость ОПЕ открыть свою библиотеку. В 1895 г. была открыта небольшая библиотека для учителей. И только в 1901 г. было получено разрешение на открытие библиотеки и читальни при Одесском отделении ОПЕ. Ответственным лицом был назначен д-р Я. В. Зильберберг, который стал председателем библиотечной комиссии³².

Средства библиотеки складывались из абонентской платы, пособий от Комитета и частных пожертвований. Комиссия произвела отбор книг, приобрела все книги, рекомендованные комиссией по образованию, сочинения классических авторов, лучшие сочинения по всем отделам, лучшие новинки литературы, науки и искусства, выписала новые журналы на русском, идише и иностранных языках. Комиссия стремилась доставить читателю возможно полный выбор хороших книг по всем интересующим его отделам, сделать минимальную плату

за пользование библиотекой и читальней, педагоги и учащиеся были освобождены от платы³³.

Библиотечная комиссия постоянно занималась покупкой книг. Кроме того, библиотека пополнялась за счет пожертвования книгами и журналами. Рост книжного имущества представлен в таблице 1.

Таблица 1

Увеличение количества книг в библиотеке

Годы	1901	1904	1905	1906	1907	1908
Количество книг	400 т..	5413 назв.	5811	7680	7867	8168

Таблица 1 (продолжение)

Годы	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Количество книг	9268	10 344	12 233	13 857	16 170	16 179

Как видно из таблицы, если к концу 1901 г. библиотека содержала 400 томов, то к концу 1914 г. в библиотеке было 16 179 томов.

Несмотря на сложное финансовое положение, Комитет Одесского отделения ОПЕ уделял большое внимание библиотеке. В 1902, 1904, 1909 гг. библиотека переезжала в новое, более обширное помещение³⁴.

В 1902 г. была открыта читальня³⁵.

В библиотеке были следующие отделы: 1) Богословские и философские науки. Теология. История религии. История философии. Логика. Психология. Этика; 2) Педагогика, народное образование и самообразование; 3) Judaica. Еврейское богословие. Экзегетика. История евреев. Вопросы еврейской жизни. А) Книги на русском языке. Б) Книги на иностранных языках; 4) Изящная литература, русская и иностранная. Стихи. Романы. Повести. Рассказы. Драматические произведения. Сборники и альманахи; 5) Детская и народная литература; 6) и 7) Книги на еврейских языках; 8) История литературы. Критика и библиография. Теория словесности. Памятники народной словесности. Языкознание. Искусство. История отдельных искусств; 9) Политические и социальные науки. Политическая экономия. Статистика. Социология. Быт и строй современных культурных народов. Публицистика. Вопросы женский, рабочий и др.; 10) Правоведение. Теория и история права. Судопроизводство. Сборники законов и решений. Отчеты о процессах. Речи; 11) История. Археология. История

культуры. Мифология; 12) Биографии. Записки. Мемуары; 13) География. Путешествия. Этнография. Путеводители. Описания отдельных городов; 14) Естественные и математические науки. Биология. Антропология. Зоология. Ботаника. Геология. Физика. Химия. Астрономия. Медицина. Технология. Коммерческие науки; 15) Справочные книги; 16) Периодические издания. А) Русские. Б) Иностранные³⁶.

В 1903 г. Одесский Комитет ОПЕ устроил выставку картин И. И. Левитана, и из вырученной суммы денег 200 рублей было передано на нужды библиотеки³⁷.

Библиотека получала пожертвования денежные, книгами и журналами от частных лиц и иногда от издателей³⁸.

В 1905 г. вышли из печати два каталога: общий каталог библиотеки и каталог детской библиотеки имени Т. Л. Сакер-Халфин³⁹. Каталог для детского чтения был разделен на отделы, причем в каждом из них был указан приблизительный возраст, для которого эти книги предназначены⁴⁰.

В 1911 г. библиотечная комиссия выпустила полный каталог имевшихся в библиотеке книг. Он занимал 16,5 листов большого формата и был отпечатан в количестве 1200 экземпляров. Каталоги были разосланы бесплатно по многим общественным училищам, поставлявшим значительную часть пользовавшихся бесплатным абонементом читателей — учителей и учащихся⁴¹.

С ростом книжного имущества увеличилось и количество читателей. К 1 октября 1901 г. библиотека имела 310 абонентов (190 платных и 120 бесплатных)⁴². Увеличение числа абонентов с 1903 по 1914 гг. представлено в таблице 2.

Таблица 2

**Количество абонентов в библиотеке (платных и бесплатных)
с 1903 по 1914 гг.**

Годы	Количество абонентов	Годы	Количество абонентов
1903	768	1910	877
1904	925	1911	936
1905	556	1912	1102
1908	676	1913	1048
1909	809	1914	990

Как видно из таблицы, если в 1903 г. было 768 абонентов, то в 1913 г. стало 1048 абонентов⁴³.

В 1904 г. читальню посетило 28 058 человек, в среднем в месяц 2340, а в день 97. Удовлетворено 30 722 требования на различные журналы, газеты и книги, что составляет в среднем в месяц 2560, а в день 106. Число книг, выданных по разделу *Hebraica* 5677, в среднем в месяц 473, по отделу *Judaica* 5996, в среднем в месяц 490. Было выдано 31 906 книг⁴⁴.

Большую часть читателей составляли учащиеся (54 %), а также лица свободных профессий и служащие⁴⁵.

Библиотечная комиссия непосредственно руководила работой библиотеки. Члены комиссии приобретали книги, рекомендованные школьно-педагогической комиссией, а также произведения классических и современных авторов, научную литературу, книги об искусстве⁴⁶.

В 1903 г. библиотечная комиссия занималась организацией детского отдела библиотеки и учреждением отдела беллетристики на иностранных языках, выработкой системы записи посетителей и посещений читальни⁴⁷.

Из библиотечной комиссии была выделена подкомиссия, которая занималась рассмотрением поступающих от абонентов библиотеки жалоб, просьб, заявлений, вопросов об улучшении техники библиотечного дела и т. д.⁴⁸

Библиотечная комиссия занималась составлением и проверкой карточного каталога, а также росписью журнальных статей. В 1905 г. детский отдел был преобразован в детскую библиотеку имени Т. Л. Сакер-Халфин⁴⁹.

В 1908 г. библиотечная комиссия провела сверку книжного имущества с инвентарной книгой, в результате чего удалось установить число утерянных книг. Также были приведены в порядок карточные каталоги, были выписаны все представлявшие интерес статьи и рассказы из всех журналов за прошлые годы и занесены в карточные каталоги. С начала 1908 г. было установлено дежурство в библиотеке членов комиссии продолжительностью от двух до четырех часов в день. Был вывешен ящик для жалоб и заявлений о желательных книгах. Жалобы и заявления рассматривались в течение одной недели. Интересующие абонентов книги, по возможности, немедленно приобретались. Что касается отдела *Hebraica*, то из-за небольшого числа читателей этого отдела и недостатка средств, комиссии пришлось отказаться от пополнения этого отдела. Редакции журналов присылали свои издания бесплатно или за пониженную плату, поэтому недостатка в периодических изданиях не было. Что касается книг, то из-за недостатка

средств приходилось покупать только нужные для большинства читателей⁵⁰. Так, на 1911 г. было выписано 43 периодических издания, в количестве 49 экземпляров, из них 13 бесплатно и с уступкой 15. Заведующим библиотекой был А. Я. Зеличенко. Он руководил служащими и всеми работами, производящимися в библиотеке, закупал книги, вел переписку и личные переговоры с абонентами и другими лицами, выполнял постановления комиссии и т. д. Заведующий дежурил в библиотеке не менее трех часов в день⁵¹.

В 1909 г. библиотечная комиссия стала покупать книги у букинистов в широких размерах. Книги обходились на 50 % дешевле. Были выписаны и внесены в каталоги представлявшие интерес статьи и повести, помещенные в периодических изданиях⁵².

В 1911 г. библиотечная комиссия при проверке книг изъяла 138 дефектных. В том же году в библиотеку поступило 1100 книг, из них бесплатных приложений к журналам 110 и 73 пожертвованных⁵³.

В 1912 г. библиотечная комиссия в связи с юбилеем покойного М. Г. Моргулиса решила усилить отделы *Hebraica* и *Judaica* и выделять по 75 рублей на каждый из отделов ежегодно. Увеличение бюджета давала абонементная плата, а пожертвований после кончины М. Г. Моргулиса стало меньше⁵⁴.

В 1913–1914 гг. библиотечная комиссия работала, как и прежде. Комиссия задумывала внести изменения в ведение библиотечного дела, но в связи с войной эти новшества пришлось отложить⁵⁵.

Библиотечная комиссия постоянно работала над улучшением системы обслуживания читателей.

Библиотека Одесского отделения ОПЕ продолжала работать в 1916 г. в том же помещении⁵⁶.

Из воспоминаний историка С. Я. Борового мы узнаем, что в 1918 г. в Одессе солидные фонды еврейских книг были в библиотеке Одесского ОПЕ и в библиотеке Общества приказчиков-евреев⁵⁷.

С. Я. Боровой считал библиотеку Одесского Отделения ОПЕ «одной из лучших библиотек города, где за небольшую плату можно было брать на дом книги и журналы. Библиотека не преследовала каких-то научных целей и пополнялась литературой, рассчитанной на широкий круг читателей»⁵⁸.

Таким образом, библиотека Общества приказчиков-евреев и библиотека Одесского отделения ОПЕ представляли собой крупные книгохранилища, рассчитанные на лиц с разным уровнем образования, и пользовались большой популярностью среди евреев Одессы.

При Советской власти книги на еврейских языках из этих библиотек были переданы в Одесскую Еврейскую Академическую Библиотеку⁵⁹.

Примечания

- ¹ *Полицук М.* Евреи Одессы и Новороссии. Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии 1881–1904. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2002. С. 176–177; *Котлер И.* Очерки по истории евреев Одессы. Иерусалим : тип. «Ной», 1996. С. 82–83; *Мучник А.* Евреи Одессы и кредитная кооперация // Одесса и еврейская цивилизация: Сб. материалов 2-й международной научной конференции: к 100-летию со дня рождения Саула Борового (10–12 ноября 2003 г., г. Одесса) / Еврейский общинный центр «Мигдаль»; Редкол.: М. Рашковецкий, И. Найдис. Одесса : Студия «Негоциант», 2004. С. 26–36.
- ² *Кнорринг В. В.* Издательская деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в России (рукопись) : дисс. ... канд. ист. наук. 05.25.2003. СПб., 2005. Л. 65, 92, 153; *Ее же.* Библиотечная деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в России // История библиотек : сб. научных трудов. СПб. : Российская Национальная Библиотека, 2004. Вып. 5. С. 58–66; *Котлер И.* Указ. соч. С. 87–92.
- ³ *Матвеев М. Ю.* Российские библиотеки во второй половине XIX – начале XX века. СПб. : Российская Национальная Библиотека, 2014. С. 242, 451; *Ноткина О.* Саул Яковлевич Боровой — книговед, библиограф, библиотекарь // Одесса и еврейская цивилизация. С. 94–97; *Чацкий А.* Саул Боровой о еврейских книжных сокровищах Одессы // Мигдаль Times : Еврейский журнал для всех. № 40 (октябрь/ноябрь 2003 — хешван 5764). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migdal.org.ua/times/40/3416/> (дата обращения: 30.01.2018).
- ⁴ Очерк деятельности Общества взаимного вспомоществования евреев г. Одессы за 50 лет. Одесса : Центральная тип. С. Розенштрауха и Н. Лемберга, 1913. С. 5–8.
- ⁵ Краткий исторический обзор 25-летней деятельности Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы имени учредителя ее С. Л. Бернфельда 1875–1900 гг. Одесса : тип. Г. М. Левинсона, 1901. С. 3–4.
- ⁶ Очерк деятельности Общества взаимного вспомоществования евреев г. Одессы за 50 лет. С. 45.
- ⁷ Краткий исторический обзор 25-летней деятельности библиотеки... С. 5.
- ⁸ Там же. С. 4, 6.
- ⁹ Там же. С. 3–4; *Дубнов С. М.* Книга жизни. Материалы для истории моего времени. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. С. 239.
- ¹⁰ Краткий исторический обзор 25-летней деятельности библиотеки... С. 5.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Там же. С. 14.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 7.
- ²⁰ Там же. С. 11.
- ²¹ Библиотека приказчиков-евреев в Одессе // Вестник ОПЕ. 1911. № 7. Сентябрь. С. 127; *Дубнов С. М.* Указ. соч. С. 239–240.
- ²² Очерк деятельности Общества взаимного вспомоществования евреев г. Одессы за 50 лет. С. 34.

- ²³ Отчет Библиотеки Общества взаимного вспомоществования г. Одессы имени учредителя ее С. Л. Бернфельда за 1911 г. Одесса : тип. И. Маймин и Г. Тепер, 1912. С. 4.
- ²⁴ Там же. С. 7.
- ²⁵ Там же. С. 3.
- ²⁶ Там же. С. 7.
- ²⁷ Очерк деятельности Общества взаимного вспомоществования евреев г. Одессы за 50 лет. С. 31.
- ²⁸ Там же. С. 33.
- ²⁹ Краткий исторический обзор 25-летней деятельности библиотеки... С. 15.
- ³⁰ Очерк деятельности Общества взаимного вспомоществования евреев г. Одессы за 50 лет. С. 31, 34.
- ³¹ Отчет ОПЕ за 1867 год. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1868. С. 17–18. Устав Одесского Отделения ОПЕ : [Утв. 9 августа 1867 г. Дозволен цензурой 21 февраля 1897 г.]. Одесса : тип. Исаковича, 1897. С. 1.
- ³² Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1900 год. Одесса : тип. Исакович и Бейленсона, 1901. С. 7; Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1901 год. Одесса : тип. Торг. дома Г. М. Ливенсон, 1903. С. 4–6.
- ³³ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1901 год. С. 100; Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1913–1914 годы. Одесса : Коммерч. тип. Б. И. Сапожникова, 1916. С. 123.
- ³⁴ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1902 год. Одесса : Тип. Торг. дома Г. М. Ливенсон, 1904. С. 119; Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1904 год. Одесса : Тип. Гурвич и Крохмаль, 1905. С. 3, 7; Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1909 год. Одесса : Центр. тип., 1910. С. 81.
- ³⁵ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1902 год. С. 120.
- ³⁶ Каталог Библиотеки Одесского Отделения ОПЕ. Одесса : б. и., 1911.
- ³⁷ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1903 год. Одесса : Тип. Гурвич и Крохмаль, 1905. С. 64.
- ³⁸ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1902 год. С. 119–120.
- ³⁹ Каталог Библиотеки Одесского Отделения ОПЕ. Одесса : Тип. Торг. дома Г. М. Ливенсон, 1905.
- ⁴⁰ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1904 год. С. 121.
- ⁴¹ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1911 год. Одесса : Центр. тип. им. С. Розенштрауха и Л. Лемберга, 1912. С. 149.
- ⁴² Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1901 год. С. 100.
- ⁴³ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1913–1914 годы. С. 130.
- ⁴⁴ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1904 год. С. 138–139.
- ⁴⁵ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1913–1914 годы. С. 130.
- ⁴⁶ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1901 год. С. 99.
- ⁴⁷ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1903 год. С. 65.
- ⁴⁸ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1904 год. С. 120.
- ⁴⁹ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1905 год. Одесса : Тип. Гурвич и Крохмаль, 1907. С. 117–118.
- ⁵⁰ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1907 и 1908 гг. Одесса : Тип. Техник, 1909. С. 139–143, 145, 152.
- ⁵¹ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1910 год. Одесса : Центр. тип., 1911. С. 107–110.
- ⁵² Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1909 год. С. 80–81.
- ⁵³ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1911 год. С. 149–150.
- ⁵⁴ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1912 год. Одесса : Центр. тип. им. С. Розенштрауха и Л. Лемберга, 1913. С. 168. Моргулис Михаил Григорьевич (1837–1912) — юрист, публицист, общественный деятель, товарищ председателя Одесского отделения ОПЕ.
- ⁵⁵ Отчет Одесского Отделения ОПЕ за 1913–1914 годы. С. 126.

⁵⁶ Собрание Одесского Отделения ОПЕ 12 сентября 1916 года // Вестн. еврейского просвещения. 1916. № 46. С. 81.

⁵⁷ Боровой С. Я. Воспоминания. М. ; Иерусалим : Евр. ун-т в Москве, 1993. С. 108.

⁵⁸ Там же. С. 109.

⁵⁹ Чацкий А. Указ. соч.

УДК 94

Е. А. Смирнова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Прием лиц иудейского вероисповедания в вузы Санкт-Петербурга в 1907–1914 гг.

Годы с 1907 по 1914 являются для студенчества Санкт-Петербурга этапом всплеска реакции и последующего нового революционного подъема. Абитуриентам, которые относились к лицам иудейского вероисповедания, пришлось испытать на себе новые ограничения при поступлении в высшие учебные заведения столицы. Еврейское студенчество обвинялось в том, что оно «запятнало» себя участием в первой русской революции. Студенческие воззвания и резолюции сходов требовали равенства их прав, к примеру, отмены процентной нормы. После этого правительство не только поддерживало, но и ужесточало режим законодательных ограничений по недопущению евреев в высшую школу.

Число лиц иудейского вероисповедания, поступавших в вузы Санкт-Петербурга, на протяжении рассматриваемого периода стремительно сокращалось. В 1908 г. вышло уточняющее постановление Совета министров. «В отношении приема евреев в высшие учебные заведения всех ведомств, за исключением консерваторий императорского русского музыкального общества, было установлено, что в тех из упомянутых высших учебных заведений, по которым не имеется точных по сему предмету указаний в подлежащих уставах и положениях, соблюдаются следующая процентная, по отношению к общему числу учащихся, норма: 3 % для столичных учебных заведений, 5 % для находившихся в прочих местностях Империи вне черты еврейской оседлости и 10 % в районах сей оседлости. О таком постанов-

лении Совета министров, Высочайше утвержденном 16-го текущего сентября, уведомляю ваше превосходительство, для соответствующих распоряжений»¹.

Об уменьшении количества принятых в Санкт-Петербургские вузы евреев свидетельствуют следующие данные: в 1907 г. их доля составляла от 18 до 10 %, в 1912 г. — около 7 %, а в 1913/1914 учебном году в Университете и в Горном институте — 3,6 и 3,81 %².

Однако необходимо отметить, что количество молодых людей иудейского вероисповедания, желающих получить образование в вузах столицы, не сокращалось. Высшее образование предоставляло право на жительство в любом городе империи и право службы по любому ведомству.

Для понимания государственной политики в области доступа евреев к высшему образованию необходимо рассмотреть эволюцию образовательной политики по отношению к ним. Еще в начале XIX в. правительственная политика в области образования евреев была направлена на их интеграцию в российское общество. В 1804 г. вступило в силу «Положение для евреев», которое позволяло евреям обучаться в любых учебных заведениях империи³, с целью повышения культурного уровня. Однако, уже в 1835 г. появляется ограничение, согласно которому еврейские дети теперь обучались в черте оседлости. После окончания гимназии они могли поступать в любой вуз империи, с получением степени приобретая потомственное почетное гражданство⁴.

Если в 60-х гг. XIX в. министерство народного просвещения придерживалось курса на привлечение евреев в общие учебные заведения, а не локализацию их обучения в особых училищах, то уже в 1880-х гг. курс становится диаметрально противоположным.

В 1883 г. учреждается комиссия для пересмотра действующих законов о евреях. Министр народного просвещения И. Д. Делянов пишет во всеподданнейшем отчете за 1886 г.: если ранее считалось, что евреи стремятся получать образование без корыстных целей, то теперь они поступают в вузы, большей частью, не для приобретения научных знаний, а для уклонения от воинской повинности и получения права повсеместного жительства⁵.

Согласно циркуляру от 10 июля 1887 г., «признано нужным ограничить число учеников из детей евреев в местностях, входящих в черту постоянной оседлости, 10 %, в других местностях, вне этой черты, 5 %, а в Санкт-Петербурге и Москве 3 % всего числа учеников, подлежащих приему в начале каждого учебного года»⁶. Процентные нормы вступили в силу с начала 1887/1888 учебного года.

После 1907 г. профессорские коллегии повсеместно пытались игнорировать процентные нормы, но любые попытки профессоров обойти нормы пресекались. В результате возникали нестыковки решений учебной администрации и министерских, что в свою очередь затягивало дело. Абитуриенты забрасывали Министерство народного просвещения прошениями с целью получить сверхкомплектное место в высшей школе, но всегда получали отказ. Не имело значения даже, что средний балл абитуриента-еврея был равен 4,9⁷. Нужно заметить, что по поводу такого высокого среднего балла не раз возникали подозрения в завышении оценок еврейским абитуриентам и министерство народного просвещения циркулярно предлагало «попечителям учебных округов обратить внимание педагогических советов средних учебных заведений на безусловную необходимость правильной оценки успехов и поведения учащихся, при котором отнюдь не должно быть допуская искусственное повышение баллов под условием (или в виду) выбытия учащегося из учебного заведения»⁸.

В отличие от министерства, университет и институты столицы были заинтересованы в студентах, стремящихся к знаниям. А. Н. Шварц, министр просвещения в 1908–1910 гг., замечал, что постоянному нарушению процентных норм способствовал циркуляр, «предоставлявший начальствам учебных заведений самим заполнять евреями почему-либо не занятые христианами места»⁹. По данным всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1907 г., количество еврейских студентов в Санкт-Петербургском университете равнялось 12,5 % от всего числа учащихся¹⁰. В технических вузах столицы 9,31 %¹¹. В последующие годы процент еврейских учащихся снижается, что свидетельствовало об успехе политики ограничения.

Правительство продолжало идти по пути ограничений, тем более, что в вузах столицы поднималась волна так называемого «нового революционного подъема». При министре Л. А. Кассо 11 марта 1911 г. был подписан закон, распространивший процентные нормы на евреев, сдающих экзамены в гимназиях в качестве экстернов, исчисляемые по отношению к общему количеству экстернов¹². В конце марта того же года был издан циркуляр, который предписывал исчислять процентную норму не к количеству принятых, а к количеству подавших заявления о желании подвергнуться испытаниям на поступление в гимназию — за счет этого процентная норма снижалась.

Кроме того, Л. А. Кассо в циркуляре от 7 февраля 1914 г. сожалел, что руководство университетов использует разные критерии для отбора студентов при приеме. Чтобы устранить несправедливый эле-

мент случайности, министр распорядился «зачислять евреев в студенты университета в счет установленной нормы, не иначе, как по жребию»¹³. Тем самым должен был исключаться конкурс аттестатов, который обуславливал прием в студенты только евреев-медалистов и пятерочников, которые, естественно, становились наиболее успешными студентами.

Альтернатив обойти процентную норму было немного: либо удовлетвориться статусом вольнослушателя, т. е. посещать лекции на «птичьих правах», либо же перейти в православие. Чтобы попасть в вузы, еврейская молодежь шла на ухищрения, к примеру, бытовало даже «фальшивое крещение», т. е. получение за мзду свидетельства о «святом крещении»¹⁴.

Следует отметить, что не для всех вузов Санкт-Петербурга действовала одинаковая процентная норма. В отношении лиц иудейского вероисповедания высшие учебные заведения делились на три категории: не ограниченные процентной нормой (в творческих учебных заведениях процентная норма не вводилась); с установленной для евреев процентной нормой; учебные заведения, в которые лица иудейского происхождения вообще не принимаются¹⁵.

Даже если удавалось попасть в «процентную норму», то достигшие двадцатипятилетнего возраста студенты-евреи подлежали удалению из столицы¹⁶. Но, видимо, удаление это действовало так же, как и соблюдение процентной нормы.

В некоторые годы прием евреев в отдельные вузы вообще не производился. Так, в 1907 г. в Политехнический институт прием был закрыт, т. к. установленный для них комплект уже был исчерпан¹⁷. Помимо этого, студенты-евреи не имели право на получение государственных стипендий, исключительно частных¹⁸.

Политику правительства в отношении к высшему образованию евреев как нельзя лучше отражают слова А. Н. Шварца: «Необходимо неуклонно отстранять всякие притязания инородцев на какую бы то ни было обособленность и национализацию школы. Руководящим началом должна быть единая русская школа на всех ее ступенях и для всех без исключения инородцев империи... Во всех учебных заведениях должно неуклонно и строго последовательно проводиться образование и воспитание в духе любви к русской народности и русским делам...»¹⁹.

П. М. Кауфман, покидая министерский пост, вспоминал: «Еврейская молодежь... вступала в жизнь с чувством обиды и вражды к государственной власти. Этими озлобленными элементами пополнялась и поддерживалась революционная партия»²⁰.

Положительное воздействие от включения еврейской молодежи в российское общество путем получения высшего образования было ликвидировано правительственной идеей «еврейской опасности», в первую очередь, революционной, в виде множества ограничений, из которых «процентная норма» являлась основным шлагбаумом, не допускающим возможности получения высшего образования. И только в 1915 г., под давлением ситуации военного времени, в порядок процентного нормирования были внесены коррективы. Так, в частности, был установлен льготный прием в высшие учебные заведения участников Первой мировой войны и их детей без различия национальности и вероисповедания.

Примечания

¹ О приеме евреев в высшие учебные заведения. 26 сентября 1908. № 25160 // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 8. 1908, январь. С. 26.

² Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1910 г. СПб. : Сенатская типография, 1912. С. 10; Отчет о состоянии и действиях Горного института имп. Екатерины II за время с 1 июня 1908 г. по 19 июня 1909 г. // Горный журнал. 1913. № 4. С. 48; О распределении студентов университета по вероисповеданиям и сословиям к 1 января 1914 года. Ведомость 6 // Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. Пг. : Сенатская типография. 1916. С. 10; О распределении студентов высших технических учебных заведений по вероисповеданиям и сословиям к 1 января 1914 года. Ведомость 16 // Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. Пг. : Сенатская типография. 1916. С. 27.

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. № 21547. С. 731–737.

⁴ Там же. Собрание 2. Т. X: 1835 гг. Отд. 1. СПб. : Тип. II Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1835. № 8054. С. 308–323.

⁵ Там же. Собрание 3. Т. V: 1885. СПб. : Тип. II Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1887. № 3034. С. 297; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. : Сенатская типография, 1894. Т. 10. № 198. Стлб. 330–332; Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1886 г. СПб. : Сенатская типография. 1891, С. 31.

⁶ Познер С. В. Евреи в общей школе. К истории законодательства и правительственной политики в области еврейского вопроса. СПб. : Разум, 1914. С. 83.

⁷ Прошение абитуриента Гордона Л. И. министру народного просвещения о приеме в университет // РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 154. Д. 36 (Об евреях). Л. 352; Свидетельство об успеваемости абитуриента Минца С. Л. // Там же. Л. 377; Отказ департамента народного просвещения Гордону Л. И. и Минцу С. Л. // Там же. Д. 37 (Об евреях). Л. 331, 332.

⁸ Новое время. 1909. 24 октября (6 ноября).

⁹ Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М. : Греко-латинский кабинет, 1994. С. 33.

¹⁰ О распределении студентов университета по вероисповеданиям и сословиям к 1 января 1908 года. Ведомость № 6. // Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1907 год. СПб. : Сенатская типография, 1909. С. 11.

¹¹ О распределении студентов высших технических учебных заведений по вероисповеданиям и сословиям к 1 января 1908 года. Ведомость № 16 // Всеподданнейший от-

- чет министра народного просвещения за 1907 год. СПб. : Сенатская типография, 1909. С. 27.
- ¹² ПСЗ. Собрание 3. Т. XXXI: 1911. Отд. 1. СПб. : Тип. II Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1914. № 34900. С. 169.
- ¹³ Гимпельсон Я. И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената. СПб. : т-во Юриспруденция, 1915. С. 548–550.
- ¹⁴ Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской Империи начала XX века. Каким оно было? М. : Новый хронограф, 2007. С. 62.
- ¹⁵ ПСЗ. Собрание 3. Т. XXVIII: 1908. Отд. 1. СПб. : Тип. II Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1911. № 31008. С. 720; Речь. 1908. 31 июля.
- ¹⁶ Запрос попечителя С.-Петербургского учебного округа в Департамент Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 27 (Об ограничении приема евреев в учебные заведения и о праве жительства евреев). Л. 14–14об.
- ¹⁷ Речь. 1908. 1 июля.
- ¹⁸ Протоколы заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. № 63. СПб. : типография Б. М. Вольфа, 1908. С. 4.
- ¹⁹ Иванов А. Е. Указ. соч. С. 76.
- ²⁰ Специальная «записка» П. А. Кауфмана // РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 304 (О процентном соотношении числа студентов евреев к общему числу студентов других вероисповеданий). Л. 49об.

УДК 923“Каценбоген”1889/1946

И. А. Лапина

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Соломон Захарович Каценбоген: в авангарде культурной революции

Соломон Захарович Каценбоген (10 мая 1889 – 1 сентября 1946) известен как марксистский философ, один из основоположников советской социологии. В разные годы он был одним из организаторов Белорусского государственного университета, возглавлял Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского и Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена.

Из анкет известно: родился в Минске, сын бухгалтера, примыкавшего к народолюбцам, в 1898–1904 гг. учился в одной из минских гимназий. В средних классах увлекся политической деятельностью, в 1904 г. вступил в Бунд (очевидно, в Югенд Бунд). В том же году был

исключен из 5-го класса за участие в забастовке гимназистов, проводившейся в защиту интересов учащихся польской национальности. В 1905 г. принимал активное участие в революционных вооруженных демонстрациях, проходивших в Минске. После этого переехал в Гродно, где в 1910 г. окончил местную гимназию.

В 1910–1914 гг. учился на экономическом факультете Киевского коммерческого института¹. Институт издавал научные записки, в которых была опубликована первая работа Каценбогена — «Крестьянские войны в Германии»². Во время учебы в Киеве печатался в киевских журналах и газетах на «социологические и политические темы». В 1914–1917 гг. Соломон Каценбоген учился на юридическом факультете Петроградского психоневрологического института³. Видимо, в Петербурге Каценбоген познакомился с Д. Жилуновичем, который в январе 1919 г. станет первым главой Временного рабоче-крестьянского правительства Советской Социалистической Республики Белоруссия⁴.

Во время учебы в Петербурге Соломон Каценбоген успел жениться. Невеста была из Бобруйска. Бобруйск считался еврейским городом, в 1910 г. в нем насчитывалось 25 876 евреев (61 % населения) и действовало 40 синагог. В семейном архиве сохранилась фотография, запечатлевшая момент свадьбы Соломона Захаровича и Надежды Зиновьевны Каценбоген в г. Бобруйске в 1916 г.⁵ Чем зарабатывал на жизнь? В одной из биографических справок написано, что адвокатом, то есть присяжным поверенным, в другой — преподаванием.

После Февральской революции С. З. Каценбоген оказался в центре политических событий в Белоруссии. В марте 1917 г. он стал заместителем председателя Бобруйского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (от меньшевиков) (скорее всего, от Бунда, который вошел в состав РСДРП на IV объединительном съезде в 1906 г. и тяготел к меньшевистскому крылу партии).

30–31 декабря 1918 г. на проходившей в Смоленске VI конференции организаций РКП(б) Западной области была создана Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии. Конференция объявила себя первым и учредительным съездом новой партии. Там же, в Смоленске, в ночь с 1-го на 2-е января 1919 г. был оглашен Манифест об образовании Советской Социалистической Республики Белоруссия в составе РСФСР и было избрано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство под председательством Дмитрия Жилуновича⁶. 27 февраля 1919 г. ССРБ объединилась с Литовской Советской Республикой в Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (ЛитБел), но эта республика, как известно,

просуществовала недолго в результате оккупации Литвы и Белоруссии польскими войсками⁷.

31 июля 1920 г. в Минске состоялось повторное провозглашение независимой ССРБ (в границах шести уездов Минской губернии — Бобруйского, Борисовского, Игуменского, Мозырского, частично Минского и Слуцкого). В новом правительстве С. З. Каценбоген был наркомом по делам социального обеспечения. На II Всебелорусском съезде Советов 13–17 декабря 1920 г. в Минске, который законодательно закрепил создание независимой ССРБ, С. З. Каценбоген был докладчиком по вопросам социального обеспечения. В 1920 г., как многие члены Комбунда, он вступил в ряды объединенной КП(б) Литвы и Белоруссии. В 1920–1924 гг. избирался членом ЦИК ССРБ.

В июне 1921 г. С. З. Каценбоген был назначен заместителем народного комиссара просвещения ССРБ. На тот момент ему исполнился 31 год. В адресе, врученном ему Комитетом служащих Наркомсобеса, читаем: «Многоуважаемый Соломон Захарьевич! Высшие советские органы нашли необходимым отозвать Вас с работы в Наркомсобесе и вручить вам судьбы Народного комиссариата просвещения, чтобы использовать Ваши научные познания и ценный административный опыт на поприще родной Вам по духу школы. Прощаясь с Вами, Соломон Захарьевич, Комслуж, объединяя чувства всех Ваших сотрудников, хочет высказать Вам некоторые мысли. В трудное время пришлось Вам, Соломон Захарьевич, принять на себя организацию Комиссариата социального обеспечения в июле прошлого года, когда советская власть вступила в разоренную неоднократно продолжительными оккупациями Белоруссию. Много сил потратили Вы тогда на приобретение необходимых Вам помощников и создание аппарата Учреждения. Преодолев, однако, все организационные затруднения, Вы с полным сознанием важности стоявших задач и свойственной Вам энергией отдались их решению. Широки, многогранны и сложны были эти задачи. Много инициативы, знаний и настойчивости потребовали они от Вас при их осуществлении. Ваше ясное и широкое понимание людей и жизни были тем фундаментом, на котором Вы и Ваши ближайшие помощники строили эту работу. Ваши отношения к многочисленным просителям носили всегда ровные и объективные формы. Нужда Ваших сотрудников постоянно находила в Вас живой отклик. И все это способствовало тому, что Вы внушили доверие и авторитет к своей деятельности, глубокое уважение к своей личности. Уходя из Наркомсобесбела, Вы, Соломон Захарьевич, оставляете в среде Ваших сотрудников наилучшие воспоминания о времени

совместной с Вами работы. Пусть наши чувства к Вам найдут свое конкретное выражение в нашем общем сердечном пожелании долгих и прочных успехов на Вашем новом, ответственном посту. Минск, 11 июня 1921 г.»⁸.

Итак, с лета 1921 г. С. З. Каценбоген — заместитель народного комиссара просвещения Белорусской ССР (ССРБ)⁹. 15–20 октября 1921 г. на Пятом съезде КП(б) он выступал с докладом по вопросам народного просвещения и задач КП(б) Белоруссии в этом направлении. Деятельность белорусского Наркомпроса повторяла основные шаги Наркомпроса РСФСР. В 1921 г. при Наркомпросе БССР была образована комиссия по ликвидации неграмотности. В соответствии с постановлением СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 31 октября 1918 г. СНК БССР 26 мая 1922 г. издал указ «О запрещении преподавания детям еврейской национальности до 18 лет религии в хедерах, Талмуд-Торах и иешивотах»¹⁰. Так же как Наркомпрос РСФСР, Наркомпросбел строил единую трудовую школу. В 1921–1922 гг. в средних школах вводились новые программы, которые в корне меняли содержание образования. Происходило и создание новой высшей школы, призванной вырастить новую, трудовую интеллигенцию.

Заместителем наркома просвещения БССР Каценбоген оставался недолго¹¹. 18 апреля 1921 г. Президиум ЦИК БССР принял постанов-

Рис. 1. Минск. Бывшая гимназия Фальковича — первое здание БГУ¹²

Рис. 2. Вывеска на здании БГУ на белорусском языке и на идише. 1920-е гг.¹⁴

ление об открытии в Минске БГУ, ректором которого был назначен историк, ученик В. О. Ключевского В. И. Пичета. Каценбоген был назначен заместителем ректора по административной работе и введен в состав правления университета. Он занимался финансовыми и хозяйственными делами университета. Именно ему принадлежат первые отчеты о деятельности университета, благодаря которым сохранилась ценная информация о первых шагах становления высшего образования и науки в Белоруссии. Одновременно С. З. Каценбоген был деканом Факультета общественных наук (ФОН), состоявшего из двух отделений — экономического и юридического¹³. Государственный ученый совет университета утвердил Каценбогена в составе первых 14 про-

фессоров. В звании профессора по специальности «История» он был утвержден ГУСом Наркомпроса БССР в 1922 г.

В соответствии с положением о ВУЗах от 3 июля 1922г. Правление университета было озадачено привлечением пролетарской ответственности к делу строительства новой школы и развитием студенческого самоуправления. Представление о социальном и национальном составе студентов БГУ дают цифры из отчетов Каценбогена о развитии университета за 1921/22 и 1922/23 уч. годы. Так, в 1922–23 г. в БГУ обучалось 2907 студентов: на Рабфаке — 815, на ФОНе — 770, на Педфаке — 780, на Медфаке — 542. На дневном отделении Рабфака на 1 июля 1923 г. числилось 370 студентов, в том числе рабочих — 303, земледельцев — 67. Из них: белорусов — 131, евреев — 225, других национальностей — 14. На вечернем отделении из 243 человек: рабочих — 151, крестьян — 14, совслужащих — 41, военных — 17. Из них: белорусов — 68, евреев — 149, великорусов — 31, поляков — 5¹⁵.

Работа в БГУ была наиболее плодотворным периодом для Каценбогена как ученого-обществоведа. С июля 1921 г. по сентябрь 1925 г. его курсы по генетической социологии (включавший археологию, этнографию и генезис религиозных верований), общей марксистской

социологии, историческому материализму, истории первобытной культуры и генеомии слушали студенты первого и второго курсов ФОНа, Педфака и Рабфака. С. З. Каценбоген выступал с публичными докладами в Научном обществе при БГУ¹⁶, его статьи и переводы публиковались в Трудах БГУ¹⁷.

Он привлекался Агитпропом Белорусского Бюро ЦК РКП(б) к просветительским лекциям, выступал с докладами на торжественных мероприятиях, проходивших в Минском городском театре¹⁸. В феврале–августе 1925 г. был членом редколлегии журнала «Чырвоны сцяг» — печатного органа Белорусского бюро пролетарского студенчества и Центрального руководства землячеств Москвы.

1920-е годы были временем развития общественных наук в СССР, импульсом к которому стало создание Социалистической Академии в Москве. Как ученого Каценбогена привлекли проблемы социологии культуры и, в частности, первобытной культуры. В 1924 г. он изучал новейшую философию и социологическую литературу в Германии, работал в германских этнографических музеях первобытной культуры. В марте 1924 г. возглавил Музей первобытной культуры и религии (сейчас — музей исторического факультета БГУ) и основал кафедру социологии и первобытной культуры. Он перевел с немецкого языка и издал книгу Г. Кунова «Очерки по истории первобытной культуры»¹⁹.

С. З. Каценбоген способствовал институционализации социологии и развитию социологических исследований везде, где работал. В 1925 г. Профком БГУ напечатал его лекции под названием «Марксистская социология». В своем предисловии Каценбоген пишет, что лекции не готовились к печати, они изданы исключительно благодаря настойчивости и энергии пролетарского студенчества²⁰. Разработка этого курса и чтение его на Педагогическом факультете были вызваны необходимостью подготовки будущих педагогов к новым условиям. С 1921–1922 гг. в советских школах были введены программы, в соответствии с которыми изучение обществоведческих и исторических предметов было объединено в рамках одной сквозной дисциплины — обществоведения. Изучение фактической стороны истории развития общества происходило в рамках всеобщей истории культуры. Все было направлено на формирование не собственно исторических знаний, а социально-политических знаний марксистского характера.

Определяя задачи курса, Каценбоген писал: «Марксистскую социологию мы себе мыслим, как необходимое звено в универсальном диалектически-материалистическом мировоззрении. Ее основная за-

дача — изучать общественную жизнь с естественно-научной точки зрения. Ее конечная цель — выработать материалистическое социозозрение»²¹. Интересно, что в своих лекциях Каценбоген не побоялся сослаться на мнение Э. Маха, который подчеркивал исключительное значение Маркса и Энгельса, прежде всего, как социологов, ссылаясь на книгу Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», в которой говорится о необходимости преодоления философии естественно-научным подходом²². Все это, а также прямые реминисценции из произведений А. А. Богданова²³ и использование его аргументации (пример великих открытий Кеплера, Коперника и Галилея, утвердивших новую, гелиоцентрическую, точку зрения на мироустройство) свидетельствует о том, что С. З. Каценбоген (по крайней мере до 1925 г.) мог быть сторонником эмпириомонизма А. А. Богданова.

Он творчески подошел к разработке курса. Первая часть курса носила методологический характер, разъясняя суть марксистского метода в изучении общественных явлений. Сущность диалектического метода, пишет Каценбоген, заключается в изучении общества и природы в их вечном движении, становлении, противоречиях и борьбе. Вторая часть представляла собой систематизированную историю социологической мысли. Третья, неопубликованная, которую он назвал «генетической социологией», построенная с учетом достижений геологии, палеонтологии, археологии и этнографии, включала историю происхождения и развития первых «общественных форм» (социальных институтов), таких как семья, брак, религия, искусство, собственность²⁴. Утверждением единого для общественных наук метода, изобретенного Марксом, Каценбоген занимался и дальше²⁵.

В 1925 г., неизвестно по каким причинам, Каценбоген уезжает из Минска. Можно предположить, что Соломон Захарович, прекрасно владевший немецким и французским языками, не говоря о русском и идише, не хотел поддаваться «белорусизации», активно проводившейся с середины 1920-х годов на основе развития этнического национализма, что сопровождалось острыми дискуссиями в академической среде.

В 1925–1932 г. он работал в СГУ²⁶. С 1923 г. университет носил имя Н. Г. Чернышевского. С сентября 1925 по 1930 г. С. З. Каценбоген — декан вновь образованного факультета права и хозяйства и одновременно — заведующий кафедрой исторического материализма. В декабре 1925 г. он был утвержден в звании профессора по курсу «Исторический материализм», с апреля 1928 до июня 1932 г. был рек-

тором университета. В Саратове он избирался депутатом Крайисполкома, Горсовета, был членом бюро райкома ВКП(б).

О научной работе в Саратовском университете в анкете написал так: «способствовал организации и развитию социологической науки в СГУ». Все начиналось оптимистично, в 1926 г. в Саратове было издано его учебное пособие «Марксизм и социология»²⁷. Однако в 1930-е гг. преподавание социологии было свернуто, а сама эта наука попала в разряд запрещенных. Каценбогену, который старался оставаться нейтральным во время ожесточенных споров «на философском фронте», удалось укрыться в тени Н. Г. Чернышевского: он стал заниматься исследованием деятельности этого писателя-демократа²⁸.

В 1932 г. профессор С. З. Каценбоген переехал в Ленинград, где ему предложили возглавить ЛГПИ имени А. И. Герцена и кафедру философии. Институт в это время находился в сложном положении. С начала 1920-х гг. он был одним из главных центров развития педологии — науки о ребенке, у истоков которой стоял В. М. Бехтерев. В институте трудилась замечательная плеяда психологов-теоретиков и экспериментаторов. Бурное развитие педологии отвечало духу времени — стремлению найти новую науку, которая сможет обосновать и помочь осуществить «переделку человека» в небывалых масштабах²⁹. В первые годы советской власти в Петрограде возникло много специализированных школ для «дефектных» детей (в конце 1920-х название изменилось: «исключительное детство»)³⁰, часть из которых была экспериментальной базой ЛГПИ и Государственного института научной педагогики (сотрудники которого одновременно работали в ЛГПИ). Широкое внедрение педологии в школу с середины 1920-х гг. происходило под лозунгом «Каждой школе — педолога». Однако практика педологического обследования (тестирования) и распределения детей по классам и школам, низкая квалификация педологов вызывали недовольство родителей и педагогов на местах. Все это отягощалось политическими мотивами. С одной стороны, внутри самого педологического сообщества шла кампания по перестройке педологии в «истинно марксистскую науку» и слиянии всех направлений в единое русло. С другой — началась критика педологии как «лженауки». Политическое острие критики было направлено сначала против Л. Д. Троцкого, затем — против А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, Н. И. Бухарина, но пострадали все, кто был так или иначе связан с этим направлением, или пытался как-то его защитить. В январе 1928 г. Коллегия Наркомпроса одобрила работу Первого Педологического съезда и приняла решение об организации Комиссии по планированию исследователь-

ской работы по педологии в РСФСР³¹. Но характер социального заказа стремительно менялся. В сентябре 1929 г. А. В. Луначарский покинул пост наркома просвещения. 27 июля 1930 г. было ликвидировано Русское психоаналитическое общество. В начале 1931 г. президиум Комакадемии принял резолюцию, гласившую: «Важное значение приобретает разоблачение всякого рода псевдомарксистских течений типа корниловщины, бехтеревщины в психологии»³². В конце 1931 г. А. Б. Залкинд был уволен с поста директора московского Института психологии, а в 1932 г. прекратил свое существование журнал «Педология».

Герценовский институт в 1930–1931 гг., во время руководства «красного директора» Д. А. Лазуркиной, пережил попытку неудачной реорганизации: объединения 9 отделений (образованных после слияния всех высших педагогических заведений Ленинграда постановлением от Наркомпроса РСФСР от 1 января 1925 г.) в 4 факультета и — нового разделения. В разгар т. н. «академического дела» и «дела краеведов» в 1930 г. были арестованы по доносу «красного студенчества» основатель первой кафедры методики естествознания, руко-

Рис. 3. С. З. Каценбоген в ректорском кресле. ЛГПИ имени А. И. Герцена. 1933–35 гг.³³

водитель ОРЕО и один из организаторов экскурсионного дела в Ленинграде Б. Е. Райков и несколько его коллег. В 1931 г. трагически и нелепо умер вынужденный покинуть институт профессор М. Я. Басов, руководивший отделением педологии и психологии. Все это имело серьезный резонанс. Временно исполняющим обязанности директора в 1932 г. назначили В. Н. Попова. С. З. Каценбоген был назначен Наркомпросом в Герценовский институт в разгар критики педологии как «лженауки», он должен был стать «варягом», призванным подняться над местными интересами, утихомирить страсти и уберечь институт от полного разрушения. В 1932–1935 гг. он был ректором Педагогического института и проживал на Мойке, 48, на территории института, где были служебные квартиры. Вероятно, не без его рекомендаций, в апреле 1933 г. ГИИП был реорганизован в Ленинградское отделение ЦНИИ педагогики, которое, в свою очередь, приказом Наркомпроса РСФСР от 29 мая 1934 г. было подчинено ЛГПИ имени А. И. Герцена³⁴. Педолого-педагогическое отделение было разделено на два: Педологическое и Педагогическое. В институте появились новые отделения: исторического материализма, народов Севера и Деткомдвижения. До 1000 человек была расширена численность Рабфака³⁵.

Но в Ленинграде С. З. Каценбоген задержался ненадолго. В 1934 г. после убийства С. М. Кирова началась новая волна репрессий против ленинградской интеллигенции. Ректор ЛГПИ был понижен в должности, затем по одной из версий — арестован по обвинению в контрреволюционной националистической и троцкистской деятельности и выслан, по другой — был вынужден переехать вместе с семьей на Урал, опасаясь политических репрессий.

Трудно сейчас представить, но, работая в Ленинграде, он в 1935 г. был одновременно проректором Свердловского педагогического института, созданного в 1930 г. Красной профессуры не хватало, в Москву и Ленинград из отдаленных регионов шли приглашения на работу в открывающиеся вузы. К моменту принятия постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (4 июля 1936 г.)³⁶ Каценбоген уже был уволен из ЛГПИ.

Так или иначе, попав в т. н. «кировский поток», в 1935 г. С. З. Каценбоген оказывается в «почетной ссылке» в Свердловске. 23 сентября 1935 г. в местном пединституте была открыта кафедра диалектического материализма, которую и возглавил опальный профессор. С 1 октября 1935 г. он приступил там и к обязанностям директора. Педагогический институт, разместившийся в здании бывшей городской думы, был совсем молодым, но имел несколько факультетов:

Историко-экономический, Литературный, Физико-математический, Химический и Педагогический. Здесь, как, впрочем, и везде, в полной мере проявились административные качества С. З. Каценбогена. Его первые распоряжения были направлены на упорядочение расписания (из-за большого числа совместителей оно составлялось лишь на ближайшие дни), наведение чистоты, установление преподавательской дисциплины. К этому времени недостатки в подготовке «пролетарского студенчества» (в пединституте оно составляло около 60 %) стали очевидными. Так, в 1934 г. с заочного отделения института пришлось исключить 65 человек как «совершенно не выполняющих требования». Созданный в 1936 г. при СНК СССР Всесоюзный комитет по делам высшей школы ввел выпускные экзамены. С января 1936 г. стипендии стали назначать в зависимости от успеваемости. Дополнительными стимулами, кроме грамот за победу в соцсоревновании, стали служить «ударный стол» в студенческой столовой и внеочередное получение стипендии. Сильной стороной С. З. Каценбогена всегда была отчетность. Из нее можно узнать, что в 1936 г. в пединституте был открыт новый факультет — Географический. В 1935–36 учебном году в институте обучалось уже 1456 студентов — почти вдвое больше, чем в 1933–34 гг. Средний возраст студентов дневного отделения составлял 27 лет, заочного — 32 года. Число совместителей сократилось до 27, штатных преподавателей выросло до 66 (среди штатных — 2 профессора и 20 доцентов), в составе института было 9 кафедр. В 1936 г. вышел первый сборник научных трудов преподавателей и студентов — «Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. 1 (История)»³⁷.

Как администратор, С. З. Каценбоген, безусловно, подчинялся «политической линии» партии. В марте 1936 г. были запрещены учебные занятия в часы проведения политической учебы в комсомольской и профсоюзной сети. В декабре 1936 г. в связи с празднованием 5-летия пединституту было присвоено имя первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова. Правда, это имя институт носил лишь до ноября 1937 г., пока секретарь обкома не был арестован. Волна репрессий в Свердловске и области коснулась в 1937 г. и органов образования. В 1936 г. в связи с нехваткой учителей Свердловский ОблОНО организовал при пединституте краткосрочные месячные курсы на 900 слушателей для подготовки учителей к экстернату. Это количество новых кадров предстояло «выковать» за 6 месяцев — с 1 июня по 1 декабря 1936 г. Сравним: первый выпуск института в 1934 г. составлял всего 106 человек. В отличие от начала 1930-х гг.,

когда комплектование подобных курсов осуществлялось за счет принудительных наборов из членов партии, профсоюзов и комсомола, набор на курсы 1936 г. рекомендовалось проводить путем пропаганды значимости учительского труда и популяризации опыта передовых педагогов. Но, видимо, это не сработало. Летом 1937 г. были арестованы и обвинены в антисоветской деятельности руководители Свердловского ОблОНО и ГорОНО. Руководители девяти из 16 аттестационных комиссий области были сняты со своих должностей и многие разоблачены как «враги народа». Репрессии коснулись и сотрудников института. Были арестованы бывший директор института В. Е. Семенов, декан Педагогического факультета Е. К. Моносова. С. З. Каценбоген был действующим директором и председателем городской аттестационной комиссии, но удивительным образом ему удавалось избежать серьезных неприятностей. Некоторые авторы объясняют это его личным знакомством с наркомом НКВД Н. И. Ежовым³⁸. Решениями партсобраний пединститута Каценбогена трижды исключали из ВКП(б) как «троцкиста». От должности директора он был освобожден 15 декабря 1936 г., однако за ним сохранили чтение лекций по истории философии для преподавателей, готовившихся к сдаче кандидатского минимума, и оформление «Очерков по истории Древней Греции». Приказами Наркомпроса он трижды (в феврале, августе и ноябре 1937 г.) отстранялся от заведования кафедрой и увольнялся, и тут же (в марте, августе и декабре 1937 г.) восстанавливался. С 1 сентября 1938 г. С. З. Каценбоген был назначен штатным профессором по кафедре социально-экономических наук, затем — и. о. заведующего учебной частью института, а в январе 1940 г. — впервые в истории института — заместителем директора по НИР (уже в марте эта ставка была упразднена по финансовым соображениям)³⁹.

В 1936–1946 гг. он преподавал в Уральском государственном университете. В 1943 г. организовал в университете кафедру философии, которой заведовал вплоть до самой смерти. Сферой его научных интересов в это время было творчество Б. Спинозы. Его продолжала вдохновлять идея Спинозы о единстве материального и идеального⁴⁰. Противоречие между материей и духом было снято теорией энергетизма, но для того, чтобы утверждать это в советской России, вопреки тому, что было написано в философской работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», громившей Э. Маха и А. Богданова, нужно было иметь смелость⁴¹.

Несколько штрихов к портрету С. З. Каценбогена могут добавить воспоминания его бывших студентов. «На лекции Каценбогена прихо-

дили студенты и с других курсов и факультетов, как на оригинальные лекции большого ученого. В жизни он был рассеянным, как и многие ученые. По рассеянности, по-видимому, приходил как-то на лекцию в женской кофте. А покупая булку хлеба, отдавал сторублевую ассигнацию, сдачи с которой ему посылали через кого-нибудь из студентов. Специализировался у него Леня Коган, ставший скоро кандидатом, а затем доктором философских наук...». В тех же воспоминаниях описано прощание с Соломоном Захаровичем Каценбогеном, скончавшемся перед началом очередного учебного года. Прощание проходило 1 сентября 1946 г. Гроб с телом профессора был установлен в библиотеке университета, где постоянно стоял почетный караул из преподавателей и студентов⁴².

Резюмируя, можно сказать, что С. З. Каценбоген был типичным представителем новой, советской еврейской гуманитарной интеллигенции. На протяжении всей своей сознательной жизни он был в первых рядах тех, кто пытался перестроить представления о мире на основе научного подхода, и сам этот мир — на основе представлений о социальной справедливости. Его судьба была нелегкой, но, по счастью, ему удалось избежать горькой участи многих его коллег по цеху.

Примечания

¹ Открыт в Киеве в 1908 г. на базе Высших коммерческих курсов по инициативе М. В. Довнар-Запольского). В 1912 г. институт получил права высшего учебного заведения. При институте имелись два отдела — коммерческое и экономическое, лаборатории, музей товароведения, библиотека.

² *Каценбоген С. З.* Крестьянские войны в Германии. Киев, 1912.

³ Это было частное учебное заведение. Никаких ограничений при приеме (как в императорских университетах) по сословному, национальному, половому или религиозному признакам не существовало, поэтому сюда устремилась демократическая молодежь, в значительной мере — из черты еврейской оседлости. Университет действовал на принципах полной автономии; студенты могли создавать общественные организации — землячества, кассы взаимопомощи и научные общества. 2 года студенты обучались на основном отделении, затем проходили специализацию по факультетам. Деканом юридического ф-та до 1916 г. был М. М. Ковалевский, затем — Д. М. Дриль — специалист в области уголовного права, считавший, что основным способом борьбы с преступностью должны стать меры общественного оздоровления. Д. М. Дриль был одним из учредителей Совета Общества народных университетов, основанного петербургскими учеными в 1906 г. В Психоневрологическом институте преподавал и один из основателей русской социологии Е. В. Де-Роберти.

⁴ Д. Ф. Жилунович (1887–1937) в мае 1913 г. начал работать на заводе «Вулкан», затем перешел на «Айваз». Был членом рабочего культурно-просветительского товарищества «Знание», вел в Петрограде пропагандистскую и организационную работу среди беженцев-белорусов. В 1912–1913 гг. газета «Правда» разместила несколько стихотворений и очерк Жилуновича о работе кожевников под псевдонимом Тишка Гартный. После Октябрьской революции 1917 г. стал секретарем Белорусского национального комиссариата.

та (Белнацкома) в составе Наркомнаца, членом белорусской секции РКП(б), редактором газеты «Дзянніца». Вел борьбу за создание Белорусской Республики против В. Кнорина и А. Мясникова, не признававших белорусов самостоятельной нацией, в чем нашел поддержку у В. И. Ленина и И. В. Сталина. В 1920-е гг. известен как пролетарский поэт и активный деятель советской белорусской культуры.

⁵ На фото — 5 человек: жених с невестой, родители невесты и еще двое мужчин. Надпись, сделанная родственниками: «В первом ряду сидят: в центре — мать и отец невесты — Ревекка Иосифовна и Зиновий (Зимель) Абрамович Каценбоген; крайний слева — отец Ревекки — Иосиф; крайний справа — скорее всего, отец Зиновия и дед Соломона Захаровича — Абрам Каценбоген». Из этого следует что Соломон Каценбоген был женат на своей двоюродной сестре. Их общий дед — Абрам Каценбоген. То есть, отец невесты — Зиновий Абрамович Каценбоген — приходился дядей Соломону Захаровичу Каценбогену // Документы из семейных архивов родственников С. З. Каценбогена. [Электронный ресурс]. URL: <http://sociologia-by.livejournal.com/92162.html> (дата обращения: 18.02.18).

⁶ В состав новообразованной республики вошли Витебская, Гродненская, Могилёвская, Минская и Смоленская губернии. 8 января 1919 г. правительство ССРБ переехало из Смоленска в Минск. 2 февраля 1919 г. в Минске собрался I Всебелорусский съезд Советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов, принявший Конституцию ССРБ.

⁷ В феврале 1919 г., когда польская армия начала наступление, правительство ЛитБел эвакуировалось из Вильно в Минск. 19 июля оно передало все дела Минскому губернскому РВК, но после 40 дней обороны 8 августа 1919 г. польскими войсками был занят и Минск. Польские власти формально согласились признать существование независимой БНР. 11 июля Красная Армия освободила Минск, а к августу была освобождена вся территория Беларуси и Литвы, и военные действия были перенесены в Польшу. 12 июля 1920 г. в Москве без участия белорусских представителей был подписан договор между РСФСР и Литвой, которым признавалась независимость Литвы в этнографических границах. ЦК РКП(б) создал Минский Губревком под руководством А. Червякова.

⁸ Изображение вокруг текста адреса — рисунки от руки: два ангела по краям, внизу справа — рабочий с лопатой, слева — крестьянин с серпом. Сверху — серп и молот на фоне солнца. Между ангелами — связывающая их красная лента с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Рис. сотр. Нарком[со]беса З. Шмулер»). См.: Документы из семейных архивов родственников С. З. Каценбогена.

⁹ НАРБ. Ф. 42 (Наркомпрос БССР). Оп. 1 Д. 212 (Протоколы заседаний коллегии Наркомпроса БССР).

¹⁰ После этого в БССР развернулась кампания по борьбе с хедерами. Неисполнение распоряжения о закрытии хедеров вело к судебной ответственности. Вопрос о закрытии хедеров неоднократно рассматривался на заседаниях Комитета Евбюро Наркомпроса БССР. Эти меры вызвали недовольство и протест у еврейского населения. Коллегия Наркомпроса БССР была вынуждена принять 21.09.1922 специальное постановление «О религиозных праздниках». В соответствии с этим постановлением отделам народного образования разрешалось во время религиозных праздников, по особому разрешению Наркомпроса, освобождать учащихся от занятий в школе.

¹¹ О судьбе других руководителей Наркомпроса: Гершон Иосиф Хаимович (1900 г. рожд., Бобруйск), зам. наркома просвещения БССР, был расстрелян в 1937 г. по обвинению в а/с террористической и шпионской деятельности Военной коллегией Верховного суда СССР; Степан Михайлович Некрашевич (1883 г. рожд., Гомельская обл.), зав. Литературно-издательским отделом Наркомпросбела в 1920 г., председатель Инбелкульты в 1922–1925 гг., с 1928 г. — председатель Главнауки при Наркомпросе БССР, вице-президент Белорусской АН, был расстрелян в 1937 г.

¹² Минск. История и современность. [Электронный ресурс]. URL: <https://minsk1067.livejournal.com/97096.html> (дата обращения: 21.02.18).

- ¹³ Заместителем декана был другой философ-марксист, преподаватель исторического материализма С. Я. Вольфсон.
- ¹⁴ На открытии БГУ в 1921 г. секретарь Евсекции произнес приветственную речь на идише. В конце 1921 г. было создано еврейское отделение педфакультета. См.: М. Акулич об идише в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://belisrael.info/?p=11908> URL: <http://belisrael.info/?p=11908> (дата обращения: 21.02.18).
- ¹⁵ Белорусский государственный университет в 1922–23 учебном году. Итоги и перспективы / сост. С. З. Каценбоген. Минск : 1-я Гостиногофия «Белтрестпечати», 1923. С. 234–235.
- ¹⁶ «Проблема большевизма в западноевропейской литературе», «Бланкизм», «Плеханов в борьбе с оппортунизмом», а также: «Археология и этнография в изучении доистории человечества», «Огонь, способы его добывания и связанные с ним религиозные верования и переживания», «История развития жилищ» и др.
- ¹⁷ *Каценбоген С. З.* Первобытный человек. Опыт социологического романа Ренэ Марана «Батуала» : Доклад, читанный в историко-социологической секции Научного о-ва при БГУ 11 февраля 1923 г. Минск : Белтрестпечать, 1923. 50 с.; *Его же.* Спорные вопросы генеомии. Сложная форма брака у народа Арусси-Галласов в Абиссинии // Труды БГУ. 1923. № 4–5. С. 305–307; *Его же.* Диалектический материализм и механистическое мировоззрение // Труды БГУ. 1925. № 1.
- ¹⁸ *Каценбоген С. З.* Ленин. 1 мая и международное рабочее движение. Минск : Агитпроп Белорус. бюро Ц.К. Р.К.П.(б.), 1924. 30 с. А также: «Основные этапы истории революционного студенчества» и др.
- ¹⁹ *Кунов Г.* Очерки по истории первобытной культуры. В 3-х ч. / пер. с нем., ред. и предисловие С. З. Каценбогена. Минск : «Белтрестпечать», 1923–24.
- ²⁰ *Каценбоген С. З.* Марксистская социология. Курс лекций, читанных в 1924/25 гг. на Педагогическом факультете Б.Г.У. проф. С. З. Каценбогиным. Минск : Изд. Профкома Рабпрое Б.Г.У., 1925 (машинопись).
- ²¹ Там же. С. 4.
- ²² Там же. С. 1.
- ²³ Например: «диалектическое мировоззрение есть мировоззрение *пролетарское*, т. к. пролетариат является классом, выдвинутым историей *вперед*, и по сущности своего социального положения должен быть близок именно к этому мировоззрению, отражающему истинную природу вещей; материалистический диалектический метод в объяснении общественных явлений и есть социология». См.: *Каценбоген С. З.* Марксистская социология... С. 4.
- ²⁴ Белорусский государственный университет в 1922–23 учебном году. Итоги и перспективы... С. 241.
- ²⁵ *Каценбоген С. З.* К вопросу о проблеме закономерности исторического процесса. Минск, 1925; Что такое марксизм: (Философские и социологические основания) / сост. С. З. Каценбоген. Минск : Белгосиздат, 1925. 156 с.
- ²⁶ Славный Саратовский университет, основанный в 1909 г., был открыт как Императорский Николаевский университет, благодаря поддержке П. А. Столыпина, который был саратовским губернатором в 1903–1906 гг. В момент открытия Саратовского университета в его составе был один факультет — медицинский, затем был создан агрономический. В 1917 г. были организованы физико-математический, юридический и историко-филологический факультеты. Деканом историко-филологического факультета был С. Л. Франк, на агрономическом факультете некоторое время работал Н. И. Вавилов.
- ²⁷ *Каценбоген С. З.* Марксизм и социология. Саратов : Правление Саратовского Госуниверситета, 1926. [2], 51 с.
- ²⁸ *Каценбоген С. З.* Философские воззрения Н. Г. Чернышевского. Саратов : Тип № 2 «Сарполиграфпрома», 1928. 40 с.; *Его же.* К 100-летию со дня рождения Н. Г. Чернышев-

- ского // Нижневолжская краевая комиссия по празднованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928. С. I–IV; Николай Гаврилович Чернышевский. Незданные тексты, материалы и статьи / Под общ. ред. [и с предисл.] проф. С. З. Каценбогена. Саратов : тип. № 2 Сарполиграфпрома, 1928. 429, [1], VI с., [5] вклад. л. портр., факс.; *Каценбоген С. З.* Программа по диалектическому материализму. Саратов : Тип. № 2 Н. В. Крайполиграфтреста, 1930. 20 с.; См.: *Аникин Л. С.* С. З. Каценбоген и развитие социологии в Саратове // Российское общество в зеркале социологии : Сб. науч. трудов / Под ред. проф. Г. В. Дыльнова. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2007.
- ²⁹ *Эткинд А. М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/905/905013.htm> (дата обращения: 12.02.18).
- ³⁰ В апреле 1928 г. начала работать Комиссия по планированию исследовательской работы по педологии в РСФСР при Главнауке Наркомпроса; ее председателем был назначен один из лидеров советской педологии А. Б. Залкинд. В том же году начал выходить журнал «Педология» под его редакцией.
- ³¹ Это было одобрено АППО ЦК ВКП(б). В 1929 г. А. Б. Залкинд писал: «Творческим рупором, передающим заказ революции к педологии, является Научно-педагогическая секция ГУС Наркомпроса».
- ³² Цит. по: *Эткинд А. М.* Указ. соч. С. 21.
- ³³ Музей РГПУ имени А. И. Герцена. ЛФ К-13 (С. З. Каценбоген). П264.
- ³⁴ Его директором был назначен В. Н. Попов, исполнявший обязанности ректора ЛГПИ до Б. А. Фингерта.
- ³⁵ Заведующим отделением исторического материализма был назначен И. Т. Виноградов, отделением народов Севера — этнограф-тунгусовед, преподаватель эвенкийского языка Г. М. Василевич, Деткомдвижения — руководитель Дома учебы пионервожатых Михаил Семенович Гершкович, Педологическим — Генрих Ионович Левин, Педагогическим — Мирра Абрамовна Левина, Рабфаком — В. З. Димант.
- ³⁶ О педологических извращениях в системе Наркомпросов. Постановление ЦК ВКП(б) от 4.07.1936. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 12.02.18).
- ³⁷ Уральский государственный педагогический институт. Ч. IV. Глава I. Директор — С. З. Каценбоген. С. 33–34. [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/46704354-Chast-i-sentyabr-1930-goda-fevral-1931-goda-noyabr-1931-goda-avgust-1933-goda-uralskiy-industrialnopedagogicheskij-s-25-avgusta-1930-goda.html> (дата обращения: 19.02.18).
- ³⁸ *Попов М. В., Суворов М. В.* Подготовка учительских кадров в Свердловске во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. // Педагогическое образование в России. 2014. № 7. С. 158. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-uchitel-skih-kadrov-v-sverdlovsk-vo-vtoroy-polovine-1930-h-nachale-1940-h-gg> (дата обращения: 12.02.18).
- ³⁹ Уральский государственный педагогический институт... С. 35.
- ⁴⁰ Об этом он писал еще в 1924 г.: «Субстанция сама материальна, и в то же время духовна. Дух, мышление и протяженность — материя, тело — тождественны. Они — лишь различные проявления одного монистического начала... Материя и дух — суть различные проявления одной и той же вещи». См.: *Каценбоген С. З.* Марксистская социология... Ч. 2. С. 115.
- ⁴¹ Любопытно, что отношение Каценбогена к Богданову совпадает со взглядами Б. Борохова — основателя ЕСДРП (Поалей-Цион), который также был приверженцем идей А. А. Богданова. См.: *Латина И. А.* Бер Борохов и Александр Богданов: пролетарский сионизм и программа пролетарской культуры // Материалы XV Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Акад. серия. Вып. 23. М. : б. и., 2008. Ч. 1. С. 194–211.

⁴² Фамильный сайт. История рода Гриценко. Исторические события рода. Части 30–31 (В Уральском университете). [Электронный ресурс]. URL: <http://istoriyaroda.ru/semeynyiy-letopisets/istoricheskie-sobyitiya-roda-chast-31> (дата обращения: 12.02.18).

УДК 930:001-05

В. В. Левченко

(г. Одесса, Украина)

Коллизии Саула Борового при получении научных званий и степеней

Саул Израиль-Янкелевич Боровой (1903–1989) — известная незаурядная личность в истории исторической науки и в целом в истории евреев СССР, чему можно найти немало подтверждений в его интеллектуальном наследии¹. Его исключительность и феноменальность проявлялись во многих аспектах жизни, но в первую очередь на научном поприще. Он писал в своих воспоминаниях: «...был единственным на Украине человеком, который до Великой Отечественной войны получил ученую степень по книговедению», «...я долгое время был самым молодым в СССР доктором исторических наук...»². Иногда свои достижения он описывал с преувеличением, как, например, после получения в 1938 г. ученой степени кандидата наук: «...был первым в Одессе кандидатом исторических наук...»³. Хотя на самом деле задолго до него, еще в 1935 г., степень кандидата исторических наук без защиты диссертаций получили декан исторического факультета Одесского государственного университета И. Д. Сероглазов⁴ и заведующий кафедрой истории Украины того же университета И. И. Погорельий⁵. К своеобразным достижениям С. И.-Я. Борового следует добавить, что в своем роде он являлся рекордсменом в СССР по наличию количества полученных ученых званий и степеней — пять. Если еще учесть, что это ему удалось сделать за довольно непродолжительный период времени — за десять лет, в период с 1930 по 1940 гг., то в плане частоты получения двух ученых степеней и трех ученых званий на протяжении десяти лет это также является своеобразным рекордом.

В научной литературе имеются упоминания справочно-констатирующего плана о получении С. И.-Я. Боровым научных степеней и

званий⁶, но не всех и при том со значительными неточностями. Например, в одном из энциклопедических изданий указывается, что диссертацию «Наукова бібліотека в сучасних умовах» он защитил на степень кандидата педагогических наук⁷, хотя ознакомление с архивными материалами дает возможность утверждать о двух ошибках в этой статье — в указании названия работы и ученой степени.

В этой связи целью данного исследования является реконструкция исторических событий, которые отражают получение С. И.-Я. Боровым ученых степеней и званий, выявление их точных формулировок, общего количества, специальностей, указывающих на сферу деятельности, и исторического фона, в условиях которого состоялось вхождение ученого в научное пространство СССР.

Первым испытанием для С. И.-Я. Борового в прохождении ступеней действующей в УССР во второй половине 1920-х гг. научной иерархии стала защита промоционной работы (в оригинале — «промоційна робота», перевод мой — В. Л.) по окончании аспирантуры в Научно-исследовательской комиссии Одесской центральной научной библиотеки (руководитель С. Л. Рубинштейн, психолог и философ, в будущем член-корреспондент АН СССР, действительный член АПН РСФСР). 27 февраля 1930 г. С. И.-Я. Боровой защитил промоционную работу на тему «Активизация методов современной научной библиотеки» (в оригинале — «Активізація методів сучасної наукової бібліотеки», перевод мой — В. Л.) на получение должности научного сотрудника по специальностям библиотековедение, библиография и книговедение⁸. Следовательно, упоминание С. И.-Я. Боровым в своих воспоминаниях о получении ученой степени по книговедению⁹, равно как и современными исследователями его биографии о защите диссертации на степень кандидата педагогических наук¹⁰ или получении ученой степени в области библиотечного дела¹¹, является неточным. Дело в том, что в период второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. в УССР были предусмотрены только два вида публичных защит научных работ — докторской диссертации и промоционной работы. Защита промоционной работы происходила по сценарию, очень похожему на сценарий защиты докторской диссертации (равно как и современных кандидатских и докторских диссертаций), а ее целью являлось установление определенного квалификационного уровня соискателя. Результатом этих защит являлся перевод аспирантов научно-исследовательских учреждений в категорию научных сотрудников этих же учреждений. Таким образом, те, кто удачно прошел процедуру защиты промоционной работы, получали не ученую (докторскую) степень,

а научную должность, что подтверждалось соответствующим постановлением Укрнауки¹² (Главного управления научными учреждениями НКП УССР). Не исключением стала и защита С. И.-Я. Борового, но, несмотря на успешное прохождение аспирантского стажа и защиту соответствующей квалификационной работы, в дальнейшем не все у него складывалось гладко с утверждением в этом звании. На протяжении почти полугода его документы на утверждение в должности научного сотрудника находились на рассмотрении в Научно-исследовательском секторе НКП. В августе 1930 г. руководство этого сектора вернуло уполномоченному Укрнауки в Одессе Т. М. Внукову¹³ дело С. И.-Я. Борового с просьбой «...рассмотреть это дело и дать свои выводы /выписка из постановления/ о пользе в научной работе этого работника и о необходимости утверждения его научным сотрудником»¹⁴ (в оригинале текст написан на украинском языке, перевод мой — В. Л.). На сегодня нам не удалось обнаружить документ с ответом уполномоченного Укрнауки в Одессе Т. М. Внукова на просьбу харьковского руководства, но позволим себе предположить, что скорее всего он был положительным, потому что С. И.-Я. Боровой успешно продолжил свою научную деятельность, опубликовал текст защищенной работы в двух номерах журнала «Бібліологічні вісті»¹⁵, а затем и отдельным изданием¹⁶.

Следующие процедуры по прохождению научной гратификации коснулись С. И.-Я. Борового в период с октября 1934 г. по июнь 1938 г., что было связано с его поступлением 6 октября 1934 г. на работу в ОКЭИ. В соответствии с общегосударственной программой в планы работы всех вузов, согласно постановлению СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» от 13 января 1934 г., вносились задачи подготовки кандидатов и докторов наук. Данное постановление было первым документом подобного рода в СССР. Оно вводило две ученые степени — кандидата и доктора наук, ученые звания для вузов — ассистент, доцент, профессор, и научно-исследовательских учреждений — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник и действительный член. Ученые степени определяли научную квалификацию по специальности, объему знаний, степени самостоятельности научной работы и научному значению. Ученые звания предусматривали должностную научную функцию (педагогическую или научно-исследовательскую). Определялись функции ВАК, которая присваивала степень доктора наук и ученое звание профессора. Научную степень кандидата наук и ученое звание доцента присуждали Совет (квалификационные комиссии) вуза или научно-исследовательского

учреждения (ВАК в таком случае рассматривала только апелляции на решения Совета)¹⁷.

Не прошло и недели его работы на новом месте, как уже 11 октября 1934 г., согласно требованиям государственной кампании, на заседании кафедры политэкономии ОКЭИ коллеги С. И.-Я. Борового рассматривали вопрос об утверждении его квалификации. Проанализировав список его научных работ и рецензий, кафедра постановила рекомендовать Ученому совету вуза утверждение молодого ученого в звании профессора кафедры истории народов¹⁸. Научный совет ОКЭИ в свою очередь 23 декабря 1934 г. в целом поддержал решение кафедры с одним уточнением: «Несмотря на небольшой предтаж т. Борового в общем, и в частности в Институте, — считать возможным возбудить ходатайство с представлением ему звания временно исполняющего должность профессора, с предоставлением срока для сдачи докторской работы»¹⁹. В результате всех перипетий постановлением квалификационной комиссии Правления Госбанка, в ведомство которого входил ОКЭИ, в 1935 г. С. И.-Я. Боровой был утвержден в звании доцента²⁰. Но при этом оставался без ученой степени, что опровергает его утверждение об автоматическом зачете защищенной в 1930 г. промоционной работы как кандидатской диссертации²¹. В соответствии с новыми правилами для получения степени кандидата наук надо было успешно закончить аспирантуру и публично защитить диссертацию.

Подтверждением факта отсутствия у С. И.-Я. Борового по состоянию на 1935 г. ученой степени является и то, что 8 августа 1935 г. руководство ОКЭИ подало в ВАК представление о его утверждении в ученом звании профессора по кафедре «История народного хозяйства» и в ученой степени кандидата исторических наук. Экспертная комиссия ВАК под председательством профессора А. Д. Удальцова приняла следующее решение: «Учитывая наличие у Борового С. Я. научно-исследовательских работ в области истории народов СССР, в своей совокупности равноценных кандидатской диссертации, — Комиссия рекомендует утвердить Борового С. Я. в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации. Что же касается утверждения Борового С. Я. в ученом звании профессора, то комиссия не находит данных к его утверждению»²². Но утверждение в ученой степени кандидата исторических наук не состоялось. Скорее всего, учитывая профиль ОКЭИ, его руководство решило, что лучше квалифицировать своих сотрудников по специальности экономических наук. Поэтому 16 октября 1935 г. Ученый Совет ОКЭИ вынес постановление

о достаточности оснований для утверждения С. И.-Я. Борового в ученой степени кандидата экономических наук без защиты диссертации²³ вместе с четырьмя его коллегами (В. М. Глезиным, А. С. Грангольцем, Г. А. Прокоповичем и М. П. Шмульяном)²⁴. На заседании Квалификационной комиссии при Отделе подготовки кадров Правления Госбанка 28 ноября 1935 г. данное ходатайство было поддержано в отношении С. И.-Я. Борового и двух его коллег (ввиду непредставления работ, носящих характер диссертаций, В. М. Глезину и А. С. Грангольцу было отказано в поддержке ходатайства)²⁵. В тот же день — 28 ноября 1935 г. — прошение подобного содержания было отправлено в ВАК при Всесоюзном Комитете по высшему техническому образованию²⁶. Документальных подтверждений решения этого вопроса на сегодня не установлено, но согласно имеющимся архивным материалам можем констатировать, что он положительно решен не был. Следовательно, по состоянию на 1935 г. С. И.-Я. Боровой оставался без ученой степени кандидата наук.

Каковы были причины для принятия подобного решения, сегодня ответить сложно. То ли на принятие положительного решения повлияло замечание дирекции ОКЭИ в представлении от 8 августа 1935 г. о том, «...что брат Борового находится в эмиграции»²⁷, то ли общая ситуация в стране с последующим проведением политических репрессий. Но фактом является то, что в 1935 г. С. И.-Я. Боровой ученую степень кандидата наук не получил.

Практически через два с половиной года вопрос о получении С. И.-Я. Боровым квалификационной степени был поднят на рассмотрение 16 марта 1938 г., когда дирекция ОКЭИ подтвердила представление вуза от 8 августа 1935 г.²⁸ И чуть более чем через три месяца — 17 июня 1938 г. — ВАК постановила: «Отклонить ходатайство об утверждении Борового Саула Яковлевича в ученом звании профессора по кафедре «История народного хозяйства» за отсутствием научных работ, соответствующих диссертации на ученую степень доктора наук. Утвердить Борового Саула Яковлевича в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации»²⁹. Таким образом, только практически через четыре года после начала работы в ОКЭИ он получил степень кандидата наук, и при этом не экономических, а исторических.

Однако подобное положение дел не удовлетворяло амбиции С. И.-Я. Борового, он был огорчен получением степени кандидата наук. Молодой ученый был уверен, что его опубликованные научные труды давали ему «...право на докторство»³⁰. И он предпринял шаги к

достижению поставленной цели. Согласно нормативно-правовым актам того времени, для получения степени доктора наук ему необходимо было иметь ученую степень кандидата наук и публично защитить диссертацию. Имея в наличии ученую степень, ему оставалось провести публичную защиту диссертации, для чего необходимо было определить, в Ученом Совете какого научного учреждения или учебного заведения пройти данную процедуру. Учитывая дополнительное постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» от 20 марта 1937 г., защиту докторских диссертаций в области исторических наук теперь могли рассматривать еще и в Институте истории АН СССР³¹, с директором которого Б. Д. Грековым С. И.-Я. Боровой был в хороших отношениях³², он принял решение защищать диссертацию в этом учреждении.

9 января 1940 г. С. И.-Я. Боровой оформил развернутую автобиографию для подачи в ВАК³³ и 25 июня 1940 г., хотя в воспоминаниях ученый указывает начало января 1940 г.³⁴, в Ученом Совете Института истории АН СССР состоялась защита его диссертации на степень доктора исторических наук на тему «Очерки по истории евреев на Украине в XVII–XVIII вв.» (официальные оппоненты член-корреспондент АН СССР В. И. Пичета, профессора Т. Б. Гейликман и А. А. Савич)³⁵. Узнав об этом событии, коллеги С. И.-Я. Борового инициируют приращение ему ученого звания профессора по курсу «История народного хозяйства», о чем было принято единогласное решение (19 голосов из общих 19) на заседании Совета ОКЭИ 4 июля 1940 г.³⁶

Но самые важные события в научной биографии С. И.-Я. Борового произошли в октябре месяце того же года, когда несмотря на обвинения в его адрес об использовании им «буржуазных» и «националистических» подходов в изучении истории, состоялось его утверждение в ученой степени доктора наук и ученом звании профессора. Сначала 7 октября 1940 г. Экспертная комиссия ВАК по истории под председательством профессора, доктора исторических наук, уроженца Одессы Н. Л. Рубинштейна, в составе членов комиссии члена-корреспондента АН СССР И. И. Минца, профессора А. Д. Удальцова и доцента Кагоут постановила: «Ввиду того, что работы тов. Борового получили обстоятельную и положительную оценку как со стороны специалистов Белоруссии и Украины проф. Пичета и проф. Савича, так и со стороны специалистов по истории еврейства проф. Гейликмана и проф. Нусинова о том, что работа по истории евреев в СССР и представляет серьезное научное значение и принимая далее во внимание, что подавшие заявления в ВАК т.т. Добрушин, Галкин и Гринерг вопреки своему за-

явлению имели возможность дважды ознакомиться с текстом диссертации и выступали оппонентами при защите и их выступления были учтены ученым Советом института истории АН СССР, просить ВАК утвердить тов. Борового доктором исторических наук и профессором по кафедре истории СССР»³⁷. А уже 26 октября 1940 г. на заседании ВАК было принято решение об утверждении С. И.-Я. Борового в ученой степени доктора исторических наук на основании защиты диссертации и в ученом звании профессора по кафедре «Политэкономия»³⁸. Таким образом, С. И.-Я. Боровой достиг поставленной цели, получив наивысшие в науке ученую степень и ученое звание для преподавателя высшей школы.

Изучив документальные материалы, хранящиеся в архивохранилищах Одессы и Москвы, нам удалось установить фактологические данные о количестве, точной формулировке и коллизиях, происшедших с С. И.-Я. Боровым при получении ученых степеней и званий. В результате проведенного исследования можем представить полный датированный реестр полученных им ученых степеней и званий: 1930 г. — ученое звание научный сотрудник, 1935 г. — ученое звание доцент, 17 июня 1938 г. — ученая степень кандидата исторических наук, 26 октября 1940 г. — ученая степень доктора исторических наук и ученое звание профессора. Сопоставив даты архивных материалов с датами, представленными в воспоминаниях С. И.-Я. Борового, констатируем, что, несмотря на важность материалов личного происхождения (воспоминания, мемуары и т. п.) как ценного исторического источника, при проведении научного исследования необходимо проверять и уточнять представленные в них фактологические данные, которые являются важной составляющей исторических событий и влияют на их содержание и значение.

Примечания

¹ См.: Боровой С. Воспоминания. М. ; Иерусалим : Евр. ун-т в Москве, 1993. 384 с.

² Там же. С. 134, 216.

³ Там же. С. 203.

⁴ Петровський Е. Кадрова ситуація на історичному факультеті Одеського державного університету в 1930-х роках // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць. Київ : Інститут історії України НАН України, 2004. Вип. 13. С. 262.

⁵ Петровський Е. Іван Іванович Погорілий (1899–1937): трагічна доля керівника кафедри історії України Одеського університету // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць. Київ : Інститут історії України НАН України, 2004. Вип. 12. С. 383.

⁶ Музичко О. Є. Боровой Саул Якович. 1903–1989 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Т. 1 (початок ХІХ – середина ХХ ст.). Одеса : Друкарський дім, 2009. С. 68;

- Андрєєв В. М., Чермошенцева Н. М.* Саул Боровий: єврейський вектор історії України. Херсон ; Нікополь : СПД Фельдман О. О., 2010. С. 42, 49, 52 і др.
- ⁷ *Музичко О. С.* Указ. соч. С. 68.
- ⁸ Протокол № 32 прилюдного засідання Науково-дослідчої комісії Центральної наукової бібліотеки м. Одеси 27 лютого 1930 р. // ГАОО. Ф. Р-39 (Архівні матеріали колишнього уповноваженого Укрголовнауки в Одесі). Оп. 1. Д. 80 (Операційний план ОЦНБ за 28–29 рр. Видавничий план ЦНБ, звіт. Протоколи засідань, захист аспірантами бібліотеки промови них робіт). Л. 80, 82.
- ⁹ *Боровой С.* Воспоминания. С. 134.
- ¹⁰ *Музичко О. С.* Указ. соч. С. 68.
- ¹¹ *Андрєєв В. М., Чермошенцева Н. М.* Указ. соч. С. 42.
- ¹² См.: *Юркова О.* Наукова атестація істориків в Україні: нормативна база та особливості захисту дисертацій (друга половина 1920-х – 1941 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць. 2010. Вип. 19. С. 131–132.
- ¹³ Внуков Тихон Митрофанович (1890–1937) родився в Курской губернии, член РКП(б) с 1919 г., незаконченное высшее образование. В 1921–1926 гг. на разных должностях (заместитель заведующего, заведующий) в Одесском губернском комитете профессионально-технического и специально-научного образования. Ректор Одесского института народного образования (29 марта 1926 – 8 июня 1930). Арестован 26 июня 1937 г. 23 сентября 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания (расстрелян 24 сентября 1937 г.). Реабилитирован 9 июля 1957 г.
- ¹⁴ Протокол № 32 прилюдного засідання Науково-дослідчої комісії Центральної наукової бібліотеки м. Одеси 27 лютого 1930 р. // ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 80. Л. 79.
- ¹⁵ *Боровий С.* Наукова бібліотека в сучасних умовах // Бібліологічні вісті. 1930. № 1 (22). С. 58–90; № 2 (23). С. 29–56.
- ¹⁶ *Боровий С.* Наукова бібліотека в сучасних умовах. Київ : б. и., 1930. 67 с.
- ¹⁷ Постановление СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1934. № 3. С. 56–59.
- ¹⁸ Выписка из протокола № 21 заседания кафедры политэкономии Кредитно-экономического института 11/Х–34 г. // ГАРФ. Ф. Р9506 (Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Совете Министров СССР). Оп. 70 (Исторические науки. 1939–1981). Д. 121 (Боровой Саул Яковлевич. 17.07.1938–21.04.1954). Л. 34.
- ¹⁹ Выписка из протокола заседания совещания ОКЭИ от 23.12.1934 г. // Там же. Л. 33.
- ²⁰ Представление ОКЭИ от 8/8–35 г.) // Там же. Л. 28; Постановление ОКЭИ от 16/Х–35 г.) // Там же. Л. 32.
- ²¹ *Боровой С.* Воспоминания. С. 134.
- ²² Решение экспертной комиссии по истории под председательством проф. А. Д. Удальцова // ГАРФ. Ф. Р9506. Оп. 70. Д. 121. Л. 28.
- ²³ Постановление Одесского кредитно-экономического института от 16/Х–35 г. // Там же. Л. 32.
- ²⁴ Протокол № 10 заседания Квалификационной комиссии при Отделе подготовки кадров Правления Госбанка от 28.11–1935 г. // Там же. Л. 31.
- ²⁵ Там же. Л. 31.
- ²⁶ Прошение Отдела педагогических кадров Государственного банка СССР от 28/11–1935 г. // Там же. Л. 30.
- ²⁷ Решение экспертной комиссии по истории под председательством проф. А. Д. Удальцова. Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Выписка из протокола ВАК № 27/78 от 17 июня 1938 г. // Там же. Л. 27.
- ³⁰ *Боровой С.* Воспоминания. С. 203.

- ³¹ Збірник законів та розпоряджень Робітничо-селянського уряду СРСР. 1938. № 21. Ст. 134. С. 302–306.
- ³² Боровой С. Воспоминания. С. 204.
- ³³ Автобиография // ГАРФ. Ф. Р9506. Оп. 70. Д. 121. Л. 21.
- ³⁴ Боровой С. Воспоминания. С. 211.
- ³⁵ Об утверждении в ученой степени доктора исторических наук на основании защиты диссертации и в ученом звании профессора по кафедре «Политэкономия» // ГАРФ. Ф. Р9506. Оп. 70. Д. 121. Л. 10–11.
- ³⁶ Протокол счетной комиссии, избранной на заседании Совета ОКЭИ для подсчета голосов по вопросу о присуждении звания профессора тов. Боровому от 4-го июля 1940 г. // Там же. Л. 17.
- ³⁷ Об утверждении в ученой степени доктора исторических наук на основании защиты диссертации и в ученом звании профессора по кафедре «Политэкономия» // Там же. Л. 12.
- ³⁸ Выписка из стенограммы заседания ВАК от 26 октября 1940 г. // Там же. Л. 7; Об утверждении в ученой степени доктора исторических наук на основании защиты диссертации и в ученом звании профессора по кафедре «Политэкономия» // Там же. Л. 10.

УДК 94(477)

М. В. Михайлюк
(г. Киев, Украина)

Холокост в Украине: обзор диссертационных исследований

За период независимости в Украине было защищено 23 диссертации (19 кандидатских и 4 докторские), которые так или иначе связаны с проблематикой Холокоста. Из них специализированных диссертаций по теме Холокоста — 11 (10 кандидатских и 1 докторская). Еще 12 диссертаций (9 кандидатских и 3 докторские) только частично связаны с еврейской проблематикой, которая отражена в отдельных разделах/подразделах работ, в основном, посвященных нацистскому, румынскому и венгерскому режимам в Украине в период 1938–1944 гг.

В настоящее время доступ к диссертациям стал более открытым и публичным по сравнению с предыдущими годами, ибо последние несколько лет в Украине существует практика предварительного (за месяц – несколько недель до защиты) вывешивания на сайтах научных учреждений или крупных университетов авторефератов и диссертаций, поданных в специализированные ученые советы, а также отзывов оппонентов. Это сделано, прежде всего, с целью борьбы с

плагиатом, т. к. данная тенденция имеет место быть. Поэтому каждый желающий получил возможность (при наличии доступа в Интернет) заранее ознакомиться с работами претендентов на научную степень и рецензиями, что делает защиту более прозрачной.

Первыми специализированными диссертационными исследованиями о геноциде евреев стали работы киевских историков: кандидатская А. Подольского (1996)¹ и докторская Ф. Левитаса (1997)², в которых впервые был обобщен и проанализирован весь имеющийся на то время опубликованный материал. Первая работа, в основном, построена на материалах советской и израильской историографии и указывает, что украинских евреев в годы оккупации погибло не меньше 1,4 млн. человек³; вторая частично основана на малоизвестных архивных документах, в которых отображается геноцид и борьба евреев Украины в годы Второй мировой войны.

За этими диссертационными проектами последовали новые кандидатские работы: историка-архивиста Ф. Винокуровой (Винница ; Киев, 2003)⁴; университетских преподавателей А. Гончаренко (Переяслав-Хмельницкий ; Черкассы, 2005)⁵, Н. Сугацкой (Николаев ; Запорожье, 2006)⁶, О. Суровцева (Черновцы, 2006)⁷, Р. Михальчука (Ровно ; Острог, 2014)⁸; молодых исследователей О. Трепкачевой (Днепропетровск, 2010)⁹, Ю. Радченко (Харьков, 2012)¹⁰, Д. Слободинского (Киев, 2015)¹¹ и А. Медведовской (Днепр, 2016)¹².

Диссертации А. Гончаренко, Р. Михальчука и О. Трепкачевой освещают региональный аспект Холокоста в Киевской, Ровенской и Днепропетровской областях. Работа О. Суровцева посвящена депортации буковинских евреев в «Транснистрию». Проекты Ф. Винокуровой и Н. Сугацкой описывают ситуацию в двух оккупационных зонах: немецкой и румынской. Холокост в прифронтовой зоне (Харьковская, Сумская, Черниговская, Луганская, Донецкая области) изучает харьковский историк Ю. Радченко. Он пришел к выводу, что основная масса местного гражданского еврейского населения была уничтожена на протяжении декабря 1941 — весны 1942 гг. Военнопленных евреев-красноармейцев убивали осенью 1941 и летом 1942 гг. Основными методами стали расстрелы и применение газвагенов¹³.

Кандидатская диссертация Д. Слободинского посвящена проблематике спасения евреев украинцами в годы Холокоста. Историк утверждает, что помощь евреям оказывали представители всех слоев населения и независимо от регионов Украины, в т. ч. священнослужители разных конфессий (А. Глаголев, братья Шептицкие, О. Ковч), семьи украинских националистов (Т. Бульбы-Боровца, Р. Шухевича)¹⁴.

А. Медведовская изучает эволюцию политики памяти о Холокосте как в годы существования советской Украины, так и после провозглашения независимости. Исследовательница считает, что национальный нарратив памяти прошел путь от полного запрета, игнорирования и замалчивания (с конца 1940-х и до конца 1980-х гг.) до публичного и открытого обсуждения проблемы на современном этапе развития общества. Но до сих пор причастность местных коллаборантов, в т. ч. украинских националистов, к антиеврейским акциям в годы войны является «камнем раздора» среди радикальных украинских политических сил и западных интеллектуальных кругов. На данный момент в академической среде сохраняется поляризация взглядов и идет поиск путей выхода из круга сложных исторических проблем¹⁵.

В годы независимости Украины были защищены диссертационные проекты, посвященные нацистскому, румынскому и венгерскому режимам в Украине, в рамках которых тематика антисемитской пропаганды и Холокоста занимает некоторую часть исследования. Это работы М. Михайлюк (2006)¹⁶, А. Новоселова (2008)¹⁷, И. Мазурка (2009)¹⁸, В. Хаджирадовой (2010)¹⁹, А. Петровой (2012)²⁰, И. Тарнавского (2013)²¹, М. Куницкого (2014)²², А. Маевского (2016)²³, Ю. Славика (2016)²⁴, И. Моторной (2016)²⁵, С. Стельниковича (2016)²⁶, С. Иванова (2017)²⁷.

В работах А. Новоселова, В. Хаджирадовой, И. Моторной отображена специфика правовой дискриминации и геноцида евреев в румынских губернаторствах «Буковина», «Бессарабия», «Транснистрия». Исследования И. Мазурка и Ю. Славика посвящены антиеврейской политике венгерской власти в Закарпатье до и после нацистской оккупации региона. Так, Ю. Славик в разделе «Депортации, этнические чистки и трудовое принуждение населения Закарпатья (1939–1944)» отмечает, что в отношении евреев применялась законодательная и бытовая дискриминация. Начиная с мая 1938 г. и до марта 1944 г. Венгрия приняла 22 антисемитских законодательных акта. Летом 1941 г. венгерское правительство выслало в немецкую оккупационную зону Украины евреев без гражданства, которые вскоре были убиты. После нацистской оккупации Закарпатья жертвами политики Холокоста стали 86 тыс. евреев²⁸.

О правовой дискриминации евреев на территории РКУ речь идет в докторской диссертации М. Куницкого (раздел «Социально-правовой статус еврейского населения, бывшей советской номенклатуры и военнопленных в РКУ»). Исследователь отмечает, что особенный правовой статус евреев как расовых врагов Рейха заключался в огра-

ничении прав и свобод, в т. ч. права на жизнь. Евреи проходили через регистрацию и ограбление собственности, ограничение в передвижении, изоляцию в гетто. Они не имели права на образование и религиозные мероприятия, их массово использовали для принудительного труда. Евреев всячески унижали и постоянно придумывали для них суровые дискриминационные правила²⁹.

В докторской диссертации (раздел «Национальная политика оккупантов») С. Стельникович пишет, что уничтожением евреев в Житомирско-Винницком регионе занимались зондеркоманды 4а и 4б, айнцакоманды 5 и 6, которым помогал Вермахт (6-я немецкая армия группы армий «Юг»). Массовые убийства еврейского населения, которые приняли систематический характер, начались в конце лета – осенью 1941 г. На протяжении августа–ноября 1941 г. большая часть евреев была уничтожена. Историк считает, что их быстрая ликвидация связана со строительством ставок и приездом Гитлера, Геринга и Гимmlера, а также организацией немецких колоний Хегевальд и Ферштершадт³⁰.

В кандидатских диссертациях А. Петровой и С. Иванова описывается методы уничтожения еврейского населения в регионах Подолье и Волынь. Так, С. Иванов в подразделе «Холокост на Волыни» утверждает, что основные акции уничтожения евреев провела зондеркоманда 4а, которая действовала по линии Горохов–Луцк–Ровно–Новоград-Волынский. Уничтожение евреев происходило двумя этапами. На первом (август 1941 – январь 1942 гг.) было убито 20 % волыньских евреев. В регионе было создано 35 гетто. С лета 1942 г. начался второй этап ликвидации евреев Волыни. Всего погибло 67 % от общего числа жертв³¹.

Обобщить имеющийся материал о Холокосте в Украине (по состоянию на 2013 г.) попытался И. Тарнавский. В докторской диссертации (подраздел «Геноцид еврейского населения на оккупированных украинских землях, 1941–1944 гг.») историк отмечает, что на территории дистрикта «Галиция» было создано 50 городских гетто. За годы войны в регионе уничтожено 500 тыс. евреев. В РКУ гетто практически не было, если не считать Волыньскую и Ровенскую области. До конца 1942 г. «еврейский вопрос» был решен, погибло около 515 тыс. человек. В зоне военной администрации, по неполным данным, погибло 37,5 тыс. евреев. Румынами было депортировано в «Транснистрию» около 200 тыс. евреев, из которых погибло больше 100 тыс. человек. В Закарпатье венгерская власть массового уничтожения не проводила. Решение «еврейского вопроса» началось после оккупации ре-

гиона войсками Вермахта. Евреев собрали в гетто, потом вывезли в концлагеря. Погибло больше 104 тыс. человек. В общем, Украина не досчиталась 1,9 млн. евреев³². Таким образом, в диссертационных исследованиях общее количество убитых евреев в Украине варьируется от 1,4 до 1,9 млн. человек.

Часть научных проектов М. Михайлюк, А. Гончаренко, Н. Сугацкой, О. Трепкачевой, Ю. Радченка, Р. Михальчука, А. Маевского отображают роль антисемитской пропаганды в оккупированной Украине, которая серьезно влияла на усиление негативного отношения к евреям со стороны местного населения. Работы описывают как общую тенденцию функционирования пропаганды, в частности в РКУ и военной зоне оккупации, так и региональные особенности насаждения образа «еврея-врага», преимущественно через оккупационную прессу в Киевской, Днепропетровской, Николаевской, Харьковской, Ровенской и других областях.

Таким образом, начиная с 1996 г. и поныне почти каждый год защищаются диссертации, в которых тематика антисемитской пропаганды и Холокоста в Украине продолжает занимать ключевую позицию, и интерес молодых ученых к ней растет. Уверена, что эта тенденция будет сохранена, поскольку еще малоизученной остается ситуация в дистрикте «Галиция». Об этом регионе, несмотря на значительное количество публикаций, пока нет ни одного специализированного диссертационного исследования. Ситуация в остальных регионах Украины — в Закарпатье, в РКУ, «Транснистрия» и немецкой военной зоне оккупации — более изучена.

Если говорить о мини-исследованиях в рамках общей темы «Холокост в Украине», то недостаточно разработанными и теоретически осмысленными остаются вопросы, связанные с функционированием гетто и концлагерей, еврейских трудовых лагерей, положением евреев-военнопленных и евреев-партизан, взаимоотношениями евреев с местным населением, составляющим группы национальных меньшинств (фольксдойче, поляков, венгров и т. д.). Слабо изученной темой является отношение украинских националистов (бульбовцев, бандеровцев, мельниковцев) к нацистской политике Холокоста, их роль в процессе уничтожения евреев и многое другое.

Примечания

¹ Подольський А. Нацистський геноцид щодо євреїв України (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.05 / Подольський Анатолій Юхимович; НАН України, Інститут національних відносин і політології. Київ, 1996. 17 с.

- ² *Левітас Ф.* Євреї України в роки Другої світової війни: автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.05 / Левітас Фелікс Львович; НАН України, Інститут національних відносин і політології. Київ, 1997. 21 с.
- ³ *Подольський А.* Вказ. праця. С. 14.
- ⁴ *Винокурова Ф.* Фонди державного архіву Вінницької області як джерело з історії долі євреїв під час німецько-румунської окупації (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 / Винокурова Фаїна Абрамівна; Державний комітет архівів України, Український науково-дослідний ін-т архівної справи та документознавства. Київ, 2003. 19 с.
- ⁵ *Гончаренко О.* Голокост на території Київщини: загальні тенденції та регіональні особливості (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Гончаренко Олексій Миколайович; Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького. Черкаси, 2005. 20 с.
- ⁶ *Сугацька Н.* Геноцид проти єврейського населення Півдня України в роки німецько-румунської окупації (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Сугацька Наталія Василівна; Запорізький національний університет. Запоріжжя, 2006. 20 с.
- ⁷ *Суровцев О.* Голокост у Північній Буковині та Хотинщині в роки Другої світової війни: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Суровцев Олег Андрійович; Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича. Чернівці, 2006. 20 с.
- ⁸ *Михальчук Р.* Голокост на території Рівненщини під час нацистської окупації (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Михальчук Роман Юрійович; Національний університет «Острозька академія». Острог, 2014. 20 с.
- ⁹ *Трепкачова О.* Окупаційний режим та єврейське населення Дніпропетровщини (1941–1943): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Трепкачова Оснат; Дніпропетровський національний університет ім. О. Гончара. Дніпропетровськ, 2010. 20 с.
- ¹⁰ *Радченко Ю.* Нацистський геноцид єврейського населення України на території прифронтової зони (1941–1943): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Радченко Юрій Юрійович; Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна. Харків, 2012. 21 с.
- ¹¹ *Слободинський Д.* Порятунк євреїв українцями у роки Другої світової війни: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Слободинський Дмитро Костянтинович; Київський національний університет ім. Т. Г. Шевченка. Київ, 2015. 17 с.
- ¹² *Медведовська А.* Голокост в Україні в суспільній думці кінця ХХ – початку ХХІ ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Медведовська Анна Федорівна; Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара. Дніпро, 2016. 20 с.
- ¹³ *Радченко Ю.* Вказ. праця. С. 14–15.
- ¹⁴ *Слободинський Д.* Вказ. праця. С. 15.
- ¹⁵ *Медведовська А.* Вказ. праця. С. 16–18.
- ¹⁶ *Михайлюк М.* Агітаційно-пропагандистська діяльність органів німецької окупаційної влади серед населення України (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Михайлюк Марина Володимирівна; Національний університет «Києво-Могилянська академія». Київ, 2006. 20 с.
- ¹⁷ *Новосьолов О.* Політика Румунії щодо українських земель у період диктатури І. Антонеску (1940–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Новосьолов Олександр Васильович; Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича. Чернівці, 2008. 20 с.
- ¹⁸ *Мазурок І.* Правове становище Закарпаття у 1939–1944 рр. (історико-правове дослідження): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мазурок Іван Олегович; Київський національний ун-т ім. Т. Г. Шевченка. Київ, 2009. 17 с.
- ¹⁹ *Хаджирадева В.* Бессарабія напередодні та в роки Другої світової війни: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Хаджирадева Вікторія Панасівна; Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Г. Сковороди. Переяслав-Хмельницький, 2010. 21 с.
- ²⁰ *Петрова А.* Особливості окупаційного режиму на Поділлі (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Петрова Алла Іванівна; Національний педагогічний університет ім. М. Драгоманова. Київ, 2012. 18 с.

- ²¹ *Тарнавський І.* Окупаційна політика нацистської Німеччини та її союзників в Україні в 1941–1944 рр.: автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.01 / Тарнавський Ігор Станіславович; Донецький національний університет. Донецьк, 2013. 37 с.
- ²² *Куницький М.* Соціально-правовий статус місцевого населення райхскомісаріату «Україна» (1941–1944): автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.01 / Куницький Михайло Петрович; Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Г. Сковороди. Переяслав-Хмельницький, 2014. 42 с.
- ²³ *Масвський О.* Плакат і карикатура як засіб ідеологічної боротьби в Україні (1939–1945): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Масвський Олександр Олегович; Інститут історії України НАН України. Київ, 2016. 20 с.
- ²⁴ *Славик Ю.* Репресивна політика Угорщини на Закарпатті (1938–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Славик Юрій Володимирович; Ужгородський національний університет. Ужгород, 2016. 20 с.
- ²⁵ *Моторна І.* Політика румунської адміністрації щодо етнічних груп на території Трансїстрії (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Моторна Ірина Вікторівна; Одеський національний університет ім. І. Мечникова. Одеса, 2016. 15 с.
- ²⁶ *Стельникович С.* Нацистський окупаційний режим на території Житомирсько-Вінницького регіону і місцеве населення: паралелі існування й боротьби (1941–1944): автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.01 / Стельникович Сергій Володимирович; Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова. Київ, 2016. 39 с.
- ²⁷ *Іванов С.* Становище населення Волині в період німецької окупації (1941–1944): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Іванов Сергій Сергійович; Національний університет «Острозька академія». Острог, 2017. 23 с.
- ²⁸ *Славик Ю.* Вказ. праця. С. 12.
- ²⁹ *Куницький М.* Вказ. праця. С. 19–20.
- ³⁰ *Стельникович С.* Вказ. праця. С. 19.
- ³¹ *Іванов С.* Вказ. праця. С. 12–13.
- ³² *Тарнавський І.* Вказ. праця. С. 23–25.
-
-

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

С. А. Французов

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

«Иудео-монотеизм» Химйара в свете последних эпиграфических открытий

Вот уже более четверти века минуло с тех пор, как мой Учитель Авраам Григорьевич Лундин (1929–1994), основоположник отечественной сабеистики, выступил на международной конференции в Принстоне с обобщающим докладом по проблеме изучения древнейшего монотеизма, который позже был оформлен в виде статьи¹. Основные высказанные им положения сводились к следующему: в конце IV–VI вв. н. э. наряду с немногочисленными подлинными еврейскими общинами, отдельные представители которых были близки к царю Химйара и, очевидно, входили в элиту этого государства, объединившего к середине IV в. всю Южную Аравию, значительная часть его подданных, отвергнув под иудейским влиянием традиционный политеизм, составляла так называемые неопределенно монотеистические надписи² и считала себя иудеями, имея при этом весьма слабое представление о предписаниях иудаизма. Он также обратил внимание на почти полное отсутствие в такого рода надписях еврейских личных имен³. Что касается термина *mkrb*, применявшегося для обозначения культового сооружения, А. Г. Лундин склонялся к тому, что он обозначал, прежде всего, еврейскую синагогу, хотя не исключал, что в ряде контекстов ему мог быть присущ более широкий смысл⁴.

С тех пор был сделан ряд весьма значимых открытий, наглядно показавших, какое место занимали иудеи в Химйаритском царстве в этот период. Прежде всего, следует упомянуть довольно значительную по объему (в 16 строк!) надпись MAFRAY–Ḥaṣī 1 из местности Ḥaṣī близ г. ал-Байдā на юге Йемена, в которой речь идет об устройении еврейского кладбища. Автору этих строк удалось интерпретировать ее как изложение содержания религиозного декрета — *гезеры*⁵. В ней проведено четкое различие между иудеями (стк. 4, 5, 13: *'yhd-n*) и неевреями, которых обозначали термином «арамей» (стк. 5, 12: *'rmy-n*); культовое сооружение *mkrb-n* (стк. 6, 13, 14), носившее имя собственное Цуриэль (стк. 6–7, 14, 15: *Ṣwry'l*), никак не могло быть синагогой, поскольку находилось на территории кладбища, а являлось тем, что в иудаизме принято называть «домом чистоты» (בית טהרה). К сожалению, данная

надпись не датирована: палеографически она относится приблизительно к V в. н. э.⁶

Точное происхождение выставленной на одном из аукционов гробничной надписи Леи, дочери Йехуды⁷, не известно. Она представляет собой билингву, одна часть которой выполнена на сабейском, другая — на иврите с арамейской цитатой из Дан. 12.13 (стк. 3–4), которой в сабейском тексте нет соответствия. По-видимому, считалось, что переводить Священное Писание, пусть даже фрагментарно, на язык южноаравийской эпиграфики не следует, дабы не осквернить его. Датировка этой надписи началом V в. н. э. также довольно условна.

Строительный текст ZM 2000 из химйаритской столицы Зафāра⁸ посвящен возведению дома Йарис (*Yrś*) представителями местной знати супругами Абйшамиром и Абй'алй и их многочисленным потомством. В нем они поминали не только своего Бога, «Господина небес и земли» (стк. 6–7), но и «народ свой Израиль» (стк. 8: (*š*)'b-*hmtw*/*Ysr'l*), что не оставляет сомнений в их принадлежности к иудаизму. Из надписи явствует, что обратившиеся в эту религию химйариты сохраняли свои традиционные имена (очевидно, наряду с еврейскими) и пользовались ими, когда писали на сабейском языке. ZM 2000 точно датирован — месяцем *d-tbt-n* (приблизительно апрелем) 580 г. химйаритской эры (470 г. н. э.); кроме того, в нем упомянут правивший монарх — Шураḫби'ил (Шуриḫби'ил) Йаккуф⁹.

В свете этих недавних эпиграфических находок и сделанных на основании их выводов стала очевидной несостоятельность выдвинутой Альфредом Бистонем концепции «рахманизма» как сложившейся в древнем Йемене особой монотеистической религии, отличавшейся и от иудаизма, и от христианства и явившейся своего рода предтечей ислама¹⁰. И если Кристиан Робен еще пытался подкорректировать этот довольно искусственный термин, предложив выражение “*raḥmanisme jūdaïsant*”, посредством которого стремился исправить то, что представлялось ошибочным в гипотезе А. Бистона¹¹, то его ученица Ивона Гайда вовсе от него отказалась. Согласно ее хорошо обоснованным выводам, в отличие от правителей Адиабены, которые в начале I в. н. э. обратились в иудаизм, правители Химйара в конце IV в. н. э. так и не пошли на этот шаг, хотя и оказывали покровительство этой религии. Проводя параллель с хазарами и с «богобоязненными» (θεοσεβείς) из г. Афродизиада в Карию, она полагает, что большинство химйаритского населения стало исповедовать веру в Единого Бога под влиянием иудейских общин, к которым относилось с симпатией и даже участвовало в синогальных богослужениях, но воздерживалось от

того, чтобы возложить на себя все бремя иудейских заповедей¹². Недавно Кр. Робен предложил называть такого рода религиозные взгляды, возможно, не вполне удачно, «иудео-монотеизмом»¹³. Речь, таким образом, идет о тех, кого позднее последователи талмудического иудаизма обозначали терминами «прозелит во вратах» (גר בשער), или прозелит-поселенец (גר הושב). Но как они именовались в Химйаритском царстве?

В 2008 г. Франко-саудовская экспедиция в Наджрāне, проводя археологическую разведку за пределами этого оазиса, обследовала местность Ма'сал в 215 км к западу от Эр-Рияда (ар-Рийāда), где ранее были найдены две позднесабейские наскальные надписи первой половины V в. н. э. Ry 509 и Ry 510 (Ma'sal 1 и Ma'sal 2), и обнаружила третью — Ma'sal 3, к сожалению, сильно поврежденную и местами почти не читаемую¹⁴. Она датирована 584 г. химйаритской эры (474 г. н. э.) и составлена уже упоминавшимся выше царем Химйара Шурахби'илом Йаккуфом и двумя его сыновьями-соправителями в память о походе на контролировавшуюся Ираном северную часть аравийского побережья Персидского залива, названную *Ḥṭ-n*, что соответствует топониму ал-Ḥатṭ в арабской географической традиции.

В связи с поставленным в этой статье вопросом особый интерес вызывают последние строки надписи, где как раз перед упоминанием «Милостивого» (*Rḥmn-n*) встречается выражение *b-ḥg/mkrbt-n/ w-'yhd-n*, которое издатели надписи перевели следующим образом: «в соответствии с синагогами и иудеями», — полагая, что в нем впервые засвидетельствована форма мн. ч. от термина *mkrb*¹⁵. Однако подобную интерпретацию принять невозможно. Сабейский составной предлог *b-ḥg*, вторая часть которого восходит к корню *ḤNG* (с ассимиляцией *nḥna*), означает «согласно», «в соответствии с...» и после него идут слова типа «оракул» или «декрет»¹⁶. Можно допустить, что за ним следует наименование этноконфессиональной группы, чье мнение таким образом передается. Но при чем тут культовое сооружение?

Если обратиться к семантике корня *KRB*, то она сводится к значениям «соединять», «собирать вместе», «связывать»¹⁷. В нее хорошо укладываются и *mkrb* «синагога» (возможная огласовка: *mikrāb*), и *мукарриб* (*mkrb*) как титул сакрального правителя территориального царства в Южной Аравии в I тысячелетии до н. э., обычно толкуемый как «объединитель»¹⁸. А почему не предположить, что наряду с активным причастием (*мукарриб*) могла существовать соответствующая пассивная форма (*мукарраб*?) с вероятным значением «соединенный»;

- ⁷ .120–113 נגמ' (2003). תשס"ג. סה. כתובת קרב דר'לשנית משבא // לשוננו. סה. תשס"ג. נגמ' 120–113.
Nebe G. W., Sima A. Die aramäisch / hebräisch-sabäische Grabinschrift der Lea // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 15. 2004. S. 76–83.
- ⁸ *Gajda I.* Une nouvelle inscription juive de Zafār // *Scripta Yemenica*. Исследования по Южной Аравии. Сборник научных статей в честь 60-летия М. Б. Пиотровского / Сост. и отв. ред. А. В. Седов. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004. P. 197–202.
- ⁹ Пребывание у власти этого царя Химйара с известной долей условности датируется 465–485 гг. н. э. (*Робен Кр. Ж.* Династия Абыкариба Ас'ада / [Пер. с фр. С. А. Французова] // *Scripta Yemenica*. С. 312).
- ¹⁰ О дискуссии на этот счет см.: *Французов С. А.* История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества. Т. I: История Хадрамаута в эпоху древности. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2014. (*Studia Yemenica*). С. 259–261.
- ¹¹ *Robin Ch. J.* Le judaïsme de Ḥimyar. P. 153.
- ¹² *Gajda I.* Le royaume de Ḥimyar à l'époque monothéiste. L'histoire de l'Arabie du Sud ancienne de la fin du IVe siècle de l'ère chrétienne jusqu'à l'avènement de l'islam / Préface Ch. Robin. Paris : Diffusion de Bocard, 2009. (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. 40). P. 244–245.
- ¹³ *Robin Ch. J.* Quel judaïsme en Arabie? // *Le judaïsme en Arabie antique*. Actes du colloque de Jérusalem (février 2006) / Éd. par Ch. J. Robin. Turnout : Brepols, 2015. P. 63: "judéo-monothéisme".
- ¹⁴ Ее описание и предварительное издание с подробным комментарием см. в: *Prioletta A., Arbach M.* Ḥimyar en Arabie Déserte au Vème siècle de l'ère chrétienne: une nouvelle inscription historique de sute de Ma'sal (Arabie Saoudite) // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2016, avril–juin. Paris : Diffusion de Bocard, 2016. P. 917–954.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 945.
- ¹⁶ *Beeston A. F. L.* A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. London : Luzac & Company Ltd., 1962. P. 58, § 51:2; *Idem.* Sabaic Grammar. [Manchester] : University of Manchester, 1984. (*Journal of Semitic Studies Monograph*. No. 6). P. 58, § 34:15.
- ¹⁷ *Idem.* Two Epigraphic South Arabian Roots: *hy'* and *krb* // *Al-Hudhud*. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag / Hrsg. von R. G. Stiegner. Graz : RM-Druck & Verlagsgesellschaft mbH, 1981. P. 24–30.
- ¹⁸ Об этом титуле см.: *Французов С. А.* История Хадрамаута... С. 81–87.
- ¹⁹ *Beeston A. F. L.* A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. P. 34, § 30:5; *Idem.* Sabaic Grammar. P. 26, § 10:7.
- ²⁰ *Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic) / Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe). Louvain-la-Neuve : Édition Peeters ; Beyrouth : Librairie du Liban, 1982. (Publication of the University of Sanaa, YAR). P. 92.
- ²¹ См. об этом подробнее: *Французов С. А.* «Житие св. Азкира» как источник по истории Южной Аравии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2003 г. М. : Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 139–146.
- ²² *Пиотровский М. Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М. : Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 159.

U. D. C. 296.5

S. Fishbane

(New York City, USA)

Esoteric Halakhah in Abraham Danzig's *Ḥayye Adam*

Introduction

Rabbi Abraham ben Jehiel Michael Danzig, (1748–1820) was a *poseq* (“decisor”), who wrote two halakhic codes, *Ḥayye Adam* and *Hokhmat Adam*¹. He was born in Danzig (Gdansk), Poland, which previously had been subject to severe outbreaks of anti-Semitism, periodically banning Jews from settling there or engaging in business. By the time the Rabbi was born Jews were tolerated in this city, which was a hub of commercial and industrial activity. The nascent Reform and Enlightened thinkers became active here, and this worried Abraham’s father so intensely that he sent him to Prague to study with Rabbi Ezekiel Landau.

Rabbi Landau, author of Responsa *Noda bi-Yehudah*², aware of the recent turmoil caused by the Sabbatean movement³, tried to restrict the study of Kabbalah to the scholarly classes⁴, but he included such materials in his homilies⁵. He penned a responsum⁶ explaining: “In our generation, since the heretics from the Sabbatean sect have increased, may their bones become dust, it is advisable to limit the study of the Zohar and Kabbalistic works”⁷. The Jews in Prague were not a cohesive community, but since the days of the Maharal⁸ various types of mystical speculation could be applied to sermons⁹, but were not to be used for legal adjudication. Rabbi Landau openly opposed the Hasidic movements in Poland and fought the radical *maskilim* in Germany¹⁰. None of this would be lost on his student, Rabbi Abraham Danzig. Yet, when it came to halakhic adjudication, Rabbi Danzig was an independent thinker. He ruled as he saw fit, and not always following the decisions of Rabbi Landau (now found in his commentary on the Shulḥan Arukh *Dagul mi-Revavah*¹¹ and in the Responsa, *Noda bi-Yehudah*). Notably, the rulings of Rabbi Eliyahu, Gaon of Vilna, (now found in his commentary to Rabbi Karo’s¹² *Shulḥan Arukh*) are not always in agreement with those found in Rabbi Danzig’s *Ḥayye Adam*¹³.

Not only in Prague, but also throughout Polish-Lithuanian Commonwealth, the rise of the Hasidic movement with its mystical attachment to the charismatic leadership of *tsaddikim* threatened the stability of the traditional rabbinic establishment. The debate over philosophic, rational learning that had raged in the Middle Ages was later

eclipsed by the rise of Kabbalah and its mythic underpinnings. Its new Lurianic forms were widespread and the practices of the Safed mystics of the 16th century found their way into ordinary households. When later in life, Rabbi Abraham Danzig became a judge (*dayyan*)¹⁴ at the religious court in Vilna, he was known as an outstanding scholar and decisor. The luminaries in Vilna had detected that his code of Jewish practice had ignored the magisterial and systematic codification of the *Shulhan Arukh*. His independence from past forms of legal writing worried them, and the approbation of Rabbi Ḥayyim of Volozhin and others were issued on condition that he add such references to his code, which he did. Rabbi Danzig followed Rabbi Eliyahu, the Gaon of Vilna, who was strident in his opposition to new groups threatening the age-old communal system Jews had developed, focused upon classic rabbinic authority¹⁵.

As the present work focuses on the use of Kabbalistic sources in *Ḥayye Adam*, the classic *oeuvre* of Rabbi Danzig, it is helpful to see how contemporary scholarship describes popular notions concerning the development of the Kabbalah. For those who accepted it as the revelation given to Shimon bar Yoḥai, it is indeed accurate to note, “For the Kabbalah presented itself as the deepest truth of Judaism, the first revelation, be it Sinaitic or of another source of divine inspiration, and certainly not the result of mere human *ratio*. A law which reflects the truth, symbolic of the process of the inner life of God, must perforce also be accepted as absolute truth. Even before the Zohar entered the stage at the close of the thirteenth century, *Sefer ha-Bahir* and other works, apart from the writings of the *Ḥasidei Ashkenaz*, introduced the paradigms and nomenclature in which it found its deepest expressions”¹⁶.

The Zohar “was nothing less than a new light cast on the foundations of the Jewish religion, including its Biblical traditions and institutions, commandments and daily practices”¹⁷. With the wide impact of Kabbalistic practices, the earlier rationalism of the philosophers and Maimonides’ rejection of demonology and anthropomorphism, gave way to innovations and stringencies¹⁸. Rabbi Isaac Luria’s¹⁹ students succeeded in spreading his practices far and wide, and the Hasidic movement incorporated these notions as a matter beyond dispute. Kahana describes this impact as “The ritualization of Lurianic Kabbalah, the process through which the highly esoteric religious practices, was a central phenomenon among European Jewry in the seventeenth and eighteenth centuries”²⁰. Lurianic Kabbalah had been offered as an interpretation of the Zohar rather than as a new work. It is instructive to note that Rabbi Joseph Karo²¹ (1488–1575), the author of *Beit Yosef* commentary on the *Tur* and his own codex²²,

referred to as the *Shulḥan Arukh*, was one of the original students in Safed. Nevertheless, this work did not mention the practices that its author must have practiced.

The use of the Zohar in discussing Halakhah had been entertained by Rabbi Abraham Zacuto and Joseph Karo's uncle, Rabbi Isaac Karo²³. Rabbi Zacuto wrote²⁴: "It has already been agreed upon in Israel that a matter that does not contradict the Talmud and is not explicit in the Talmud, but is found in the Kabbalah, could be cited as a legitimate source of halakhic adjudication"²⁵. It is claimed that Rabbi Isaac Karo's view of the relationship between Kabbalah and Halakhah is similar to R. Zacuto's²⁶, but is explicit in his clarification that a precept that contradicts the Talmud is overruled²⁷. (The process of the absorption of Kabbalah into Halakhah is beyond our immediate interest)²⁸. In short, Twersky²⁹ identifies two approaches to the integration of Halakhah and Kabbalah: (a) Kabbalistic considerations and (b) Kabbalistic philosophy. Rabbi Joseph Karo seems to represent the former. Hallamish³⁰ offers examples in which Rabbi Karo states that if the Talmud rules one way, the Zohar or the Kabbalah cannot supersede and rule differently. He observes that as a result of Rabbi Karo's statements, that was the official stance of the legal commentators; it was understood that if one wanted to personally adopt a practice based on Kabbalistic sources, more stringent than the law permitted, there was an option to do so.

Rabbinical authorities who lived after Rabbi Joseph Karo formulated guidelines for the incorporation of Kabbalah into Halakhah. For example, R. Ḥayyim Benveniste (1603–1673) the author of *Keneset ha-Gedolah*³¹ writes, "1. Any [*halakhot*] that are not mentioned in the [Babylonian] Talmud and not in the Jerusalem Talmud, and the rabbinical adjudicators did not speak of them, for it is from their mouths we live and upon them we are entirely dependent, even if the Kabbalah speaks of them – we cannot force any person that does not want to follow what is stated in the Kabbalah. 2. If the issue where the Kabbalah disagrees with the Talmud is a stringency – I act in accordance [with the Kabbalah]".

In the seventeenth century Rabbi Abraham Gombiner (1633–1683), in his *Shulḥan Arukh* commentary, *Magen Avraham*, summarized these accepted views of using the Zohar in legal discourse, and he took note of Kabbalistic practices in his own commentary on Karo's code³², approved of by later decisors³³. One need only note the words of the Rema, Moses Isserles, to *Shulḥan Arukh Yoreh De'ah* 246:4, and the gloss of Shabbetai ben Meir ha-Kohen (1621–1662), commonly called the Shakh, explicitly stating that one should not study esoteric literature before being well

versed in the Talmud and its commentaries, as well as being God-fearing and totally immersed in Torah studies.

This paper examines Rabbi Danzig's use of Kabbalistic sources in his legal code, *Hayye Adam*. In fact, his use of these Kabbalistic sources accomplished more for the integrating Kabbalah into normative Halakhah than had been done by the code of Rabbis Joseph Karo and later by Shneur Zalman of Liady. The latter had gained much fame as mystics, but their codes are relatively free from citations of Kabbalistic sources.

I turn now to the focus of this essay, Rabbi Abraham Danzig, his compendium of Jewish laws *Hayye Adam*, and his use of Kabbalistic sources.

Kabbalah in *Hayye Adam*

To examine the topic of Kabbalah in *Hayye Adam* I used databases of Jewish books. By searching for words such as *zohar*, *kabbalah*, *mekubbalim*, *ari*, *sod*, *nistar* etc. I accessed Rabbi Danzig's citation of Kabbalistic sources (the main sources are the Zohar and Rabbi Isaac Luria also known as the Ari)³⁴. The drawback to this methodology is that there are instances when Rabbi Danzig used a Kabbalistic source without citing it as such³⁵.

His other sources for Kabbalistic quotations, in addition to the *Shulhan Arukh*, are the classical commentaries on the *Tur* and the *Shulhan Arukh* such as *Beit Yosef* (Joseph Karo), *Magen Avraham* (Abraham Gombiner), *Taz* (David ha-Levi) and *Shakh* (Shabbetai ha-Kohen). He also refers to *Levush* (Mordechai Jaffe) and *Eliyahu Rabba* (Elijah Spira).

To understand Rabbi Danzig's integration of Kabbalah into his code I now turn to the relevant citations in *Hayye Adam*³⁶.

Learning and Understanding Kabbalah

(1) Book 1 *Kelal* 10:12:

One should only study Scriptures, Mishnah, Gemara, authors of halakhic works, and books of ethical instruction. By so doing, a person acquires both *olam ha-zeh* ("this world") and *olam ha-ba* ("world to come"). Nevertheless, it is permitted to learn other subjects of wisdom periodically; only that one must not read the books of the *apikorsim* (scoffers). A person should not study the wisdom of the Kabbalah until his belly is filled with Gemara and halakhic works. He should cultivate great fear of Heaven by constantly sitting to study Torah. However, apart from this, it is prohibited. Rabbi Hayyim Vital was exceedingly stringent about this matter. He said, "Great is the esteem of he who achieves the derivation of novel insights into the Torah!" as

is mentioned in many places in the Zohar including the Introduction to Genesis.

In the *Shulḥan Arukh* the laws of *talmud torah* (Torah study) appear in *Yoreh De'ah* 246, rather than in *Orah Ḥayyim*, the primary focus of *Ḥayye Adam*. We find that Rabbi Danzig's code, *Ḥayye Adam*, not only served as a platform for the laws found in *Shulḥan Arukh Orah Ḥayyim*, but also for other relevant topics he sensed would affect the daily life of the Jew, such as those in *Kelal* 10, Torah study. I suggest that in addition to this law which discourages the study of Kabbalah by the layman, this insertion can be considered to be part of Rabbi Danzig's polemics against the Hasidic movement (whose foundation was built on Kabbalah), a theme found throughout *Ḥayye Adam*³⁷.

The issue of studying metaphysical subjects (*pardes*) is discussed by Rabbi Moses Isserles (Rema), glosses to *Shulḥan Arukh YD* 246:4, who bases his ruling upon Maimonides' wording in *Mishneh Torah, Yesode Torah* 4:13. Rabbi Danzig goes beyond the Rema and turns to the comments of Rabbi Shabbetai ha-Kohen on this gloss (by grouping the study of Kabbalah within *pardes*) for his presentation of the ruling. The author of *Ḥayye Adam* adds to the words of these rabbis, "and he should be one with great fear of Heaven, always sitting, immersed in the study of Torah. However, without this [level of piety], it is prohibited [to study Kabbalah]." Following his literary pattern throughout his book of laws, Rabbi Danzig emphasizes the need for vigilant and diligent behavior from his readers even if, as in this case, there are only a select few.

Rabbi Danzig turns to Rabbi Ḥayyim Vital³⁸ the renowned student of Rabbi Isaac Luria (Ari), to reinforce his ruling. Rabbi Danzig did not choose any other leading rabbinical authority but turned very specifically to an acknowledged scholar of Kabbalah. If a rabbi of this stature and education was stringent about who was qualified to study mystical texts, there was little space left to argue.

(2) The author of *Ḥayye Adam* felt very strongly about people who would blindly follow Kabbalistic practices without understanding them. In Book 1 *Kelal* 18:2 he writes,

...concentrates on the meaning of the words, however one should not concentrate on the [elaborate] intentions (*kavvanot*) and Names [of God or angels]. Due to our many sins, we are soiled, and without doubt the one that so concentrates "cuts the plantings". Even those that study the writings of the Ari only understand the words and not

the mystical subjects, even one in a thousand will not be found to be an expert in this, and God sees the heart. Go and see that the great man, the Maharshah dealt at great length on this in a *responsum*, and his conclusion...

Rabbi Danzig is discussing the obligation for praying with proper intent while reciting the *Ashre* prayer three times a day. After explaining how one should properly pray, he challenges those who attempt to pray according to the special intentions formulated by Rabbi Isaac Luria, the sixteenth century master of Kabbalah. He argues that one may think he is fulfilling the words of R. Luria, but only one in a thousand really fulfills his directives. To support his view Rabbi Danzig turns to the renowned Rabbi Solomon Luria (Maharshah), who discourages involvement in the study of the esoteric, since it is not properly understood.

(3) Not as explicitly as in the above *Kelal*, Rabbi Danzig continues to challenge the proper understanding and use of Kabbalistic texts.

In Book 2 *Kelal* 144:20, the Laws of Yom Kippur, Rabbi Danzig is discussing the rituals observed in his community on the eve of Yom Kippur. He again warns his readers to avoid the practices of R. Luria, for they (the laymen) are not on the scholarly and spiritual level required to properly fulfill his writings.

(4) In Book 2, *Kelal* 130:22, Rabbi Danzig is concerned with an additional situation, in which the observant Jew does not correctly understand the rulings of R. Luria and practices Kabbalistic stringencies under the impression that this is normative halakhah.

The *Hayye Adam* is cautious in his choice of words. In this paragraph, he is discussing the laws of Passover. He permits having sexual relations on the first two nights of Passover primarily to those with strong sexual desires.

Rabbi Danzig was cognizant of Rabbi Luria's limitations to a husband having sexual intercourse with his wife on special religious days. Therefore, he was not willing to offer blanket permission, but rather limit the law to those who feel it necessary, emphasizing that Rabbi Luria's prohibition was only for the select few.

(5) In the same Book 1 *Kelal* 130:11(in the section titled, The Abbreviated Version of the *Seder*), while discussing the eating of bitter

herbs at the Passover *seder* Rabbi Danzig ridicules those who attribute their mistaken views to non-existent Lurianic traditions.

The author of *Hayye Adam* emphasizes the ignorance of those who misconstrue practices attributed to Rabbi Luria.

(6) A popular attribution to an imagined statement in the Zohar is found in Book 1 *Kelal* 67:18 discussing the laws dealing with moving the limbs of a dead person on the Sabbath. Rabbi Danzig clarifies that there is a popular practice assumed to stem from the Zohar, which has absolutely no basis in fact.

Softening some extreme statements in the Zohar

(1) In Book 1 *Kelal* 16:1, Rabbi Danzig discusses the law concerning eating in the morning before daybreak, the earliest time one is permitted to pray. Rabbi Danzig first presents the law stated in the *Shulḥan Arukh Oraḥ Ḥayim* 89:3 that it is prohibited to eat or drink before praying. He notes the stringent position of the Zohar³⁹, (cited in *Magen Avraham*, 89:14) that forbids eating if one awakens in the middle of the night and well before daybreak. He explains the reason for forbidding one who had begun eating to continue his meal and, in passing, takes note of the position of the Zohar which he dismisses as “exceedingly harsh”.

In this instance Rabbi Danzig dismisses the extreme position of the Zohar in favor of the normative decisors who permit eating if one awakes in the middle of the night. This approach of the *Hayye Adam* will be further discussed below.

An example of reconciliation between Halakhah and the Zohar is found in Book 1 *Kelal* 13:12, discussing how a man dons his phylacteries, where he writes,

The custom in these countries⁴⁰ is to say the blessing and to put on the *tefillin*, whether of the arm or the head while standing. The Kabbalists write that one should put on the *tefillin shel yad* while sitting⁴¹. It appears to me that the intent of the Zohar is not to say that one must put on the *tefillin* of the arm “specifically while sitting” but means “also while sitting”.

Rabbi Danzig is in accordance with the approach of the Gaon of Vilna, who suggested that the Zohar and Halakhah do not disagree but rather require elucidation and reconciliation. Therefore, in the case of *tefillin* there is no argument but rather a recommendation from the Zohar. The

Hayye Adam, even though he writes “it appears to me”, is citing the Gaon’s opinion offering this special type of reconciliatory relationship between the Zohar and Halakhah.

The Zohar as a source of encouragement for vigilance and diligence in the fulfillment of Halakhah (*musar*)

Three times in *Hayye Adam*, Rabbi Danzig uses the expression the “The Zohar is very stringent in the matter”, and three times the expression the “The Zohar greatly elaborates on this matter”. The Rabbi’s goal is to use the Zohar, a book accepted as part of the cannon of rabbinical literature and respected by most laymen, as a source of *musar*. *Musar* in this code of law is basic to its literary structure and found throughout all the *kelalim* of the *Hayye Adam*. The Zohar is another tool for Rabbi Danzig to enhance *musar* throughout his code, an implicit agenda in *Hayye Adam*.

The following rulings emphasize the severity of the law as presented in the Zohar.

(1) I have already discussed Book 1 *Kelal* 16:1 above. This paragraph encourages stringency and *musar* to its readers.

(2) The *Hayye Adam* is discussing the law in *Shulhan Arukh Oraḥ Hayyim* 180 under the heading “The Laws as regards Bread Crumbs.” Rabbi Danzig discards the *Shulhan Arukh*’s discussion concerning the relevance of this law, and focuses only on the prohibition and its stringency⁴². To enhance the severity of the ruling he turns to the Zohar for his proof. In Book 1 *Kelal* 45:5 Rabbi Danzig writes,

One must be very careful with crumbs and not throw them away, as this is linked to encouraging poverty on oneself. The Zohar is very stringent [with respect to this issue], so one should gather the crumbs together and give them to birds (*Shulhan Arukh Oraḥ Hayyim*:180).

(3) A further example is found in Book 1 *Kelal* 68:16 where Rabbi Danzig includes in his code of law a unique section (*Kelal*) “Laws to be Careful when Fulfilling *Mitsvot*.” The majority of the ruling in this section can be classified as halakhic *musar*⁴³. In the above paragraph the *Hayye Adam* instructs his readers to pay for the items used to fulfill *mitsvot* and not to be tightfisted (cheap). A Biblical passage is offered as a proof text. He turns to the Zohar and writes “The Zohar is very stringent on this matter”.

While discussing this law the term “on the cheap” (*ḥinnam*) is used. This term is also found in *Sefer Haredim* in section 4:17 under “seventeen

conditions to completely fulfill the *mitsvot*". Rabbi Danzig does not cite this source but refers to the Zohar.

(4) Book 1 *Kelal* 15:1 discusses the laws of *mezuzah*. The halakhah is based upon the instructions of the *Shulhan Arukh* YD 285 that provides details to fulfill the *mitsvah* of *mezuzah*. Rabbi Danzig now turns from the terminology "the Zohar is very stringent" to "the Zohar elaborates". The author of *Hayye Adam* continues his emphasis upon the spiritual aspect of *mezuzah*, and instructs his reader on the importance of having the proper intention when fulfilling this *mitsvah*. By turning to the Zohar, the *Hayye Adam* stresses the importance of the law in creating a deep-seated awareness of being a creature devoted to the worship of the God of Israel. Rabbi Danzig's language expresses his sentiment. He tells us that the Zohar elaborates upon the intention of the commandment of *mezuzah* as equal to having ritual tassels on one's garment symbolizing the commandments, and a person should be highly mindful of their purposes. In other words, because the Zohar discussed these ritual items as containing mutual mystical connections of a common essence, one should heed the fulfillment of the *mitsvah*.

(5) Book 1 *Kelal* 17:5 discusses the laws concerning proper behavior in the synagogue. These rulings are previously presented in *Shulhan Arukh* OH 151:2. *Peri Megadim* (*Eshel Avraham*) commentary as well as other classical commentaries⁴⁴ on the *Tur* and *Shulhan Arukh* are concerned with speaking in the synagogue. Rabbi Danzig adds, in parentheses, strong cautions presented by the Zohar to emphasize his concern. This passage of the Zohar is also cited in *Megadim* 151:1.

(6) Book 1 *Kelal* 17:6 Rabbi Danzig turns to the Zohar to accentuate the severe nature of the sin of speaking in the synagogue. Citing the *Shulhan Arukh* 151:3 he expands the prohibition of secular thoughts, laughter and lightheadedness. After quoting a biblical passage, he cites the Zohar emphasizing first the punishment for transgressing this sin and concludes, "This is what is written in the Zohar – that it is like one has no God". The strength of the language again suggests the constant concern of Rabbi Danzig regarding one's behavior in the synagogue⁴⁵.

Stringencies in the Zohar as a Source of Adjudication

The *Hayye Adam* will also use the Zohar as a source for deciding on the stringent view of a halakhah. For example,

(1) in Book 1 *Kelal* 17:1 when discussing places where it is permissible to pray he writes,

However, it is prohibited to pray in a field, unless one is on the road. Nevertheless, in an emergency one should seek to pray among trees [and not in an open field] ... In the Zohar (*Be-Shalah*, page 60) it is understood that praying among trees is of no avail, therefore one should not rely on this interpretation, except if one has no other place [in which to pray]⁴⁶).

In the *Shulhan Arukh* Oḥ 90:5 the law only prohibits praying in the fields, unless one is a traveler and in that case, it is permitted. The *Hayye Adam* in the above paragraph discusses the possibility of praying in the field between trees and the *Bayit Hadash* (*Tur Shulhan Arukh* Oḥ 90) is cited as the source who suggests this possibility. Rabbi Danzig turns to the Zohar to reject the *Bayit Hadash* and prohibits praying between trees except in a case of emergency⁴⁷.

(2) Book 2 *Kelal* 139:2 Rabbi Danzig cites the stringencies of the *Zohar* to reinforce his ruling. He writes,

Although the legal authorities have written that on *Rosh ha-Shannah* and *Yom Kippur* it is permitted to pray in a slightly raised voice; nevertheless, all who fear the word of God should pray in a whisper as one does throughout the entire year⁴⁸, for it is stated in the Zohar (I:209a) that if one's voice is loud enough that his fellow is able to hear his prayer, then his prayer is not heard on high. Therefore, every person must be careful regarding this [matter]⁴⁹, especially given the fact that those that permit [raising one's voice in prayer] only permit a slight raising of one's voice, and not as is done by the ignorant masses with shouts and loud voices.

The *Shulhan Arukh* Oḥ 582:9 permits praying on *Rosh ha-Shannah* and *Yom Kippur* in a loud voice, in contrast to the remainder of the year when this is prohibited. Rabbi Danzig disagrees with Rabbi Karo and rules differently. He chooses not to cite either *Magen Avraham* (101:4) or *Eliyahu Rabba* (582:20) that offer a similar ruling, but rather the Zohar as his basis of adjudication⁵⁰.

(3) An additional example cited above is in Book 2 *Kelal* 67:18 (discussed above) where Rabbi Danzig prohibits straightening out the limbs of a corpse on the Sabbath, noting the Zohar permits only the closing the eyes of a corpse on the Sabbath.

Use of mystical sources for encouraging and strengthening one's moral resolve to act properly

The remaining Kabbalistic sources by Rabbi Danzig in his code function as support for exemplifying encouragement and strengthening one's moral resolve to act properly⁵¹. They often contribute to his exhortations to reinforce resolve in the face of challenging practices. I will cite three examples.

(1) Book 1 *Kelal* 21:11 discusses one's concentration on the meaning of: "Hear O Israel" (Deuteronomy 6:4). The issue here is the requirement for proper meditation when reciting the *Shema*. After presenting the traditional explanations, Rabbi Danzig focuses on viewing oneself as though sacrificing the self for the sake of both God and Judaism. The *Bayit Hadash* 61:1 and the *Eliyahu Rabba* 61:2 both refer to this explanation, but the *Hayye Adam* quotes two texts of the Zohar to support his objective while opposing what was taken as common practice in the recital of the word *One*. While he writes "It is good that one..." he uses the authority of the Zohar to highlight the requisite thoughts of martyrdom he advocates.

(2) Book 1 *Kelal* 35:5 is based on *Shulhan Arukh OH* 239 that presents the laws reciting the *Shema* when going to sleep. No mention of confession is found in Rabbi Karo's work. The *Magen Avraham* 239:6 and the *Eliyahu Rabba* discuss confessing before sleep, but neither refer to the Zohar. To emphasize his inclusion of confession in the reciting of the *Shema* the *Hayye Adam* quotes the entire Zohar text.

(3) Book 1 *Kelal* 67:1 discusses the laws of honoring parents. The basis for this paragraph is found in *Tur YD* 240. Rabbi Danzig follows his literary pattern⁵² and opens the laws of honoring parents with a preamble. These introductions may focus on *musar*, polemics with Hasidism or Haskalah, or issues stemming from the social reality of concern for him. In this *Kelal*, 67, I suggest that the theme is that of *musar*, emphasizing the importance of honoring one's father and mother. The Zohar, as well as other Kabbalistic sources throughout the *Hayye Adam*, served as an authoritative basis to use for this purpose — hence Rabbi Danzig's lengthy inclusion of the Zohar text.

Insertion of mystical concepts

(1) It would seem that in a code of law there is little place for mysticism, but Rabbi Danzig felt that such sources would contribute to the proper behavior of his readers. In Book 1 *Kelal* 20:1 he introduces the topic of how

to pray the beginning morning prayers (*pesuqei de-zimra*) by a mystical elucidation. He writes,

The [morning] prayer service is divided into four sections (they mirror the four worlds known to mystics) corresponding to 1) This World, 2) the World of the Spheres, 3) the World of the Angels and 4) the Upper World which contains his Splendored *Shekhinah*; corresponding to 1) Body, 2) *Nefesh*-soul, 3) *Ruah*-spirit, 4) *Neshamah*-soul⁵³. And so by this [sectioned configuration] is awakened the holiness that is in each and every World; and is in every aspect which is bound to the portion of his body, his *nefesh*-soul, his *ruah*-spirit, his *neshamah*-soul and by this [configuration] his prayer rises to become a crown on the head of *Ha-Kadosh Barukh Hu*. These divisions are: 1) From blessing *al netilat yadayim* up to *barukh she-amar*⁵⁴ which mirrors the [1] Body and This World, 2) from *barukh she-amar* to *yotzer or*⁵⁵ which mirrors the [2] World of the Spheres and mirrors the *nefesh*-soul, for the *Spheres* and the *nefesh*-soul constantly sing and praise his Glory, may He be blessed as it is written (Psalms 104:1) “May my *nefesh*-soul bless etc.” and it is written (Psalms 104:2) “The heavens tell of his Glory” and the whole of Psalm 148: “Praise the Lord — from the Heavens etc.” “And so all *pesuqei de-zimra* were formulated to awaken the Holiness that is there”. 3) From *yotzer or* until *shemoneh esreh* [is a section that] mirrors the [3] *ruah*-spirit and the World of the Angels that sanctify his Name, may He be blessed in the *kedushah* liturgy [of the *Shema*]⁵⁶ and therefore we say “Creator of the attending angels etc.” 4) At this point, since Holiness has been aroused in all Three Worlds he prays [the eighteen blessings of] *shemoneh esreh* and stands before the King of Kings of Kings *Ha-Kadosh Barukh Hu* in His Glory. Therefore, it is prayed in seclusion as one who stands before a king.

(2) Rabbi Danzig begins the laws of *Yom Kippur* with a lengthy discourse of *musar*. In this address while discussing the inadequacies of a sinner he writes, “When a wicked person performs a *mitsvah*, the spark of holiness (*nitsots*) that comes to a person, as a reward for his *mitsvah*, gives life to the evil shell (*kelippah*). All of this the evil shell takes and it gives it (the shell) its life. And when a person continues to sin until there remains no holiness, the evil inclination tempts him to fast ...”

Rabbi Danzig is including the introduction to Lurianic Kabbalah in his *Yom Kippur* discourse in order to convey the seriousness of his reader's possible behavior.

(3) Following, *Kelal* 78, the final section of Book 1 in various editions of the *Hayye Adam* includes an insert entitled “Interpretation of *Alelu leshabeah* [Prayer]”. An interesting observation indicates that this insert, which is based upon mystical words of Lurianic Kabbalah, appears out of place. The *Hayye Adam* only included mysticism in the context of Halakhah and *musar*. After further investigation, I compared this insert of the later *Hayye Adam* text to the texts of the first two editions that were published in his lifetime and the third edition published shortly after his death. These editions did not include this “Interpretation of *Alelu leshabeah*”. It would be inconsistent of the *Hayye Adam* to include a mystical text that is not a proof text or *musar*. I therefore suggest that the mystical writing was added by a later publisher, with the intention of honoring Rabbi Danzig with a special accolade. Typically, at the end of a volume there is an empty page, which enabled this unique addition to the code.

Concluding remarks

In summary, the *Hayye Adam*, with a limited number of explicit examples, includes Jewish esoteric sources into his code of law. His literary style is similar to his teacher, the *Noda bi-Yehudah*. Rabbi Landau presented the traditional approach to *pesaq*, but when it came to Kabbalah, even though he was well versed in its literature, he greatly discouraged its study. As Kahana⁵⁷ explains, he used his writings to convey his knowledge of Kabbalah, primarily found in his homilies and interpretations of Talmudic *aggadah*⁵⁸, but, rarely in *pesaq*⁵⁹. This approach of integrating Kabbalah and Jewish law was clearly manifested in *Hayye Adam*. Rabbi Danzig’s primary purpose was not Halakhah but rather *musar*. He frequently discussed the severity of punishments issued to people who failed in the proper conduct of *mitsvot*. In his code of law, *Hayye Adam*, he generated particular platforms that enabled him to debate the rising contemporary challenges facing the non-Hasidic Orthodox community⁶⁰. Even when he included Kabbalistic concepts, he neither explained them, nor considered mystical or theological questions⁶¹.

Rabbi Danzig’s struggle with theological issues may have affected him, but those topics were not his primary objective. He chose to dedicate his career not only to Halakhah, but also to *musar*, the severity of action needed to perform *mitsvot* and the punishment for its disobedience. Rabbi Danzig’s struggle with theological issues is a topic that deserves attention, and it will be a subject for a future study⁶².

Notes

- ¹ For a history of Rabbi Abraham Danzig see Rav Tzair (Chaim Tchernowitz) 1947, pp. 274–288 and Mayer 2000. Rabbi Danzig also became known as the *Hayyei Adam*, after the title of his compendium of Jewish law. I will use both names interchangeably when referring to Rabbi Danzig.
- ² Rabbi Landau was the chief Rabbi of Prague from 1754–1793. The range of his writings and his powerful position made him one of the leading rabbinic authorities and intellectual leader of his era. See Flatto 2015, pp. 49–52.
- ³ This movement was based upon Kabbalistic theology interpreted to suit these movements' goals.
- ⁴ See Flatto 2015, pp. 6–8.
- ⁵ See Brown 2017, pp. 137–140, argues that Rabbi Landau only “almost completely refrained from utilizing Kabbalistic sources ... and Kabbalistic concepts that appear sporadically in his writings are few and very basic, and appear to be like a delicate spice added to enhance his primary message”. Flatto 2015 disagrees with Brown, and throughout her book attempts to ascertain that Rabbi Landau was a Kabbalist. She offers numerous examples to support her view. Kahana 2015, p. 25 offers an approach similar to Brown.
- ⁶ Responsa *Noda bi-Yehudah* Vol. 1, 74. See also R. Landau's book of homilies *Derushe ha-Tselah*, sermon 39, 53b.
- ⁷ See Brown 2017, p. 138.
- ⁸ Judah Loew ben Bezalel (1520–1609).
- ⁹ See Flatto 2015, p. 145, 150, 158–159. She quotes his book of homilies *Derushe ha-Tselah* sermon 24, 37b and sermon 23, 36a where the Zohar is used by R. Landau as a tool to bolster his rebuke of the Prague Jews for their religious laxity.
- ¹⁰ See Flatto 2015, pp. 10–11.
- ¹¹ This commentary was published 1794, during the lifetime of Rabbi Danzig, and he most probably had access to this work.
- ¹² See Werblowsky 1962 for a historical presentation of Rabbi Joseph Karo, his life and works.
- ¹³ Rabbi Danzig in his early years moved to Vilna, the city where the Vilna Gaon was the leading rabbinical authority and by many considered an adjudicator not to be questioned. See Mayer 2000, p. 29. Consequently, some rabbis criticized his writings.
- ¹⁴ This is the argument of the Encyclopedia Judaica 194, p. 1298. Rav Tzair 1947, p. 284 calls Rabbi Danzig a *baal hora'ah* (decisor). The term used to describe Rabbi Danzig's position in the rabbinical establishment of Vilna is *more tsedek*. This is a general position as a rabbinical functionary but does not identify the specific position.
- ¹⁵ See Schochet 1994 and Etkes 2002, pp. 32–72.
- ¹⁶ See Katz 1998, p. 60.
- ¹⁷ Katz 1998, p. 62.
- ¹⁸ See Brown 2011, p. 486.
- ¹⁹ Isaac (ben Solomon) Luria Ashkenazi (1534 – July 25, 1572).
- ²⁰ Kahana 2017, p. 385.
- ²¹ There have been numerous scholarly works discussing Rabbi Karo, Halakhah and Kabbalah. See, for example, Hallamish 1989, Twersky 1989, Ta-Shemah 1990 and 2000, Tamar 1994, Pely 2012 and the numerous sources quoted in his footnotes.
- ²² See Hallamish 1989, p. 86.
- ²³ Hallamish 1989, p. 126 and ff 58, discusses Rabbi Isaac Karo's position.
- ²⁴ *Sefer Yuhasin ha-Shalem*, p. 45b.
- ²⁵ Translation adapted from Sendor 2005, p. 270.
- ²⁶ See Sendor 2005, pp. 272–273.
- ²⁷ See *Teshuvot Beit Yosef*, 385a–b.

- ²⁸ See Brown 2011, p. 488, Katz 1979, and 1988, pp. 8–87, Ta-Shema 1990.
- ²⁹ 1989, p. 260.
- ³⁰ 1989.
- ³¹ *Shulhan Arukh Oraḥ Ḥayyim* 25:20. See Brown 2011, p. 495, who summarizes these guidelines for applying Kabbalah to halakhic adjudication (*pesaq*).
- ³² See above note.
- ³³ Hallamish 2000, p. 136.
- ³⁴ I agree with Brown 2011, who considers works as *Sefer Hasidim* and *Shenei Luḥot ha-Berit (Shelah)* not as Kabbalah but rather as *musar* and *derush*.
- ³⁵ Examples can be found in Eliyahu 2000, pp. 17–44.
- ³⁶ I will not exhaust every place in *Hayye Adam* that refers to a Kabbalistic source, but will analyze what I believe are sufficient sources to demonstrate my hypothesis.
- ³⁷ See Fishbane, “Preambles in *Hayye Adam*” (forthcoming). I will also discuss additional Kabbalistic sources in *Hayye Adam* that reflect this polemic. Wilensky 1970 discusses this issue of Torah study and early Hasidism throughout his two volumes. See also Weiss 1997.
- ³⁸ Born c. 1543 and died 1620. Rabbi *Hayyim* is renowned primarily as the recorder and editor of the teachings of Rabbi Isaac Luria, although he himself was also an accomplished Kabbalist and writer.
- ³⁹ In addition to Rabbi Abraham Gombiner’s (1635–1685) commentary *Magen Avraham* see Rabbi Joseph ben Meir Teomim *Peri Megadim*, *Eshel Avraham* 89:4 and Rabbi Elijah Shapira’s (1660–1712) *Eliyahu Rabbah* 89:11, who quote a Kabbalistic source not to eat if one awakes in the middle of the night.
- ⁴⁰ This refers to the components of the Polish-Lithuanian Commonwealth.
- ⁴¹ The opinion of the Gaon in the *Be’ur ha-Gra* (§ 25 № 29–30) is that one is able to put on the *tefillin shel yad* either while sitting or standing, and that the *tefillin shel rosh* require standing specifically.
- ⁴² This ruling although discussed by the *posqim* seems to follow the direction of Rabbi Abraham Azulai (1570–1643). Rabbi Danzig chose to ignore the discussion of the *posqim* that discusses that if they are less than a size of an olive it is permitted to throw the crumbs.
- ⁴³ Similar to the *musar* books by Rabbi Israel Meir ha-Kohen known as the *Hafets Hayyim*. See Brown 2017a, pp. 109–116.
- ⁴⁴ *Magen Avraham* cites R. Luria, another Kabbalistic source to emphasize the severity of speaking in the synagogue.
- ⁴⁵ I suggest that this again is part of Rabbi Danzig’s polemic against Hasidim. Hasidim were known for their loud behavior in prayer and the synagogue. See for example Wilensky Vol. 1, 1970, p. 41. Additional references can be found throughout Wilensky’s book.
- ⁴⁶ This Zohar source is also quoted in *Magen Avraham* (90:6) focusing upon praying in a building.
- ⁴⁷ The ruling against a leading *Shulhan Arukh* commentator and adjudicator in favor of the Zohar follows the accepted guidelines for using the Zohar as a source of halakhic decision-making. That is, the Zohar may be applied in the case of a dispute amongst the *posqim*. This approach is presented in Rabbi *Hayyim* Mordechai Margolis’s *Shulhan Arukh* commentary *Sha’arei Te-shuvah OH* 26:14).
- This ruling once again is a probable part of Rabbi Danzig’s polemic with Hasidim. They were known to go to the forest to pray amongst the trees.
- ⁴⁸ The *Hayye Adam*, Laws of Prayer & Blessings (22:11) writes, “One should say the words in a whisper in order to hear what they are saying. However one must be careful when whispering that even someone standing near him will not hear their voice, as it is written of Hannah (1 Samuel 1:13) “[Hannah was speaking to her heart] only her lips moved, but her voice was not heard” even on *Rosh ha-Shannah* and *Yom Kippur*, and even if all are praying from *siddurim* (prayer books), for the reason is not because of only confusion, and there are other reasons that require prayer to be said specifically in whisper”.

- ⁴⁹ *Sefer Ma'aseh Rav* (§ 203) states that “one should not raise [their] voice more that the prayers of the entire year”, indicating the opposition of the Vilna Gaon to such a practice, see also the *Be'ur ha-Gra* (§ 582 № 22).
- ⁵⁰ As I stated above the Hasidim were known to pray very vocally. This ruling reflects upon Rabbi Danzig's anti-Hasidic approach.
- ⁵¹ I have cited three examples. The other instances the *Hayye Adam* inserts Kabbalistic sources are: Book 1 *Kelal*:1, *Kelal* 13:11, *Kelal* 19:6, *Kelal* 46:4, *Kelal* 68:13, Book 2 *Kelal* 132:35, *Kelal* 155:11.
- ⁵² See Fishbane, (forthcoming), where I discuss preambles in the *Hayye Adam*.
- ⁵³ For man is a micro-cosmos (*olam katan*).
- ⁵⁴ Blessing the Creator of the world.
- ⁵⁵ Creator of the lights.
- ⁵⁶ The angels say: Holy! Holy! Holy! (*kadosh, kadosh, kadosh*).
- ⁵⁷ Kahana 2015, p. 29.
- ⁵⁸ Kahana 2015, p. 25. Flatto 2015 argues and attempts to show that Rabbi Landau was a Kabbalist. I side with the understanding of Kahana. See also Brown 2017, pp. 137–140.
- ⁵⁹ Brown (2017, p. 138) writes concerning the *Noda bi-Yehudah*: “Kabbalistic concepts that appear sporadically in his writings are few and very basic and appear to be like a delicate spice to enhance his primary message”. I believe this to be true of Rabbi Danzig.
- ⁶⁰ I have throughout this paper suggested numerous instances that Rabbi Danzig is implicitly referring to his polemic with Hasidism.
- ⁶¹ Brown 2011, p. 539 in his important essay on Kabbalah in the *Mishnah Berurah*, discusses the *Hafets Hayyim* in his work the *Mishnah Berurah*. Although both saw the Zohar as primarily a tool for *musar*, it is clear that Rabbi Danzig's approach differed from the *Mishnah Berurah*. While there are similarities between *Hayye Adam* and *Mishnah Berurah* their point of departure differs.
- ⁶² I would like to extend special appreciation to Professor Herb Basser for assistance with this essay. Time and effort played no role in his help. To Dr. Julie Joseph for her valuable input to this chapter. I would also like to thank Dashell Fergusonson for his translations of *Hayye Adam*. To Estie Stollman for her translations of a number of paragraphs from *Hayye Adam*.

Bibliography

1. Brown, Benjamin. The Comeback of “Simple Faith”: The Ultra-Orthodox Concept of Faith and Its Development in the Nineteenth Century to *Dynamic of Continuity and Change in Jewish Religious Life*, edited by Simcha Fishbane and Eric Levine, 130–97. Boston: Academic Studies Press, 2017.
2. ———. “*Ha-baal ha-bayit: R. Yisrael Meir ha-Kohen, he-Hafets Hayyim*”. In “*The Gedolim: Leaders Who Shaped the Israeli Haredi Society*”, edited by Benjamin Brown and Nissim Leon, 105–51. Jerusalem: Magnes Press, 2017a.
3. ———. “*Ha-kabbalah bi-pesiqat he-Hafets Hayyim*”. *Mekhkerei yerushalayim be-mahshevet yisrael*, 2011, 342–485.
Hebrew
4. “Danzig Avraham”. In *Encyclopedia Judaica*, 1298. Vol. 5. Jerusalem, Israel: Keter publishing House, 1974.
5. Eliyahu, Mordechai. *Imrei Mordechai*. Vol. 1. Jerusalem, 2000.
Hebrew
6. Etkes, Immanuel. *The Gaon of Vilna: The Man and His Image*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2002.
7. Fishbane, Simcha. “Preambles: An Insight into Rabbi Avraham Danzig's *Hayye Adam*”. *Studies in Judaism, Humanities, and the Social Sciences* Forthcoming Spring 2018.

8. Flatto, Sharon. *The Kabbalistic Culture of Eighteenth-Century Prague: Ezekiel Landau (the 'Noda Biyehudah') and his Contemporaries*. Oxford: Portland, OR: Littman Library of Jewish Civilization, 2015.
9. Hallamish, Moshe. "Joseph Karo — Kabbalah and Halakhic Decisions". *Daat: Journal of Jewish Philosophy and Kabbalah* 21 (Summer 1989): 85–102.
Hebrew
10. ———. *Kabbalah in Liturgy, Halakhah and Customs*. Ramat-Gan, Israel: Bar-Ilan University, 2000.
Hebrew
11. Kahana, Maoz. *From the Noda bi-Yehudah to the Ḥatam Sofer*. Jerusalem: Zalman Shazar Center for Jewish History, 2015.
Hebrew
12. Kahana, Maoz, and Ariel Evan Mayse. "Hasidic Halakhah: Reappraising the Interface of Spirit and Law". *AJS Review* 41, no. 2 (November 2017): 375–408.
13. Katz, Jacob. *Divine Law in Human Hands*. Jerusalem: Magness Press: Hebrew University Jerusalem, 1998.
14. ———. "Halakhah and Kabbalah — First Contacts". In *Zion: Yitzhak F. Baer Memorial Volume*, 148–72. N. p.: Historical Society of Israel, 1979.
Hebrew
15. ———. *Tradition and Crisis*. Syracuse: Syracuse University Press, 2000.
16. Mayer, Mordechai. "Rabbi Avraham Danzig and His Works". Master's thesis, Bar Ilan University, 2000.
Hebrew
17. Pely, Chagai. "Kabbalah bi-pesiqato shel R. Yosef Karo". *Kabbalah: ketav et le-ḥeqer kitve ha-mistikah ha-yehudit* 26 (2012): 243–72.
Hebrew
18. Rav Tzair, Chaim Tchernowitz. *Toldot ha-posqim*. Vol. 3. New York: Jubilee Committee, 1947.
Hebrew
19. Rubin, Nissan. *Twisted Frames*. Tel Aviv, Israel: Ha-kibbutz ha-me'uḥad, forthcoming.
To be published 2017–2018
Hebrew
20. Schochet, Elijah Judah. *The Hasidic Movement and the Gaon of Vilna*. Northvale, New Jersey, London: Jason Aronson, 1994.
21. Sendor, Meir. "The Rule for Admissibility of Kabbalah in Halakhah". In *Be'erot Yitzhak: Studies in Memory of Isadore Twersky*, by Jay M. Harris, 269–83. Cambridge and London: Harvard University Press, 2005.
22. Tamar, David. "Dinim ha-meyyusadim al ha-zohar ve-al ha-kabbalah be-shulḥan arukh u-ve-beit-yosef". *Sinai* 115 (Tishrei-Heshvan 1994): 69–76.
Hebrew
23. Ta-Shema, Israel M. "Rabbi Joseph Karo: Between Spain and Germany". *Tarbiz*, Tishrei-Heshvan 1990, 153–70.
Hebrew
24. ———. "More on the Ashkenazic Origins of the Zohar (continuation from Part 1)". *Kabbalah: ketav et le-ḥeqer kitve ha-mistikah ha-yehudit* 5, no. 5 (2000): 353–58.
Hebrew
25. Twersky, Issac. "Ha-rav yosef karo baal ha-shulḥan arukh". *Asufot: sefer shanah le-mad'ei ha-yahadut*, 1989, 245–62.
Hebrew
26. Weiss, Joseph. "Torah Study in Early Hasidism". In *Studies in East European Jewish Mysticism and Hasidism*, edited by David Goldstein, 56–68. London: Vallentine Michell, 1997.

27. Werblowsky, R. J. Zwi. *Joseph Karo: Lawyer and Mystic*. N. p.: Oxford University Press, 1962.

28. Wilensky, Mordecai. *Hasidim and Mitnaggedim: A Study of the Controversy Between Them in the Years 1772–1815*. 2 vols. Jerusalem: Bialik Institute, 1970.
Hebrew

УДК 792(477-25)“1928/1950”

И. А. Мелешкина

(г. Киев, Украина)

Шолом-Алейхем на киевской еврейской сцене

Значение творчества Шолом-Алейхема для еврейской культуры трудно переоценить. В рассказе об истории еврейского (идишского) театра в Украине невольно отмечаешь, что программными, этапными постановками ведущих театральных коллективов часто были именно инсценизации произведений выдающегося писателя, который наиболее полно воплотил национальный характер, отразил стремление и способность еврейского народа к возрождению.

В 1928 г. в Киеве открылся государственный еврейский театр под руководством Захария Вина. Ставя перед вновь созданным театром амбициозную задачу — стать идишским культурным центром для еврейского населения города, — художественный руководитель отметил необходимость ознакомления зрителя с лучшими образцами классической национальной драматургии¹. Первый сезон театр открыл спектаклем «Дер Ойцер» («Клад») по Шолом-Алейхему (реж. З. Вин, худ. М. Эпштейн). Критика положительно оценила первую постановку театра, определив жанр спектакля как «исторический гротеск», а, кроме того, отметила «надлежащий художественный уровень всего актерского ансамбля»².

С 1930 г. Киевский ГОСЕТ возглавил режиссер МХАТа Борис Вершилов, а в 1934 г. театру был присвоен статус Всеукраинского. В этот период меняется репертуарная политика театра. Если в начале своего пребывания в должности художественного руководителя Киевского ГОСЕТа Б. Вершилов в основном сосредотачивается на еврейской и русской советской драматургии, то с середины 1930-х гг. ощутимой становится его тяга к классическому национальному репертуару. На

киевской еврейской сцене появляются «Миреле Эфрос» Я. Гордина, «Дер ерштер идишер Рекрут» («Первый еврейский рекрут») по И. Аксенфельду.

В 1937 г. Киевский ГОСЕТ возглавил талантливый режиссер Наум (Нохем) Лойтер. И первым спектаклем, поставленным Н. Лойтером, была инсценировка повести Шолом-Алейхема «Степеню». Режиссер поставил спектакль в мягких, нежных тонах, ярко отразив своеобразие шолом-алеихемовского стиля. Главными в спектакле были темы художника, задыхающегося в атмосфере местечкового окружения, и женщины, которую традиции и вековые устои лишают права любить.

В роли «скрипача от Б-га» Степеню из веселой компании свадебных клезморим — вдохновенного, страстного — выступил актер Моисей Ойбельман. Роль его возлюбленной Рохеле нежно и проникновенно исполнила Шева Эйлишева. Кроме исполнителей главных ролей, актерским успехом стал образ Фрадл, жены Степеню, в ярком исполнении Шевы Фингеровой. Ее Фрадл настоящая «бой-баба» — смелая, резкая, деятельная; актриса отказывается от традиционной трактовки своей героини как сугубо негативной. Энергия, мажорные тона образа Фрадл прекрасно оттеняли хрупкий, печальный образ Рохеле. Эти два женских характера, такие разные и по-своему привлекательные, создали два «полюса» спектакля, между которыми мечется мятежная душа Степеню³.

Критика отмечала также интересные и удачные массовые сцены, которые показывали будни и праздники еврейского местечка, а также были живописным фоном, на котором развивались отношения главных героев. «Я считаю, что еврейские музыканты — это особый мирок, заслуживающий более внимательного наблюдения, чем это сделано в моем романе», — писал Шолом-Алейхем⁴. Театр принял слова автора как руководство к действию. Особенно запоминающейся была начальная сцена свадьбы, которая проходила традиционно с капеллой музыкантов, со скоморохом-бадхеном (в ролях клезмеров выступали такие видные и талантливые актеры театра, как Лазарь Калманович, Гириш Вайсман, Моисей Теплицкий, Исаак Альперович).

С момента премьеры «Степеню» произведения Шолом-Алейхема уже не сходили с киевской еврейской сцены. В конце 1930-х гг. готовилось празднование 80-летнего юбилея писателя во всесоюзном масштабе. В 1938 г. свет рампы увидела постановка Киевского ГОСЕТА «Тевье дер Милхикер» («Тевье-молочник», инсценировка Е. Добрушина и Н. Ойслендера), впоследствии ставшая легендой театрального

Спектакль «Степеню»⁵

М. Ойбельман в роли Степеню

Ш. Эйлишева в роли Рохеле

Ш. Фингерова в роли Фрадл

Киева. Для постановки был приглашен Лев Литвинов из Минского ГОСЕТа, оформил спектакль Е. Кордыш. Об особенностях спектакля пишет известный театральный критик Хайм Токарь: «Этот спектакль мы видели у нас во время гастролей московского ГОСЕТа. Литературный сценарий, который идет в киевском театре, тот же, что и в московском, тех же авторов — Добрушина и Ойслендера. Но спектакли обоих театров — разные. Творчество Шолом Алейхема такое многогранное, что позволяет мастерам сцены пользоваться своим индивидуальным художественным почерком.

Если в московском ГОСЕТе “Тевье” трактуется как патетическая трагедия, то в киевском театре дана лирическо-бытовая драма. Если в московском ГОСЕТе шолом-алеихемовский текст сократили, уступив место органично-музыкальной ткани спектакля, то в киевской постановке упор сделан на значительно более широкое использование шолом-алеихемовского слова»⁶.

Новеллы, создающие цикл о Тевье-молочнике, Шолом-Алейхем писал на протяжении нескольких десятков лет. Тевье в исполнении одного из самых опытных актеров театра Лазаря Калмановича будто сошел со страниц шолом-алеихемовской прозы. Неутомимый труженик, местечковый философ, которого не в состоянии сломать никакие жизненные невзгоды. Он — сущность еврейского народа, его символ. «В центре спектакля — заслуженный артист УССР Л. В. Калманович. Мы знаем его как талантливого мастера, но признаемся, что такого творческого диапазона не ожидали. Полагаем, что здесь, конечно, сыграл большую роль автор. Вот что значит произведение большого художественного звучания!

У талантливого артиста при ознакомлении с таким материалом вырастают крылья. Калманович-Тевье — это крепкий дуб, корни которого глубоко вошли в землю. Калманович-Тевье — это дерево, у которого широко разрослись могучие ветви, такие же, как и он — его замечательные дети. Мягкая человеческая доброта, теплый юмор, оптимизм человека, которого не согнули бедствия, что, как из рога избылиия, сыпались на его голову — вот какой Калманович-Тевье»⁷. Слова в финале: «Покуда душа держится в теле, езжай дальше, Тевье» — у Лазаря Калмановича звучали оптимистично, несмотря на то, что герой со своей семьей и нехитрым скарбом изгнан из родной Анатовки, а впереди — бесконечные странствия и неверное существование»⁸.

«Нежную мать, тихую и добрую, которая сгибается под тяжестью невыносимой жизни — такой рисует жену Тевье — Голду артистка Померанц. Эту же линию ведет и старшая дочь Тевье — Цейтл (ар-

Хорошо удается артистке Томской детская живость Бейлки. Колоритную фигуру урядника создал артист Альперович. Небольшие роли Педоцера и мясника Лейзер-Вольфа нашли удачных исполнителей в лицах Слонимского и Рубинштейна. Спектакль “Тевье” — несомненное достижение театра, на таких спектаклях растет театр, растет его культура»⁹.

Л. Калманович оставался единственным исполнителем роли Тевье, пока летом 1939 г. на гастролях в Ленинграде у актера не случился инфаркт. Чтобы не прерывать выступления, на роль ввели другого исполнителя — актера и режиссера Абрама Нугера. Вот как он позже написал в воспоминаниях о своем старшем товарище: «О Калмановиче следует сказать, что это был актер от соков земли. Не умел он играть вполголоса, вполсилы, и всегда был искренен. Нохумце-Хане-Двойрес в “Миреле Эфрос” он играл, как Б-г. А Сендер Бланк! Его Сендера Бланка расцеловал бы сам Шолом-Алейхем»¹⁰.

Сатирическая комедия «Сендер Бланк» (реж. А. Нугер, худ. Е. Кордыш) появляется на сцене Киевского ГОСЕТа в следующем, 1939 г. — в юбилей писателя. Инсценировку романа Шолом-Алейхема «Сендер Бланк и его семейка» сделал актер театра Моисей Ойбельман, который также имел незаурядные литературные способности.

Сам автор называл это свое произведение «романом без романа» в том смысле, что в нем отсутствует традиционная любовная интрига. Зато «в этом произведении Шолом-Алейхем много сатирического яда вылил на голову еврейской буржуазии, которую он остро ненавидел. Он раздел ее донага. И она встала во всем своем отвратительном «блеске». Шолом-Алейхем часто обращается в своих произведениях, где он описывает обычаи и быт еврейской буржуазии, к тем, кто вынужден ее обслуживать за кусок хлеба. Вот этим наемным рабам, которые по своему уму и этическому началу всегда у автора выше господ, автор дает возможность едко характеризовать своих властителей. Инсценировщик ввел образы слуг, позаимствовав их из других произведений Шолом-Алейхема. В их репликах малопочтенная семейка Бланк вышла мерзкой, какой она в действительности и является. Режиссер Нугер сделал упор на общественную сатиру, присущую “Сендеру Бланку”, и достиг заметного успеха»¹¹.

Богач Сендер Бланк объявляет себя неизлечимо больным, дабы проверить, как поведут себя его родные. И хищная «семейка» сразу же, подобно воронью, слетелась делить наследство, хотя Сендер умирать совсем не собирался. Приковывляла даже тетушка Добруш, престарелая сестра Сендера Бланка, чтобы также оттяпать свою долю на-

Спектакль «Сендер Бланк»

С. Эйдельман в роли тетушки Добруш

Л. Калманович в роли Сендера Бланка

следства. Эту острохарактерную роль мастерски, с большим юмором играла одна из старейших актрис театра София Эйдельман, в свое время бывшая партнершей по сцене легендарной Эстер-Рохл Каминской. «Есть в этой пьесе маленькая, почти эпизодическая роль присяжной плакальщицы. Это неременный атрибут местечкового дореволюционного быта. Ее играет артистка Эйдельман. Играет так ярко, показывая такую сценическую культуру, что эту фигуру трудно забыть. Мы останавливаемся на этом образе потому, что он создан одной из самых культурных артисток дореволюционного еврейского театра»¹². Яркая театральность, народный юмор, сатирические образы — вот составляющие успеха постановки. «Заслуженный артист республики Калманович показал омерзительный образ еврейского буржуа Сендера Бланка — его хамство, жажду наживы, готовность переступить через слезы, горе, чтобы удовлетворить свою страсть к деньгам.

Яблоко падает недалеко от яблони. Дочь Сендера — Ревекку играет со сценическим блеском артистка Эйлишева. Неудержимый эгоизм, готовность на все подлости, чтобы присвоить родительское добро — такова достойная наследница своего отца Сендера Бланка в исполнении артистки»¹³.

Сезон 1939–40 гг. Киевский Всеукраинский ГОСЕТ встречает с новым художественным руководителем. В Киев приезжает актер и режиссер Моисей Гольдблат — выдающаяся личность на ниве еврейского театра. С приходом М. Гольдבלата в театре наступает период творческой стабильности, с ним Киевский ГОСЕТ пройдет весь свой дальнейший путь. Первой постановкой нового главного режиссера на киевской сцене стала историческая трагедия Самуила Галкина «Бар-Кохба» (худ. Н. Альтман).

Моисей Гольдблат на сцене Киевского ГОСЕТа сразу проявил себя и как талантливый актер. В 1940 г. он выступил в главной роли Шимен-Эле в спектакле «Дер фаркишефтер Шнайдер» («Заколдованный портной») по Шолом-Алейхему (реж. Л. Литвинов, худ. Н. Альтман). «Киевский еврейский театр, вступая в новую фазу своей творческой жизни, не случайно обратился к Шолом-Алейхему.

Чудесная сказка о заколдованном портном будто ждала того, чтобы вновь ожить в новом качестве, облачившись в яркие театральные одежды. Заслуга инсценировщика этого произведения — артиста Киевского еврейского театра М. Ойбельмана заключается в том, что ему удалось создать сценический вариант «Заколдованного портного», в котором в полной мере сохранено идейное содержание шолом-алейхемовского произведения <...>. Инсценировщик не только глубоко-

ко почувствовал тексты Шолом-Алейхема, — он много увидел и понял из подтекста, читая, так сказать, и между строк. Инсценировщик талантливо передал не внешность, не «букву», а душу этой необычайной сказки. Галерея шолом-алеихемовских образов приобрела завершенный, в разумении театральном, — вид.

Режиссер спектакля засл. арт. БССР Л. Н. Литвинов добыл из художественной сокровищницы творчества Шолом-Алейхема его лирический юмор, вдохновенную поэтичность и страстную мысль. <...> Элементы «народной игры», ряд условностей в построении спектакля (интермедии, прекрасная сцена сна), заостренные, с элементами гротеска, характеристики некоторых образов, ритмичность актерского исполнения в спектакле делают «Заколдованного портного» очень интересным художественным событием на нашей сцене.

Театр своей захватывающей работой доказал, что Шолом-Алейхем — не смешливый рассказчик, не ограниченный бытописатель, а пронизательный философ, умеющий художественно обобщить реальную жизнь, познавая ее и изучая острым всеобъемлющим взглядом человека благородного, искреннего и прежде всего — мудрого. Мудрого — во всем»¹⁴.

Своей актерской игрой Моисей Гольдблат прикоснулся к неисчерпаемой теме мирового искусства — теме «маленького человека». «Смех сквозь слезы» — так когда-то определил Шолом-Алейхем особенность своего творческого кредо, и поэтому жанр спектакля — трагикомедия — наиболее точно выражал суть шолом-алеихемовской прозы. Уже упомянутый Х. Токарь отмечает, что «...самым ярким в этом спектакле является образ портного в исполнении заслуженного артиста РСФСР орденосца М. Гольдבלата. Киев знает этого артиста по его многолетней работе в Московском ГОСЕТе, но в таком творческом расцвете, на таком художественном подъеме мы видим его впервые.

В образе портного Шимон-Эли скрещиваются идейные и стилевые тенденции всего спектакля. Трагическая нота, которая звучит в устах артиста, когда он поет песенку: «Ты, Шимон-Эля, пятьдесят лет уже бедняк, и бедняком, с Божьей помощью, останешься», — определяет весь стиль спектакля и настроение этой лирической трагикомедии.

Пластический рисунок образа портного в исполнении М. Гольдבלата предельно выразителен. Артист очень музыкален и ритмичен, культура слова у него не оставляет желать ничего лучшего. Он глубоко раскрывает тончайшие душевные переживания своего героя. Все у него внутри оправдано.

Спектакль «Дер фаркишефтер Шнайдер»¹⁵

М. Гольдблат
в роли Шимен-Эле

А. Сонц
в роли Ципе-Бейле-Рейзел

Взгляните на Шимон-Элю — Гольдблата, когда он мечтает, как о недостижимом идеале, о «луке с редькой в сале», — в то время, когда ему приходится довольствоваться куском хлеба, твердым, как подошва. Вот он принялся было за еду, как вдруг его взгляд упал на спящих голодных детей. Что-то остановило его движение, убило желание... Дети проснулись. Сантиметром Шимон-Эля — Гольдблат отмеряет детям по кусочку хлеба, рассчитывая так, чтобы что-нибудь от этого «добра» еще осталось на ужин. Внешне это остроумная юмористический сценка, но артист умеет раскрыть ее глубокий, драматический смысл, показать зрителю обратную сторону медали. <...>

Трудно забыть монолог в заключительной сцене безумия. Никакого намека здесь нет на «клинические» упражнения, такие традиционные на сцене в аналогичных случаях. Финальная сцена потрясает весь зрительный зал»¹⁶.

Рецензента интересует не только игра ведущего актера, какой бы талантливой она ни была. Х. Токарь подробно и детально разбирает игру исполнителей небольших второстепенных ролей, из которых состоит достоверная картина житья-бытья еврейского местечка, так

точно описанного Шолом-Алейхемом. «Очень порадовал нас актерский коллектив, принимавший участие в создании спектакля. Такой стройности ансамбля, как в этом спектакле, раньше не было на сцене Киевского еврейского театра.

В этом спектакле нет больших ролей, кроме центральной фигуры портного Шимон-Эли. Вся трудность заключалась в том, чтобы убедительные, обобщающие и яркие образы были созданы на материале маленьких ролей. Театр поручил эти «малые» роли ведущим актерам и актрисам. Вряд ли вначале они имели желание заниматься «мелочами», — теперь же, когда победа ансамбля отмечена критикой и зрителем, и они, видимо, пришли ко мнению, что можно и нужно и в малой роли быть настоящим художником и творцом. Это мнение достаточно убедительно доказали артистки Р. Яцовская, А. Шейнфельд, Е. Томская в профессионально поставленном и разыгранном эпизоде «хедер». Тоже самое мы видим и в сцене «халястра», когда голытьба веселится в лачуге Шимон-Эли.

К ряду значительных актерских удач справедливо отнести работу арт. Л. С. Хейфеца (Хайм-Хоне): его странные привычки, манера разговаривать, медленный жест — все это живое воплощение давно отмершего уже у нас типа меламеда, розгами и подзатыльниками втолковывающего схоластическую «премудрость» талмуда и засоряющего головы веселой голодной детворы, что тянется к свету, к воздуху, к солнцу. Я. Гольман нашел много удачных мелких штрихов, дабы показать сочный образ местечкового «скомороха». «Казак-баба», крутящая своим мужем, как придется, а сама немало страданий испытывавшая в своей горькой жизни — такой показала засл. арт. УССР А. Сонц жену портного — Ципе-Бейле-Рейзел.

В патриархальном еврейском местечке был очень распространен тип женщины, которую иронически называли «тихо-молчаливой». На самом деле ее рот не закрывался ни на минуту, разговор с ней была настоящей мукой для того, кто становился ее «собеседником». Именно такой показала артистка Эйлишева жену козодоевского меламеда¹⁷.

Интересно отметить, что в живую ткань сценического действия как неотъемлемая составляющая были введены народные танцы, особенно в упоминавшейся выше сцене «халястры». Одним из постановщиков танцев выступил Григорий (Гирш) Вайсман, один из старейших и опытнейших актеров Киевского всеукраинского ГОСЕТа, воспитанный школой старого еврейского театра. Критики отмечали, что от темпераментных танцев веет «выразительным чувством народности»¹⁸. И, как обычно на национальной сцене, наивысшие творческие

достижения случались тогда, когда этническое своеобразие, народные традиции сочетались с общечеловеческой проблематикой.

Спектакль «Заколдованный портной» привлек внимание и киевской публики, и театральной общественности как незаурядное событие на столичных подмостках. Если Моисей Гольдблат для своего режиссерского дебюта на сцене Киевского ГОСЕТа избрал масштабную историческую трагедию «Бар-Кохба», в которой показал себя мастером массовых сцен и сторонником высокого романтизма, то его первая актерская работа — Шимен-Эля в «Заколдованном портном» — презентовала его как талантливого и предельно искреннего исполнителя, способного показать истинное величие «маленького человека».

В годы Второй мировой войны постановки произведений Шолом-Алейхема оставались в репертуаре Киевского всеукраинского ГОСЕТа. К середине июля 1941 г. еврейский театр, как и все другие театры города Киева, был эвакуирован. Труппа распалась; собрать ее удалось только в 1942 г. в г. Джамбуле (Казахстан).

В эвакуации в Джамбуле базой ГОСЕТа стало помещение Казахского театра. Две труппы — местная и еврейская — работали в очередь. Театр возобновил лучшие довоенные постановки, среди которых были и «Тевье-молочник», и «Заколдованный портной» по Шолом-Алейхему¹⁹. Спектакли шли на идише, но незнание языка нисколько не мешало зрителям воспринимать и понимать происходящее на сцене.

В 1944 г., после освобождения Украины, была проведена реэвакуация Киевского всеукраинского ГОСЕТа. Но в Киеве места еврейском театру уже не нашлось. До постройки нового театрального здания ГОСЕТ был размещен в городе Черновцы. Надежда была, что временно, а оказалось — навсегда, до самого закрытия.

На осень 1945 г. было запланировано празднование на государственном уровне 20-летия со дня основания I Всеукраинского государственного еврейского театра (г. Харьков, 1925 г.), и единственный в послевоенной Украине ГОСЕТ приглашают в столицу с лучшими спектаклями. К гастролям театр готовит новую постановку «Тевье дер Милхикер» («Тевье-молочник»), исполнителем главной роли и режиссером которой выступил Моисей Гольдблат. Спектакль отличался прекрасным актерским ансамблем, что всегда было сильной стороной режиссуры М. Гольдבלата²⁰. Блистательное исполнение роли Тевье продолжало излюбленную гольдблатовскую тему величия «маленького человека».

Гастроли продолжались больше месяца, и на всех спектаклях зал Театра оперетты был переполнен. В ознаменование больших заслуг

театра, в частині в роки війни, ГОСЕТу було присвоєно ім'я Шолом-Алейхема²¹.

В 1946 г. театр імени Шолом-Алейхема поставив інсценіровку його роману «Ди блондженде Штерн» («Блуждающие звезды», реж.

Спектакль «Ди блондженде Штерн»

Комітет в справах мистецтва при Раді Міністрів УРСР
ДЕРЖАВНИЙ ЄВРЕЙСЬКИЙ ТЕАТР УРСР
 ім. Шолом-Алейхема.

ПРОГРАМА

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ
 Інсценіровка: А. Рубінштейн

Шандрівні Зорі
 в'єса на 4 дії

Композиція, текст, постановка і режисюра Народного артиста КазРСР М. І. ГОЛЬДБЛАТА
 Офортелія художника Л. З. ФАЙЛЕНБОГЕНА
 Костюми за ескізами Г. Г. КЕСЛЕР
 Композитор С. Н. ШТЕЙНБЕРГ
 Режисер-асистент А. І. РУБІНШТЕЙН
 Ведуть виставу: А. Н. ВІЛЕНЬСКА та М. І. ШЕХТМАН

Дійові особи та виконавці:

Рафалеско С. І. Бідер, А. Г. Меламед
 Рейза С. С. Лейман, Е. А. Томська
 Гоцмах Засл. арт. УРСР — Д. М. Жаботинський,
 Я. С. Гольман

Мурав'як М. Л. Оббельман, М. Б. Тепляцький
 Ізак Швалб С. Э. Гохберг, Я. Л. Шехтман
 Наск Швалб Я. В. Абрамович
 Гейдзета Швалб Е. І. Шапиро
 Шупак В. Н. Шайкевич
 Бейя Горді Л. С. Хейфель
 Брайнделе Ш. Ш. Філгерова, Ш. І. Елішева
 Сорє Брохе З. Г. Муровина, С. К. Бурсак
 Златке С. А. Месошник, Р. Р. Понімовська
 Никель А. С. Мерензон
 Арчабальд Х. А. Острівський
 Хаза І. А. Рубінчик
 Ханте Р. А. Сімкіна
 Ракмія труба В. А. Каршенбаум
 Кусел-барабан М. І. Євштейн

Актори, актриси, глядачі.

Художник кер в м театру, Народн. арт. (КазРСР, заслужений діяч мистецтв УРСР, заслужений арт. РРФСР) —
 М. І. ГОЛЬДБЛАТ.

Сам. постановочні частини — А. С. Мерензон, Зас. діяч мистецтв — Ф. М. Хейфель, художник — Ф. Д. Селлер, декоративний — С. Б. Ланцман, записник сцен — Ф. А. Коукач, електросвітловий — Г. М. Хлітін, грим'єрний — В. І. Ліман, режисерський — М. І. Борисенко.

Початок вистави о 7 год. 30 хв. вечора. Каса відкрита з 11—3 та з 5 год. вечора. Діти до 16 років на вечірній виставі не допускаються.

Після 3 днів вхід до залу вільний.

Д І Р Е К Ц І Я.

Обл. друк. Чернівці — 3. 2256 Т. 2000.

Сцена из спектакля.
 В роли Рейзеле Спивак —
 С. Лейман, в роли Лео
 Рафалеско — С. Бидер

Д. Жаботинский
 в роли Гоцмаха

Програма спектакля

на сей раз выступил Дмитрий Жаботинский, один из ведущих актеров ГОСЕТа. А вот в знаковой роли тетушки Добруш зритель снова увидел легендарную Софию Эйдельман²³.

В 1949 г. экономическое положение театра резко ухудшается — ГОСЕТу отказано в государственной дотации. Театр имени Шолом-Алейхема изо всех сил пытается выжить, остаться «на плаву», привлечь публику. Для этого срочно ставятся новые и новые спектакли. Так, в течение 1949 г. театром было показано 13 премьер! Но кассовые сборы не могли перекрыть даже расходы на постановки. В конце того же года театр ставит знаменитую комедию Шолом-Алейхема «200 000» («Большой выигрыш», реж. М. Гольдблат, худ. Г. Кеслер, комп. С. Штернберг). История о том, как бедный портной Шимеле Сорокер неожиданно получает по выигрышному билету 200 000, теряет богатство и снова возвращается к своим «ножницам и утюгам» — чрезвычайно популярный шолом-алейхемовский сюжет для театра. Однако, постановка этого шедевра обычно становилась определенным испытанием для коллектива. Сложность заключалась в том, что на длительное время эталоном постановки пьесы стал спектакль Московского ГОСЕТа 1923 г. с яркими актерскими работами С. Михоэлса, В. Зускина, С. Ротбаум. Следует отметить, что дублером Михоэлса-Сорокера долгое время был выпускник студии Московского ГОСЕТа, а затем его актер Моисей Гольдблат, в означенный период — художественный руководитель Всеукраинского еврейского театра. Вполне естественно, что именно он и выступил в главной роли неунывающего портного, настоящую человеческую натуру которого не может изменить ни богатство, чудом упавшее на голову, ни его внезапная потеря. Теперь, после убийства Михоэлса, о гротеске и эксцентрике 20-х гг. не могло быть и речи, тем не менее, спектакль был отмечен яркой театральностью, мягким шолом-алейхемовским юмором²⁴. Однако этому веселому спектаклю суждена была совсем короткая и невеселая жизнь...

В феврале 1950 г. комиссией Комитета по делам искусств было принято решение о закрытии Черновицкого государственного театра имени Шолом-Алейхема «в связи с нерентабельностью». А завершить историю еврейского театра в Украине было суждено также спектаклю по произведению Шолом-Алейхема — «Ди блондженде Штерн» («Блуждающие звезды»). Вот как вспоминает очевидица закрытия театра — Виктория Горгун, дочь актрисы труппы Софии Пемовой, о последнем спектакле: «Это было зимой 1950 года в Черновцах. Актеры уже знали о закрытии театра, но и зрители каким-то образом

тоже об этом узнали. Все билеты на спектакль «Блуждающие звезды» были проданы, и я помню, что даже проходы были заполнены людьми. Это было страшное, молчаливое прощание. Время было ужасное. Все еврейские театры были закрыты, многие актеры арестованы. В зале тут и там слышались едва сдерживаемые рыдания. Когда закончился спектакль, раздался гром аплодисментов. А затем снова гробовое молчание. Никто из зрителей не хотел уходить из зала. Все долго молча стояли. Затем медленно разбрелись по домам.

Актеры оставались в театре почти до рассвета, прощались со всем тем, чем жили, чему посвятили лучшие годы. Все плакали, и я тоже сильно плакала, ко мне подошел Моисей Исаакович Гольдблат — художественный руководитель театра, и на идиш сказал мне: «Викале, не надо плакать», а у самого глаза полны слез. Никогда я не смогу забыть этот день...»²⁵ Так, последним среди еврейских театров Советского Союза, завершил свою работу Киевский ГОСЕТ.

На сцене Киевского всеукраинского ГОСЕТа, в последний период своей деятельности носившего имя Шолом-Алейхема, творчество классика еврейской литературы получило яркое полнокровное воплощение. Рассмотренные выше постановки, охватывающие весь период работы театра, начиная с открытия в 1928 г. спектаклем «Дер Ойцер» («Клад») и до закрытия в январе 1950 г. спектаклем «Ди блондженде Штерн» («Блуждающие звезды»), убедительно свидетельствуют об этом.

Примечания

¹ Вин З. Пути и задачи еврейского театра // Вечерний Киев. 1928. 16 октября.

² Матеріали конференції глядачів єврейського театру // Пролетарська правда. 1929. 19 апреля.

³ Геґ С. «Степеню» в Державному єврейському театрі УРСР // Комсомолец України. 1937. 2 апреля.

⁴ Шолом Алейхем Степеню [Электронный ресурс] // ЛитМир : Электронная Библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=50443> (дата обращения: 22.01.2018).

⁵ Изобразительные материалы, если не оговорено иное, — из фондовой коллекции МТМКУ.

⁶ Токар Х. «Тев'є дер Мілхікер» у Київському державному єврейському театрі // Комсомолец України. 1938. 18 октября. Перевод с украинского мой — И. М.

⁷ Там же.

⁸ Лоев М. Украденная муза: Воспоминания о Киевском государственном еврейском театре имени Шолом-Алейхема. Харьков — Киев — Черновцы, 1925–1950. Киев : Дух і літера, 2003. С. 92.

⁹ Токар Х. «Тев'є дер Мілхікер»...

¹⁰ Нугер А. Воспоминания. (Из личного архива А. Подопригоры).

¹¹ Токар Х. Шолом-алейхемівські спектаклі в Києві // Комсомолец України. 1939. 26 апреля. Перевод с украинского мой — И. М.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Токар Х. Шляхом шукань // Театр. Киев, 1940. № 10. С. 18. Перевод с украинского мой — И. М.

¹⁵ Обе фотографии взяты из журнала «Театр». 1940 г. № 10.

¹⁶ Там же. С. 18–19.

¹⁷ Там же. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Лоев М. Указ. соч. С. 110–111.

²⁰ Там же. С. 122–124.

²¹ Там же. С. 141.

²² Там же. С. 188–189.

²³ Там же. С. 211.

²⁴ Там же. С. 223, 226–227.

²⁵ Горгун В. Последний спектакль // Калейдоскоп (приложение к газете «Еврейские вести» — И. М.). 1995.

УДК94(470.23-25):792.5(=411.16)”1957/1970”

Т. М. Смирнова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Еврейские коллективы на сцене Ленинградского театра эстрады в 1960-е гг.

С 1919 по 1941 гг. (с перерывами) в Петрограде–Ленинграде работали профессиональные еврейские театры на идише. В послевоенный период оживление еврейской театрально-эстрадной жизни в нашем городе происходит в связи с политической оттепелью и охватывает период середины 1950-х – 1960-е гг. Дают концерты на идише ленинградские певцы Михаил Эпельбаум, вернувшийся из заключения, артистка Ленгосэстрады Розалия Голубева, ранее певшая только по-русски, кантор ленинградской синагоги Давид Стискин. Приезжают на гастроли московские артисты – певцы Саул Любимов, Эмиль Горовец, коллектив Анны Гузик, выступают еврейская группа Сиди Таль из Черновицкой филармонии, Ансамбль еврейской музыкальной комедии и драмы под руководством Бориса Ландау из Узбекской госэстрады, артисты филармонии Литовской ССР и др.¹

В Ленинграде также не были утрачены традиции еврейского театра, и в 1956–1957 гг. усилиями еврейской художественной общности под руководством вернувшегося из лагерей известного

еврейского артиста Файвиша Львовича (Файвла Лейбовича) Аронеса был создан Ленинградский еврейский музыкально-драматический ансамбль. 11 сентября 1957 г. в Доме народного творчества (ул. Рубинштейна, 13) в присутствии 600 зрителей состоялся общественный просмотр первой программы ансамбля. Программа состояла из двух отделений. В первом были исполнены фрагменты из пьесы Шолом-Алейхема «200 000» («Крупный выигрыш» — «Дос гройсе гевинс»), роли исполняли Я. Клебанов (Шимелэ Сорокер), Б. Аккерман (Эти-Мени), Н. Заборова (Бейльке), А. Гольдина (Иохевед), Ф. Аронес играл Соловейчика. Второе отделение представляло собой эстрадный концерт: Н. Заборова читала «Доброе имя» С. Маршака (перевод на идиш З. Баева), Б. Аккерман — монолог «Мое счастье» З. Баева; еврейские народные песни исполняли Е. Черномазова и Б. Аронес, звучала «Мелодия» в обработке Я. Розенфельда и «Воспоминания» С. Фрейденберга, соло на скрипке исполнял Б. Городинский. У Ф. Аронеса также был сольный номер — он исполнял «Записки коммивояжера» Шолом-Алейхема. Программу вел конференсье Е. Лехемус, композитор Р. Скларский был музыкальным руководителем и концертмейстером ансамбля².

К сожалению, ансамбль не был зарегистрирован в качестве профессионального коллектива при Ленконцерте, и Файвиш Аронес вместе с женой, исполнительницей песен на идише Бертой Аронес, переехал в Ригу, где они выступали с концертами от Государственной филармонии Латвийской ССР. Но Ленинградский еврейский ансамбль не распался, благодаря активности певца-любителя Наума Агранова он вошел в состав художественной самодеятельности профсоюза местной промышленности и коммунального хозяйства и до 1960 г. с успехом выступал на разных площадках города³. А сам Ф. Аронес, как показало развитие событий, все же участвовал в работе еврейского ансамбля — своими произведениями.

В составе ансамбля появились также известные еврейские артисты, выходцы из закрытого в 1949 г. Московского ГОСЕТа Эстер Ройтман и Зиновий Каминский. Стал его участником также Яков Клебанов — удивительный человек, в юности участник драмкружка в г. Борисов в Белоруссии, получивший приглашение стать актером Минского еврейского театра, но под давлением семьи оставивший, как пишет в воспоминаниях об отце его сын А. Клебанов, эти «холоймес» — розовые мечты. В 1920-е гг. он получил «полезную» профессию сапожника, долго работал заготовщиком обуви на фабрике «Скороход», где сотрудничал в заводской многотиражке; в 1937 г. он уже главный ре-

дактор молодежной газеты «Смена», в 1938 г. — заведующий отделом главной городской газеты «Ленинградская правда», затем инструктор сначала районного, потом городского комитета ВКП(б), во время войны редактор дивизионной газеты на Ленинградском фронте, в 1945–1947 гг. — сотрудник Лениздата, уволенный из-за отказа стать председателем колхоза в Ленинградской области. Затем в течение года он работал заготовщиком обуви в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова, а в 1948–1958 гг. — в разных закройно-заготовочных артелях и цехах промкооперации, дойдя до должности начальника цеха. И вот в 1958 г. 46-летний семейный человек уже сам резко меняет свою судьбу и наконец осуществляет мечту своей юности — становится артистом Ленинградского еврейского ансамбля⁴.

Несмотря на успешные выступления, самодеятельный Ленинградский еврейский ансамбль в 1960 г. лишился поддержки профсоюза в силу изменившейся культурной политики. Но группа артистов этого коллектива — ветераны ГОСЕТа Эстер Ройтман и Зиновий Каминский, а также Яков Клебанов — сумела добиться признания права на существование в качестве профессионалов в системе Ленконцерта. Они стали костяком Ленинградского ансамбля водевиля и комедии на еврейском языке (Ансамбля водевиля и комедии Ленконцерта (на еврейском языке)), работавшего на протяжении всех 1960-х гг.

Постоянным режиссером ансамбля был И. Теслер, балетмейстером Э. Виноградова, оформлял выступления художник Г. Берман. Музыкальным руководителем ансамбля до 1966 г. работал композитор и пианист Семен (Залман) Фрейденберг, выпускник Одесской и Ленинградской консерваторий (в последней занимался в классе фортепиано у проф. С. М. Майкапара и в классе композиции у А. К. Глазунова), участник фольклорных экспедиций, аранжировщик еврейских народных песен, в 1932–1939 гг. — концертмейстер М. Эпельбаума. В 1947 г. он был репрессирован, вернулся из лагерей в 1953 г. и продолжил профессиональную деятельность⁵. В Ленконцерте С. Фрейденберг служил в 1960–1966 гг. дирижером оркестра.

Репертуар Ансамбля водевиля и комедии Ленконцерта составляли театрализованные представления, включавшие несколько миниатюр. Так, в 1965 г. З. Каминский, Э. Ройтман, Я. Клебанов и А. Митбрайт давали представление в двух отделениях «Гут иомтев» («С праздником») по либретто Бориса (Боруха) Бергольца и Иосифа Керлера, со скетчами «Хорошая старость», «Вы не знаете нашего дядю» и «Дорогой гость» в первом отделении. Второе отделение целиком было занято показом пьесы Ф. Аронеса «Фрейлихе капционим» («Веселые

бедняки»). Спектакль шел в сопровождении оркестра, музыку к представлению написал С. Фрейденберг⁶.

А. Клебанов, посещавший в юности спектакли ансамбля, особо отмечает звучавшую в них замечательную музыку С. Фрейденберга, который писал «чудные мелодии в народном стиле», исполняемые самим автором и еще одним пианистом — М. Кориком⁷.

Афиша Ленконцерта без даты, воспроизведенная в электронной версии воспоминаний А. Клебанова, посвящена театрализованному представлению ансамбля под названием «Фрейд зол зайн» («Да будет радость») с участием З. Каминского, Э. Ройтман, Я. Клебанова, с фотографиями сцен из миниатюр «Свадьба в местечке», «Касриловка», Благословенная страна», «Этого забыть нельзя»⁸.

В 1966 г. ансамбль поставил спектакль по произведениям Шолом-Алейхема «Касриловское счастье» в инсценировке Ф. Аронеса, исполнителями в котором указаны Э. Ройтман, З. Каминский, Я. Клебанов и С. Фрейденберг, а композитором — Соломон Томбак⁹.

С. Томбак в 1932–1938 гг. работал пианистом в Ленгосэстраде и руководителем эстрадного оркестра в ленинградских домах культуры, затем до 1948 г. художественным руководителем ансамбля песни и пляски погранвойск в Хабаровске, позже был музыкальным редактором студий кинохроники и телевидения (там же), а в 1960 г. вернулся в Ленинград, работал на студии кинохроники, был принят в Союз композиторов и Союз кинематографистов¹⁰. С 1966 г. сотрудничал с Ансамблем водевиля и комедии Ленконцерта, сочинил для него музыку к постановкам «Касриловское счастье» и «Фрейлихе капционим» (в данном случае дан перевод «Бедные и веселые»)¹¹. Таким образом, эта пьеса Ф. Аронеса шла в Ансамбле водевиля и комедии в разном музыкальном сопровождении — С. Фрейденберга и С. Томбака.

Ансамбль много и с большим успехом гастролировал по всему Советскому Союзу, от Калининграда до Южно-Сахалинска, давая по 10–12 концертов в месяц¹². Увы, несмотря на востребованность и успешность Ансамбля водевиля и комедии Ленконцерта, он прекратил свое существование в 1970 г. в связи с изменением международной обстановки и нового витка обострения «еврейского вопроса» в СССР. Актеры были отправлены на пенсию.

* * *

Ленинград был привлекательной площадкой для разных еврейских коллективов и исполнителей, обычно выступавших на сцене Театра эстрады. В собрании ЦГАЛИ СПб Санкт-Петербурга имеются

афиши и программы этих гастрольных выступлений 1960-х гг. Приведем несколько примеров.

18 апреля и 30 мая 1965 г. состоялись концерты мастера художественного слова Марка Браудо, вел программу Г. Каневский. В программе были произведения Шолом-Алейхема: «Хава» и «Лех Лхо» («Изыди») из цикла «Тевье-молочник», «Эс фидлт нит» («Не везет»), «Берл Айзик», «Вразброд» («Цузейт ун Цушпрейт»). Звучали также стихи и рассказы советских авторов: «Тифе грибер» («В красной глине вырыт ров») С. Галкина, «Лебедике дарфн лебн» («Живые должны жить») И. Котляра, «Нохн хурбн» («После разгрома») Г. Ошеровича, «Элф тектер» («Одиннадцать дочерей») Л. Квитко, «Юрий Гагарин» Т. Зисман, «Унзер штолцер вымпел» («Наш гордый вымпел») И. Керлера, «Дер ферд ун ди байтш» («Лошадь и кнут») Э. Штернбарга¹³.

В апреле 1966 г. в Театре эстрады выступал Московский еврейский драматический ансамбль (МЕДА) под руководством заслуженного артиста РСФСР Вениамина Шварцера, представивший два спектакля по произведениям Шолом-Алейхема — «200 000» и «Тевье-молочник» — в режиссуре художественного руководителя ансамбля. В спектакле «200 000» (постановка Ф. Шейна, оформление В. Мамонтова и Г. Коробейникова) были заняты Соня Биник, Лея Колина, А. Коган, Р. Курц, Г. Левинзон. «Тевье-молочник» представлял собой «театрализованный монтаж» — инсценировку И. Добрушина и Н. Ойслендера. Роли исполняли: Тевье — В. Шварцер, Голда — Л. Колина, Годл — С. Биник, Хава — Р. Курц, Перчик — А. Коган, Лейзер-Вольф — Г. Левинзон. Музыкальное оформление обеих спектаклей принадлежало народному артисту РСФСР Льву Михайловичу Пульверу¹⁴, бывшему музыкальному директору и дирижеру Московского ГОСЕТа, автору музыки к 42 спектаклям театра, в том числе и к «200 000», поставленному еще в 1923 г. И музыка к «Тевье-молочнику» также была создана композитором ранее, в 1940 г., для Харьковского украинского театра имени Т. Г. Шевченко¹⁵.

Всегда с огромным успехом проходили выступления заслуженной артистки Украинской ССР Сиди Таль (Сореле Биркенталь) и ее коллектива из Черновицкой филармонии. В декабре 1964 г. Сиди Таль выступила в Ленинграде с эстрадным концертом «Штендик мит айх» («Всегда с вами»)¹⁶, а в декабре 1966 г. показала эстрадное представление «Гликлихэ багегенишн» («Счастливые встречи») М. Сакциера на музыку Л. Затуловского. Вместе с премьершей выступали артисты Раиса Мостославская, Яков Гольман, Гелена Фатьол. Программу сопровождал эстрадный инструментальный квартет в составе: Г. Фатьол

(фортепиано), А. Кальштейн (скрипка), Ф. Маник (кларнет), Т. Лебедь (ударные). Сиди Таль исполняла музыкальный фелетон «Почтальон», отрывок из повести Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл» — «Мне хорошо, я сирота», драматическую поэму (название не указано), играла роли тети Гитл в одноименном скетче и уборщицы — в скетче «Неужели?». Концерт завершился песнями «Неудачник», «Чири-Бом», «Финальная песня» в исполнении Сиди Таль¹⁷.

Видевшие выступления Сиди Таль деятели культуры и искусства (С. Михоэлс, Л. Утесов, А. Райкин, Э. Пьеха, внучка Шолом-Алейхе-ма Бел Кауфман и др.) были очарованы ее талантом и оставили о ней восторженные отклики¹⁸.

Праздником для театралов были выступления удивительной артистки Анны (Ханны) Яковлевны Гузик, лауреата Первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады (1939 г., тогда же стал лауреатом и А. И. Райкин). А. Гузик великолепно пела и танцевала, отлично владела техникой речи, ее искусство было синтетическим. Профессионально созданные образы — одновременно драматические, романтические, лирические — казались совершенно естественными, в них была непосредственность и задушевность. В 1939–1941 гг. в Ленинграде работал Государственный ансамбль еврейской комедии, который называли ансамблем Анны Гузик, триумфально гастролировавший по всей стране. Во время войны ансамбль был эвакуирован в Уфу, затем в Ташкент. По воспоминаниям племянницы А. Гузик Галины Амуровой, дочери ее сестры Софьи, в эвакуации в Ташкенте А. Гузик играла в театре Клары Юнг, дружила с С. Михоэлсом, первой исполнила песню Н. Богословского «Шаланды, полные кефали», написанную для фильма «Два бойца»¹⁹. В послевоенные годы А. Гузик работала в Москонцерте, в 1956 г. ее труппа из 12 человек приезжала на гастроли в Ленинград²⁰.

В декабре 1965 и октябре 1966 гг. коллектив А. Гузик выступал в Ленинградском театре эстрады со спектаклем-концертом «Блуждающие звезды» («Ди блондзндэ штерн») — сценической композицией А. Рубинштейна по одноименному роману Шолом-Алейхема в режиссуре Феликса Бермана. В спектакле звучала музыка засл. деятеля искусств Кабардино-Балкарской АССР Л. Когана, партию фортепиано исполняли М. Якубович (1965) и Л. Певзнер (1966), художник постановки — Т. Сельвинская, балетмейстер — засл. деятель искусств Марийской АССР И. Слуцкер. Все роли в спектакле исполняли четыре актера: Анна Гузик и ее муж Михаил Чайковский (настоящая фамилия Хумеш), ее сестра Софья Амурова и бывший артист Московского ГОСЕТа Эль (Лева) Трактоненко. Одну роль играл только Э. Тракто-

венко (Муравчик), сама Анна исполняла роли Бранделе-козак и Гоцмаха, С. Амурова — роли Генриетты Швальб и матери Рейзл Леи, а М. Чайковский появлялся на сцене сразу в трех ипостасях: директора театра Щупака, Изака Швалба и ведущего. Программка спектакля содержит также краткое содержание произведения о бродячих актерах — «блуждающих звездах». По сюжету, на сцене идут также фрагменты из оперетт «Суламифь» и «Колдунья» А. Гольдфадена и «Продажа Иосифа в рабство» из «Уриэля Акосты» К. Гуцкова²¹.

Начало 1970-х гг. в СССР было ознаменовано государственной антиссионистской кампанией, что привело к ликвидации очагов организованной художественной жизни советских евреев на идиш.

Примечания

¹ Френкель А. С. Ленинград. Оттепель. Идиш... // Идуд Хасадим : газ. [СПб.]. 2009. № 7–9 (80).

² Общественный просмотр Ленинградского музыкально-драматического ансамбля 11 сентября 1957 г. Отчет // ЦГАЛИ СПб. Ф. 381 (Межрегиональная общественная организация Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Отделение союза театральных деятелей РФ» (1935 – по наст. время)). Оп. 2. Д. 15 (Ленинградское отделение Всесоюзного театрального общества. Журнал регистрации мероприятий. 11.09.–26.12.1957 г.). Л. 2; Приглашение на общественный просмотр // Там же. Л. 3; Программа просмотра // Там же. Л.4–4об.

³ Френкель А. С. Указ. соч.

⁴ По материалам воспоминаний о Якове Клебанове его сыновей: *Клебанов И. А* память вечна... Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: <http://karos.narod.ru/papa11111.html> (дата обращения: 12.02.2018); *Клебанов А.* Папа и мама. [Электронный ресурс]. URL: <http://k-alex10.livejournal.com> (дата обращения: 12.02.2018).

⁵ О С. Л. Фрейденберге см.: Semen [Zalman] Freidenberg (1901–1972). [Электронный ресурс]. URL: <http://yiddishmusic.jewniverse.info/freidenbergsemen/index.html> (дата обращения: 12.02.2018); Фрейденберг, Залман Лейбович // Биографический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: http://enc.biblioclub.ru/termin/1642284_Freydenberg (дата обращения: 10.02.2018).

⁶ Афиша Ансамбля водевиля и комедии (на еврейском языке) «Гут Иомтев». 25 марта 1965 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 378 (Санкт-Петербургский государственный театр эстрады (1938 – по наст. время)). Оп. 2. Д. 32 (Театр эстрады. Сад отдыха. ТРАМ. Январь – декабрь 1965 г.). Л. 56; То же. 9 ноября 1965 г. // Там же. Л. 194.

⁷ *Клебанов А.* Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Афиша Ленинградского ансамбля водевиля и комедии на еврейском языке «Касриловское счастье», 26 и 27 сентября 1966 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 378. Оп. 2. Д. 43 (Афиши Театра эстрады и «Сада отдыха» за 1966 г. 1 января – 31 декабря 1966 г.). Л. 72–73.

¹⁰ Личный листок по учету кадров // ЦГАЛИ СПб. Ф. 348 (Ленинградская организация Союза композиторов РСФСР (1932 – по наст. время)). Оп. 3. Д. 107 (С. И. Томбак, композитор (личный фонд)). Л. 2–2об.

¹¹ Список произведений, написанных за 1967 год // Там же. Л. 9.; Список произведений, написанных за 1969–70 год // Л. 10.

¹² См. воспоминания А. и И. Клебановых.

- ¹³ Афиша концерта еврейского рассказа 18 апреля 1965 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 378. Оп. 2. Д. 32. Л. 76; То же, 30 мая 1965 г. // Там же. Л. 88; Программа концерта еврейского рассказа М. Браудо // Там же Л. 74–75.
- ¹⁴ Театр эстрады. Афиша Драматического ансамбля под руководством и при участии з. а. РСФСР В. Шварцера. 23, 24, 25, 26 апреля 1966 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 378. Оп. 2. Д. 43. Л. 206, 219.
- ¹⁵ Пульвер Лев Михайлович // Музыкальная энциклопедия в 6-ти т. Т. 4. Окунев — Симович. М. : Советская энциклопедия ; Советский композитор, 1978. Стлб. 487.
- ¹⁶ Афиша и программа эстрадного спектакля «Штендик мит айх». 6, 7, 8 декабря 1964 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 378. Оп. 2. Д. 32. Л. 27–29.
- ¹⁷ Афиша эстрадного представления на еврейском языке «Гликлихэ багегенишн» // Там же. Д. 43. Л. 3–4; Программа эстрадного представления. 19, 20, 22, 23 декабря 1966 г. // Там же. Л. 9–10, 13–14.
- ¹⁸ См. «Останутся в памяти песни мои и танцы мои...» : Отзывы современников о Сиди Таль. [Электронный ресурс]. URL: <http://sidi-tal.blogspot.ru/p/блог-page.html> (дата обращения: 08.02.2018).
- ¹⁹ Амурова Г. Семья Анны Гузик. [Электронный ресурс]. URL: <https://kniga-book.com/галина-амурова-семья-анны-гузик/> (дата обращения 19.02.2018).
- ²⁰ См.: Френкель А. С. Указ. соч.
- ²¹ Афиша спектакля-концерта «Блуждающие звезды». 10, 11, 12, 13, 14 декабря 1965 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 378. Оп. 2. Д. 32. Л. 219; Программка спектакля // Там же. Л. 217–218; Афиша спектакля-концерта «Блуждающие звезды». 11, 12, 13, 14 октября 1966 г. // Там же. Д. 43. Л. 66–67.
-
-

**ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Е. В. Борисевич

(г. Минск, Республика Беларусь)

Особенности передачи древнееврейских географических реалий в переводе Книги Бытия из церковнославянских и польских изданий XVI в.

XVI век стал одним из важнейших периодов в истории развития славянского библейского перевода: именно в эту эпоху на территории Речи Посполитой и некоторых сопредельных государств начинает формироваться традиция перевода Библии, чему в немалой степени способствует также и развитие книгопечатания в регионе. Дополнительным фактором ускоренного развития библейского перевода становится в это время интенсивное развитие протестантского движения, в особенности на окраинах Речи Посполитой. Все это приводит к уникальной историко-культурной ситуации: в течение одного столетия в небольшом по площади регионе публикуется шесть полных самостоятельных библейских переводов: это издания Франциска Скорины¹, Яна Леополиты², Симона Будного³, Якуба Вуека⁴ и Ивана Федорова⁵, а также так называемая Брестская Библия⁶. Каждое из этих изданий было подготовлено для принципиально различных групп верующих, а переводчики в своей работе отдавали предпочтение разным текстам оригиналов: так, Симон Будный переводил с древнееврейского оригинала, Якуб Вуек — с латинского, Франциск Скорина пользовался как греческим, так и латинским текстами, периодически обращаясь к древнееврейскому оригиналу и чешскому переводу Библии. Как правило, на титульном листе своих изданий, рядом с названием Библии, переводчики указывали, какими текстами они пользовались при переводе, но тщательный филологический анализ этих изданий показывает, что эти утверждения нередко не совсем соответствуют действительности.

Вся сложность выявления основного оригинала для каждого издания становится особенно очевидной при анализе способов передачи реалий, которые сами по себе представляют значительную трудность при переводе. В случае библейского перевода оригинал и перевод разделяет не только расстояние, но и время, и это дополнительно многократно усиливает сложность передачи реалий. Одной из групп реалий являются географические реалии.

Географические реалии включают в себя нарицательные наименования географических объектов и топонимику, в том числе и микротопонимику. Наричательные наименования географических объектов в Книге Бытия включают в себя такие существительные, как *сад, поле, колодец, источник, долина, пещера, река, горы, город*. Несмотря на несходство европейского и ближневосточного пейзажей, для всех этих слов имеются соответствия в славянских языках, и, как правило, в этой группе наименований славянские переводчики столкнулись с наименьшим количеством трудностей: 4:8 *...и когда были они в поле...ТГ, ИФ ибысть виегда быти имъ на поли, ФС иегда быша наполи, SB A gdy byli na polu, JL A gdy byli na polu, BB a gdy byli na polu, JW A gdy byli na polu; 4:17 ...а он тогда строил город..., ИФ ибѣ зижда градѣ, ФС Ивделал Каинѣ градѣ..., SB y zbudował miasto, JL Y zbudował miasto, BB Y budował miasto, JW Y zbudował miasto.*

Некоторые лексемы из этой группы вызвали разночтения. В стихе Быт 11:2 в древнееврейском тексте использована лексема ⁸רְבֵּעָה, имеющая значение 'долина, равнина', с основной семой 'плоскость как нечто, противопоставленное возвышенности'. В Септуагинте она передана словом *πεδίον*⁹, которое также имеет в составе своего значения сему открытого плоского пространства. В Вульгате этот фрагмент звучит как *invenerunt campum*¹⁰, и именно здесь появляется значение 'поле'. Все рассматриваемые нами переводы, за исключением Брестской Библии, содержат именно чтение Вульгаты: 11:2 *...то нашли долину..., ИФ и обрѣтоша поле, ФС нашли суть полѣ, SB znaleźli pole, JL znaleźli pole, BB znaleźli rownia w ziemi, JW znaleźli pole*, несмотря на то, что почти все переводчики, кроме Симона Будного, заявляют о том, что опирались и на древнееврейский, и на греческий, и на латинский тексты.

В некоторых главах Книги Бытия представлена своего рода относительная система координат, в которой наименования частей света осуществляются при помощи слов, изначально являющихся нарицательными существительными, обозначающими природные объекты, или при помощи некоторых других слов. В стихе 2:8 выражение *מִמְּזָרָח*, которое в современных переводах традиционно передается как *с востока*, некоторые славянские переводчики XVI в. передают иначе:

2:8 *И насадил Бог Всесильный сад в Эдене с востока... ИФ И насади бѣ рай на востоцѣхъ вѣдемѣ ФС Инасадилъ былъ гдѣ богъ рай кохания **изначала** SB I nasadził Jehowa Bog sad w Edenie na wschod JL A naszcze-pił był Pan Bog Ray roskoszy **od początku** BB Thesz ieszcze sadił Pan Bog*

sad w Eden na wschod słońca JW A naszczył był Pan Bóg Ray roskoszy od początku. Источником перевода ‘сначала’ стала Вульгата, что понятно и по тому, что все переводы, где появляется такое чтение, используют плюсквамперфект: в Вульгате находим здесь перевод *in principio*. В Септуагинте здесь использована лексема *ánatolās* со значением ‘на восток’. Характерно, что Франциск Скорина, переведивший Библию на белорусский извод церковнославянского языка, воспользовался именно вариантом Вульгаты, а протестантская Брестская Библия — вариантом Септуагинты. В стихе Быт 3:24 правильный перевод выдает обращение переводчиков именно к древнееврейскому тексту, поскольку передача древнееврейского קָרַח как ‘напротив’ начинается с Септуагинты, где использовано слово *ἀπέναντι*, имеющее значение ‘напротив’: *и изгнал человека, и поставил к востоку от сада Эдена ангелов, ИФ изгнать адама, и всели его прямо раю нища, ФС ивыгнать е Адама. Ипоставиль предъ раем коханиа Херувима..., SB A (tak) wygnął człowieka i postawił od wschodu sadowi Edeńskiemu Cherubym..., JL Wyrzucił tedy Adama, a postawił przed Rayem roskoszy Cherubina, BB A tak wypędził człowieka / postawił Cherubiny ku wschodowi Sadu Eden, JW Y wygnął Adama: y postawił przed raiem roskoszy Cherubim.* Перевод Симона Будного предсказуем — он использовал древнееврейский оригинал в качестве основного, а вот вариант Брестской Библии, ориентированной преимущественно на греческий текст, является неожиданным. В стихе Быт 4:16 в Септуагинте использовано слово *κατέναντι* со значением ‘перед, напротив’, а в Вульгате — *ad orientalem plagam Eden*, и здесь только Иван Федоров придерживается варианта из Септуагинты: *на восток от Эдена, ИФ прямо едему, ФС костране еже е навыходъ солнѣца Едему, SB на wschod Edena, JL ku wschodu słońca Eden, BB ku wschodu słońca od sadu Eden, JW na ziemi ku wschodowej części Eden.*

Дополнительно возникает вопрос о том, откуда в некоторых переводах при слове *восход* последовательно берется слово *солнце*. Представляется, что это некое модное переводческое добавление, потому что ни греческий, ни латинский текст в этих случаях не содержат этой лексемы:

10:30 ... в сторону Сфара, горы восточной, ИФ даже идуще сафура, горы восточныа, ФС до Сэфара горы навостокъ солнца, SB do Sefara gory (na) wschod, JL do Sephar góry na wschod słońca, BB idąc aż do Sephar gory ku wschodu słońca, JW aż do Sephary góry na wschód słońca; 11:2 ...когда двинулись они с востока..., ИФ егда поити имъ Гвостокъ, ФС Иегда идоша ковостоку солнѣца, SB A tak gdy szli od wschodu, JL

a gdy szli od wschodu słońca, BB gdy wyszli od wschodu słońca, JW A gdy szli od wschodu słońca. Иногда сравнение нескольких чтений помогает обнаружить неожиданное обращение к древнееврейскому оригиналу: 12:8 *И двинулся он оттуда к горе, к востоку от Бейт-Эля, и раскинул свой шатер к Бейт-Элю западом, а к Аю востоком..., ИФ ивъступи ГТуду въгору навѣстокъ лицемъ прямо вешилъ, ипостави храмъ свои вѣвешиль **кморю** къвостокомъ, ФС ИГТолле прииде кгоре противу Веешлю навыходъ солнца, ипостави ту храмъ свои, ГЗападу имелъ Веешль, иГВыходу Гай..., SB A przeprowadziwszy się zonąd na górę na wschod Bethelowi / rozbił namiot swój (maiąc) Bethel od zachodu / a Hay od wschodu, JL A stąd przyszedłszy do góry, która była naprzeciwko Bethel / na wschod słońca / rozbił tam namiot swój / na zachod słońca maiąc Bethel / a od wschodu Hay, BB Wyszedł potym ztamąd na gore ktora była na wschod słońca miastu Bethel / y postawił tam namiot swój / gdzie mu przyszło Bethel od zachodu / a Hay od wschodu słońca.* Вариант перевода из издания Ивана Федорова представляет собой, вероятнее всего, результат беспорядочной справки по древнееврейскому оригиналу. Фрагмент текста об Ае оказался пропущенным, но слово ׀ из древнееврейского оригинала было переведено дословно¹¹, чего нет даже в тексте Симона Будного, ориентированном на максимальную дословность. Можно вести речь об определенной последовательности издания Ивана Федорова при дословной передаче слова ׀ в качестве наименования ориентира по сторонам света. Именно этот перевод оказывается единственным текстом, где дословно передано выражение הַמָּוֶה – ‘по направлению к морю’: 13:14 *...«Подними глаза свои и посмотри с места, на котором находишься, на север и на юг, на восток и на запад»..., ИФ въздвигни очи свои ивиждь, ГМБста идБже ты ннБ еси, ксБверу иковѣсток, **икъмору**..., ФС въздвигни очи свое напрамо ивидь ГМеста нанемже нынБ живеши Костране полуденной и полнощной, къвостоку солнѣца икзападу..., SB Podnieś teraz oczy twoie / y pojrzy zmieysca na ktoremeś ty / na pół nocy y na południe / y na wschod y zachod., JL podnieś oczy twoie na prost / a pojrzy od mieysca na kthorym teraz stoisz / ku północy / na wschod y na zachod słońca, BB Podnieś oczy swe / a pojrzy z mieysca tego gdzieś teraz iest / ku Północy / ku Południu / także na Wschod i na Zachod słońca, JW Podnieś oczy twoie / y pojrzy z mieysca naktorymeś teraz / na północy y na południe / na wschód y na zachód.*

В стихе Быт 14:15, напротив, все переводы передают дословно первоначальный древнееврейский контекст именно потому, что он был сохранен в греческом и латинском переводах, ἀριστερῆς и *ad levam* соответственно: *...что к северу от Дамаска..., ИФ іаже ест ошуюю*

дамаска, *ΦС еже естъ налевую страну Дамаску, SB która po lewicy Damaszkowi, JL na lewą stronę Damaszkę, BB po lewey stronie Damaszkę, JW która iest po lewey stronie Damaszkę.*

Особенностью Книги Бытия является наличие в тексте древнееврейского оригинала большого количества топонимов с прозрачной внутренней формой, которая часто дополнительно комментируется в тексте. Именно к таким топонимам относится и полное наименование райского сада, которое библейские переводчики XVI в. переводят как нарицательное имя существительное, ср. 3:24 *ИФ прямо раю пища, ΦС предъ раем кохана, SB od wschodu sadowi **Edeńskiemu**, JL przed Rajem roskoszy, BB ku wschodowi Sadu **Eden**, JW przed raiem roskoszy.* Традиция дословного перевода сочетания רַיָּם-גַּן восходит к греческому и латинскому переводам: $\acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\nu\alpha\upsilon\tau\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \pi\alpha\rho\alpha\delta\epsilon\iota\sigma\upsilon\ \tau\eta\varsigma\ \tau\rho\omicron\phi\eta\varsigma$ и *ante paradisum voluptatis*, и именно по этому показателю в данном контексте можно определить тот текст, на который преимущественным образом ориентировался переводчик. В переводе Симона Будного обнаруживается ожидаемый гебраизм, а в тексте Брестской Библии он оказывается неожиданным.

Одной из проблем первых переводов Библии на национальные славянские языки является частое неразличение переводчиками границ имени собственного, нередко берущее свое начало в Септуагинте и Вульгате: 12:6 *...до Элон-Морэ, ИФ кьдубу високому, ΦС додолины славное, SB do rowniny **Morecha**, JL do padolu jasnego, BB w rowniny **More**, JW aż do Jasnej doliny.* В данном контексте частичная передача, а не перевод топонима является гебраизмом и свидетельствует об обращении к тексту древнееврейского оригинала. В остальных случаях топоним превращается в нарицательное имя существительное с прилагательным. Чтение из издания Ивана Федорова восходит к варианту Септуагинты: $\acute{\epsilon}\pi\iota\ \tau\eta\nu\ \delta\rho\upsilon\nu\ \tau\eta\nu\ \upsilon\psi\eta\lambda\acute{\eta}\nu$, остальные варианты обязаны своим происхождением Вульгате. Аналогичным образом, в стихе Быт 13:18 *в Элоней-Мамрэ..., ИФ оудуба мамвриа, ΦС подле долины Мамврины, SB w rowninach **Mamrego**, JL podle Padolu Mambre, BB w rowninie **Mamre**, JW przy dolinie Mambre*, — признаками обращения к древнееврейскому оригиналу являются не только не переведенные полностью, как в издании Ивана Федорова, следующем за Септуагинтой, топонимы, но и — прежде всего — топонимы, не содержащие дополнительного звука [в] или [б] в слове *Мамрэ*. Этот звук появляется в Септуагинте, затем Вульгата продолжает традицию этой эпентезы. Таким образом, кроме Симона Будного древнееврейскому оригиналу следует также Брестская Библия.

Приведенные примеры иллюстрируют основные трудности в передаче библейских географических реалий, многие из которых актуальны и для современных переводов Библии. Объем данной статьи не позволяет проанализировать все встречающиеся в Книге Бытия примеры подобных контекстов, а также подробно остановиться на ряде явлений, представленных единичными примерами. Способы передачи библейских географических реалий достаточно часто являются однозначными индикаторами текста непосредственно оригинала того или иного перевода, что, помимо прочего, позволяет проследить связь переводных текстов между собой. Нами была выявлена достаточно сильная связь текста Брестской Библии с древнееврейским оригиналом, по крайней мере в том, что касается передачи географических реалий. Также было обнаружено несколько случаев справки издания Ивана Федорова по древнееврейскому тексту. Одновременно подобный анализ позволяет проследить формирование переводческой традиции, в том числе и в сфере ошибочной или неточной передачи географических реалий.

Примечания

¹ Біблія: факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гадах. Мінск : «Беларуская савецкая энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1990. Далее в тексте статьи цитируется с обозначением ФС.

² Biblia, to jest księgi Starego i Nowego Zakonu, na polski język z pilnością według łacińskiej Biblij od Kościoła krześcijańskiego powszechnego przyjętej, nowo wyłożona. Kraków, 1561. Далее в тексте статьи цитируется с обозначением JL.

³ Biblia. To iest, księgi starego y nowego przymierza, z nowu z języka Ebreyskiego, Grecskiego y Łacińskiego na Polski przelożone. Nieśwież, 1572. Далее в тексте статьи цитируется с обозначением SB.

⁴ Biblija To jest Księgi Starego i Nowego Testamentu według łacińskiego przekładu starego w kościele powszechnym przyjętego na Polski język znowu z pilnością przelożone, z dokładaniem tekstu Żydowskiego i Greckiego i z wykładem Katolickim trudniejszych miejsc do obrony wiary świętej powszechnej przeciw kacerstwom tych czasów należących. Kraków : w Drukarni Łazarzowej, 1599. Далее в тексте статьи цитируется с обозначением JW.

⁵ Библия. Острог, 1581. Далее в тексте статьи цитируется с обозначением ИФ.

⁶ Biblia święta, tho iest, Księgi Starego y Nowego Zakonu, właśnie z Żydowskiego Greckiego y Łacińskiego, nowo na Polski język, z pilnością y wiernie wyłożone. Brześć Litewski, nakł. M. Radziwiłł, 1563. Далее в тексте статьи цитируется с обозначением ВВ.

⁷ Тора (Пятикнижие Моисеево) / Под общ. ред. проф. Г. Брановера. М. : Арт-бизнес-центр, 1993.

⁸ Здесь и далее древнееврейский текст приводится по изданию: Biblia Hebraica Stuttgartensia. Deutsche Bibelgesellschaft: Stuttgart, 1977.

⁹ Здесь и далее греческий текст приводится по изданию: Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Deutsche Bibelgesellschaft: Stuttgart, 2006.

¹⁰ Здесь и далее латинский текст приводится по изданию: Biblia Sacra iuxta vulgatam versionem. Deutsche Bibelgesellschaft: Stuttgart, 2007.

¹¹ Здесь и далее значения древнееврейских лексем приводятся по изданию: The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon: with an appendix containing Biblical Aramaic. Thirteenth Printing. [S. 1.], 2010.

УДК 811.411.16

Ю. М. Корниенко
(г. Москва, Российская Федерация)

Сочетаемость существительных современного иврита и способы ее отражения в словарях

В ходе многолетней практики преподавания языка иврит нередко приходилось наблюдать, как даже имеющие хороший словарный запас студенты допускают ошибки как при порождении речи, так и при переводе текстов и с иврита, и на иврит. Анализ этих ошибок показал, что многие проблемы возникают вследствие недостаточного понимания возможностей сочетаемости лексических единиц. У студентов просто не хватает практического опыта комбинирования известных им слов в словосочетаниях.

Эти наблюдения натолкнули на мысль о необходимости создания специальных лексикографических пособий, в которых будут более детально показаны сочетаемостные возможности определенных лексических единиц.

Известно, что в текстах определенной тематики можно выделить группы наиболее часто встречающихся характерных слов, отражающих особенности текстов данного типа. Естественно, употребляются такие слова в составе предложений, формирующих связный текст, а в предложениях слова, как правило, объединяются в словосочетания.

Однако описание лексических единиц в большинстве доступных как одноязычных (толковых), так и двуязычных (переводных) словарей языка иврит обычно включает определение слова (значение) и небольшое количество словосочетаний, как правило, связанных, обозначающих отдельные понятия. Практически полностью отсутствуют в этих описаниях примеры свободных словосочетаний, которые, тем не менее, встречаются довольно часто в текстах и далеко не всегда их семантика понятна, что, в свою очередь, затрудняет их использование.

Рассмотрим несколько примеров представления лексических единиц (для целей данной работы – имен существительных) из одноязычных (А. словарь Авраама Эвен-Шошана¹, Б. словарь Ариэль², В. Словарь синонимов Эйтана Авнейона³) и иврит-русских словарей (Г. словарь Михаэля Дрора⁴, Д. электронный словарь «Ирис» Б. Подольского⁵).

- A. **בָּקוּר*** ז' 1. ביאה אל אדם או למקום מסוים כדי לראותו ("בקרור חולים", "ביקור נימוסין"). 2. בקורת, חקירה ובדיקה. – [בקר-, -רים, בקורי-] • **כרטיס בקור***, כרטיס שבו רשום שם המבקר.
- פגישה** נ' 1. הזדמנות במקום אחד על-ידי הבאים מכיוונים שונים. 2. כינוס, התועדות. – [פגישת-, -ות] • **בית-פגישות***, מקום-התועדות (בעיקר בעסקי זנות).
- B. **בָּקוּר** (ז') 1. חזל] הגעה למקום כדי לראותו או את הנמצאים בו. 2. [עח] הגעה של חולה למרפאה לצורך בדיקה או טפול. 3. [חזל] בחינה ובדיקה, בקורת. (בקר-, בקורים, בקורי-). **בָּקוּר בַּיִת** [עח] בקור של רופא, עובד סוציאלי וכדומה בבית- החולה. **בָּקוּר חוֹלִים** [עח] בקור אצל אדם חולה כדי לדרוש בשלומו או כדי לעזור לו. **בָּקוּר מַמְלַכְתִּי** [עח] בקור של אישיות חשובה המיצגת את המדינה במדינה אחרת. **בָּקוּר רוֹפְאִים** [עח] סיבוב שגרתי של רופאים ואנשי הצות הרפואי בבית-חולים לבדיקת מצבם של החולים המאושפזים. **כרטיס בקור** [עח] כרטיס ועליו מודפסים השם, המקצוע, הכתובת ושאר פרטים של האדם. **קפץ לבקור** [עח] (בלשון הדיבור) הגיע לבקור ללא הודעה מראש.
- פגישה** (נ') 1. [יב] מפגש מתוכנן או מקרי בין המגיעים ממקומות שונים. 2. [עח] כינוס מתוכנן לשם דיון. 3. [עח] מפגש, כינוס חברתי יזום של אנשים. (פגישת-, פגישות, פגישות-). **בית-פגישות** [עח] (בלשון הספרות) בית-זונות, בית-בושת. **פגישה עיורת** [עח] מפגש ראשון לשם היכרות בין גבר לאישה, אשר לא ראו זה את זה קודם. בלשון הדיבור מאנגלית: בלינד דייט. **פגישת מחזור** [עח] פגישה בין בני אותו מחזור שלמדו יחד, שירתו בצבא יחד וכדומה, הנערכת לאחר כמה שנים מאז נפרדו. **פגישת עבודה** [עח] כינוס לצורך דיון וקבלת החלטות בין העוסקים בדבר.
- B. **בִּיקוּר** (ש"ע) 1. בוא, ביאה, גישה, הכאה, הבאה, הגעה, הגשה, הופעה, הסתופפות, כיבוד, כניסה, פגישה, קפיצה, ריאיון [אירוח] << **פרידה** 2. בדיקה, בחינה, בקורת, דרישה, חקירה ודרישה, ניתוח [בדיקה]
- פגישה** [ש"ע] אסיפה, אספת נבחרים, ביקור, הופעה, היוועדות, היפגשות, היתקלות, הקהל, התאספות, התוועדות, התכנסות, התקהלות, התרכזות, ויעוד, זימון, ייעוד, ישיבה, כינוס, כנס, מגע, מושב, מפגש, עצרת, קבלת פנים, ריאיון [אירוח: אספה] << **התפזרות, פרידה**
- Г. **בָּקוּר ז'**
1. посещение, визит 2. проверка
פגישה נ'
встреча
- Д. **בִּיקוּר ז'**
ביקור מ.р.
посещение, визит
בִּיקוּר בַּיִת
ביקור баит
вызов врача на дом
בִּיקוּר גּוֹמְלִין
ביקור гомлин
ответный визит
בִּיקוּר חוֹלִים
ביקור холим
заповедь навещать больных
כרטיס בִּיקוּר ז'
картис бикур м. р.
визитная карточка

пגישה ж. р.	פגישה נ'
встреча	
пגיшат махзор	פגישת מחזור
встреча выпускников (школы, военной части)	
пגיшат авода	פגישת עבודה
рабочая (деловая) встреча	
пגיша иверэт	פגישה עיוורת
свидание между незнакомыми людьми	

Как мы видим, значение отдельного слова в словарной статье одноязычного словаря передается либо описательно, либо синонимом. В словаре Эйтана Авнейона приводится список синонимов в алфавитном порядке без учета частотности употребления, регистровой (стилистической) характеристики слова, что указывает на целевую аудиторию словаря — пользователи, хорошо владеющие языком иврит. «В основу словаря такого типа заложена идея, что пользователь пассивно знает это слово и точно знает, что он намерен сказать, но наиболее подходящее в данном контексте слово в тот момент не приходит на память»⁶. В толковых словарях приводятся также некоторые грамматические характеристики слова. В двуязычных словарях приводится русский (иностраннный) эквивалент соответствующего слова из иврита.

Но слова в предложениях чаще всего входят в состав различных словосочетаний, где они могут занимать позицию главного или зависимого слова. Посмотрим, в каких словосочетаниях встречаются эти же слова, בקור и פגישה. Поскольку в Дипломатической Академии МИД РФ большое внимание на занятиях по языку уделяется текстам политической (общественно-политической) тематики, то именно они и являются объектом исследования, и словосочетания мы будем отбирать из информационных сообщений израильских СМИ.

Атрибутивные, состоящие из главного (определяемого) слова и одного или нескольких определяющих его слов. В зависимости от того, что выступает в качестве атрибута, в иврите можно выделить следующие типы атрибутивных словосочетаний.

а) существительное + прилагательное, причастие

ВИЗИТ	בקור
дипломатический, исторический, тайный	~ דיפלומטי, היסטורי, חשאי, חשוב, ידידותי, ממלכתי,
(секретный), важный, дружественный,	מתוכנן, קצר, פרטי, (לא)רשמי
государственный, запланированный,	
краткий, частный, (не)официальный ~	
первый, второй, последний, предыдущий ~	~ ראשון, שני, אחרון, קודם

פגישה
 ~ חשובה, מרשימה, מעניינת, ראשונה, שניה, אחרונה,
 דחופה, קודמת, משולשת
встреча
 важная, впечатляющая, интересная, первая,
 вторая, последняя, срочная, предыдущая,
 трехсторонняя ~

б) существительное + существительное

בקור
 ~ בוק, גומלין, עבודה, היכרות, פתע
визит
 блиц-, ответный, рабочий,
 ознакомительный, внезапный
 (незапланированный) ~
 ~ соблазновения, вежливости

פגישה
 ~ ת עבודה, חירום
встреча
 рабочая, чрезвычайная ~

в) имя существительное + בן, של, + имя существительное, обозначающее временной отрезок

בקור
 ~ של יומיים, בן שלושה ימים
визит
 двухдневный, трехдневный ~

ג) существительное + слитное местоимение 3 лица + существительное, согласующееся со слитным местоимением в роде и числе
 ~ кого-л. (согласуется с существительным в роде и числе)
 ~ премьер-министра, ~ королевы
 ~ו של ראש הממשלה, ~ה של המלכה
 ~ו, ה, ם, ך של

פגישה
 ~תם של חברי הכנסת עם ...
встреча
 ~ депутатов Кнессета с ...

ד) (предлог +) существительное (имя действия) + существительное (описываемое слово, выступающее в роли определения)

בקור
 ביטול, סיום, מטרת ~
 בתום, (עם תום) ~
 בזמן, במהלך, במסגרת ה-~
визит
 отмена, завершение, цель ~
 по завершению, с завершением ~
 во время, в ходе, рамках ~

פגישה
 ~ קביעת
встреча
 назначение ~и

Глагольные словосочетания, в которых главное слово выражено глаголом

בקור
 ביטל, דחה, הכין, סיים, ערך (קיים) ~
 ~ הסתיים, התקיים (נערך)
 בא (הגיע), יצא ל-~
 בא (הגיע), יצא ל- ב
 חזר, שב מ-~
 להזמין את מישהו ל- ב...
визит
 отменить, отложить, подготовить,
 завершить, совершить ~
 ~ завершился, состоялся
 прибыл, отбыл (отправился) с ~ом
 прибыл, отбыл (отправился) с ~ом в
 возвратился после ~
 пригласить кого-л посетить с визитом

встреча

назначить, созвать, провести ~

прибыл на ~у

участвовал во ~е

פגישה

~ קבע, כינס, קיים

בא ל-~

~השתתף ב-

Особого внимания требует подбор и описание словосочетаний, структурно не совпадающих в русском языке и иврите. Например, в русском языке словосочетание *утренние газеты* — это согласованное определение, а соответствующее словосочетание в иврите עיתוני בוקר — несогласованное определение.

Представленный выше материал из реальных словарей, описывающий все значения приведенных в качестве примера слов для текстов различной тематики, и описание возможных сочетаний этих же слов в текстах общественно-политической тематики значительно отличаются друг от друга.

Конечно, обычный словарь не может содержать такое детальное описание лексики, поскольку существуют ограничения по объему. Но можно создавать специальные, или хотя бы учебные, словари для текстов определенной тематики, что нам представляется целесообразным и оправданным.

Следует отметить, что частично этот подход реализован в словаре Ю. И. Костенко⁷.

В этой работе мы рассматривали сочетаемость только имен существительных, но описывать нужно сочетаемость и других частей речи, например, как в Словаре сочетаемости слов русского языка⁸.

Примечания

¹ *Even-Shoshan A.* Hamilon haivri hamerukaz. Jerusalem : Kiryat Sepher Ltd, 1981. 815 am.

² *Milon Ariel Hamakif.* [S. 1.] : Korim Hotsaat sfarim Ltd, 2007. 1152 am.

³ *Avneyon E.* Mila bemila. Tezaurus shel hasafa haivrit. Nidpas beisrael : Eitav beit hotsaa leor baam. 2000. 742 am.

⁴ *Дрор М.* Еврейско (иврит) — русский словарь. Тель-Авив : Ам овед Лтд, 1992. 460 с.

⁵ *Подольский Б.* Большой иврит-русско-ивритский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovar.co.il/> (дата обращения: 22.01.2018).

⁶ *Avneyon E.* Op. cit. Am. 5.

⁷ *Костенко Ю. И.* Иврит-русско-английский словарь актуальной общественно-политической лексики. М. : МГИМО-Университет, 2015. 242 с.

⁸ Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3-е изд., испр. М. : Астрель АСТ, 2002. 811,[2] с.

УДК 82.09-342(=411.16)

А. В. Полонская

(г. Иерусалим, Израиль)

«История об индюке».

**Реб Нахман, Шолом-Алейхем и Франц Кафка:
преемственность экзистенциальной проблематики
или взаимовлияние?**

1. Вступление

Один из классиков литературы на идише Ицхок Лейбуш Перец совершил переворот в отношении к хасидизму в современной еврейской литературе, создав цикл «Хасидские истории» (1900), в которых показал красоту и поэзию хасидизма. Нам не знакомы исследования, которые говорили бы об интересе Шолом-Алейхема к хасидизму. Тем не менее, нам удалось обнаружить поразительное сходство рассказа Шолом-Алейхема «Чета» (1909) с притчей раби Нахмана об индюке, которая была впервые опубликована в 1935 г. До эмиграции в 1905 г. Шолом-Алейхем жил на Украине, в частности в 1903–1905 гг. в Киеве. Мы предполагаем, что он мог быть знаком с этой притчей.

Если попытки совместного анализа творчества Шолом-Алейхема и раби Нахмана нам неизвестны, то параллели в произведениях раби Нахмана и Кафки давно были замечены исследователями¹. На лекции в университете Бар-Илан в 2016 г. профессор Цви Марк предложил к чтению рассказ Кафки «Отчет для академии» наряду с притчей реб Нахмана об индюке. Можно считать сходство этих произведений следствием родства душ их авторов, но мы предлагаем рассмотреть третье звено, которое могло бы их связать, а именно рассказ Шолом-Алейхема «Чета».

Известно, что Кафка интересовался литературой на идише, ходил в еврейский театр, дружил с еврейским актером Ицхаком Лёве (Löwy) и даже произнес речь о языке идиш². Дан Мирон проанализировал близость «Тевье-Молочника» в немецком переводе с «Процессом» и другими произведениями Кафки³. Кафка понимал идиш со слуха, но у нас нет информации о том, что он мог читать на нем. Нам также не удалось найти перевода данного рассказа Шолом-Алейхема на немецкий или французский языки. Возможно, Лёве читал ему этот рассказ

вслух⁴. Через посредство рассказа Шолом-Алейхема мы проследим возможное влияние на Кафку «Притчи об индюке» реб Нахмана.

2. Притча об индюке

Мы приводим собственный перевод притчи об индюке с иврита, который был опубликован Цви Марком с учетом различных версий (в угловых скобках). Мы намеренно сохранили в переводе некоторые шероховатости, чтобы передать ощущение неправильности хасидского иврита. Притча была рассказана на идише и лишь затем записана на иврите. В связи с этим анонимный писец воспроизвел на идише некоторые слова и выражения. Вместо ивритского слова «индюк», *tarnegol hodu* (буквально: «индийский петух»), писец воспользовался идишским словом *hindik* (иногда *indik*). Мы несколько раз написали «индик» в переводе, чтобы обозначить странность этого слова.

Притча об индюке

Притча об индюке. Однажды царский сын впал в безумие, что он птица по имени индик, и нужно сидеть голым под столом и таскать кусочки хлеба и кости, как индюк. И все врачи отчаялись помочь ему и вылечить его, и царь был оттого в большой горести. Пока не пришел один мудрец и сказал: «Я берусь его вылечить». И сам разделся догола и сел под стол царского сына, о котором говорилось выше, и тоже таскал крошки и кости. И спросил его царский сын: «Кто ты и что делаешь тут?» И ответил ему: «А ты что тут делаешь?» Сказал ему: «Я индик», тот сказал ему: «Я тоже индик» и сидели они так вместе какое-то время, пока не привыкли один к другому. И тогда намекнул мудрец, и послали им рубашки, и сказал мудрец-индюк царскому сыну: «Ты думаешь, что индюк не может ходить в рубашке, можно быть одетым в рубашку, и, тем не менее, будешь индюком <индюком! Ибо в одном месте я видел индюков, одетых в рубашки>, и они оба надели рубашки. А через какое-то время он намекнул, и им послали штаны. И он тоже сказал ему, как сказано выше: «Ты думаешь, что со штанами нельзя быть индюком» и так далее, пока не надели штаны и так с остальной одеждой. А потом тот намекнул, и им послали человеческую еду со стола, и он сказал ему: «Ты думаешь, что если есть хорошие блюда, то ты уже не индюк <теп кеп есн ин оуqh зауп а hindik>, можно есть и тоже быть индюком», и они поели. А потом сказал ему: «Ты думаешь, что индюк обязан быть именно под столом, можно быть индюком и быть за столом». И так вел себя с ним, пока совсем не вылечил его. А мораль ясна для разумных⁵.

Реб Нахман не уточняет, перестал ли царевич считать себя индюком, или лишь только внешне начал следовать обычаям царского дворца, коль скоро мудрец заверил его в том, что индюки тоже носят рубашки? Возможно ли, что царевич прав, и разница между индюком и человеком состоит в наличии брюк? Притча затрагивает тему сумасшествия, очень близкую реб Нахману. Она раскрывается в «Притче об урожае, сводящем с ума». Согласно ее первой версии царь видит по звездам, что все, кто съест хлеб следующего урожая, сойдут с ума и советуется со своим первым министром, стоит ли им есть этот урожай⁶. Если они воздержатся от «хлеба безумия», то им едва ли удастся найти общий язык с народом. Поэтому министр советует есть хлеб, но оставить друг у друга на лбу знак того, что они сумасшедшие⁷. Обе притчи реб Нахмана показывают ситуацию «относительного сумасшествия на двоих»: царевич и мудрец считают себя индюками / царь и первый министр знают о том, что они сумасшедшие, в отличие от всех остальных. Во втором варианте притчи (где царь решает есть «здоровый» урожай вместе с министром) реб Нахман прямо говорит о том, что царь и министр — соблюдающие евреи, которые выглядят со стороны сумасшедшими⁸.

3. Шолом-Алейхем, «Чета» и другие рассказы о жалости к животным

Рассказ Шолом-Алейхема «Чета», *Dos Porfolk* (1909), входит в цикл «Сказки для еврейских детей» (в русском переводе «Рассказы для детей»). Эпиграф в стиле современного триллера кратко пересказывает содержание рассказа:

Чудовищная история о том, как однажды два невинных существа были среди ночи разбужены, связаны, отвезены на ярмарку и проданы дикарям; как те целый месяц кормили их на убой, а за день до пасхи зарезали, как баранов⁹.

Можно подумать, что речь идет о ритуальных ацтекских жертвоприношениях, сопровождаемых канибализмом. Хозяйка «парочки»¹⁰ или «несчастливых пленников»¹¹, как их называет автор, на протяжении всего рассказа неоднократно повторяет, что выкармливает их «для бога»¹². О героях мы знаем, что это «он» и «она»¹³ и что они — «гордые Индейцы»¹⁴ (или индейцы, на идише это одно и то же слово). Однако в процессе чтения нельзя обмануться и принять происходящее за индейский ритуал, так как героев держат в неволе и откармливают именно для еврейской Пасхи. Они не знают, что их ждет, но «она» уже наслышана о нравах «диких людей»:

— Люди, которых мы здесь видим, хуже диких зверей. Хищник, если поймает кого-нибудь из нас, разорвет и сожрет. И кончено. А люди поступают иначе. Если кто-нибудь из нас попадетя им в лапы, они держат его взаперти, кормят до отвала, пока он как следует не раздобреет...

— Ну?

— А когда он раздобреет, люди убьют его, снимут шкуру, разрежут на части, посолят, вымочат...

— Ну, и дальше что?

— А дальше разложат огонь, зажарят в собственном соку и съедят вместе с потрохами¹⁵.

Но наши высоконравственные герои не готовы поверить в такой ужас и, слыша разговоры о Боге и Пасхе, празднике свободы, они предполагают, что их выпустят на волю в честь этого чудесного дня¹⁶. Однако чуда не происходит и в канун Пасхи «несчастливая пара» становится жертвой «неслыханно[го] злодейств[а] средь бела дня»:

И они начали наконец понимать леденящую правду, им стало ясно все, о чем они слыхали и что видели до сих пор. Одного они только не могли понять: зачем турецкая шаль каждый раз хвалилась, что бог должен благодетельствовать ее за то, что она выкормила такую парочку к пасхе? Вот этого хочет бог? Это ему любо? Ах, какой злой бог у этих диких людей!

...
Через несколько минут наша влюбленная пара, наши гордые выходцы из Индии лежали на земле просто, как зарезанные индюки¹⁷.

Таким образом Шолом-Алейхем описал покупку и откармливание индюков для еврейского пасхального стола с точки зрения последних, причем до самого конца истории он прямо не пишет о том, что речь идет об индюках, а лишь иногда прибегает к сравнениям, как, например, в этом последнем случае. Возможно, он заимствовал этот прием из небольшого юмористического рассказа А. П. Чехова «Индийский петух» (1885), в котором подвыпивший герой просит в аптеке лекарство для заболевшего петуха, а аптекарь полагает, что речь идет о человеке. «Индийский» как и «индийский» петух на русском языке, как и на иврите, означает «индюк»¹⁸.

Люди в рассказе чаще всего называются при помощи метонимии, по названию своих головных уборов или предметов одежды: «малахай», «турецкая шаль», «красный платок»¹⁹. Мыслящими субъектами выступают именно индюки:

*Ах, как прекрасен сотворенный для них мир! Для них? Конечно!
Для кого же созданы эти высокие деревья с широкими кронами...²⁰*

Герои не сомневаются в своем принципиальном отличии от другой домашней птицы, поэтому читателю и трудно сразу понять, что речь идет об обычных индюках:

Не видите, что нас продали дикарям, как продают, например, кур, уток или гусей?²¹ Неужели их доставили сюда для того же, что и всех этих кур, уток и гусей? Неужели и их, благородных, избранных выходцев из Индии, ждет та же участь, что и этих простаков?²²

Любовный сюжет, поданный в юмористическом ключе, конкурирует с сюжетом триллера. «Он» и «она» постепенно становятся в неволе «одн[ой] душ[ой]»²³ и погибают вместе, подобно Ромео и Джульетте.

Произведение вписывается в ряд других «детских» рассказов о животных, призывающих, на первый взгляд, к гуманному отношению к братьям нашим меньшим. Например, «Рябчик», рассказ о собаке, отчаявшейся найти пищу, которую обижают и люди, и лицемерные сородичи. Название другого рассказа Шолом-Алейхема из того же цикла «Жалость ко всему живому» говорит само за себя. Там перечисляются различные случаи, в которых мальчик, от имени которого ведется повествование, жалеет животных. Еще один рассказ цикла, не переведенный на русский язык, «Капорэс», продолжает тему домашней птицы и еврейских праздников: его герои, куры и петухи, протестуют против их использования в ритуальном обряде «капорэс» накануне Судного Дня, когда курицу или петуха крутят над головой, а затем режут во искупление своих грехов. Возможно, Шолом-Алейхем агитирует за вегетарианство, подобно Толстому, с которым он переписывался? Может быть, писатель считает еврейские обычаи варварскими? «Жалость ко всему живому» заканчивается обсуждением одной именной еврейской заповеди, «tsar bale khayim»: согласно еврейскому закону, нельзя трогать ни муху на стене, ни паука, учит героя ребе.

Спрашивается в таком случае: если так, почему же каждый день режут быков и телят, ягнят и кур?

Но Шолом-Алейхем не останавливается на этом, а идет дальше:

И не только животных, зверей и птиц, люди разве не убивают друг друга? Вот во время погрома <...> Не убили разве девочку нашего соседа, Переле, — да как еще убили?!²⁴

Возможно, описывая отношение людей к животным глазами последних, Шолом-Алейхем хотел привлечь внимание людей к собственной жестокости и к иллюзорности расовых и/или классовых различий?

Обратимся к структурному сходству «Четы» и «Притчи об индюке». И у реб Нахмана, и у Шолом-Алейхема героями выступают два индюка. У реб Нахмана это люди, которые в силу определенных причин ведут себя, как индюки. У Шолом-Алейхема — это индюки, которые ведут себя гораздо лучше людей.

Ситуация, в которой герои признают друг друга, также похожи. Мудрец добивается доверия царевича, сняв с себя одежду и объявив себя индюком. У Шолом-Алейхема «он» узнает «ее» по предмету туалета, «кораллам» на «ее» шее («ожерелье» в русском переводе).

Я вас сразу узнал по ожерелью [идиш: «кораллам»]²⁵.

Дело в том, что на голове и шее у индюков расположены характерные кожные образования, которые называют «кораллы»²⁶. Таким образом, в обоих произведениях герои идентифицируют друг друга по костюму, или по его отсутствию. Примечательно, что человек оказывается голым, а индюк, напротив, носит кораллы.

Мудрец повторяет слова царевича во время знакомства с ним:

И спросил его царский сын: «Кто ты и что делаешь тут?» И ответил ему: «А ты что тут делаешь?» Сказал ему: «Я индик», тот сказал ему «Я тоже индик».

Этим же риторическим приемом пользуется «она» при первом разговоре с «ним».

- *В чем вас обвиняют?*
- *В том же, в чем и вас.*
- *Я спрашиваю, в чем вы виновны?*
- *В том же, что и вы²⁷.*

Похожи и условия содержания персонажей: у реб Нахмана они обитают под столом, а у Шолом-Алейхема под лестницей²⁸. И там, и там описывается еда и кормление героев. У Нахмана герои сначала питаются крошками и костями, а потом человеческой едой, у Шолом-Алейхема парочку насильно кормят яблоками, вареной картошкой, орехами и рисом²⁹, то есть речь сразу идет о человеческой еде. Общая доля сближает героев обоих произведений. У реб Нахмана:

И сидели они так вместе какое-то время, пока не привыкли один к другому.

У Шолом-Алейхема:

В короткий срок своей неволи они сошлись характерами, начали понимать друг друга с одного взгляда [идиш: «намека»], уж не стеснялись, как раньше, и так сблизились, что перестали называть друг друга на «вы» <...>³⁰.

Даже идея понимания друг друга по одному «намеку» есть и у реб Нахмана; в «Притче» речь идет о «намеке», по которому царские слуги понимают мудреца:

И сидели они так вместе какое-то время, пока не привыкли один к другому. И тогда намекнул мудрец, и послали им рубашки <...>. А через какое-то время он намекнул, и им послали штаны <...>. А потом тот намекнул, и им послали человеческую еду со стола...

Оба произведения поднимают вопрос о сущности человека и отвечают на него не в пользу последнего.

Истории отличаются тем, что у Нахмана под столом сидят мужчины, а у Шолом-Алейхема индюки разного пола и они влюбляются друг в друга. Но тема сексуальности присутствует в обоих произведениях: герои реб Нахмана сидят под столом без штанов и именно их наличие оказывается важной составляющей возврата к человеческому образу жизни. В отличие от непотребного вида царевича и мудреца, индюки Шолом-Алейхема выглядят прилично, хотя они и раздеты. Дело в том, что только специалист может отличить самца индюка от самки. Шолом-Алейхем обыгрывает это факт. «Как это Вы узнаете, где он, а где она?» — спрашивает служанка хозяйку парочки. «Выйди замуж, глупая девка, стань хозяйкой, тогда и будешь спрашивать» — отвечает та³¹. По причинам, изложенным во вступлении, мы не можем уверенно утверждать, что Шолом-Алейхем был знаком с притчей реб Нахмана, тем не менее, наличие такого количества сюжетных и идейных совпадений кажется нам заслуживающим внимания.

4. «Отчет для академии» Франца Кафки

«Отчет» (1917) написан в форме научного доклада, с которым ученая обезьяна мужского пола обращается к академии. Герой подчеркивает, что на момент написания отчета ментально он уже является человеком и лишь физически сохраняет внешний вид обезьяны. Впрочем, и у людей, с его точки зрения, обезьянья природа:

...ваше обезьянье естество, если оно у вас есть, так же глубоко схоронено, как и мое. Да и ветер обезьяньего прошлого щекочет

*пятки всем смертным без исключения — от маленького шимпанзе до великого Ахиллеса*³².

Героя поймали охотники за обезьянами из фирмы «Гагенбек», с директором которой он теперь охотно пьет вино, его ранили и заключили в клетку на пароходе. Обезьяна поняла, что, чтобы выжить, необходимо подражать людям, таким образом она научилась у окружающих матросов плевать, курить и пить водку, последнее оказалось сложнее всего. Затем ее отдали дрессировщику, который сам чуть не превратился в обезьяну и был отправлен в лечебницу. Теперь герой работает в варьете и наслаждается всеми благами цивилизации. Только ночью его «ожидает маленькая дрессированная обезьянка», с которой тот развлекается «на обезьяний лад».

Повторим, что Кафка не мог знать «Притчу об индюке» реб Нахмана, но, возможно, читал или слышал в переводе или в оригинале рассказ Шолом-Алейхема «Чета». Герои Кафки и Шолом-Алейхема — мыслящие животные, которые считают себя выше людей (в случае индюков) или людьми (в случае обезьяны) и выше других животных. Как высокомерные индюки постоянно выделяют себя среди общей массы «кур, уток и гусей»³³, так и герой «Отчета» убежден, что кардинально отличается от прочих обезьян, он негодует на свою кличку «красный Петер»:

Можно подумать, что я отличаюсь от недавно околешней дрессированной обезьяны Петера <...> всего лишь красной отметиной на щеке.

В обоих рассказах героев насильно похищают, транспортируют и держат в неволе. Индюков хватают ночью, связывают и кидают в телегу, причем возница садится на ноги индюшки и причиняет ей сильную боль³⁴. В обезьяну стреляют во время водопоя и везут на корабле, причем железные прутья клетки врезаются ей в спину.

И Шолом-Алейхем, и Кафка поднимают одни и те же вопросы, но по-разному отвечают на них. Если у Шолом-Алейхема индюки полны справедливого гнева на людей, то обезьяна Кафки всячески подчеркивает, что ее обезьяньи обиды на род людской нерелевантны в её нынешнем, человеческом состоянии: она пьет вино с главой фирмы Гагенбек, благодарна «учителю» по питью водки на корабле, который совал в ее мех бычки именно в тех местах, до которых она, сидя в клетке, не могла дотянуться, чтобы потушить их. То же обстоит и с понятием «свободы»: герои Шолом-Алейхема мечтают о воле, им даже снится, что у них «выросли крылья» и они улетают из плена³⁵

(домашним индюкам подрезают крылья, чтобы они не могли летать). Герой Кафки тоже много рассуждает о свободе, но не мечтает о ней, он отнюдь не считает людское состояние, к которому он так стремился, «свободным». Просто это был единственный выход из клетки, в которой он оказался:

Я умышленно не говорю о свободе. Великое чувство свободы — всеобъемлющей свободы — я оставляю в стороне. Весьма возможно, я испытал его, будучи обезьяной <...>. Если бы я был приверженцем упомянутой выше свободы, я наверняка предпочел бы прыжок за борт тому выходу, который прочел в хмурых человеческих глазах.

Наверное, обезьяна в дикой природе и есть истинно свободное существо по мнению Кафки, но его очеловечившийся герой уже не помнит об этом.

В обоих рассказах фигурирует тема внешнего вида гениталий людей и животных. У Шолом-Алейхема индюка было сложно отличить от индюшки. Герой Кафки гордится тем, что регулярно демонстрирует шрам от пули охотников Гагенбека чуть пониже бедра без всякого ущерба для общественной нравственности, так как зрители не увидят там ничего, кроме «хорошо ухоженного обезьяньего меха». Он противопоставляет свой вид со спущенными брюками человеческому. Герой парирует журналисту, который обвиняет его в пристрастии к эксгибиционизму:

Да, я могу спокойно снимать штаны перед кем мне заблагорассудится <...>. Все у меня на виду, мне нечего скрывать <...>. Конечно, если бы в присутствии посетителей свои штаны снял вышеупомянутый господин писака, мы имели бы совсем иную картину; то обстоятельство, что он этого не делает, я считаю проявлением его здравого смысла.

Однако, если любовь индюшек у Шолом-Алейхема была чистой и возвышенной, то секс с обезьянкой (а не с женщиной) в рассказе Кафки — это единственная оставшаяся от обезьяньего прошлого привычка героя. Впрочем, отличие по крайней мере его самого (а не всех прочих обезьян) от людей представляется герою весьма призрачным, как мы уже писали. Видимо, Кафка намекает на то, что человеческая сексуальность ничем не отличается от обезьяньей и является тем самым «обезьянь[им] естеств[ом]», которое разделяют «вс[е] смертны[е] без исключения»³⁶.

Ряд сюжетных ходов и экзистенциальная проблематика объединяют «Отчет» с притчей реб Нахмана. Обоим произведениям свойственна жутковатая атмосфера сумасшествия и зыбкости границ между человеком и животным, реальностью и вымыслом. Напомним, что мудрец Нахмана после долгого сидения под столом называется «мудрецом-индюком», а дрессировщик героя Кафки чуть было сам не превращается в обезьяну. И в «Притче», и в «Отчете» именно подражание является методом, который приводит к перемене ролей животное—человек: мудрец сначала раздевается и лезет под стол, чтобы стать индюком, затем, чтобы вернуть царевича к людям, мудрец предлагает ему надеть рубашку, штаны и есть человеческую еду за столом, как это делают другие «индюки». Точно так же обезьяна учится плевать, курить и пить, чтобы стать человеком:

Я и люди начали плевать друг другу в физиономию; разница между нами заключалась лишь в том, что я мог вылизать свою физиономию, а они — нет³⁷.

Природа кафкианского героя действительно меняется, по крайней мере, по его мнению, под действием нехитрых приемов подражания. Но, в таком случае, какова ценность «человеческого достоинства» и существует ли оно вообще по мнению Кафки? Те же вопросы о сущности человека поднимает и реб Нахман.

Стирание различий между человеком и животным связано с сумасшествием: царевич Нахмана сходит с ума и залезает под стол. Хотя, напомним, есть толкования, что он-то как раз и обладает здравым рассудком, ср. «Сумасшедший урожай». Герой Кафки тоже знает кое-что о сумасшествии, им одержимы все дрессированные животные. Вот что пишет он о своей ночной жене:

Днем я не желаю ее видеть; в ее взгляде сквозит безумие, так же как во взгляде всех дрессированных, битых с толку животных; никто, кроме меня, этого не замечает, но я этого не выношу³⁸.

Следуя логике героя, можно предположить, что и остальные люди — это дрессированные сумасшедшие обезьяны, лишённые свободы.

Примечания

¹ Hurvitz R. Ikuв haShlikhut (Мотив опоздания посланника) // Moznayim. Vol. 27. 1967. Is. 3–4. August–September. Am. 173–182; Barzel H. Beyn Agnon leKafka. Ramat Gan : Bar-Ilan University, 1972. Am. 169–170; Shmueli E. Frantz Kafka veRabi Nakhman miBreslav, In Adam beMatzor (Человек в осаде). Tel-Aviv : Yakhdav, 1981. Am. 112–127; Kanofsky J. Kafka, Nahman of Bratslov and the Judaic Literary Imagination // Symposium. Vol. 52. 1999. Is. 4. P. 196–203; Shelo M. Pirkey Kafka. A. Maase Hitabdut Hu lo Lalekhet leVeyt haKneset (Главы о Кафке. А. Не ходить в синагогу — это... самоубийство) // Maase Sipur — Ме-

- khkarim beSifrut Yehudit (Проблемы рассказа – Исследования еврейской литературы). 3. Ramat-Gan : Bar-Ilan University, 2012. Am. 247–259 (First published in 1997); *Reiss M.* Franz Kafka and Reb Nahman: A Comparative Encounter. [Electronic resource]. URL: <http://www.moshereiss.org/kafka.htm> (дата обращения: 18.01.2018); *Kamenetz R.* Burnt Books: Rabbi Nachman of Bratslav and Franz Kafka. New York : Schocken, 2010.
- ² *Stach R.* Kafka: The Decisive Years. Princeton : Princeton University Press, 2013. P. 67–69.
- ³ *Miron D.* Contiguity: Franz Kafka's Standing within the Modern Jewish Literary Complex // From Continuity to Contiguity: Toward a New Jewish Literary Thinking. Stanford : Stanford University Press, 2010. P. 351–403.
- ⁴ *Miron D.* Op. cit. P. 360.
- ⁵ *Mark Z.* Kol Sipurey rabi Nachman miBreslav (Все рассказы раби Нахмана из Брацлава). Ramat Gan : Bar Ilan University, 2014.
- ⁶ Мы полагаем, что притча имеет реальную основу. Речь идет о спорынье (грибок, который образуется на ржи и пшенице), о галлюциногенном действии которой при попадании в муку стало известно в Европе уже в конце XVIII в. Наркотик LSD синтезируется из лизергиновой кислоты, которая содержится и в алкалоидах спорыньи. Некоторые историки приписывают крестовые походы и ведьминские процессы средневековья большому проценту зараженного спорыньей хлеба в урожае. *Столяров А.* Отравление спорыньей в мировой истории и наркологии. 10.06.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://med-info.ru/content/view/5621> (дата обращения: 18.01.2018).
- ⁷ *Mark Z.* Op. cit. Am. 410, № 236 alef.
- ⁸ *Ibid.* Am. 410–411, № 236 bet.
- ⁹ *Шолом-Алейхем.* Чета / Пер. Л. Юдкевича (1909) // *Шолом-Алейхем.* Собрание сочинений. Т. 5: Рассказы. М. : Художественная литература, 1961. С. 595.
- ¹⁰ Там же. С. 599 (2 раза), 600, 601, 603, 606, 607 (2 раза), 610, 611, 613.
- ¹¹ Там же. С. 599; также «несчастливая пара» С. 613 и «два несчастных героя» С. 607.
- ¹² Там же. С. 601, 609, 612.
- ¹³ Там же. С. 596 («он»), 606 (2 раза), 607.
- ¹⁴ Там же. С. 613. Слово «Индейцы» (помимо этого словосочетания) в идишском оригинале: *Sholem Aleichem.* Dos Porfolk // *Sholem Aleichem.* Ale verk. Mayses far yidishe kinder. Vol. 5. Buenos-Ayres : IKUF, 1953. Z. 107, 123.
- ¹⁵ *Шолом-Алейхем.* Указ. соч. С. 608.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 613.
- ¹⁸ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 2-х тт. Т. 1. М. : Олма-пресс, 2002. С. 652: «индюк» — «индейский петух», С. 323: «галган» — «индийский петух», «индюк».
- ¹⁹ *Шолом-Алейхем.* Указ. соч.; «малахай»: С. 598 (3 раза), 599 (3 раза), 600; «турецкая шаль»: С. 599 (3 раза), 600 (2 раза), 601 (3 раза), 603, 605 (2 раза), 607, 609, 612; «красный платок»: С. 607.
- ²⁰ Там же. С. 610.
- ²¹ Там же. С. 602.
- ²² Там же. С. 612.
- ²³ Там же. С. 607.
- ²⁴ *Шолом-Алейхем.* Жалость ко всему живому / Пер. М. Шамбадал // Собрание сочинений. Т. 5. М. : Художественная литература, 1961. С. 492.
- ²⁵ *Шолом-Алейхем.* Чета. С. 597; *Sholem Aleichem.* Dos Porfolk. Z. 105.
- ²⁶ Индейка // Сайт «О природе». [Электронный ресурс]. URL: <https://o-prirode.ru/indejka/> (дата обращения: 18.01.2018).
- ²⁷ *Шолом-Алейхем.* Чета. С. 597–598.
- ²⁸ Там же. С. 600.

²⁹ Там же. С. 607.

³⁰ Там же; *Sholem Aleichem*. Dos Porfolk. Z. 116.

³¹ *Шолом-Алейхем*. Чета. С. 606.

³² *Кафка Ф.* Отчет для академии / Пер. Л. Чернова // сайт «Франц Кафка». 2001–2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kafka.ru/rasskasy/read/otchet> (дата обращения: 18.01.2018).

³³ *Шолом-Алейхем*. Чета. С. 602, 612.

³⁴ Там же. С. 598.

³⁵ Там же. С. 611.

³⁶ *Кафка Ф.* Указ. соч.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

УДК 930.85

С. А. Шпагин

(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Аггон и его герои: попытка диалога

Но как раскрыть рот и спросить?
Ш. Й. Аггон. *Во цвете лет. 1923 г.*

Шмуэль Йосеф Аггон — классик израильской литературы, и само по себе это уже проблема, проблема применительно и к творчеству Аггона, и к пониманию израильской литературы. Нерв проблемы — Шмуэль Йосеф Чачкес родился не в том месте и не в том времени и начал писать не для того читателя. Взяв себе псевдоним Аггон (смысловое значение, вытекающее из одноименного названия его новеллы — «разлученный»), он своей судьбой и творчеством смоделировал ситуацию попытки всеобъемлющего диалога со временем и пространством. Причем, у его литературных героев этот диалог явно не получается, хотя ведется он не только на уровне звука, жестов, цвета и запахов, но и на уровне смыслов, созданных и зашифрованных в тексте самим Агноном.

Ситуация с присуждением ему Нобелевской премии — это тоже попытка диалога с миром той литературы, которую он оставил в Берлине ради места классика литературы страны, которая именно за год до начала Шестидневной войны и могла рассчитывать на благосклонность Европы. А его творческое наследие продолжает диалог с читателем страны, которая очень изменилась в последующие годы.

Человек, родившийся в конкретных пространственно-временных обстоятельствах — еврейское местечко Бучач в немецкоязычной Га-

лиции — ощущал себя певцом из колена Леви, родившемся в другое время в Иерусалиме, но «вынужденным» писать на иврите для современного ему читателя в Эрец-Исраэль в момент трансформации и страны, и народа Израила в Государство Израиль и его граждан. Так что свой первый диалог Агнон вел в предметном и языковом поле Центральной Европы начала XX в. И это иной диалог и другой мир евреев Европы по сравнению с созданным творчеством Шолом-Алейхема миром восточноевропейского еврейства. Два писателя соединили в читателе комедию и трагедию европейского еврейства. Но Шолом-Алейхем остался еврейским писателем, а Агнону предстояло стать израильским. Воистину, после, не значит вследствие.

Если творчество Шолом-Алейхема локализовано во времени и пространстве, как и его герои, то Агнон и его герои оторваны от детализированной реальности, и не всегда понятно, кто они и где происходит действие. Агнон и Шолом-Алейхем создали разный мир европейского еврейства, они и их герои ведут разный диалог. У одного — теплый и тесный мир еврейского местечка. У другого — мир отчуждения, более характерный для человека западного мира Европы и Америки. Это два не соприкасающихся диалога разных героев и их авторов, объединенных выходом за культурную традицию и попыткой создать то, чего до них не было — профессиональную прозу для предполагаемого читателя. То есть, не только для евреев в контексте их места и времени, места и времени двух авторов и их героев, соответственно, целевой читательской аудитории. Поэтому для них важна категория диалога в творчестве и жизни.

В текстах Агнона можно выделить несколько линий скрытого и явного диалога его героев.

Не состоявшийся диалог евреев Европы и Европы, представленный Еленой и Иосифом в новелле «Хозяйка и Коробейник».

Диалоги евреев друг с другом — в Иерусалиме этот диалог ведется и глазами, и улыбкой и с птицами, и с женихом служанки. Но и здесь есть свои проблемы. Сложней с диалогом евреев в проблемном поле ассимиляции, прежде всего в Германии. Диалог затруднен, но это уже диалог не в проблемном поле еврейской традиции. Утерян диалог героев Шолом-Алейхема и Чачкеса, но еще нет диалога героев Агнона. Это проблемное поле попытки диалога евреев между собой в доме Елены и в отсутствие Коробейника.

Очень редкий диалог еврея с Богом, и это симптоматично даже в деталях: повторяющийся сюжет внутреннего монолога «в сердце». И здесь звучит ключевая фраза из новеллы «Покой»: «Ты про-

сишь невозможного!»¹ — отвечает Бог на просьбу еврея дать ему покой.

Но еврей должен помнить принципиальную трудность диалога человека с Богом; вспомним сюжет, связанный с Иовом и его попытками построить диалог как форму получения ответа, а не труд сформулировать вопрос — «Буду говорить, и станет легче мне» (Иов 32:20). То есть, «терзание речами», диалог как определенная форма жизнедеятельности и осмысления жизни — сюжет не новый и очень важный.

Более того, по словам рава Йосефа Соловейчика, человек в попытке диалога с Творцом всегда «Одинокий верующий человек».

Растворенный в текстах диалог самого Агнона с героями своих произведений. Создается впечатление, что и Агنون просит невозможного — стать самому героем своих собственных произведений. Он сознательно не прописывает характеры героев, не вдаётся в детали, редко описывает природу и окружающую обстановку. А диалоги — это и тем более прерогатива автора, а не его героев. Поэтому Агنون и не скрывает, что знает больше своих героев, и в читателе предполагает также осведомленного о них человека. Рядом с героями нет динамики, а есть намек, констатация. Агنون отстранен от своих героев, которые отчуждены от самих себя, обстоятельств, пространства и времени.

Наконец, диалог Агнона с читателем. Словно понимая отчужденность своих героев, сторонний наблюдатель Агنون использует метод работы драматурга и моделирует сценарий чтения своих произведений с помощью открытых ремарок. Строго говоря, диалоги его героев — это диалоги героев пьесы, а не новеллы.

И здесь очень большой вопрос — а кто, собственно говоря, читатель Агнона? Кто слушатель иерусалимского певца из рода Леви²? Если диалог евреев и Европы не состоялся, то за что Европа отметила его Нобелевской премией? Что удивительно, Агнона не отнесешь к тем интеллектуалам, которые серьезно обращали свое внимание на трагедию Холокоста. Ведь в упомянутой Нобелевской речи, демонстративно сформулированной в форме обращения к «Дому Елены» от «Дома Йосефа», он делает упор на иную трагедию — разрушение Храма³.

В описании Агнона евреев и не евреев Галиции также нет надежды, что они станут его большими читателями и поклонниками. В новелле 1937 г. «Прах Земли Израиля» он противопоставляет на одной странице «спуск» в Польшу и «взошествие» в Землю Израиля⁴.

У истоков формирования израильской литературы и идентичности стояли выходцы из Европы, сформировавшиеся в поле русскоязычной, немецкоязычной и затем англоязычной культурной тради-

ции. С точки зрения восприятия их творчества, нужно было начинать с чистого листа, ибо для того, чтобы стать классиком израильской литературы, нужно было не только создать Израиль, но и создать соответствующую времени профессиональную израильскую литературу, сохранявшую традиции ишува и диаспоры в новых условиях. Совмещение религиозной традиции с секулярным жанром — проблема всеобъемлющего диалога. Отсюда справедливая оценка Агнона у Герша Шолема: «современный древнееврейский писатель»⁵.

В концентрированном виде попытка трагического диалога еврейской части Европы с нееврейской представлена в новелле «Хозяйка и Коробейник». Это произведение заслуживает отдельного анализа; в данном случае, внимание сосредоточено именно на линии диалогов.

Первое, на что обращаешь внимание — более лёгкое начало диалогов еврея с христианкой по сравнению с попытками диалога между евреями в Европе, отчасти и в Эрец Исраэль. В самом деле, в темном лесу Коробейник предлагает одинокой красивой и строгой женщине нехитрый набор товаров — охотничий нож и ненужные ей «женские» товары. Это сильнее сюжета о Красной Шапочке, несущей пирожки своей бабушке; как минимум, у «внучки» Елены по цивилизационной линии было четкое представление о том, куда и зачем она идет. И кстати, предположим, что имя Елены и предложенные ей дары могут служить контрастом в сравнении с греческой мифологией.

Важно и то, что Коробейник благодарен за монолог Хозяйки⁶. И диалог этот разнообразный, хоть и странно улыбается собеседница Коробейника. Да и сам Коробейник — мастер диалога, не в пример интеллигентам и семьянинам в других повестях Агнона: «И повел он с ней речи, приятные для слуха юной женщины. Бог один ведает, откуда в устах простого коробейника подобные речи. Она не бранила, он набрался смелости»⁷. Уже в этой формуле мы видим полудиалог, взаимно навязанную реальность диалога. И стал вести диалог еврей с христианкой о любви, теме, не фигурирующей даже у некоторых супругов, участников еврейского диалога. Оставшись, еврей-коробейник нашел формулу диалога и с соседями Елены: «сошелся он с местным народом и его обычаями»⁸. Да и ссоры днем между евреем и христианкой завершались миром между мужчиной и женщиной ночью. Здесь уместно сравнить с не диалоговым поведением бывших, но находящихся в одном доме супругов в новелле «Иной облик»: «Тишина удвоилась и утроилась»⁹. И даже услышав или вообразив шум в комнате бывшей жены, не безразличной ему Тони, Гартман не делает и попытки установления диалога: «их разделяла стена, дух его стал ви-

тать в мире снов — там, где отсутствуют преграды, разделяющие их»¹⁰. Но в чем тогда преграда между Еленой и Йосефом? Она больше или меньше, чем у Тони и Гартмана, чем у любого мужчины и женщины? Ответ подсказывает сам Агнон: линия сравнения лежит в ином смысловом поле и прообраз этих взаимоотношений — Самсон и Далила¹¹. И здесь читатель должен сам вспомнить ключевое понятие в судьбе Самсона — «молотил в неволе», имеющее как раз смысл оказания сексуальных услуг в неволе. Коробейник и Хозяйка «проводили... дни в любви и согласии»¹², но в отличие от своих параллельных в еврейской традиции героев, он не отличается страстностью Самсона или непреклонностью Иосифа, а так, просто коробейник в чужом лесу, «далеко от всякого человеческого жилья»¹³. И первое сомнение Коробейника касается не экзистенциальных проблем в доме Хозяйки, а внешне чисто бытовых — как это Елена, женщина, делящая с ним постель, не делит стол, не ест с ним вместе: «Дело засело в сердце как заноза»¹⁴.

При этом надо иметь в виду степень снижения смысловой нагрузки на мысли Коробейника «в сердце»: сказал в сердце, «положил он руку к сердцу и отвечал» — то есть ни вопрос, ни ответ на него уже не идут от сердца. На смену приходит другой смысловой ряд: «заноза в сердце», «нож ему в сердце», «страшился он за свое сердце» и так далее.

Коробейник не только не устоял перед похлебкой Хозяйки и возможностью реализовать себя в диалоге, ведь комплимент Хозяйки «искусник» вовсе не связан с его трудовой деятельностью и образом жизни праведного еврея. Не случайно Агнон напоминает читателю: «И сказал себе еврей»¹⁵. И мы видим, что это не самоидентификация Коробейника в момент прозрения, а реплика стороннего наблюдателя. Это диалог писателя с читателем, показывающий — вот каков мой герой, после любви и согласия с женщиной, заноза в его сердце связана с простым любопытством — как и где она принимает пищу, если ее нет со мной за одним столом!

Размолвка, после которой Коробейник и Елена «больше не говорили», а он «зубы стиснул», происходит не после принципиального диалога, и именно на основе страха за непонимание ситуации. Осознание себя маленьким и одиноким человеком в заснеженном лесу у Коробейника происходит раньше, нежели Агнон описывает эту ситуацию, то есть когда Коробейник выходит в физическое пространство леса и осознает свой физический размер. Вначале обнищала душа еврея, который сбился с дороги, поселился в чужом ему доме в поисках «живой души» вдали от «человечьего» жилья. Вот и не чинит он уже крышу, не ведет диалог с Еленой — ведь и накормит, будет любить и

без этого. Но в таком статусе, когда кровь его заменила холодная вода ассимиляции, он даже Елене не интересен. На вопрос: хочешь сказать что-нибудь, он уже не получает ответ, ибо и ему самому уже нечего говорить Елене. И в кульминационный момент, когда Елена понимает, что их связь порочна — она, тем не менее, не может погубить его, но погибнет сама в результате «сбоя программы». Читатель видит результат измельчания Коробейника в душе и сердце — он не понимает ни своей, ни Елениной трагедии, и она его отталкивает, выкрикивая обвинение о холоде. Холоде в душе и сердце его. Холоде к себе, женщине, своему дому и своему и чужому Богу.

Коробейник находится не столько в иной ситуации, сколько ведет себя иначе, по сравнению с параллельными героями еврейской традиции. В лесу, в доме Елены он не пленник и может в любой момент уйти, но «он не уходил, она не гнала»¹⁶. При отсутствии межличностного диалога, эмоциональной теплоты, «холоде» излишне прагматичного подхода («крышу починить») межкультурный диалог может дать сбой. Сравним с приведенной выше цитатой формата диалога межличностного: она не бранила, он набрался смелости с диалогом фактически межкультурным: и даже гостем в доме Елены он не является — «Пошел он в свою комнату»¹⁷, она «вернулась в свой дом»¹⁸.

По существу диалог Коробейника ведется и на невербальном уровне, особенно с уже умирающей Хозяйкой. Но вот что важно, прозревший Йосеф, еврей-коробейник, не пытается наладить диалог с евреями и Богом, он не выбирает традиционные модели «40 лет в пустыне» или «покинь дом отца своего», он ищет путь скорей на Итаку как Одиссей, чем в Иерусалим.

Здесь уместно сравнить в качестве итога возможного диалога Коробейника, избравшего именно еврейский путь — путь алии — с диалоговой линией других героев Агнона. Конечно, Фейрнхайм, герой одноименной новеллы, не Йосеф. Но его диалог с женой и ее богатыми родственниками менее дружествен, нежели у еврея с христианкой в чужом для него доме и мире. Характерна заключительная фраза: «Для несчастья пригоден всякий час»¹⁹. Но важнее другое — имеется в виду всякое место, включая Эрец Израэль? Поразительно, но на фоне мало эмоционального повествования в творчестве Агнона, семейная трагедия Фейрнхайма и Гертруды по методу изложения похожа на пересказ скучной пьесы, тогда как неудавшийся, но насыщенный диалог еврея с Еленой носит более яркий характер.

Яркость слога Агнона в этой новелле проявилась даже в игре слов названия: Бааль а байт — хозяин, хозяин именно дома, а созвучное ему

бала — глотать, хотеть всего. Так что это попытка диалога не просто хозяйки, а хозяйки дома, которого нет у Йосефа, который идет на межкультурный диалог именно в силу своей всеядности, неразборчивости и желанию заглатывать все без разбора. Но в итоге оказывается «проглоченным» также всеядной хозяйкой. Так что здесь мы наблюдаем этот скрытый диалог, игру словами и смыслами Агнона с читателем. Сложная игра, ибо даже в сюжетной линии скрыты разные смыслы, не говоря уж о языковых оттенках новеллы.

Если рассматривать данную новеллу как диалог самого Агнона с читателем, а по существу его монолог, то основной смысл послания писателя европейским евреям предельно ясен, и он равен приговору. Приговор этот прост в своей жесткости: нет места Коробейнику в доме Елены, нет места еврею в Европе, нет ему места среди соседей Елены, хоть и нашел он с ними общий язык. Не будет в этом доме звучать «Шма Исраэль» и не будет Коробейник в «одеждах свободного человека», даже забыв, что он здесь не хозяин, дышать свободно. Потому что он забыл самое главное; он забыл, что он еврей. Это ведь Елена у него спрашивает — ведь ты еврей? Станный вопрос в ситуации, когда первые обращенные к нему ее слова, именно так и звучат: «Чего тебе здесь надо, еврей?»²⁰. Да и Агنون, что не характерно для других новелл, сразу же в первой же фразе подчеркивает, что коробейник именно еврей. А вот всеядный еврей задумывается и видит явное — христианские символы в доме Елены — лишь ближе к развязке сюжета. Да и мотив общения с Коробейником не хозяйственный или чисто сексуальный. Выбор его среди иных возможных кандидатов в мужья Елена объясняет совершенно четко — он еврей. Так что в данном случае речь идет не о вопросе — ты еврей? А о напоминании — ведь ты еврей, ведь твой народ убил Бога, во всяком случае, нашего Бога, так во что ты тогда веришь? Ты отошел от традиции (нарушения кашрута, субботы, молитв сформулированы Агноном со всей определенностью), ты не веришь в нашего Бога и забыл своего — так на что ты рассчитываешь? На любовь Европы? Нет проблем, но живи по законам «дома Елены», а не «дома Яакова». Заметим, на то Агنون и классик, что его острые наблюдения применимы и к сегодняшней ситуации; «общеевропейский» дом Европейского Союза — это такой же вызов для европейского еврейства, как и ранее. В некотором смысле, это «мягкий Холокост», это ассимиляция без антисемитизма евробюрократов.

Логика Агнона, жившего и творившего с этой внутренней раздвоенностью культур, времени и пространства, возможно, и испытывая некоторый дискомфорт от этого, возможно, и чувство двойной

вины — перед временем и пространством, перед умершими родителями, разделенными с ним и временем, и пространством, перед жертвами Холокоста, олицетворявшими для него Коробейников в доме Елены, понятна. Кто не просто бродит с коробом по городам и весям, не привязываясь к теплу тела и образа жизни дома Елены, но претендует на большее, забыв кто он, сменив свою одежду на одежду свободного человека, став всеядным, «заглотив» чужую традицию, собьется с пути предков. И тут для Агнона не важна даже трагедия Холокоста.

Новеллу «Коробейник и хозяйка» можно рассматривать и как монолог Агнона, его диалог с читателем на тему Шоа. Агнон не только своим творчеством, но и Нобелевской речью, демонстративно рассчитанной именно на европейского читателя, с которым он распрощался, перейдя в созданную им свою ивритоязычную литературу, но созданную в большей степени для европейского читателя вне зависимости от места проживания. Возможно, Агнон — «опоздавший» ивритоязычный писатель. И здесь вновь возможна аналогия с «американским» писателем Владимиром Набоковым.

Его прежний читатель, его герои и их язык, язык евреев Восточной Европы, остались в прошлом. Причем в том смысловом поле у читателей имелся пример более активного диалога героев Шолом-Алейхема.

В новом смысловом поле Иерусалима Агнон в некотором смысле оказался со своими героями «на остановке автобуса» в растерянности. Он привнес в уже сложившуюся ивритоязычную литературу Израиля не столько реанимированную традицию или осмысление реалий Иерусалима, тем более не память о местечковом еврействе, а отголоски западной тематики — проблему отчужденности, в принципе, не свойственную еврейской традиции.

Отсюда становится понятным подход к проблеме Шоа — каким бы ни был дом Елены, это не твой дом, еврей. Твой дом — Страна Израиля. Ничего хорошего Дому Елены не принесет еврей-коробейник. Он не станет нужным работником. Ведь и крышу он крыл со словами — какая разница, где стоять — в лесу под дождем или на крыше. И торгует он сомнительным товаром, пригодным к убийству — охотничьим ножом. И лицо в ответственный момент у него — это лицо труса. Трусость и нож при отсутствии нравственной опоры — светской или религиозной, в образе правильно выбранной дороги, построенного дома, посаженного дерева, созданной семьи (не случайно Агнон подчеркивает — нет у него никого) приводят к трагедии. Ценой случайного спасения от ассимиляции он губит Елену, он разрушает ее дом, не приносит счастья или пользы ее народу (мало найти с ним общий язык и

понять их нравы, что Коробейник сделал), он не построил Ковчег накануне Потопа XX в. — Шоа. Так что ж винить Германию, творческую родину Агнона, за Нюрнбергские законы. Евреи сами должны были выбрать свою дорогу из Дома Елены. Шоа — это просто опережающее слово Елены в диалоге с Коробейником? Во всяком случае, в этой новелле Агнон более суров в своей оценке Коробейника, нежели Елены. Да, он относится к своему герою с пониманием и жалостью, но круг ведь замкнулся: Коробейник повторяет сюжет начального абзаца новеллы — вновь ощутил тяжесть короба и пошел по городам и весям с неизменным товаром и не изменившимся сознанием. Ему даже некому отправить последнюю просьбу, как сторожу кладбища в Галиции, который не умирал до получения горсти земли из Страны Израиля в другом произведении Агнона.

Противоречив диалог с неевреями героев Агнона применительно к «стране Немецкой»²¹. Например, несостоявшийся венский студент Мазал пишет в своем дневнике: «Любы мне городки Галиции летом... Брожу по мирной земле»²².

Иначе выглядит оценка готовности к диалогу Терцы в этой же новелле «Во цвете лет». Надо сказать, что «Вешние воды» и «Первая любовь» агноновской героини описаны более сдержанным слогом, нежели у Тургенева, но, тем не менее, это одно из самых ярких произведений Агнона. Забавно это выглядит на фоне языковой иронии героини: «Утомили меня правила грамматики и смысл слов “перфект” и “плюсквамперфект”»²³.

Еще жестче описание Галиции самим Агноном. «Королевка — городок маленький, с ладонь, и людей там немного. Дома там — мазанки тесные да мелкие, что над Святым Духом не возвышаются. Если бы не визг мелюзги по молельням, да вздохи Израиля о тяготах, не заметили бы, что живут тут люди»²⁴. Собирательный образ еврейского местечка Галиции менее добр, нежели у Шолом-Алейхема — «Село Асоновка — большая деревня в Подолии»²⁵. «Необрезанные» этого села замыслили и осуществили убийство евреев. Так что у героев Агнона нет диалога с «необрезанными душой» в Галиции.

Казалось бы, диалог евреев друг с другом должен носить более интенсивный и насыщенный характер в произведениях Агнона. Конечно, они отличаются от приведенных выше реплик самого Агнона, но разнообразием ни диалоги, ни характеры его участников не отличаются. Повторим еще раз — внутренний монолог Терцы, наполненный страданиями выбранной судьбы — судьбы расплаты за дела взрослых (она выходит замуж за отвергнутого родителями ее матери жениха и,

как в зеркале, наблюдает двойников — своего отца и мужа, который мог стать для нее отцом) — самый внутренне напряженный диалог Агнона с читателем.

Вернемся к попытке Агнона показать сложности внутреннего диалога его героя, одновременно и традиционного еврея, и современного Агнону иерусалимца. В этом смысле показательна фраза из новеллы «Последний автобус»: «Ах, если бы кто-то поддержал меня в тот час, если бы кто-то встал со мной рядом против тех... кто мне не друг, и против того, кто мне враг! Но тот, кто мне мог помочь, был занят своими делами»²⁶.

Строго говоря, и сам герой, в ожидании автобуса, напоминает человека «В ожидании Годо». Он не помнит девушек-соседок, а они не помогают ему сесть в автобус. Не находит он и формы диалога с чиновником автобусной станции. Да и повод отправиться в путешествие, запоздалое желание навестить друга и получить у него керосин, показывает нам героя, не очень расположенного к диалогу. Он даже слушатель никакой: «Шрит не умолкает, речь его течет гладко и выразительно... Видно, много он размышлял обо всех этих предметах»²⁷. Ирония состоит в том, что герой поднял с постели Шрита, не сказал о причине прихода (у него закончился керосин) и еще насмехается — ведь у господина Шрита сердце болит обо всем.

Сложен диалог всех категорий евреев в Стране Израиля. Диалог и родителей с детьми в новелле «Разлученные» и в других по поводу контроля над чувствами детей при вступлении в брак, и представителей разных социальных категорий — будь то начальник почты или автобусной остановки. По-прежнему не находят общий язык или не нуждаются в диалоге супруги. Не с кем поговорить пожилым людям.

Столкновение честного художника с реалиями новой для него страны, нового дома, оказалось также сложным. Жизнь в Государстве Израиль Агнона не полна диалога. Будучи еще молодым человеком, он не слился с тогдашними первопроходцами сионистского движения из Европы. Пережив очередной погром во время волнений арабского населения подмандатной Палестины, Агنون построил свой дом и был в нем и Хозяином, и Коробейником.

Дело не просто в легкой критике евреев ишува, Страны Израиля, о которой Агنون мечтал, за пристрастие к пище «дома Елены», пришедшей в «дом Яакова» — газировке и водке. Диалог с евреями Израиля ведет уже умудренный опытом другой жизни человек, а это похоже больше на монолог. И сложность диалога в Стране Израиля уже обусловлена сменой поколений, а не отсутствием внимания к его твор-

честву. А представители этого нового поколения очень остро чувствуют эту сложность общения, трудность диалога поколений. «Гиганты духа, великие создатели интеллектуального облика Государства Израиль — Ш. Й. Агнон и Х. Н. Бялик, Б. Динур, Г. Шолем и рав А. И. Кук, которые все до одного были иммигрантами из Европы, — имеют мало общего с новым поколением израильских ученых и писателей»²⁸ — отмечается в работе Йорама Хазони.

В каком-то смысле, Агнона можно сравнить с Набоковым. Русский, Владимир Набоков воспитывался в России в англоязычной культурной среде своего отца. Покинув вынужденно Родину, «разлученный» с ней певец понял в США, что струны его русскоязычной лиры заржавели. В его первом произведении на английском языке, по существу нет Америки. Но это первое англоязычное произведение русского разлученного — «Лолита». Отсюда ирония одного американского литературоведа, который на вопрос, кого он считает лучшим из ныне живущих американских писателей, ответил — Набоков, так ему и надо, пусть будет американским писателем. У Агнона есть своя Лолита — Терца из новеллы «Во цвете лет», и это некое продолжение европейской традиции — вспомним Тургенева, его «Вешние воды» и «Первую любовь». Как известно, взросление другой девочки, описавшей его в своем дневнике, Анны Франк, закончилось трагедией. Но таких героев в творчестве Агнона нет.

Трагедия героев Агнона в том, что они — герои, унесенные ветром, как в Европе, так и в Стране Израиля. Он сам добровольно превратился в Хозяина маленькой страны, которая давно исчезла. Но в этом смысле, он несравнимо более локален, нежели Уильям Фолкнер со своей фразой, перекликающейся с агноновской о Елене, не гнавшей Коробейника, и Коробейнике, не уходившим — я не ненавижу Юг.

Интересно сравнить и немецкие струны лиры Агнона. Ведь сформировавшийся в немецкоязычной культуре Агнон не проявил себя как человек, разочаровавшийся в культуре страны и народа, ответственных за Шоа. Здесь уместно вспомнить Сабину Шпильрейн, первую пациентку психоаналитика Юнга. Она родилась в еврейской семье в Ростове-на-Дону, городе, случайно оказавшемся вне пределов черты оседлости в результате административного перевода его из Екатеринославской губернии в состав Области войска Донского. Свое взросление «во цвете лет» провела в Швейцарии, Австрии и Германии, став затем ученым одного уровня с Юнгом и Фрейдом, пыталась навести цивилизационный мост между немцами и евреями Европы, став любовницей обоих, войдя в мужскую половину «дома

Елены». По не подтвержденной легенде, во время нацистской оккупации города Ростова-на-Дону, она якобы предложила немецким оккупантам стать своеобразным цивилизационным мостом между оккупантами и жителями города — русскими и евреями. Но в доме Елены сменился хозяин, и 11 августа 1942 г. Шпильрейн, талантливый ученый и любимая женщина двух европейских ученых — немца Юнга и еврея Фрейда, вместе с дочерьми от еврейского мужа, погибла в Змиевской балке.

Пока человек молчит — он хозяин своего слова, потом уже нет. Это не только еврейская традиция, это закон любого творческого жанра. Все, что мог сказать Агнон, он сказал. Настала очередь вести диалог с ним. Что же можно сказать самому Агнону, как можно определить его некоторые параметры на основе диалогов в его произведениях?

В некотором смысле Агнон — Коробейник, который вернулся в знакомый ему дом Елены, выстроенный в Стране Израиля. Это дом, который построил Джек-Агнон-Коробейник. Он тихий, уютный и стоит прочно на сконструированной Агноном Земле Израиля, которой не было, нет и не будет. Уже не будет, это видно из приведенной оценки 2008 г. Йорама Хазони. Это должен был быть дом без дискуссий о Холокосте (здесь сознательно взят термин не Шoa, а принятый в Европе термин Холокост), без криков еврейской девушки с просьбой защитить ее жениха Гюнтера (симптоматично немецкое имя еврея, подвергшегося нападению араба в Иерусалиме в одной из новелл Агнона). В формате сравнений с реальными историческими персонажами — Агнон скорее всего не услышал бы крика о помощи еврейки Сабины Шпильрейн, жившей с ним в одном немецкоязычном культурном поле, но вернувшейся в СССР.

Не любил он и Бучач, не описывает он Галицию, как Шолом-Алейхем — еврейские местечки Украины. Не любил он и Европу в целом, считая себя неевропейским лауреатом Нобелевской премии, уж очень нарочито «книжной» выглядит его речь, похожая на спектакль и игру со своими героями.

Он, безусловно, дорожит «наследием отцов» и считает себя их продолжателем, мудрецом, передающим его другому поколению. И он может это делать, но с поколением опять проблема, ибо этот диалог приходится вести уже в другом пространстве и другом времени.

Похоже, сам Агнон понял это давно. Он, как и герой его новеллы «Эдо и Эйнам» (1950 г.), снисходительно жалеет странную женщину Гемулу (опять игра слов?). Но в таком случае кто он, иерусалимский мудрец или «европейский ученый, этнограф или вроде этого»²⁹ из

этой новеллы? Похоже, Агнон не иерусалимский мудрец, им можно назвать скорее рава Адина Штейнзальца. Не вполне Агнон и «европейский этнограф» — это была бы слишком суровая оценка его творчества.

В известном смысле, Агнон сам сформулировал вопрос, но не дал на него ответ. Он, возможно, сравнил себя с мудрецом, который при собственной жизни смотрит в систему зеркал. Но он также и мудрец, что пишет на выдуманном им языке эдо. А вот после смерти этот его словарь не нужен. Его будут рассматривать через другую систему зеркал. Как он пишет авторским текстом, то есть, не прячась за спины своих героев, «Пока жив мудрец, хотят — признают его мудрость, не хотят — не признают, а как умрет он, сияет душа его в книгах, и всяк, кто не крив и зряч, с отрадой видят сей светоч»³⁰. Что, собственно говоря, и произошло. Так не мудрец ли после этого Агнон?

И если Агнон действительно мудрец, то самой мудрой его мыслью, сказанной, по-видимому, и о себе тоже, является ключевая фраза из новеллы «Эдо и Эйнам»: «Не изменишь поступок толкованиями и не переменишь объяснениями»³¹.

Система зеркал Агнона, его «парадоксальные соответствия»³² — это смысловое пространство между мыслями о величии в Нобелевской речи и смирение, взятие части вины на себя в новелле «Эдо и Эйнам».

Возможный ключ к пониманию творчества Агнона — его раздвоенность между виной и величием. Певец из колена Леви писал свои песни для простых людей в Бучаче, которые скоро забыли строки из сгоревших рукописей Агнона-Коробейника в стране дома Елены. Не для читателя из дома Елены творил, но страстно хотел признания именно в нем — поэтому так жаждал признания от Нобелевского комитета.

Мудрец, учивший нормам морали на примерах судеб пожилых женщин, он не был у смертного одра своей матери, не застал живым своего отца. Описывая взаимоотношения в ассимилированных еврейских семьях, сам был очень сложным мужем для своей жены.

Сложный характер создавал проблемы взаимоотношений с друзьями, коллегами и покровителями. Ведь декларируя независимость как составную часть величия, рассчитывал на помощь и покровительство. В какой-то степени, в этом же ключе можно рассматривать и Нобелевскую премию.

Но именно осознанное чувство собственной роли и собственной вины делает творчество Агнона ответственным и важным сегодня.

Примечания

- ¹ *Агнон Ш. Й. Покой // Агнон Ш. Й.* Новеллы. Литература Израиля. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. С. 105.
- ² См. его Нобелевскую речь: «От колена Леви веду свой род. И я, и отцы мои — из певцов, из тех, что пели во Храме Святом // *Агнон Ш. Й.* Указ. соч. С. 10. Интересно сравнить материалы о нем современных израильских литературоведов с оценкой, данной на сайте, посвященном лауреатам Нобелевской премии. См. например, *Рамон Е.* Мир Агнона: поэтика парадоксальных соответствий // *Агнон Ш. Й.* Указ. соч. С. 373–419 и АГНОН (Агнон), Шмуэль Йосеф. [Электронный ресурс]. URL: <http://noblit.ru/content/category/4/84/33/> (дата обращения: 15.01.2018).
- ³ Там же.
- ⁴ Там же С. 93.
- ⁵ Там же С. 427.
- ⁶ Там же С. 209.
- ⁷ Там же С. 210.
- ⁸ Там же. С. 211.
- ⁹ Там же. С. 203.
- ¹⁰ Там же С. 204.
- ¹¹ Там же. С. 213.
- ¹² Там же. С. 212.
- ¹³ Там же. С. 207.
- ¹⁴ Там же. С. 212.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 216.
- ¹⁷ Там же. С. 217.
- ¹⁸ Там же. С. 208.
- ¹⁹ Там же. С. 310.
- ²⁰ Там же. С. 207.
- ²¹ Там же С. 123.
- ²² Там же С. 136.
- ²³ Там же С. 131.
- ²⁴ Там же. С. 118.
- ²⁵ Там же. С. 108. Асон — несчастье, беда.
- ²⁶ Там же. С. 223.
- ²⁷ Там же. С. 224.
- ²⁸ *Хазони Й.* О национальном государстве // Еврейское государство в начале XXI века. Антология современной израильской мысли : сб. статей / под ред. А. Эпштейна. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2008. С. 46.
- ²⁹ Там же. С. 347.
- ³⁰ Там же. С. 366.
- ³¹ Там же.
- ³² Определение Елены Рамон, переводчика и составителя цитируемого сборника, специалиста по творчеству Агнона.
-
-

АННОТАЦИИ

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

А. С. Манойленко, Ю. Е. Манойленко

«Секретная инструкция генерал-губернаторам о евреях» 1850 г. (новый источник по истории института «ученых евреев» при генерал-губернаторах)

В статье впервые прослежена история появления и осуществлена публикация полного текста «Секретной инструкции генерал-губернаторам о евреях», послужившей практическим руководством к действию при учреждении института «ученых евреев» при генерал-губернаторах в царствование Николая I.

Ключевые слова: Николай I; «ученые евреи»; иудаизм; генерал-губернаторы; секретная инструкция.

Ю. В. Прокоп

Антисемитизм на юге Украины в XIX в.

На основе исторических источников XIX в. продемонстрированы примеры негативного отношения к евреям со стороны многонационального населения южноукраинского региона. Показано, что уровень антисемитизма в то время не зависел от этнической или социальной принадлежности людей — ему были подвержены представители всех национальностей и всех социальных слоев населения. На людей постоянно осуществлялось воздействие, формировавшее антисемитские стереотипы. Умелое манипулирование поведением толпы приводило к разрушительным и кровавым антиеврейским акциям.

Ключевые слова: антисемитизм; погромы; евреи; юг Украины.

П. В. Лизунов

Банкирский дом «Г. Вавельберг» в Варшаве и Санкт-Петербурге

В статье рассматривается история и предпринимательская деятельность еврейской семьи Вавельбергов — владельцев банкирского и торгового дома «Г. Вавельберг» в Варшаве и С.-Петербурге. Начиная с мелкой разменной лавки в Варшаве три поколения семьи Вавельбергов смогли создать один из крупнейших частных банков Российской империи конца XIX — начала XX в. С падением влияния банкирских домов Поляковых и Гинцбургов их положение усилилось еще больше. На основе банкирского дома «Г. Вавельберг» в 1911 г. был учрежден Петербургский Торговый банк с основным капиталом 10 млн руб. и в 1913 г. Западный банк в Варшаве.

Ключевые слова: банкирский и торговый дом «Г. Вавельберг»; Варшава; Царство Польское; Петербург.

Д. С. Лавринович

Евреи в Конституционно-демократической партии на территории белорусско-литовских губерний в 1905–1907 гг.

В статье исследуется участие представителей еврейского населения белорусско-литовских губерний в создании и деятельности отделов Конституцион-

но-демократической партии в период первой российской революции. Особое внимание автор уделяет роли еврейских либералов в проведении избирательных кампаний в I и II Государственные думы, организации издательского дела, взаимодействию с Союзом борьбы за полноправие евреев в России.

Ключевые слова: либерализм; конституционные демократы; Государственная дума; политические партии; национальный вопрос.

О. Б. Вахромеева

Бестужевки сестры Познер в науке и революционной борьбе

В статье на широком круге мемуарных источников впервые в историографии рассмотрены биографии трех сестер-бестужевок, уроженок Грозного второй половины XIX в., дочерей Марка Познера, сочетавших занятие наукой с революционной деятельностью. Судьбы Селимы Марковны Познер (1865–1956) – старшей сестры, Софы Марковны Познер (1873–1953) – средней сестры и Нины Марковны Познер (по мужу Ершовой) (1878–1919) – младшей сестры сложились по-разному.

Ключевые слова: Познеры; Высшие женские (Бестужевские) курсы; П. Ф. Лесгафт; революционная деятельность.

М. А. Златина

О проблемах реализации циркуляра кн. Н. Б. Щербатова о разрешении евреям проживать вне черты оседлости на примере г. Киева (август – сентябрь 1915 г.)

В статье исследуется проблема реализации на территории Киева циркуляра князя Н. Б. Щербатова о разрешении евреям проживать вне черты оседлости. Процесс претворения в жизнь данного указа министра внутренних дел был приостановлен по распоряжению Главного начальника Киевского военного округа. На решение, принятое по этому вопросу местной военной властью, могли повлиять как субъективные, так и объективные факторы.

Ключевые слова: евреи; беженцы; высленцы; Первая мировая война; Киев; черта еврейской оседлости; военный округ.

М. Ю. Крапивин

Специальное отделение Секретного отдела ВЧК–ГПУ–ОГПУ (работа по сионистам): история создания, организационно-штатная структура, руководящий состав (1919–1934 гг.)

Статья посвящена истории специального структурного подразделения центрального аппарата ВЧК–ГПУ–ОГПУ (1919–1934), организованного для целенаправленного ведения агентурно-оперативной работы по сионистам и другим еврейским небольшевистским политическим объединениям («еврейские противосоветские партии», «антисоветские еврейские группы и партии», «еврейские националистические группировки» и др.). Данный сюжет никогда не становился предметом специального исследования (по крайней мере, в открытой печати). И в авторитетных информационно-справочных изданиях, и в комментариях к документальным сборникам, и в немногочисленных серьезных

научных работах по проблемам организационно-кадровой политики советских органов государственной безопасности об этом подразделении либо не упоминается вовсе, либо разговор о нем ограничивается буквально несколькими строчками.

При подготовке статьи автор в первую очередь опирался на информацию, почерпнутую из содержания текстов приказов Управления делами ВЧК–ГПУ (с 13 сентября 1920 г.), Административно-Организационного Управления ВЧК–ГПУ–ОГПУ (с 18 декабря 1920 г.), а также на материалы протоколов заседаний Президиума и Коллегии ВЧК, Коллегии ГПУ–ОГПУ, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России.

На основе всего доступного автору объема документации предпринята попытка реконструкции (в хронологической последовательности) этапов создания и дальнейшего развития организационно-штатной структуры специального отделения (его последующих реорганизаций, переименований, назначений и отставок руководящего состава).

В примечаниях приведены биографические справки на сотрудников советских органов ГБ, в 1919–1934 гг. персонально отвечавших за работу по сионистам (и другим еврейским небольшевицким политическим формированиям).

Ключевые слова: Советские органы государственной безопасности; ВЧК–ГПУ–ОГПУ; организационно-штатная структура; Секретно-оперативный – Секретный – Секретно-политический отдел (СОО–СО–СПО); специальное отделение; уполномоченный (начальник) специального отделения.

И. В. Масюкова

Евреи и власть в СССР: проблема эмиграции (на рубеже 1960-х – 1970-х гг.)

Статья посвящена политике советского руководства и проблемам еврейской эмиграции (решение о воссоединении семей; введение налога на образование и т. д.). Рост эмиграции после Шестидневной войны (1967 г.) и непоследовательная эмиграционная политика советского руководства в этот период, по мнению автора, ухудшили отношения между Советским Союзом и странами Запада, выступавшими за право евреев на эмиграцию из СССР.

Ключевые слова: евреи; антисемитизм; воссоединение семей; эмиграция; Шестидневная война; налог на образование.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

Е. В. Гусарова

Иудеи фалаша в Эфиопии в конце XVIII в.

В настоящей статье рассмотрено положение эфиопских иудеев (или народа фалаша, как их именуют в эфиопских литературных источниках) в конце XVIII в. и их роль в политической жизни страны. Этот период печально известен далеко зашедшей феодальной (политической) раздробленностью Эфиопского царства. Тем не менее, в стране продолжали записываться царские и княжеские хроники. В этих более или менее подробных описаниях военных походов, передвижений, повседневной жизни монарха и высокопоставленных деятелей сохранились сведения о фалаша. Мы вынуждены признать, что письменные источники предыдущего периода содержат больше информации о интересующем нас

народе и чаще упоминают фалаша. И все же, отсутствие или скудость данных также является ценным источником информации.

Ключевые слова: эфиопские иудеи; фалаша; история Эфиопии; Эфиопская Церковь; период феодальной раздробленности; Африканский Рог.

К. Г. Карпекин

Синагоги и еврейские молитвенные школы Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

На протяжении исследуемого периода в Витебской губернии наблюдалось достаточно интенсивное увеличение количества синагог и еврейских молитвенных школ. Как правило, это происходило за счет возведения новых зданий и приспособления жилых домов. Кроме того, верующие были вынуждены постоянно заботиться о ремонте, а также восстановлении молитвенных сооружений после пожаров. Преобладающее большинство молитвенных зданий (около 70 %) было сконцентрировано в городах. Для уездных центров наиболее характерными были деревянные молитвенные школы, в местечках же имелось примерно равное количество каменных и деревянных молитвенных школ. Во второй половине XIX – начале XX в. количество иудейских культовых зданий возросло почти на 80 %. Тем не менее, рост иудейского населения в регионе происходил еще более быстрыми темпами (примерно на 210 %), поэтому общины не были в достаточной мере обеспечены синагогами и молитвенными школами.

Ключевые слова: Витебская губерния; восстановление; молитвенная школа; приспособление зданий; синагога; строительство.

И. В. Сахаров

Архивные данные о евреях, проживавших в Рыбинске в 1911 г., и сведения о лицах, похороненных на местном еврейском кладбище

В статье приведен список евреев, проживавших в Рыбинске в 1911 г. (по материалам фонда городской управы, хранящегося в Рыбинском филиале Архива Ярославской области) — купцов, потомственных почетных граждан, врачей и дантистов, провизоров и аптекарских помощников, разного рода ремесленников и лиц других категорий, которым в то время было разрешено проживать в России за пределами установленной для иудеев черты оседлости. Приведен также список нескольких похороненных в Рыбинске евреев, чьи надгробия были обнаружены автором статьи в 1993 г. на еврейском кладбищенском участке (годы захоронения — от 1902 по 1955).

Ключевые слова: Рыбинск; еврейская община; архив; кладбище; просопография.

А. И. Хаеш

Краткая оккупация Литвы германцами в 1914 г. Рассказы очевидцев

На примере Волковышек (Вилкавишкиса), Мариамполя (Мариямполе) и Таурогена (Таураге) представлены ставшие лишь недавно доступными архивные материалы о действиях германских войск во время кратковременной оккупации ими осенью 1914 г. населенных пунктов, находящихся ныне в составе Литвы. Описано положение в них евреев.

Ключевые слова: Вилкавишкис; Мариямполье; Таураге; Литва; евреи; германцы; оккупация 1914 г.

А. С. Касяновская

Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): к вопросу о конфессиональной толерантности

Предметом исследования является конфессиональная толерантность в местечках Западной Беларуси в 1921–1939 гг. по отношению к иудейскому населению региона. Цель статьи — рассмотреть причины и проявления конфессиональной толерантности представителей власти и общества в условиях сохранившихся элементов антисемитизма. В статье показано, что истоки толерантности лежат в особенностях национального, экономического и духовного развития региона. В центре внимания автора стоит вопрос о влиянии указанных факторов на ослабление традиционной культуры евреев.

Ключевые слова: евреи; местечко; Западная Беларусь; толерантность.

И. И. Вавренюк

Еврейская безработица в Западной Беларуси (1921–1939)

В статье кратко изложены основные черты еврейской безработицы в Западной Беларуси. Также указаны темпы развития, методы борьбы, последствия безработицы в регионе.

Ключевые слова: еврейская безработица; Западная Беларусь; мировой экономический кризис; пауперизация; эмиграция.

Е. А. Якимова

Государственная политика Латвийской Республики в отношении еврейского населения (1990–2017 гг.)

Статья посвящена рассмотрению государственной политики Латвии в отношении еврейского населения с момента восстановления независимости по настоящий момент. Автор анализирует вопросы гражданства, реституции собственности, роли евреев в латвийской истории и патриотизма евреев. Исследование основано на статистических данных, публикациях местных историков и информации, собранной в ходе поездок в Латвию в 2017–2018 гг.

Ключевые слова: Латвия; еврейская община; неграждане; реституция собственности; патриотизм.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Е. В. Хаздан

Цитирования, заимствования, ссылки: К вопросу о традициях изучения еврейской кантиляции

Небольшой фрагмент текста, посвященного знакам кантиляции, связал в единую цепь тексты разных времен, написанные на разных языках: среди них — современная и средневековая диссертации, богослужебная уставная книга, монографическое исследование, тезисы богословского диспута и первая латинская

грамматика древнееврейского языка. В ряде случаев звенья этой цепи отыскивались благодаря сноскам, в других ситуациях подсказками служили имена или цитаты, использованные авторами. Двигаясь от одного текста к другому, из конца XX в первую четверть XVI в., мы видим, как постепенно размывался первоначальный смысл высказывания. Причина аберрации — незнание исследователями самого затрагиваемого феномена.

Ключевые слова: цитирование; заимствование; теамим; таамей-амикра; знаки кантиляции; акценты; кантиляция еврейских текстов.

Е. Г. Певзнер

Библиотеки Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев города Одессы и Одесского Отделения ОПЕ в культурной жизни евреев Одессы

В Одессе были две большие общественные библиотеки: библиотека Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы и библиотека Одесского Отделения ОПЕ. Библиотека Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы была основана в 1875 г., а библиотека Одесского Отделения ОПЕ в 1901 г. Эти библиотеки представляли собой крупные книгохранилища. А отдел книг на иврите библиотеки Общества евреев-приказчиков был самым крупным в России. Эти библиотеки были рассчитаны на лиц с разным уровнем образования и пользовались большой популярностью у читателей. При Советской власти книги на еврейских языках из этих библиотек были переданы в Одесскую Еврейскую Академическую Библиотеку.

Ключевые слова: Одесское Отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ); библиотека; книгохранилище; абоненты; просветительские учреждения.

Е. А. Смирнова

Прием лиц иудейского вероисповедания в вузы Санкт-Петербурга в 1907–1914 гг.

В статье рассматривается правительственная политика по ограничению предоставления лицам иудейского вероисповедания прав на обучение в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга в 1907–1914 гг. Характеризуются этапы становления и реализации системы процентных норм.

Ключевые слова: высшее образование; евреи; история законодательства; Санкт-Петербург.

И. А. Лапина

Соломон Захарович Каценбоген: в авангарде культурной революции

Статья посвящена одному из организаторов высшего педагогического образования в СССР, одному из первых преподавателей марксистской социологии С. З. Каценбогену, жизненный путь которого совпал с драматичными страницами истории России первой половины XX в. Этот путь от революционного порыва к умеренному конформизму автор предлагает рассматривать как типичный для первого поколения советской еврейской интеллигенции.

Ключевые слова: Наркомпрос; марксистская социология; советская еврейская интеллигенция; пролетарское студенчество; педагогическое образование.

В. В. Левченко

Коллизии Саула Борового при получении научных званий и степеней

В данной статье на основе впервые введенных в научный оборот документальных материалов архивохранилищ Одессы и Москвы проведено самостоятельное изучение фрагментов биографии С. И.-Я. Борового относительно получения ученых степеней и званий. Представлены разработки методологических соображений об изучении, описании, публикации, комментировании воспоминаний ученого. Выявлены и обобщены положительные данные о призабытых архивных и печатных источниках для реконструкции биографии ученого. Определено значение архивных историографических источников для изучения жизни и творчества С. И.-Я. Борового. Установлены практические выводы, полученные автором в процессе исследования.

Ключевые слова: С. И.-Я. Боровой; Одесса; ученые степени; ученые звания.

М. В. Михайлюк

Холокост в Украине: обзор диссертационных исследований

В статье речь идет об украинских диссертационных исследованиях, посвященных антисемитской пропаганде и процессу уничтожения евреев в Украине в годы Второй мировой войны, написанных после провозглашения независимости страны. Кратко анализируются 23 научные работы, из которых половина проектов являются специализированными по еврейской теме, в остальных тематике Холокоста отводится некоторая часть диссертационной работы (раздел/подраздел).

Ключевые слова: диссертационные исследования; Холокост в Украине; антисемитская пропаганда; региональная специфика.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

С. А. Французов

«Иудео-монотеизм» Химйара в свете последних эпиграфических открытий

В данной статье рассматривается вопрос о распространении иудаизма в Южной Аравии в конце IV – середине VI вв. н. э. Имеющийся эпиграфический материал показывает, что в тот период под сильным влиянием иудейской веры большинство населения Химйаритского царства, объединявшего под своей властью весь этот регион, отвергло язычество, но при этом в состав местных иудейских общин не вошло. При анализе заключительной формулы надписи Ma'sal 3, обнаруженной в 2008 г. на территории Саудовской Аравии французскими исследователями, удалось показать, что в выражении *b-g/mkrbt-n/w-'yhd-n* термин *mkrbt-n* означает не «синагоги», как полагали ее издатели, а «собранные вместе, собирающиеся (с иудеями)», а все выражение истолковывается как «согласно тем, кто собирается (с иудеями), и иудеям». Таким образом, впервые установлено самоназвание южноаравийских «неопределенных» монотеистов, симпатизировавших иудаизму.

Ключевые слова: древний Йемен; монотеизм в Южной Аравии; южноаравийская эпиграфика; позднеантичный иудаизм; Химйаритское царство.

С. Фишбейн

Эзотерическая галаха и «Хаей адам» Авраама Данцига

В начале XIX в. в еврейских общинах по всей Европе произошли значительные изменения. Еврейский мир Европы восстанавливался от последствий саббатянского движения. Новые движения, такие как Хаскала и хасидизм, несли в себе угрозу господствующей структуре общества и авторитету раввинов. Эти новые явления вызвали к жизни письменные отклики еврейских лидеров этого периода. Беспокойство вызывала мистическая литература (каббала), корпус текстов, лежавших в основе идеологии как Шабтая Цви, так и хасидизма. Мистицизм, особенно книга Зогар и учение рабби Лурии (Ари), вошли в ритуальную жизнь европейского еврея.

В 1810 г. рабби Авраам Данциг написал первый после «Шульхан арух» рабби Каро популярный кодекс еврейского права под названием «Хаей адам». Несмотря на то, что в этом своде законов основное внимание уделено галахе (еврейскому закону), его автор не мог игнорировать влияние мистики.

В этой статье будет рассмотрено влияние каббалы на законы, представленные в «Хаей адам». Кодекс «Хаей адам» оказал существенное влияние на еврейское сообщество. Книга была переиздана множество раз, для ее изучения создавались учебные группы. Элементы каббалы отражали образ мыслей поколения, а также оказывали влияние на поведение читателей. Рабби Данцигу пришлось преодолеть галахические ограничения, запрещавшие слияние каббалы и еврейского закона, неверное использование элементов народной мистики в качестве практических предписаний, а также слепое следование учению «Зогара» и рабби Лурии. Вместо того чтобы разубеждать читателей, он стремился использовать эти мистические тексты для укрепления их приверженности традиционному еврейскому закону.

Ключевые слова: Иудаизм; раввинистическая литература; еврейская мистика; каббала; Зогар; еврейское право; еврейское религиозное законодательство; галаха; Авраам Данциг.

И. А. Мелешкина

Шолом-Алейхем на киевской еврейской сцене

История еврейского (идишского) театра в Украине свидетельствует о том, что программными, этапными постановками ведущих театральных коллективов часто были именно инсценизации произведений выдающегося писателя. На сцене Киевского всеукраинского ГОСЕТа было поставлено девять спектаклей по Шолом-Алейхему. Данные постановки охватывают весь период работы театра, начиная с открытия в 1928 г. спектаклем «Дер Ойцер» («Клад») и до закрытия в январе 1950 г. спектаклем «Ди блондженде Штерн» («Блуждающие звезды»).

Ключевые слова: Киевский ГОСЕТ; Шолом-Алейхем; Моисей Гольдблат; Лазарь Калманович; «Тевье молочник»; «Блуждающие звезды».

Т. М. Смирнова

Еврейские коллективы на сцене Ленинградского театра эстрады в 1960-е гг.

В статье рассматривается еврейская театральнo-эстрадная жизнь Ленинграда в 1960-х гг. На сцене Ленинградского театра эстрады выступал Ленинградский ансамбль водевиля и комедии на еврейском языке, а также гастрольные еврейские коллективы с участием Анны Гузик, Сиди Таль, Марка Браудо и др. В репертуаре были постановки по произведениям Шолом-Алейхема, театрализованные представления, концерты на идише.

Ключевые слова: Ленинград; еврейский ансамбль; Ленконцерт; оттепель; Шолом-Алейхем; Анна Гузик; Сиди Таль; Эстер Ройтман; Яков Клебанов; Зиновий Каминский.

ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е. В. Борисевич

Особенности передачи древнееврейских географических реалий в переводе Книги Бытия из церковнославянских и польских изданий XVI в.

Статья посвящена проблеме передачи географических реалий в переводах Книги Бытия на польский и церковнославянский языки, выполненных в XVI в. Автор анализирует основные трудности, с которыми столкнулись переводчики при передаче как нарицательных имен существительных, так и ряда топонимов. В работе предпринята также попытка проследить влияние греческого и латинского переводов на формирование славянской традиции передачи библейских географических реалий.

Ключевые слова: Книга Бытия; славянские переводы; географические реалии; топонимы; гебраизмы.

Ю. М. Корниенко

Сочетаемость существительных современного иврита и способы ее отражения в словарях

В существующих словарях современного иврита возможности сочетаемости слов представлены явно недостаточно. Рассматриваются некоторые пути представления слов в словарях с учетом их сочетаемостных характеристик.

Ключевые слова: свободное словосочетание; словарь; сочетаемость существительных; язык иврит.

А. В. Полонская

«История об индюке». Реб Нахман, Шолом-Алейхем и Франц Кафка: преемственность экзистенциальной проблематики или взаимовлияние?

Под влиянием рассказа Шолом-Алейхема «Чета» или же независимо от него, Кафка пишет «Отчет для академии», в котором поднимает вопрос отношения человеческой и животной природы в человеке. «Чета» Шолом-Алейхема поднимает те же вопросы, но дает на них другие ответы. Возможно, Шолом-Алейхема вдохновила «Притча об индюке» реб Нахмана, с которой он мог быть знаком. Близость Кафки и реб Нахмана давно известна. Было бы интересно

выяснить, мог ли Шолом-Алейхем на этот раз выступить посредником между двумя авторами.

Ключевые слова: Нахман из Брацлава; Шолом-Алейхем; «Чета»; «Притча об индоке»; Франц Кафка; «Отчет для академии»; хасидизм; литература на идише.

С. А. Шпагин

Агнон и его герои: попытка диалога

Статья посвящена творчеству классика израильской литературы Шмуэлю Йосефу Агнону. Центральная тема анализа — проблема отчуждения. Мир литературных героев Агнона отличается от мира еврейского местечка другого классика еврейской литературы Шолом-Алейхема. Это проявляется в неспособности героев новелл Агнона вести диалог. Автор дает сравнительный анализ творчества Агнона и Набокова, показывает наличие глубокой традиции и новаций в творчестве первого лауреата Нобелевской премии в области литературы Государства Израиль.

Ключевые слова: диалог; творчество; отчуждение; еврей; время; пространство; женщина; мужчина; Иерусалим; Холокост.

SUMMARIES

QUESTIONS OF POLITICAL AND ECONOMIC HISTORY OF JEWS IN RUSSIA

A. S. Manoylenko, Y. E. Manoylenko

The 1850 Confidential instruction for governor generals concerning Jews as a new source on the history of institute of “erudite Jews” at the governor generals’ office

In this paper, a full account of the “Confidential instruction for governor generals concerning Jews” is given and its full text appears in print for the first time.

This document served as practical guidance for governor generals during the reign of Nicolas I, when the institution of “erudite Jews” was being established.

Key words: Nicholas I; “erudite Jews”; Judaism; governor generals; confidential instruction.

Yu. Prokop

Antisemitism in Southern Ukraine in the 19th century

The author analyzes several documents reflecting negative sentiment in the multi-national population of Southern Ukraine towards Jews. At that time, the level of antisemitism did not necessarily depend on either ethnicity or social affiliation; people of all nationalities and social strata seemed to have been affected by it. Influences from different sides tended to form antisemitic stereotypes in the population. Skillful crowd manipulation often led to destructive and bloody anti-Jewish actions.

Key words: antisemitism; pogroms; Jews; Southern Ukraine.

P. V. Lizunov

Banking house “H. Wawelberg” in Warsaw and St. Petersburg

The article deals with the history and entrepreneurial activity of the Wawelberg family — the owners of the banking and trading house “H. Wawelberg” in Warsaw and St. Petersburg. Starting as a small exchange enterprise in Warsaw, the three generations of Wawelberg family had managed to create one of the largest private banks of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. With the decline of the influence, which the banking houses of Polyakovs and Ginzburgs had previously had, the fortunes of Wawelberg family improved even more.

On the basis of the banking house “H. Wawelberg” two major banks were established: the Commercial Bank of St. Petersburg (1911), with a fixed capital amounting to 10 million rubles and the Western Bank in Warsaw (1913).

Key words: banking and trading house “H. Wawelberg”; Warsaw; The Kingdom of Poland; St. Petersburg.

D. S. Lavrinovich

Jews in the Constitutional Democratic Party of Belarusian and Lithuanian provinces in 1905–1907

The article examines the role of Jews in the formation of the Constitutional Democratic Party in Belarusian and Lithuanian provinces during the First Russian

revolution. The author pays special attention to the involvement of Jewish liberals in the election campaigns for the first and the second State Dumas. The organization of publishing and the interaction with the League of Struggle for the full rights for Jews in Russia are also topics of consideration in this article.

Key words: liberalism; Constitutional Democrats; the State Duma; political parties; national question.

O. B. Vakhromeeva

Sisters Pozner and their role in science and revolutionary struggle

In this article, the author presents the results of an investigation into a wide range of biographical sources providing information about the three daughters of Mark Pozner, natives of Grozny who lived in the second half of the 19th century and were students at the Bestuzhev Higher Courses for women.

The sisters combined their careers in science with revolutionary activity. Eventually their roads had diverged and the fates of Selima Markovna Pozner (1865–1956), Sophia Markovna Pozner (1873–1953) and Nina Markovna Pozner (husband Ershova, 1878–1919) proved to be very different.

Key words: Pozner; Higher women's (Bestuzhev) Courses; P. F. Lesgaft; revolutionary activity.

M. A. Zlatina

On the problems of implementation in Kiev in August-September 1915 of the circular issued by Pr. N. B. Shcherbatov, which permitted Jews to live outside the Pale of Jewish settlement

The article addresses the problems of promulgation and enforcement in the Kiev area of the circular (directive) by Pr. N. B. Shcherbatov (the Minister of Internal Affairs) permitting Jews to reside outside the Pale of Settlement. The implementation of this decree was suspended by the order of the Chief of Kiev military district. The decision taken on this issue by the local military authorities might depend on both subjective and objective factors.

Key words: Jews; refugees; evicted persons; World War I, Kiev; the pale of Jewish settlement; military district.

M. Yu. Krapivin

The Special subdepartment of the Cheka–GPU–OGPU Secret Intelligence Department (a section investigating Zionist activities): the history of its creation, organization and leadership (1919–1934)

The special structural subdivision of the central office of the Cheka–GPU–OGPU (1919–1934) was organized for the deployment of operational work among Zionists and other Jewish non-Bolshevik political associations (“Jewish anti-Soviet parties”, “anti-Soviet Jewish groups and parties”, “Jewish nationalist groups”, etc.) The existence of this agency has never become subject of any analytic study, and no account of its activities has hitherto appeared in the pages of special literature.

In the authoritative reference books and in the comments on documentary collections, as well as in a few academic treatises on organizational and staffing policy

of Soviet state security agencies, this particular division is either not mentioned at all, or becomes a matter of fleeting interest, occupying just a few lines.

For this article, the author uses the information derived from the documents collected in the Central Archive of the Federal Security Service of Russia, which for the most part are orders issued by the VChK–GPU Directorate (since September 13, 1920), the Administrative-Organizational Directorate of the Cheka–GPU–OGPU (since December 18, 1920), as well as the minutes taken during the sessions of the Presidium and the Board of the Cheka and the Collegium of GPU–OGPU.

On the basis of any available documentation evidence the author has made an attempt to reconstruct (in chronological order) the stages of creation and further development of organizational structure of the special sub-department, its subsequent reorganizations and renaming, as well as appointments and resignations of officers.

In the footnotes, the author gives biographical information about those staff members of the Soviet GB, who in 1919–1934 were personally responsible for the Zionist cases (and other Jewish non-Bolshevik political associations).

Key words: Soviet state security agencies; VCHK–GPU–OGPU; organizational-staff structure; Secret-operative – Secret – Secret-political department (SOO–SO–SPO); special sub-department; commissioner (head) of the special sub-department.

I. V. Masyukova

Jews and the Soviet state: the problem of emigration in the 1960s and 1970s

The article examines the policy of the Soviet leadership and the problems of Jewish emigration (decisions made about family reunification, introduction of the education tax etc.). An increase in emigration after the Six-Day War (1967) and the inconsistent emigration policy of the Soviet leadership in this period led to deterioration in relations between the Soviet Union and the Western countries, which were defending the right of the Jews to emigrate from the USSR.

Key words: Jews; anti-Semitism; family reunification; emigration; the Six-Day War; education tax.

HISTORY OF JEWISH COMMUNITIES

E. V. Gusarova

Falasha or Ethiopian Jews at the end of the 18th century

The present article looks into the life of the Ethiopian Jews (or Falasha, in the Ethiopian literary sources) in the late 18th century and into their role in politics at that period of feudal disintegration in Ethiopian Kingdom. Contemporary Royal Chronicles contain more or less detailed descriptions of the everyday life at the court, as well as reports of the military campaigns undertaken by the Monarch and the high-ranking officials. In these records, we can find information concerning the Falasha. We are forced to admit that the literary sources of the preceding period are much more enlightening as they more frequently mention the Falasha; still the absence or scarcity of data should also be considered a precious source of information.

Key words: Ethiopian Jews; Falasha; history of Ethiopia; Ethiopian Church; the period of feudal disintegration; the Horn of Africa.

K. G. Karpekin

Synagogues and Jewish schools of prayer in Vitebsk province from the mid 19th to the early 20th century

Throughout the investigated period, the number of synagogues and Jewish schools of prayer in Vitebsk province was rapidly increasing. Construction of new buildings and adaptation of apartment houses were the main factors in that process. Besides, the believers generally put a lot of effort into maintaining their houses of worship in good repair and were actively involved whenever the premises needed fire damage restorations. The prevailing majority of the houses of worship (about 70 %) were concentrated in the cities. In district centres, the schools of prayer were typically wooden buildings, while in shtetls the number of premises built of stone and the number of wooden buildings were roughly the same. From the mid 19th to the beginning of the 20th century, the quantity of Jewish cult buildings increased almost by 80 %. However, the growth of Jewish population in the region proceeded at a faster pace (approximately by 210 %), hence the communities remained in the constant need of new synagogues and schools of prayer.

Key words: Vitebsk province; restoration; school of prayer; adaptation of buildings; construction of synagogues.

I. V. Sakharov

Jews in Rybinsk in 1911: data collected from archival records and information about persons buried in the Jewish cemetery

The article contains a list of Jewish merchants, honourable citizens, doctors, dentists, apothecaries, pharmaceutical assistants, artisans and other professionals who lived in Rybinsk in 1911, according to the town council records preserved in the Rybinsk section of the Archive of Yaroslavl region. Apart from listing the persons who were allowed to dwell outside the Pale of Settlement, the author has also procured information about several Jewish burials found in the Rybinsk cemetery in 1993 (years of interment: 1902–1955).

Key words: Rybinsk; Jewish community; archive; cemetery; prosopography.

A. I. Chaesh

Brief German occupation of Lithuania in 1914: eyewitness accounts

The author presents the results of a study of several recently declassified records on brief German occupation of Wylkowyszki (Vilkaviškis), Mariampol (Marijampolė) and Tauroggen (Tauragė), three towns in today's Lithuania. The article describes the situation of the local Jews during the German invasion in the autumn of 1914.

Key words: Vilkaviškis; Marijampolė; Tauragė; Lithuania; Jews; Germans; 1914 occupation.

A. S. Kasianouskaja

Townships of Western Belarus (1921–1939): the question of religious tolerance

The research focuses on the problem of confessional tolerance in the townships of Western Belarus in 1921–1939 towards the Jewish population of the region. The purpose of the article is to consider causes and manifestations of the confessional tolerance of the authorities and society in the conditions of persisting anti-Semitism.

The article shows that the origins of this tolerance lie in the peculiarities of national, economic and spiritual development in the region. The author focuses on the influence of these factors on the weakening of traditional culture of Jews.

Key words: Jews; township; Western Belarus; tolerance.

I. I. Vavrenyuk

Jewish Unemployment in Western Belarus (1921–1939)

The article summarizes the key features of the Jewish Unemployment in Western Belarus. Also indicated are the pace of development, the methods of struggle and the consequences of unemployment in the region.

Key words: Jewish unemployment; Western Belarus; the global economic crisis; pauperization; emigration.

E. A. Yakimova

State policy of the Republic of Latvia towards the Jewish population (1990–2017)

In the article, the author will dwell upon Latvia's state policy towards Jewish population after the restoration of republic's independence until present. The author analyses the issues of citizenship, property restitution and discusses the role of Jews in Latvian history and the phenomenon of Jewish patriotism. The research is based on statistical data, on publications by local historians and information collected during author's visits to Riga in 2017–2018.

Key words: Latvia; Jewish community; non-citizens; property restitution; patriotism.

SCIENCE AND EDUCATION

E. Khazdan

Citation, borrowing, links: To the matter of the tradition of studies in Jewish cantillation

A small text fragment about cantillation marks has turned out to be a link between Russian, French and Latin texts of different times. They are a contemporary dissertation and a medieval one, the *Typikon* (liturgical book), one monograph, theses of a theological dispute and the first Latin grammar of Hebrew. Sometimes the next link in the chain could be found in the footnotes. In other cases, a name or a quote became a clue. We are moving from one text to another, from the end of the 20th to the beginning of the 16th century. We see how the original meaning is being blurred due to the authors' ignorance of the subject matter.

Key words: quotation; borrowing; links; teamim; taamey-hamikra; cantillation marks; accents; cantillation in the Jewish texts.

E. G. Pevzner

The libraries of the Society of Jewish Sales Clerks for the Mutual Aid in Odessa and the library of the Odessa branch of the Society for the Spreading of Enlightenment among Jews in Russia (OPE) as part of Jewish cultural life in Odessa

The library of the Society of Jewish Sales Clerks for the Mutual Aid was founded in 1875, and the library of the Odessa branch of OPE was founded in 1901. The libraries

were considerable book storages. The department of Hebrew books in the library of the Society of Jewish Sales Clerks for the Mutual Aid was the largest in Russia. The libraries were intended for people with different levels of education and enjoyed a great popularity among the readers.

During the Soviet period, Hebrew and Jewish books from both libraries were transferred to the Jewish Academic Library of Odessa.

Key words: The Odessa branch of the Society for the Spreading of Enlightenment among Jews in Russia (OPE); library; book storage; library subscribers; educational institutions.

E. A. Smirnova

Admission of the persons of Jewish faith to higher education institutions of St. Petersburg in 1907–1914

The article gives an account of the government's restrictive policies preventing the persons of Jewish faith from admission to higher education institutions of St. Petersburg in 1907–1914.

The author characterizes the application of these policies and describes the stages of formation and the realization of the system of racial quotas.

Key words: higher education; Jews; legislation history; St. Petersburg.

I. A. Lapina

Solomon Zaharovich Katzenbogen: at the forefront of Cultural Revolution

The article provides an insight into life and work of S. Z. Katzenbogen, one of the first teachers of Marxist sociology, who was actively participating in the organization of higher pedagogical education in the USSR during the dramatic period of Russian history in the first half of the 20th century. His eventual swing from revolutionary impulse to moderate conformism may be regarded as typical for the first generation of Soviet Jewish intelligentsia.

Key words: Narkompros; Marxist sociology; Soviet Jewish intelligentsia; proletarian students; pedagogical education.

V. V. Levchenko

Saul Borovoy's vicissitudes of fortune in obtaining academic degrees and titles

In this article, the author presents the results of an independent study of the documents found in archives of Odessa and Moscow which shed light on several instances of the biography of S. I.-Ya. Borovoy. The author attempts in particular to explore the archival data, which provides new information on the circumstances of acquisition of academic titles and degrees and which may be regarded as a new matter of scholarly research.

The article contains some methodological considerations on the study, description, publication and commenting of the epistolary heritage of the scientist.

An amount of forgotten archival and printed materials have been revealed and summarized for the purpose of reconstructing the biography of the scientist.

After a proper evaluation of the archival sources, the author makes some conclusions about their practical use in historiography.

Key words: S. I.-Ya. Borovoy; Odessa; academic degrees; academic titles.

M. V. Mykhailiuk

The Holocaust in Ukraine: a review of dissertational research

The article deals with Ukrainian dissertational studies written after the proclamation of the country's independence, which examine anti-Semitic propaganda and the process of extermination of Jews in Ukraine during the Second World War.

The author reviews 23 academic papers, with half of the projects focusing on the Jewish theme specifically and the rest addressing the theme of the Holocaust in some sections or subsections.

Key words: dissertational research; the Holocaust in Ukraine; anti-Semitic propaganda; specific character of the region.

RELIGION AND CULTURE

S. A. Frantsouzzoff

“Judaeo-Monotheism” of Himyar in light of recent epigraphic discoveries

In the present article the problem of spread of Judaism in South Arabia in the late 4th – mid-6th century AD is examined. The available epigraphic material demonstrates that during this period the majority of the population of the Himyarite kingdom, which had united the entire region under its power, rejected paganism under the influence of the Judaic faith, but nevertheless didn't enter any local Jewish community. The analysis of the conclusive formula of the inscription Ma'sal 3 discovered by French scholars in 2008 on the territory of Saudi Arabia resulted in a new interpretation of the expression *b-ḥg/mkrbt-n/w- 'yhd-n*, so that the term *mkrbt-n* should be translated as “jointed, assembled (with the Jews)”, not “synagogues” (as the editors of that text suggested) and the whole expression is to be clarified in the following way: “according those, who get together (with the Jews), and the Jews”. Thus the endonym for the South Arabian “undefined” monotheists, who sympathized with Judaism, has been attested for the first time.

Key words: ancient Yemen; monotheism in southern Arabia; South Arabian epigraphy; Judaism of the late Antiquity; Himyarite kingdom.

S. Fishbane

Esoteric Halakhah and the Hayei Adam

The onset of the nineteenth century saw major changes in the Jewish communities throughout Europe. The Jewish European world was still recuperating from the effects of the Sabbatean movement. New movements such as the Haskalah and Hasidism emerged as a threat to the prevailing social structure and rabbinical authority. This new reality gave rise to written responses amongst the Jewish leaders of the period. A source of concern was the influence of mystical texts (Kabbalah), a body of literature that served as a basis for the ideologies of both Shabbtai Tzvi and Hasidism. Mysticism, especially the Zohar and the teaching of Rabbi Luria (The Ari) had become part of the ritualist life of the European Jew.

In 1810 Rabbi Avraham Danzig penned the first popular code of Jewish law since Rabbi Karo's *Shulḥan Arukh* titled *Hayye Adam*. Although this code focuses primarily on halakhah (Jewish law) its author could not ignore the impact of mysticism.

This paper will examine the topic of Kabbalah and its impact upon laws presented

in the *Hayye Adam*. The *Hayye Adam* had a pronounced impact on the Jewish community. Numerous editions were published; study groups were organized to study this text. The kabbalistic inserts reflected the mindset of the generation and had influence on its reader's behavior. In order to do this Rabbi Danzig had to overcome halakhic restrictions prohibiting the fusion of Kabbalah and Jewish law, the misuse of kabbalistic folklores as practical law, and the blind adherence to the words of the Zohar and Rabbi Luria. Rather than dissuade his reader he sought to use these mystical texts to encourage their adherence to Jewish legal behavior.

Key words: Judaism; Rabbinic literature; Jewish mysticism; Kabbalah; Zohar; Jewish law; Halakhah; Abraham Danzig.

I. A. Meleshkina

Works by Sholem Aleichem on the Jewish scene in Kiev

In the history of Jewish (Yiddish) theater in Ukraine the dramatized works by Sholem Aleichem appear to have been the key source for the most prominent and successful stage productions by the leading theatrical troupes.

On the stage of Kiev's all-Ukrainian GOSET, nine performances were given, based on the works by Sholem Aleichem. These productions cover the whole period of the theater's work, starting with its opening in 1928, when "Der Oizzer" ("The Treasure") was staged and until its closure in January 1950, with the play "Di Blondende Stern" ("The Wandering Stars").

Key words: Kiev GOSET; Sholem Aleichem; Moses Goldblat; Lazar Kalmanovich; "Tevye the Milkman"; "Wandering Stars".

T. M. Smirnova

Jewish theatre companies on stage of Leningrad Variety Theater in the 1960s

The article discusses the life of Jewish theatre troupes of Leningrad in the 1960s. On the stage of the Leningrad Variety Theater the following troupes were performing: the Leningrad Ensemble of Hebrew Vaudeville and Comedy, several Jewish touring troupes with the participation of Anna Guzik, Sidi Tal, Mark Broudo and others. Their repertoires included plays by Sholem Aleichem, different kinds of theatrical performances and concerts in Yiddish.

Key words: Leningrad; Jewish ensemble; Lenkontsert, Political thaw; Sholem Aleichem; Anne Guzik; Sidi Tal; Esther Roitman; Jacob Klebanov; Zinoviy Kaminsky.

Jewish literature and linguistics

E. V. Borisevich (Alena Barysevich)

Hebrew geographic realia in the 16th century Old Church Slavonic and Polish translations of the Book of Genesis

The article provides the results of a study of rendering Hebrew geographic realia found in the Book of Genesis into Old Church Slavonic and Polish as presented in the 16th century editions.

The author analyzes the most common difficulties, encountered by the translators while rendering both common nouns and toponyms. An attempt has been made to

point out the Greek and Latin influence on the Slavic tradition of rendering the geographic realia in the Bible.

Key words: Genesis; Slavic translations; geographic realia; toponyms; hebraisms.

Yu. M. Korniyenko

The combinability of nouns of Modern Hebrew and the possible ways of its reflection in dictionaries

The existing dictionaries of Modern Hebrew seem not to reflect clearly enough the possibility of words' compatibility. Some ways of presenting words in dictionaries are discussed in this article in relation to the co-occurrence characteristics.

Key words: free phrase; dictionary; compatibility of nouns; Hebrew language.

A. Polonskaya

The Turkey Prince. Reb Nachman, Sholem Aleichem and Franz Kafka: continuity of existential problems or mutual influence?

The way in which Kafka treated the animal side of human nature in "A Report to an Academy" may well have been a result of the influence of "The Pair" by Sholem Aleichem. The two pieces have much in common; however, Sholem Aleichem's stance on the problem is completely different.

Sholem Aleichem was probably inspired by reb Nachman's "The Turkey Prince" which he could have known. The affinity between Kafka and reb Nachman in respect of these two works is a well-established fact. Now it would be interesting to find out, whether this time Sholem Aleichem acted as an intermediary between the two authors.

Key words: Nachman of Bratslav; Sholem Aleichem; "The Pair"; "The Turkey Prince"; Franz Kafka; "A Report to an Academy"; Hasidism; Yiddish Literature.

S. A. Shpagin

Agnon and his heroes: an attempt at dialogue

The article examines the art of Shmuel Yosef Agnon, a key figure in the classic Israeli literature. The analysis is focused on the problem of exclusion. The world of Agnon's literary heroes is different from the world of Sholem Aleichem's shtetl. This difference manifests itself in an inability for dialogue, which is typical of Agnon's characters. The author undertakes a comparative analysis of creative process of Agnon and Nabokov, and reveals a presence of long-standing traditions and innovations in the works of the first Israeli Nobel laureate in literature.

Key words: dialogue; creativity; alienation; Jew; time; space; woman; man; Jerusalem; the Holocaust.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

- БОРИСЕВИЧ Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), преподаватель польского языка и иврита, переводчик; e-mail: borysiewiczowna@gmail.com, borysiewiczowna@mail.ru
- ВАВРЕНЮК Ирина Ильинична — менеджер ЧУП «Инвест-Софир» (г. Брест, Республика Беларусь); e-mail: irisha7474@mail.ru
- ВАХРОМЕЕВА Оксана Борисовна — доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории народов стран Содружества Независимых Государств Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: o.vahromeeva@spbu.ru
- ГУСАРОВА Екатерина Валентиновна — кандидат исторических наук; научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института Восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург); e-mail: ekater-ina@mail.ru
- ЗЛАТИНА Мария Александровна — кандидат исторических наук; доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург); e-mail: zlatmari@yandex.ru
- КАРПЕКИН Константин Григорьевич — кандидат исторических наук; главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области (г. Витебск, Республика Беларусь); e-mail: karpekin07@mail.ru
- КАСЯНОВСКАЯ Анна Станиславовна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Республика Беларусь); e-mail: jemma555@mail.ru
- КОРНИЕНКО Юрий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры восточных языков Дипломатической Академии МИД РФ (г. Москва); e-mail: umco@bk.ru
- КРАПИВИН Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, профессор; профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mi-hailkrapivin61@yandex.ru
- ЛАВРИНОВИЧ Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор; первый проректор Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова» (Республика Беларусь); e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru
- ЛАПИНА Ирина Александровна — кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург); e-mail: lapina_ir@inbox.ru
- ЛЕВЧЕНКО Валерий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры «Украиноведение, историко-правовые и языковые дис-

- циплины» Одесского национального морского университета (Украина);
e-mail: levchenkolav@yandex.ru, levchenko_lav@ukr.net
- ЛИЗУНОВ Павел Владимирович — доктор исторических наук, профессор;
профессор Гуманитарного института Северного (Арктического) фе-
дерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Северодвинск);
e-mail: pavelvl@mail.ru
- МАННОЙЛЕНКО Анна Сергеевна — магистр социально-экономического
образования; заведующая архивом Петербургского института иудаики;
e-mail: anetkir@rambler.ru
- МАННОЙЛЕНКО Юрий Евгеньевич — кандидат исторических наук; глав-
ный специалист, секретарь Научного совета Российского государствен-
ного исторического архива (г. Санкт-Петербург);
e-mail: historic2009@mail.ru
- МАСЮКОВА Ирина Викторовна — кандидат исторических наук; стар-
ший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Ин-
ститута востоковедения РАН (г. Москва);
e-mail: i-masykova@yandex.ru
- МЕЛЕШКИНА Ирина Александровна — заместитель директора по научной
работе Музея театрального, музыкального и киноискусства Украины
(г. Киев, Украина); e-mail: meleshkina@bigmir.net
- МИХАЙЛЮК Марина Владимировна — кандидат исторических наук;
докторант Института украинской археологии и источниковедения
имени М. С. Грушевского НАН Украины (г. Киев, Украина);
m.mykhayluk77@ukr.net
- ПЕВЗНЕР Евгения Георгиевна — историк, выпускник Петербургского ин-
ститута иудаики; оператор ПК корпорации ЭЛАР (г. Санкт-Петербург);
e-mail: rev2003@yandex.ru
- ПОЛОНСКАЯ Алина Валентиновна — аспирант 3-го года обучения кафедры
хасидизма Университета Бар-Илан (г. Иерусалим, Израиль);
e-mail: polonalina@gmail.com
- ПРОКОП Юлия Виталиевна — кандидат исторических наук; старший
преподаватель кафедры информационных технологий Одесской на-
циональной академии связи имени А. С. Попова (Украина);
e-mail: yulia13.prokop@gmail.com
- САХАРОВ Игорь Васильевич — кандидат географических наук; руководи-
тель Центра генеалогии Российской национальной библиотеки, член
Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, Пре-
зидент Русского генеалогического общества, Первый вице-президент
Международной Академии Генеалогии, Заслуженный работник куль-
туры Российской Федерации (Санкт-Петербург);
e-mail: igor_sakharov@mail.ru, sakharov@nlr.ru
- СМИРНОВА Екатерина Александровна — аспирант кафедры русской исто-
рии Российского государственного педагогического университета имени
А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург); e-mail: snake1211@mail.ru

- СМИРНОВА Тамара Михайловна — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; e-mail: mokva@inbox.ru
- ФИШБЕЙН Симха — PhD, профессор Высшей школы иудаики, Колледж Туро (г. Нью-Йорк, США); e-mail: fishbane@touro.edu
- ФРАНЦУЗОВ Сергей Алексеевич — доктор исторических наук; зав. отделом Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН; профессор кафедры семитологии и гебраистики восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; профессор Департамента востоковедения и африканистики НИУ Высшая школа экономики (г. Санкт-Петербург); e-mail: serge.frantsouzoff@yahoo.fr
- ХАЕШ Анатолий Ильич — научный сотрудник Петербургского института иудаики; e-mail: chayesh@gmail.com
- ХАЗДАН Евгения Владимировна — этномузыковед, кандидат искусствоведения, независимый исследователь, член Союза композиторов РФ (г. Санкт-Петербург); e-mail: kle-zemer@mail.ru
- ШПАГИН Сергей Алексеевич — свободный исследователь (г. Ростов-на-Дону); e-mail: s.shpagin@mail.ru
- ЯКИМОВА Елизавета Александровна — кандидат исторических наук; научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН (г. Москва); e-mail: yaki-elizaveta@yandex.ru
-
-

AUTHORS

BORISEVICH, Elena (BARYSEVICH, Alena). Senior lecturer in the Department of Cultural Studies, Faculty of Sociocultural Communication, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus), Lecturer in Polish and Hebrew, translator;

e-mail: borysiewiczowna@gmail.com, borysiewiczowna@mail.ru

CHAYESH, Anatoly. Research fellow, Petersburg Institute of Jewish Studies; e-mail: chayesh@gmail.com

FISHBANE, Simcha. PhD, Professor; Professor, Graduate School of Jewish Studies, Touro College and University System (New York, USA);

e-mail: fishbane@touro.edu

FRANTSOUZOFF, Serge. D. Litt. in History, Chairman of the Department of Near and Middle Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Professor in the Department of Semitic and Hebrew Studies in the Faculty of Oriental Studies (St Petersburg State University), Professor in the Department of Oriental and African Studies (Higher School of Economics, St Petersburg);

e-mail: serge.frantsouzoff@yahoo.fr

GUSAROVA, Ekaterina. Kandidat of Historical Studies, Research fellow in the Department of Near and Middle Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; e-mail: ekaterina@mail.ru

IAKIMOVA, Elizaveta. Kandidat of Historical Studies, Research fellow in the Department of Israel Studies, Oriental Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow); e-mail: yaki-elizaveta@yandex.ru

KARPEKIN, Konstantin. Kandidat of Historical Studies, Chief archivist at the State Archive of Vitebsk Region (Vitebsk, Republic of Belarus);

e-mail: karpekin07@mail.ru

KASIANOUSKAJA, Anna. Kandidat of Historical Studies, Assistant professor in the Department of Sociology and Special Sociological Studies, Yanka Kupala State University of Grodno (Republic of Belarus);

e-mail: jemma555@mail.ru

KHAZDAN, Evgenia. Kandidat of History of Arts, ethnomusicologist, independent researcher, member of St. Petersburg Union of Composers;

e-mail: kle-zemer@mail.ru

KORNIYENKO, Yuri. Kandidat of Philological Studies, Professor in the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow); e-mail: umco@bk.ru

KRAPIVIN, Mihail Yurievich. D. Litt., Professor of History, St. Petersburg State University; e-mail: mihaillkrapivin61@yandex.ru

LAVRINOVICH, Dmitry Sergeevich. D. Litt., Professor of History, First vice-rector of Kuleshov State University of Mogilev (Republic of Belarus);

e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

- LAPINA, Irina Alexandrovna. Kandidat of Historical Studies, Assistant professor of History in the Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); e-mail: lapina_ir@inbox.ru
- LEVCHENKO, Valeriy. Kandidat of Historical Studies, Associate professor in the Department of Ukrainian, Historical, Legal and Linguistic Studies, Odessa National Maritime University (Ukraine); e-mail: levchenkolav@yandex.ru; levchenko_lav@ukr.net
- LIZUNOV, Pavel. D. Litt., Professor of History, Lomonosov Institute of Humanities at the Northern (Arctic) Federal University (Severodvinsk); e-mail: pavelvl@mail.ru
- MANOYLENKO, Anna. MA in Social and Economic Education, Head of the archive, Petersburg Institute of Jewish Studies; e-mail: anetkir@rambler.ru
- MANOYLENKO, Yury. Kandidat of Historical Studies, chief specialist, Secretary of the Scientific Council of the Russian State Historical Archive; e-mail: historic2009@mail.ru
- MASYUKOVA, Irina. Kandidat of Historical Studies, Senior researcher in the Department of Israel and Jewish communities, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); e-mail: i-masykova@yandex.ru
- MELESHKINA, Irina. Deputy Director of Science at the Museum of Theatre, Music and Cinema of Ukraine (Kyiv, Ukraine); e-mail: meleshkina@bigmir.net
- MYKHAILIUK, Marina Vladimirovna. Kandidat of Historical Studies; doctoral student at the M. S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archaeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine); m.mykhayluk77@ukr.net
- PEVZNER, Evgenia Georgievna. Specialist degree in History (Petersburg Institute of Jewish Studies), computer operator, ELAR corp. (St. Petersburg); e-mail: pev2003@yandex.ru
- POLONSKAYA, Alina. PhD candidate in the Department of Hasidism, Bar-Ilan University (Jerusalem, Israel); e-mail: polonalina@gmail.com
- PROKOP, Yuliia Vitalievna. Kandidat of Historical Studies; Senior lecturer in the Department of Information Technology, A. Popov National Academy of Telecommunications (Odessa, Ukraine); e-mail: yulia13.prokop@gmail.com
- SAKHAROV, Igor. Kandidat of Geographical Studies, Head of the Genealogical Centre of the National Library of Russia, Member of the ifvgbymjyHeraldic Council for the President of the Russian Federation, President of the Russian Genealogical Society, First Vice President of the International Academy for Genealogy, Merited Cultural Worker of the Russian Federation (St. Petersburg); e-mail: igor_sakharov@mail.ru, sakharov@nlr.ru
- SMIRNOVA, Ekaterina. Kandidat student in the Department of Russian History, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); e-mail: snake1211@mail.ru
- SMIRNOVA, Tamara. D. Litt., Professor of History in the Department of History and Philosophy in the Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation; e-mail: mokva@inbox.ru

SHPAGIN, Sergei. Independent researcher (Rostov-on-Don);
e-mail: s.shpagin@mail.ru

VAKHROMEEVA, Oksana Borisovna. D. Litt. in History, Professor in the
Department of History of the Peoples of the Commonwealth of Independent
States, St. Petersburg State University; e-mail: o.vahromeeva@spbu.ru

VAVRENYUK, Irina. Manager, private unitary enterprise “Invest-Sofir” (Brest,
Republic of Belarus); e-mail: irisha7474@mail.ru

ZLATINA, Maria. Kandidat of Historical Studies, Associate Professor of Russian
History, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg);
e-mail: zlatmari@yandex.ru

Список основных сокращений

АИРО	— Ассоциация исследователей российского общества
АН	— Академия наук
АО	— акционерное общество
АОУ	— Административно-Организационное Управление
АПН	— Академия педагогических наук
АППО	— Отдел агитации, пропаганды и печати
а/с	— антисоветская
АУФСБ	— Архив Управления ФСБ
БВО	— Белорусский военный округ
БГУ, Б.Г.У.	— Белорусский государственный университет
БГПУ	— Белорусский государственный педагогический университет
БДПУ	— Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт (<i>белорус.</i> Белорусский государственный университет)
БелЭН	— Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки
БНР	— Белорусская народная республика
БССР	— Белорусская Социалистическая советская республика (в 1920–1936 гг.), Белорусская Советская социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
БФС	— Беларускі фонд Сораса (<i>белорус.</i> Белорусский фонд Сораса)
ВАК	— Высшая аттестационная комиссия
ВЕК	— Всемирный еврейский конгресс
ВЖК	— Высшие женские (Бестужевские) курсы
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВПО	— Высшее профессиональное образование
врид	— временно исполняющий должность
ВУЗ	— высшее учебное заведение
ВЧК, В.Ч.К.	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАБр	— Государственный архив Брестской области
ГАВт	— Государственный архив Витебской области
ГАНО	— Государственный архив Николаевской области
ГАОО	— Государственный архив Одесской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАХО	— Государственный архив Херсонской области
ГАЯО	— Государственный архив Ярославской области
ГБ	— государственная безопасность

ГИНП	– Государственный институт научной педагогики
ГорОНО	– Городской отдел народного образования
ГОСЕТ	– Государственный еврейский театр
ГПУ	– Главное политическое управление
губЧК	– губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГУГБ	– Главное управление государственной безопасности
ГУС	– Государственный ученый совет
ДВНЗ	– Державний вищий навчальний заклад (<i>укр.</i> Государственное высшее учебное заведение)
ЕГУ	– Европейский гуманитарный университет
е. и. в.	– его императорское величество
ЕКОПО	– Еврейский комитет помощи жертвам войны
ЕС	– Европейский союз
ЕСДРП	– Еврейская социал-демократическая рабочая партия
ИА	– Информационное агентство
ИБВ	– Институт Ближнего Востока
КГБ	– Комитет государственной безопасности
к.-д.	– конституционные демократы
КДП	– Конституционно-демократическая партия
КНУ	– Криворізький національний університет (<i>укр.</i> Криворожский национальный университет)
КП	– Коммунистическая партия
КП(б)	– Коммунистическая партия (большевиков)
КП(б)У	– Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПЗБ	– Коммунистическая партия Западной Белоруссии
КПП	– Криворізький педагогічний інститут (<i>укр.</i> Криворожский педагогический институт)
к.-р.	– контрреволюционный
ЛГПИ	– Ленинградский государственный педагогический институт
ЛКСМУ	– Ленинский коммунистический союз молодежи Украины
ЛО	– Ленинградская область
ЛР	– Латвийская республика
ЛФ	– Личный фонд
МВД	– Министерство внутренних дел
МГБ	– Министерство государственной безопасности
МГИМО	– Московский государственный институт международных отношений
МГУ	– Московский государственный университет

МЕДА	– Московский еврейский драматический ансамбль
МИД	– Министерство иностранных дел
МТМКУ	– Музей театрального, музыкального и киноискусства Украины
МФ	– Министерство финансов
МХАТ	– Московский художественный академический театр
МЧК	– Московская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
НАН	– Национальная академия наук
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
НАТО	– Организация Североатлантического договора, Североатлантический Альянс (от <i>англ.</i> North Atlantic Treaty Organization, NATO)
Н. В.	– Нижне-Волжский
НИАБ	– Национальный исторический архив Беларуси
НИР	– Научно-исследовательская работа
НИУ	– Научно-исследовательский университет
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	– Народный комиссариат государственной безопасности
НКП	– Народный комиссариат просвещения
ОблОНО	– Областной отдел народного образования
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
ОЗЕ	– Общество охранения здоровья еврейского населения
ОКЭИ	– Одесский кредитно-экономический институт
ООН	– Организация Объединенных Наций
ОПЕ	– Общество для распространения просвещения между евреями в России
ОрелГТУ	– Орловский государственный технический университет
ОРЕО	– Общество распространения естественнонаучного образования
ПК	– Персональный компьютер
ПКВГ	– Памятная книжка Витебской губернии
ПМЖ	– постоянное место жительства
ПП	– Полномочное представительство
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСТБИ	– Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
РАН	– Российская академия наук
РБФ ГАЯО	– Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Рыбинске
РВК	– Революционный военный комитет

РГАСПИ	– Российский государственный архив социально политической истории
РГВА	– Российский государственный военный архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет
РЕЭ	– Российская еврейская энциклопедия
РК	– районный комитет
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП	– Российская коммунистическая партия
РКП(б), Р.К.П.(б.)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКУ	– Рейхскомиссариат «Украина»
РОЛМ	– Русское общество любителей мироведения
РОССПЭН	– Российская политическая энциклопедия
РСДРП	– Российская социал-демократическая партия
РСДРП(б)	– Российская социал-демократическая партия (большевиков)
РСФСР	– Российская Социалистическая федеративная советская республика (в 1918–1936 гг.), Российская Советская федеративная социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
РФ	– Российская Федерация
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СГУ	– Саратовский государственный университет
СМ	– Совет Министров
СМИ	– средства массовой информации
СНК	– Совет народных комиссаров
СО	– Секретный отдел
СОВЧК	– Секретный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем
СОО	– Секретно-оперативный отдел
СОУ	– Секретно-оперативное управление
СОЧ	– секретно-оперативная часть
СПД	– Субъект предпринимательской деятельности
СПО	– Секретно-политический отдел
СРСР	– Союз Радянських Соціалістичних Республік (<i>укр.</i> Союз Социалистических советских республик)
ССР	– Социалистическая советская республика (в 1919–1936 гг.), Советская социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
ССРБ	– Советская социалистическая республика Белоруссия

СССР	– Союз Социалистических Советских Республик (в 1922–1936 гг.), Союз Советских Социалистических Республик (в 1936–1991 гг.)
стк	– строка
США	– Соединенные Штаты Америки
ТаНаХ	– Священное Писание (акроним слов: Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки), Ктувим (Писания))
ТКДА, Т.К.Д.А	– Труды Киевской духовной академии
ТРАМ	– Театр рабочей молодежи
УД	– Управление делами
УНПК	– учебно-научно-производственный комплекс
УРСР	– Українська Радянська Соціалістична Республіка (<i>укр.</i> Украинская Советская социалистическая республика)
УССР	– Украинская Социалистическая советская республика (в 1919–1936 гг.), Украинская Советская социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
ФГОУ	– Федеральное государственное образовательное учреждение
ФОН	– Факультет общественных наук
ФСБ	– Федеральная служба безопасности
ФУД	– Фонд уголовных дел
ЦА	– Центральный архив
ЦБЕ	– Центральное бюро еврейских [коммунистических] секций
ЦГАЛИ СПб	– Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК, Ц.К.	– Центральный комитет
ЦНИИ	– Центральный научно-исследовательский институт
ЦХСД	– Центр хранения современной документации
ЧК	– Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ЧУП	– частное унитарное предприятие
ЭЛАР	– Электронный архив
ААН	– Archiwum Aktów Nowych (<i>польск.</i> Архив новых актов)
AD	– Anno Domini (<i>лат.</i> от Рождества Христова)
AJS	– Association for Jewish Studies (<i>англ.</i> Ассоциация иудаики)
ECRI	– European Commission against Racism and Intolerance (<i>англ.</i> Европейская комиссия против расизма и нетерпимости)

Cheka	– см. ЧК
ELAR	– см. ЭЛАР
GB	– см. ГБ
GOSET	– см. ГОСЕТ
GPU	– см. ГПУ
H. E.	– His/Her Excellency (<i>англ.</i> его/ее превосходительство)
Hias	– Hebrew Immigrant Aid Society (<i>англ.</i> Общество помощи еврейским иммигрантам)
IKUF	– см. YKUF
JIAS	– Jewish Immigrant Aid Society (<i>англ.</i> Общество помощи еврейским иммигрантам)
LSD	– Lysergsäurediethylamid (<i>нем.</i> диэтиламид d-лизергиновой кислоты)
OGPU	– см. ОГПУ
OH	– Oraḥ Ḥayyim (<i>ивр.</i> Путь жизни (Пс 16(15):11; Притч 5:6))
OPE	– см. ОПЕ
OR	– Oregon (<i>англ.</i> Орегон)
SOO	– см. СОО
SO	– см. СО
SPO	– см. СПО
USA	– The United States of America (<i>англ.</i> Соединенные Штаты Америки)
USSR	– The Union of Soviet Socialist Republics (<i>англ.</i> Союз Советских Социалистических Республик)
VChK	– см. ВЧК
YAR	– The Yemen Arab Republic (<i>англ.</i> Йеменская Арабская Республика)
YD	– Yoreh De'ah (<i>ивр.</i> Учащий ведению (Ис 28:9))
YKUF	– Yidisher Kultur-Farband (<i>идиш</i> Союз еврейской культуры)

**ЕВРЕИ ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА:
КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ, ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА**
**Материалы международной научной конференции
22 апреля 2018 г.**

Редактор *А. Ю. Бабкина*
Редакторы английского текста *С. Г. Парижский, И. А. Громов*
Верстка *Е. М. Антиповой*

Подписано в печать 31.03.18. Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Печ. л. 19. Тираж 300 экз.